

Annotation

Грегори Магвайр

Ведьма: Жизнь и времена Западной колдуньи из страны Оз

Эта книга посвящается Бетти Левин и всем, кто научил меня, что добро бывает не только желанным, но и страшным.

СЛОВА БЛАГОДАРНОСТИ

Спасибо тем, кто первыми прочел мою книгу: Мозесу Кардоне, Рафику Кешави, Бетти Левин и Уильяму Рейссу. Их замечания мне очень помогли. За все оставшиеся недостатки вините меня.

Спасибо также Джудит Реган, Мэтту Рошкоу, Дейвиду Гроффу и Памеле Годдард за теплые слова в адрес «Ведьмы».

И наконец, спасибо тем, с кем я вот уже пару лет веду разговоры о природе зла. Всех их и не

перечислить, но нельзя не назвать Линду Кавана, Дебби Кирш, Роджера и Марту Мок, Кэти О'Брайен, Морин Векчионе, ребят из Эдгартауна, что в штате Массачусетс, и моего брата Джозефа Магвайра, у которого я позаимствовал кое-какие идеи. Только, пожалуйста, братец, не судись со мной!

Удивительно, как люди хотят, чтобы о них думали хуже, чем они есть на самом деле.

Даниель Дефо. Система магии, или История чернокнижного искусства

В исторических событиях так называемые великие люди суть ярлыки, дающие наименование событию, которые, так же как ярлыки, менее всего имеют связи с самым событием. Каждое действие их, кажущееся им произвольным для самих себя, в историческом смысле непроизвольно, а находится в связи со всем ходом истории и определено предвечно.

Л.Н. Толстой. Война и мир

— Допустим, — сказала Голова... — Но не надейся, что я отправлю тебя в Канзас бескорыстно. Я хочу получить от тебя кое-что взамен. В этой стране ничто никому не достается даром. Так что сперва помоги мне ты, а уж потом я сотворю волшебство и отправлю тебя домой.

— Чем же вам помочь? — спросила Дороти.

— Убей злую Западную Волшебницу, — ответила Голова. — Вот мое условие.

Л.Ф. Баум. Волшебник страны Оз

Пролог

ДОРОГА ИЗ ЖЕЛТОГО КИРПИЧА

Высоко-высоко над страной Оз, будто подхваченная ветром пылинка, парила ведьма. Летние тучки и облака плыли мимо нее. Далеко внизу петляла Дорога из желтого кирпича, обезображенная зимними

бурями и мотыгами вандалов, но неизменно ведущая в Изумрудный город. По дороге шли путники, избегая выбоин, обходя канавы и перепрыгивая через ямки. Они и не подозревали, что ждет впереди, а ведьма не собиралась их просвещать. Точно по перилам соскользнула она на метле с небес, стремительная, как ее верные слуги — летучие обезьяны, и примостилась на верхней ветке ивы, под которой путники устроили привал. Зажав метлу под мышкой, ведьма бесшумно полезла вниз, пока не различила фигуры. Тогда она замерла и стала прислушиваться.

Путников было четверо. Металлический блестящий человек с топором перебирал косматую гриву могучего зверя кошачьей породы — похоже, льва, — а тот ворчал и щерился от боли. Лежавшее рядом чучело развлекалось тем, что сдувало пух с одуванчика. Завеса листвы почти скрывала прислонившуюся к стволу девочку.

— Говорят, она гораздо хуже своей покойной сестры, — жаловался Лев. — Всем ведьмам ведьма. Больная на голову. Психическая. Та еще картина.

— Ее кастрировали в детстве, — рассудительно сказал Железный Дровосек. — Она родилась гермафродитом или даже мальчиком.

— У тебя одно на уме, — проворчал Лев.

— Говорю, что слышал.

— Чего только не услышишь, — отмахнулся Лев. — Мне говорили, что ее бросила мать. Ее обижали в детстве. Она пристрастилась к лекарству от кожной болезни.

— Ей не повезло в любви, как и всем нам, — добавил Дровосек и печально приложил руку к груди.

— Она предпочитает женщин. — Страшила отбросил голый одуванчик и сел.

— Ее отверг женатый мужчина.

— Она и есть женатый мужчина.

От удивления ведьма чуть не свалилась с дерева. Она никогда не боялась сплетен, но что же о ней болтают по стране, если от первых встречных наслушаешься такого?!

— Она деспот. Страшный тиран, — убежденно продолжал Лев.

— Все-то тебе страшно, трусливое создание, — сказал Железный Дровосек и дернул Льва за гриву. — Я слышал, она отстаивает автономию для так называемых мигунов.

— Какой бы она ни была, наверняка оплакивает погибшую сестру, — раздался голос девочки, такой глубокий и искренний, что у ведьмы мурашки побежали по коже.

— Ну-ну, не будем жалеть бедную ведьмочку, — сказал Железный Дровосек, притворно шмыгнув носом. — Без сердца у меня все равно не получится.

— Дороти права, — сказал Страшила. — Колдуньи тоже горюют.

Ведьму страшно разозлили непрошенные соболезнования. Она поползла вокруг ствола, стараясь получше рассмотреть девочку. Ветер набирал силу. Страшила поежился и прижался ко Льву. Лев нежно обнял его в ответ.

— Будет гроза, — заметил Страшила.

Где-то пророкотал гром.

— Ведьма летит, — сказал Железный Дровосек и ткнул пальцем в ребра Льва.

Перепуганный Лев с жалобным воем прыгнул на руки Страшиле, и тот свалился под его весом.

Железный Дровосек рухнул сверху.

— Друзья, не укрыться ли нам от грозы? — спросила Дороти.

Окрепший ветер раздвинул завесу листвы, и ведьма увидела девочку. Она сидела, подобрав под себя ноги и обхватив колени. Это была не хрупкая куколка, а рослая деревенская девчушка в синем платье в белую клетку и переднике. На коленях у нее нервно постукивал черный песик.

— Я понимаю, ты боишься гроз, — сказал Железный Дровосек. — После того, что ты перенесла, это естественно. Успокойся.

Ведьма вцепилась пальцами в кору дерева. Она все еще не могла разглядеть девочкиного лица — только крепкие руки и темные волосы, заплетенные в косички. Кто она: опасный враг или безобидная одуванчиковая пушинка, случайно заброшенная сюда ветром? Казалось, достаточно посмотреть ей в лицо, и все станет ясно.

Но как ни тянулась ведьма, девочка постоянно отворачивалась, опасливо озираясь по сторонам.

— Гроза приближается, — обеспокоенно сказала она. — И быстро. — В ее голосе сквозили плаксивые нотки. — Я эти грозы знаю: как налетят — только держись.

— Здесь мы в безопасности, — напомнил ей Железный Дровосек.

— Ничего подобного! — возразила Дороти. — Дерево — самая высокая точка во всей округе, поэтому если ударит молния, то именно сюда. — Она прижала к себе собачку. — Помните, мы видели хижину? Поедем туда. Пойдем, Страшила, побежали, не то ты первый сгоришь.

Девочка уже была на ногах и трусливо бежала по дороге. Спутники присоединились к ней во все нарастающей панике. Упали первые капли, и тут ведьма увидела — не лицо девочки, нет. Башмачки! Серебряные туфельки сестры переливались всеми цветами радуги даже в сгущающейся грозовой темноте. Сверкали, как желтые бриллианты, как кровавый янтарь, как пламенные звезды.

Если бы она сразу заметила башмачки, то не слушала бы все эти бредни. Но девочка так неудачно сидела. Теперь же ведьма вспомнила про свою нужду. Башмачки! Разве мало она претерпела, разве не заслужила их? Она бы сию же минуту упала камнем с неба и вырвала сокровище у нахалки, если бы только могла.

Если бы могла... Но гроза была для ведьмы страшнее, чем для принесенной ураганом девчонки и для соломенного чучела, которое могло вспыхнуть от молнии. Нельзя, нельзя было бросаться в открытый бой, когда вокруг так ужасно сыро. Ведьма забилась под могучие корни черной ивы, где ни одна капля ее не достанет, и приготовилась пережидать грозу.

Ничего, она еще выберется. Жестокая страна Оз иссушила ее и отшвырнула прочь. Ведьму бросало то туда, то сюда, как семечко, слишком сухое, чтобы прижиться и прорасти. Но проклятие должно лежать на стране, а не на ней. Ведь, несмотря на искаленную жизнь, разве не достались ей невиданные способности?

Не беда, что путники улизнули. Она умеет ждать. Они еще встретятся.

Часть первая

МАНЧУРИЯ

КОЛЫБЕЛЬ ЗЛА

— Думаю, пришел мой срок, — сказала из постели женщина. — Смотри, как меня разнесло.

— Сегодня? — спросил муж. — Как раз в твоём духе: выбрать самое неподходящее время.

Он стоял у открытой двери и всматривался вдаль, поверх озера, полей и зеленых холмов, где едва виднелась деревня Закамышье и тянулся дым от утренних костров.

— Хуже день не придумаешь, — добавил он. — Естественно.

Жена зевнула.

— Можно подумать, я специально выбирала. С природой, милый, не поспоришь. Живот растёт-растёт, а когда расти больше некуда, приходится рожать. Тут уж ничего не поделать. Главное — не мешать.

Она приподнялась на локтях и выглянула из-за круглого живота.

— Такое чувство, будто я заложница в собственном теле. Пленница ребенка.

— Возьми себя в руки. — Муж подошел к постели, чтобы помочь ей подняться... — Считай, что это испытание для твоего духа.

— Взять себя в руки? — повторила жена и рассмеялась. — Да разве ж это я? Так, одна оболочка, вместилище для растущего внутри паразита.

— Подумай обо мне, — попросил муж. Он и впрямь пытался уговорить ее сегодня не рожать.

— Фрекс, — решительно сказала она. — Когда извергается вулкан, ни один священник в мире не заставит его потухнуть.

— Что скажут мои братья?

— О, наверняка что-нибудь вроде: «Брат Фрекспар, как ты позволил своей жене рожать первенца в столь ответственный день? До чего недальновидно с твоей стороны, какая слабость. Нам придется лишиться тебя сана».

Она, конечно, дразнила мужа: снять с него сан было некому. Ближайший епископ находился слишком далеко, чтобы интересоваться здешними делами.

— Но нельзя же так не вовремя!

— Честное слово. Фрекс, ровно половина вины тут твоя. Ты все-таки тоже к этому причастен.

— Можно, конечно, рассуждать и так, хотя я сомневаюсь.

— Сомневаешься?!

Она запрокинула голову и расхохоталась. На шее напрягся мускул, спускавшийся к ямке над грудиной, как ручка серебряного половника. Даже после сна, с огромным животом, женщина была величественно прекрасна. Распущенные волосы походили цветом на мокрую опавшую дубовую листву, играющую на солнце. Муж презирал ее за благородное происхождение, уважал за добровольный отказ от легкой жизни — и вдобавок к этому умудрялся еще и любить.

— Сомневаешься, что ты отец? — вдоволь насмеявшись, сказала она и уперлась рукой в подголовник. Фрекс взял жену за другую руку и помог сесть в постели. — Или что мужчины причастны к рождению детей?

Она поднялась — огромная, словно ходячий остров — и, все еще посмеиваясь, вышла из дома. Одеваясь, муж еще долго слышал ее смех из уборной.

Фрекс расчесал бороду, намазал волосы маслом, зачесал их назад и закрепил заколкой из кости и сыромятной кожи. Его лицо сегодня должно быть открыто, а мимика выразительна и понятна на расстоянии. Он втер в брови немного сажи, провел румянами по щекам, подвел губы. Красивому священнику и доверия больше.

Во дворе, служившем им кухней, Мелена готовила завтрак. Она двигалась вперевалку, но не грузно, как все беременные, а словно гигантский воздушный шар, волочащий по земле веревки. В одной руке она несла сковороду, в другой — пару яиц и пучок лука. Тихо-тихо, чтобы не услышал муж, она мурлыкала песню.

Фрекс тем временем облачился в рясу, застегнул белый воротник, обул сандалии и, достав из-под комода два письма от священника из деревни Суходревье, тут же спрятал их за пояс, подальше от глаз жены. Если Мелена их увидит, еще чего доброго тоже захочет пойти в Закамышье и поглазеть на предстоящее зрелище.

Пока Фрекс пробовал голос к выступлению, Мелена перемешивала яичницу деревянной ложкой. За озером звенели бубенчики коров, но она слышала не их, а что-то другое, внутри себя. Звук без мелодии, точно музыка из сна, которую не вспомнить, кроме как по оставленному приятному впечатлению. Может, это ребенок поет у нее в животе? Видно, будущий музыкант.

Из дома доносились слова Фрекса. Он импровизировал, разогревался перед боем, готовил доводы для спора, в очередной раз убеждал себя в своей правоте.

Как там пела когда-то ей няня?

Утром родился —

Горем умылся;

Днем рожден, значит

Горько поплачет;

Вечером роды —

Горе на годы;

Ночью рождение —

Не исключенье.

Мелена вспоминала теперь песенку с улыбкой, как шутку. Горе — неизбежная составляющая жизни, а мы тем не менее продолжаем рожать детей.

«Дурочка! — в мыслях обругала ее няня. — Разве ты не знаешь, что мы рожаем только в молодости, а когда нахлебаемся бед, наше благоразумное чрево в отвращении засыхает?»

«А как же мужчины? — возразила Мелена. — Они-то не засыхают до самой смерти».

«Ох эти мужчины, — вздохнула няня. — Уж на что мы, женщины, тугодумы, а эти вообще не способны учиться».

— Завтрак готов, — позвала мужа Мелена и выложила яичницу на деревянную тарелку. Ничего, ее сын не будет таким болваном, как остальные. Она научит его, как побороть горе.

— Настали трудные времена для нашего общества, — произнес Фрекс.

Для человека, осуждавшего мирские соблазны, он ел с большой изысканностью. Мелене нравилось смотреть, как ловко управляют с вилкой его пальцы. Она подозревала, что под маской праведного аскетизма скрывалась давняя мечта о роскоши.

— У нас что ни день, то трудные времена, — ответила ему жена, как возразил бы возможный противник. Дурачок, он не слышал сарказма в ее голосе.

— Мы стоим на распутье. Надвигается идолопоклонство. Наши вековые устои в опасности! Истина под сомнением! Добродетель забыта!

Он не столько разговаривал с ней, сколько готовил обличительную речь. Была в его характере какая-то отчаянность, которую он в отличие от многих других мужчин умел оборачивать на благо работе. Опершись о стол, Мелена осторожно села. В голове у нее пел целый бессловесный хор. Неужели так всегда бывает перед родами? Можно, конечно, спросить местных сплетниц-повитух, которые придут сегодня днем и начнут ворчать, глядя на ее раздутый живот, но Мелена боялась показаться смешной. Пусть ей не избавиться от городского произношения, которое соседки считали вычурным, так хоть скроет свое невежество в столь примитивных делах.

Фрекс заметил ее молчание.

— Ты не сердись, что я тебя оставляю?

— Сержусь?

Она удивленно подняла брови, будто даже мысль об этом не могла прийти ей в голову.

— Историю движут ничтожные жизни маленьких людей, а также могучие неведомые силы, — сказал Фрекс. — Нельзя одновременно следить и за тем, и за другим.

— Жизнь нашего сына не обязательно будет ничтожной!

— Не время спорить. Ты что же, хочешь отвлечь меня от священной работы? На Закамышье надвигается страшная угроза. Если я закрою на нее глаза, то никогда себе не прощу.

Он говорил совершенно искренне. Когда-то Мелена влюбилась в Фрекса за его самоотверженную веру. Теперь за нее же она его ненавидела.

— Будут новые угрозы, — сказала она и в последний раз добавила: — Твой первенец родится только однажды и, судя по всему, именно сегодня.

— Будут другие дети, — ответил муж ее же словами. Мелена отвернулась, чтобы он не увидел ярость на ее лице.

Может, и грешно злиться на мужа, но она старалась об этом не думать. Со священником в доме ей и так хватало религии. Она угрюмо молчала. Фрекс ел.

— Это дьявол, — вздохнул он. — Сам дьявол приближается.

— Как ты можешь говорить такое перед рождением нашего сына? — возмутилась Мелена.

— Я про искушение в Закамышье. Неужели не понятно?

— Все равно слова есть слова, и кое-кого поминать опасно. Я не прошу твоего безраздельного внимания, Фрекс, но чуть-чуть поддержки не повредит.

Мелена в сердцах бросила сковороду на скамейку перед домом.

— Взаимно. Думаешь, что мне сегодня предстоит? Как убедить прихожан отвернуться от манящих идолов? Наверняка я проиграю необычному зрелищу. Видишь, тебя сегодня ждет радость материнства, а меня — горечь поражения.

Даже эти слова Фрекс произносил с достоинством: пострадать за святое дело для него было верхом добродетели. Разве может с этим сравниться низкое, шумное и кровавое занятие — деторождение?

Он поднялся уходить. Свежий ветер с озера разгонял тянувшийся к небу дым из печи. «Прямо водоворот», — думала Мелена, глядя, как кругами вьется дым.

— Счастливо оставаться, дорогая, — сказал Фрекс, уже принявший строгий наставнический облик.

— Счастливого пути, — вздохнула Мелена. Где-то глубоко внутри нее брыкнулся ребенок, и скрутило живот. — Я буду думать о тебе, моя надежда и опора. Смотри, чтобы тебя там не убили.

— На все воля божья, — ответил Фрекс.

— И моя тоже, — кощунственно бросила она.

— Свою волю направляй на то, что тебе подвластно, — назидательно изрек муж. Теперь он был священником, а она — грешницей. Не самая приятная роль.

— Прощай, — сказала Мелена и, вместо того чтобы провожать мужа, скрылась в вонючей уборной.

ЧАСЫ ДРАКОНА ВРЕМЕНИ

Фрекс хоть вида и не показывал, но за жену волновался. Он остановился у первой же рыбацкой хижины и переговорил с выглянувшим из двери мужчиной. Не может ли тот попросить кого-нибудь из женщин провести этот день и, если понадобится, ночь у Мелены? Фрекс был бы очень признателен. Рыбак согласился. Священник кивнул с вялой улыбкой на лице. Он знал, что его жену недолюбливают.

По пути вокруг озера в Закамышье Фрекс остановился у поваленного дерева и вытащил из-за пояса спрятанные письма. Их автор, дальний кузен Фрекса, не пожалел времени и ценных чернил, чтобы описать увиденного идола, Часы Дракона времени. Готовясь к праведной схватке, Фрекс перечитывал рассказ о богопротивных часах.

Я пишу второпях, брат Фрекспар, пока свежи воспоминания.

Часы Дракона времени установлены на фургоне и в высоту достигают роста жирафа. По сути, это всего лишь передвижной балаган, с каждой стороны которого есть задернутая занавесом сцена. На плоской крыше фургона лежит механический дракон с зеленой кожей, серебряными когтями и глазами из драгоценных камней. Кожа его покрыта чешуей из уложенных внахлест медных, бронзовых и железных кружков. Под кожей скрывается хитрый механизм, позволяющий дракону крутиться на пьедестале, махать крыльями, которые шумят, как кузнечные меха, и изрыгать огненные шары вонючей серы.

На сценах под драконом, среди декораций, расставлены кукольные фигурки — карикатуры на крестьян и дворян, животных и героев сказок. Даже на святых, брат Фрекспар, на наших унионистских братьев. Какое кощунство! Фигурки движутся на шарнирах, выкатываются из дверей, кланяются, танцуют и всячески паясничают.

Кто придумал Дракона времени, этого лжепророка, посягнувшего на истинную веру? Управляют механизмом гном и горстка женоподобных юнцов. Кому от Дракона польза, кроме этих развратников?

Во втором письме кузен предупреждал, что Часы направляются в Закамышье, и рассказывал об увиденном представлении.

Представление началось струнной музыкой и шумом гремящих костей. Толпа со вздохом изумления подошла ближе. Раздвинулся занавес, и на сцене осветилось окно. В окне виднелась постель, где лежали две фигурки: муж и жена. Муж спал, жена вздыхала над ним. Жестом она показала, какой маленький у него инструмент. Толпа зашлась от смеха. Покривлявшись, жена устроилась в кровати, а когда она захрапела, муж встал и украдкой выскользнул из дома.

Стоило ему выйти, Дракон пришел в движение. Он повернулся на своем постаменте и протянул к толпе лапу, указывая когтем на землекопа Трайна, который всегда был верным, пусть и не очень

внимательным мужем. Потом Дракон поднялся на задние лапы и манящим движением пальцев выделил из толпы вдову Летту и ее незамужнюю дочь с большими, выпирающими зубами. Толпа отхлынула от этих троих, словно от прокаженных.

Дракон улегся и махнул крылом над другой сценой. Зажегся свет, и стало видно, как муж идет в ночи. Появилась кукла взлохмаченной женщины с пунцовыми, как бы от стыда, щеками, которая тащила за собой упирающуюся зубастую дочь. Они поцеловали мужа и стянули с него кожаные штаны. Под ними оказалось целых два достоинства: одно спереди, второе сзади. Вдова усадила дочь на коротенький отросток спереди, а сама предпочла более внушительный орган сзади. Куклы задержались, испуская блаженные стоны. Напрыгавшись, вдова и дочь слезли с развратника, снова поцеловали его и тут же одновременно двинули коленом, каждая со своей стороны. Муж завертелся, хватаясь за пострадавшие органы.

Толпа бесновалась. У настоящего Грайна выступили капли пота размером с виноградину. Летта пыталась смеяться со всеми, а ее дочери и след простыл. Тем же вечером распаленные соседи скрутили Грайна и стянули с него штаны, проверить, действительно ли у него то уродство, которое показал Дракон. Летту сторонились. Ее дочь так и не видели, и мы боимся, как бы не было беды.

Хорошо хоть Грайна не убили. Но кто знает, какой отпечаток наложило происшедшее на наши души. Душа — заложница в теле, и любая мерзость может ее искалечить. Ты согласен со мной?

Иногда Фрексу казалось, что все маломальские волшебники в стране, каждая бродячая колдунья и каждый беззубый кудесник словно по сговору обрушились на прежде заброшенную Вендову пустошь. Он знал своих прихожан: это были трудолюбивые, но простые и бедные люди. Чем дольше тянулась засуха, тем меньше оставалась в них веры в Единого Безымянного Бога. Часы Дракона времени покажутся им не столько чудом механики, сколько волшебством. Чтобы образумить народ, придется взывать к самым глубинам веры. А если они не устоят перед искусом и поддадутся на призывы к насилию — что тогда?

Нет, невозможно. Разве не он их священник? Разве не он лечил им зубы, хоронил детей и благословлял дома? Разве не терпел унижений ради них, не бродил по деревням со спутанной бородой и кружкой для подаяния, оставив несчастную Мелену одну? Скольким он для них жертвовал! Прихожане перед ним в неоплатном долгу.

Расправив плечи и гордо подняв голову, священник зашагал дальше, не обращая внимания на кислый привкус страха во рту. Небо потемнело от песка и пыли, а свистящий по холмам ветер жалобно стонал, будто заранее оплакивал обреченное на провал начинание.

РОЖДЕНИЕ ВЕДЬМЫ

Уже почти стемнело, когда Фрекс, весь в холодном поту, набрался смелости войти в деревушку. Он тут же затопал, замахал кулаками и закричал хриплым голосом:

— Эй, маловерные! К вашим душам взываю! Внемлите гласу разума! Слушайте, пока можете, ибо грядет искуситель испытать вас крепко!

Слова эти, до смешного архаичные, сработали. Вышли угрюмые рыболовы, таща за собой пустые сети, и земледельцы, чьи сухие поля в этом году почти не принесли урожая. Все шли потупившись, виноватые, как сам грех, следуя за Фрексом к перекосившимся ступеням лодочной мастерской. Появления Часов ожидали с минуты на минуту: слухи были заразны, как чума.

— Вы глупы, как младенцы, что тянутся к раскаленным головешкам! Вы словно детеныши дракона, готовые присосаться к огненным сосцам!

Фрекс и сам слышал, что книжные ругательства звучат неубедительно. Он устал и был далеко не в лучшей форме.

— Брат Фрекспар, — обратился к нему деревенский староста Бри. — Остыл бы ты и дал нам спокойно посмотреть, какой облик примет искуситель.

— Слабы вы еще противостоять искусителю! — вскричал священник.

— Разве не ты наставлял нас в делах праведных? — хитро возразил Бри. — Мы ведь никогда не сталкивались с настоящим соблазном. Может... может, мы хотим испытать себя?

Рыбаки засмеялись, видя, как ловко провел Фрекса староста. Священник сверкнул глазами и набрал полную грудь воздуха, но тут послышалось громохание колес по дороге. Все притихли и обернулись. Фрекс потерял своих слушателей, не успев даже толком начать.

Фургон с Часами тянула четверка лошадей, а рядом шли гном и его молодые приспешники. На широкой крыше примостился Дракон — воистину величественный зверь! Он сидел подобравшись, будто и впрямь был живой и готовился вот-вот спрыгнуть. Сам фургон был покрыт позолотой и раскрашен в карнавные цвета. Рыбаки смотрели разинув рты на приближающееся чудо.

Не успел гном объявить о представлении, как Фрекс уже вскочил на ступеньку фургона часть складной сцены.

— Почему, вы думаете, эту штуку зовут Часами? — взревел он. — Я вижу только маленький циферблате нарисованными стрелками. Смотрите сами! Стрелки не движутся, они застыли на без одной минуты двенадцать. А почему? Ведь здесь полно механизмов, это я вам точно говорю. Перед вами вырастут механические поля, взойдет механическая луна, механический вулкан извергнет красное тряпье с зашитыми черными монетами. Так почему же нет настоящих часов? Что скажешь ты, Гвинетта? Или ты, Периппа? Почему нет настоящих часов?

Но ни Гвинетта, ни Периппа не слушали его. Все зачарованно смотрели на фургон.

— А я вам скажу почему! Часы эти показывают не земное время, а духовное. Сколько осталось до осуждения и оправдания. Ибо душа любого из нас находится всего в минуте от Страшного Суда. Да, друзья мои, всего лишь в минуте. Подумайте, если бы вы сейчас умерли, то разве захотели бы навечно гореть в пламени, уготованном идолопоклонникам?

— Что-то шумно у нас сегодня, — отчетливо, под общий смех, проворчал кто-то.

Над Фрексом (он обернулся на звук) открылась дверца, и на сцену, твякая высоким голосом, выскочил кукольный песик, чья черная кудрявая шерстка напоминала прическу Фрекса. Хохот усилился. В сгустившейся темноте священнику плохо было видно, кто именно смеется и кто кричит ему отойти и не

заслонять обзор. Он не собирался уступать, но тут его бесцеремонно спихнули со ступеньки.

Тем временем гном произносил напыщенную приветственную речь.

— Вся наша жизнь — бессмысленная суета. Как черви зарываемся мы в нее, копошимся и уходим в землю после смерти. Почему же не отвлечься от тщеты нашего существования и не прислушаться к гласу пророчества, не посмотреть воочию на чудо? Ведь вся жизнь, сколь бы плачевна и незначительна она ни была, проникнута тайным, глубинным смыслом, который открыт Дракону времени. Он способен видеть прошлое, настоящее и будущее; его знания не ограничены отведенными нам жалкими годами. Смотрите же и слушайте, что он готов поведать!

Заинтригованная толпа подвинулась ближе к Часам. Стало совсем тесно. С неба светила холодная луна, словно глаз злого, мстительного божества.

— Прекратите! Отпустите меня! — вырывался Фрекс. Он и не предполагал, что все выйдет так скверно. Никогда еще прихожане не поднимали на него руки.

Часы тем временем рассказывали о внешне набожном человеке с кудрявой бородой и такими же волнистыми темными волосами, который проповедовал умеренность и щедрость, а сам хранил ларец с золотом и изумрудами в накладной груди у безвольной, изнеженной жены благородных кровей. История кончалась тем, что обманщика проткнули вертелом через неприличное место, зажарили на костре и подали на ужин голодной пастве.

— Клевета! В вас пытаются пробудить самые низменные чувства! — кричал багровый от ярости Фрекс, но теперь, во тьме, кто-то решил заглушить его. Сзади на шею легла чья-то рука. Фрекс дернулся посмотреть, что за наглец позволил себе такую дерзость, но головы нападавших были закрыты капюшонами. От удара коленом в пах Фрекс сложился пополам и упал лицом в грязь. Следующий удар ногой пришелся промеж ягодиц, и священник обгадился. Впрочем, до его позора никому не было дела: толпа хохотала над продолжавшимся представлением. Только какая-то добрая женщина во вдовьем платке (от боли и стыда Фрекс не разобрал, кто именно) помогла ему подняться и вывела его из толпы.

— Спрячу-ка я тебя в погреб, батюшка, а то ведь и до греха недалеко. Неровен час на вилы посадят. Твою-то хижину они наверняка перероют, а ко мне кто заглянуть догадается?

— Мелена, — выдавил он. — Если ее найдут...

— За ней присмотрят, — сказала сердобольная вдова. — С этим-то мы, женщины, справимся.

В хижине священника вовсю шли роды. Мелена поминутно проваливалась в забытие. В глазах у нее то вставали, то расплывались две повитухи: рыбачка и старая бабка. Они поочередно щупали ей лоб, смотрели между ног и жадно поглядывали на те немногие украшения, которые Мелена привезла из отчего дома.

— На-ка, дорогая, иглодольника пожуй, — сказала рыбачка и поднесла ко рту роженицы ложку с зеленой кашицей. — Опомнись не успеешь, как заснешь, расслабишься, и все пройдет само собой. Малыш выскочит, и к утру все закончится. Я-то думала, ты будешь благоухать свежестью и розовой водой, а ты воняешь, как всякая из нас. Давай же, дорогуша, жуй, жуй.

От стука в дверь старуха, которая стояла на коленях перед сундуком и деловито в нем шарила, вздрогнула и виновато отпустила крышку.

— Войдите! — крикнула она, сложив руки, как будто в молитве, и закрыв глаза.

Вошла раскрасневшаяся и запыхавшаяся девица.

— Так и знала, что здесь кто-нибудь будет. Ну как она?

— Еле держится, и ребенок тоже. Еще часик, и он вылезет.

— Меня послали предупредить вас. Мужчины напились и пошли буянить. Наслушались Дракона из волшебных Часов и теперь ищут Фрекса. Дракон приказал его убить. Наверняка сюда заявятся. Надо бы перенести ее в безопасное место, пока есть время. Ее двигать-то можно?

«Нет, — мысленно ответила Мелена. — Меня нельзя двигать. А если крестьяне найдут Фрекса, пусть хорошенько его убьют. За меня. Никогда мне еще не было так больно, до черноты в глазах. Пусть накажут мерзавца за то, что меня оставил». И, улыбнувшись этой мысли, она потеряла сознание.

— А может, бросить ее здесь? — предложила девица. — Дракон приказал и ее убить вместе со змеенышем в чреве. Боюсь, как бы нам не досталось.

— Вот еще! — возмутилась рыбачка. — У нас, между прочим, репутация. Раз уж взялись за эту кисейную барышню, так и доведем дело до конца. Что бы там ни приказывали всякие драконы.

— Марранских кружев никто не хочет? — подала старуха голос из сундука.

— Там в поле телега для сена, — сказала рыбачка пришедшей девушке. — Пойдем, поможешь мне ее прикатить. А ты, бабка, кончай копаться в белье и иди сюда, будешь ей лоб вытирать. Ну, мы потопали.

Немного погодя старуха, рыбачка и их помощница катили телегу по неезженной дороге, через коряги и папоротниковые заросли осеннего леса. Ветер набирал силу и свистел по склонам холмов. Распростертая на одеялах Мелена стонала в забытьи.

Они слышали, как прошла толпа с вилами и факелами, и, замерев и едва дыша, прислушивались к приглушенной ругани, а потом с удвоенной скоростью припустили дальше, пока не вышли на затянутую туманом поляну, где хоронили богоотступников. Сквозь туман виднелись неясные очертания Часов. Оставляя их здесь, гном — далеко, видать, не дурак — рассчитывал, что эта поляна — последнее место на земле, куда пойдут суеверные рыбаки и крестьяне.

— Гном с мальчишками пьют сейчас в таверне, — отдуваясь, сказала девица. — Здесь нам некого бояться.

— А ты, распутница, значит, подглядывала, в окно за мужчинами? — проворчала старуха и раскрыла дверцу на задней стороне фургона. Там был низкий лаз, над которым нависали маятники, а с боков скалились огромные зубастые колеса, грозящие растереть любопытных в фарш.

— Затащим ее сюда, — решила старуха.

К утру набежали тучи, и на небе заплясали скелеты молний. Дождь то переставал, то возобновлялся с такой силой, что казалось, с неба сыплются камни, а не капли воды. В очередное затишье повитухи вылезли из фургона, держа то, ради чего провели здесь ночь. Они прикрыли ребенка от стекавшей с крыши воды.

— Смотрите, радуга, — кивнула старуха. И действительно, бледная разноцветная лента перекинулась через небо.

Женщины обтерли малыша, и — что это, обман зрения? Вроде того, что придает особый оттенок траве и цветам после дождя? Но нет, никакой дождь не в силах так исказить цвет человеческой кожи. Она

была изумрудно-зеленой.

И еще, ребенок не заплакал, не зашелся обиженным криком, только раскрыл рот и молча задышал.

— Ори, чертенок, — шлепнула малыша старуха. — Давай, не отлынивай.

Дитя пропустило ее слова мимо ушей.

— Еще один упрямый мальчишка, — вздохнула рыбачка. — Может, убьем его?

— Какой он тебе мальчишка? — возразила старуха. — Не видишь, девочка.

— Ха, — вмешалась подслеповатая девица. — А это тогда что болтается?

С минуту, несмотря на наготу младенца, они спорили, и только когда ребенка вытерли еще несколько раз, стало ясно, что это действительно девочка. Видимо, в родах к малышке прилип кусочек последа, да так там и остался. Вытертая малышка была правильно сложена: изящная головка, тонкие ручки, круглая попка, длинные пальчики с острыми ноготками...

...И явно зеленая кожа. Несмотря на румяные щечки и животик, желтоватый цвет вокруг глаз и темную полосу пробивающихся волос на голове, общее впечатление было как от овоща с грядки.

— Ну и награда за наши труды, — сказала девица. — Зеленая, как жаба. Что люди скажут? Давайте лучше ее убьем.

— По-моему, она гниет изнутри, — поддержала рыбачка, проверяя, нет ли у малышки хвоста и на месте ли пальцы. — От нее дерьмом воняет.

— Дура ты, — оборвала ее старуха. — Уселась в коровью лепешку, вот и воняет.

— Она больна, поэтому и цвет такой. Давайте утопим ее в канаве. Мамаша ничего не узнает. Когда еще их нежное величество очухаются.

Женщины захихикали. Они качали малышку, передавали ее друг другу, взвешивали на руках. Действительно, убить ребенка в младенчестве было гуманнее всего. Спрашивалось только как.

Тут малышка зевнула, и рыбачка благодушно сунула ей палец в рот пососать. А та раз — и отхватила половину. Хлынула кровь, девочка закашлялась, и палец выпал у нее изо рта. Все вдруг пришло в движение: разъяренная рыбачка рвалась задушить девочку, две остальные повитухи удерживали ее. Откушенный палец выудили из грязи и сунули в карман передника. Вдруг удастся обратно пришить.

— Ишь, письку себе захотела! — закатилась от смеха девица. — Поняла, что у самой-то нет. Берегись, несчастный парень, которому она приглянется, оттяпает она твой пальчик себе на память.

Женщины забрались обратно в фургон и бросили малютку на грудь матери. Об убийстве они уже и не думали, опасаясь, как бы им еще чего-нибудь не откусили.

— Может, титьку отцапает — хоть разбудит нашу спящую красавицу, — усмехнулась старуха. — Ну и ребенок: пьет человеческую кровь прежде материнского молока.

И, оставив Мелене чашку воды, они зашлепали по грязи под сгущающимися тучами разыскивать своих мужей, сыновей и братьев — ругать и бить их, если они живы, или хоронить, если нет. А новорожденная девочка лежала в темноте фургона и смотрела на скалящиеся сверху зубчатые колеса.

БОЛЕЗНЬ И ЛЕКАРСТВА

Шли дни, а Мелена едва могла заставить себя взглянуть на дочку. Она брала ребенка на руки, как положено матери. Ждала, когда в ней пробудятся материнские чувства. Она не плакала, нет, но искала забвения в листьях иглодольника.

Она родила дочку, девочку, напоминала себе Мелена, когда оставалась одна. Несчастный шевелящийся кулек был не мальчиком. Не чем-то бесполом. Это была девочка и к тому же зеленая, словно горка вымытых капустных листьев, оставленных сохнуть на столе.

В панике Мелена написала слезное письмо старой няне, умоляя ее срочно приехать. Фрекс встретил няню на почтовой станции в Сланцовке. По пути она спросила его, что случилось.

— Что случилось? — спросил Фрекс и задумался. Потом понес какую-то околесицу о природе зла, о пустоте, оставленной необъяснимым бездействием Безымянного Бога, в которую хлынула духовная отравка, о воронке и водовороте...

— Я о ребенке спрашиваю, — перебила его няня. — Меня интересует не весь мир, а единственный малыш. Почему Мелена пишет мне, а не матери? Почему ничего не сообщила деду? Он же герцог Тропп, в конце концов! Что она, совсем тут одичала, или дела у вас настолько плохи, что ей и писать стыдно?

— Дела у нас действительно плохи, — мрачно сказал Фрекс. — Ребенок... Я должен сразу вас предупредить, с ним беда.

— Какая? — Няня прижала к себе саквояжик и тревожно всмотрелась мимо красной листвы деревьев в пустынную даль, куда они направлялись.

— Родилась девочка...

— Вот уж беда, — передразнила няня, но Фрекс, как обычно, не уловил сарказма. — Хоть титул сохранится еще на поколение. Руки-ноги на месте?

— Да.

— Ничего лишнего нет?

— Нет.

— Грудь сосет?

— Мы не даем. У ребенка невероятно острые зубы. Настоящая акула.

— Ну, это ничего. Бутылочка, смоченный в молоке платок. Не она первая, не она последняя. Так что же с ней не так?

— Оно неправильного цвета.

— То есть как неправильного?

Фрекс только сокрушенно покачал головой. Няня всегда недолюбливала мужа своей воспитанницы, но при виде искреннего горя она смягчилась.

— Ну же, Фрекс, не убивайся так, расскажи. Мы что-нибудь придумаем. Доверься няне.

— Оно зеленое.

— Она! — не выдержала няня. — Ради бога, перестань говорить «оно».

— При чем тут бог? — захныкал Фрекс. — Не он ее послал. Что же нам теперь делать?

— Тише! — Няня терпеть не могла мужского нытья. — Наверняка все не так плохо. В Мелене течет благородная кровь, она не могла родить уродца. Чем бы там девочка ни болела, я ее вылечу. Уж поверь.

— Я верил в Безымянного Бога, — всхлипнул Фрекс.

— Одно другому не помеха, — фыркнула няня. — И не бойся, я ни слова не скажу родным Мелены. Мигом все исправим, никто и не узнает. Как вы назвали девочку?

— Эльфабой.

— В честь святой Эль-Фаабы с водопада, конечно? — Да.

— Хорошее имя, древнее. Дома-то будете Фабалой звать?

— Дожить еще надо, — угрюмо ответил Фрекс, словно надеясь, что дочка не доживет до того, чтобы ее пришлось как-то звать.

— А интересные здесь места, — попыталась сменить тему няня. — Мы уже по Вендовой пустоши едем?

Фрекс не ответил. Он погрузился в горестные думы и только иногда механически погонял лошадей. Вокруг было грязно, пусто и уныло, и няня начала жалеть, что надела свое лучшее дорожное платье. Завидев хорошо одетую пожилую женщину, грабители чего доброго решат, что у нее есть золото, и будут правы, потому что один чулок няни держала золотая подвязка, давным-давно стянутая из гардероба ее светлости. Вот сраму-то будет, если после стольких лет изящную вещичку найдут на пухлом нянином бедре! К счастью, страхи были безосновательны: до дома священника они добрались без приключений.

— Покажи-ка мне сперва ребенка, — потребовала няня. — Будет проще разговаривать с Меленой, если сразу разобраться, что к чему.

Фрекс провел няню в комнату, где его жена, наевшись листьев иглодольника, спала глубоким сном, а малышка похныкивала из корзины на столе.

Няня подвинула стул и села, чтобы не ушибиться, если от вида ребенка упадет в обморок.

— Опусть, пожалуйста, корзину на пол, Фрекс, а то мне высоко.

Фрекс послушно выполнил просьбу и пошел возвращать лошадей и телегу старосте Бри. Сам староста ездил редко, но охотно одалживал телегу, зарабатывая тем самым авторитет.

Малышка была запелената, а рот завязан косынкой, из-под которой, как шляпка ядовитого гриба, выглядывал нос и блестели глаза. Няня наклонилась над корзинкой, поворачиваясь то так, то эдак и рассматривая лицо малышки то с одной, то с другой стороны, будто стараясь взглядом проникнуть ей в душу. Девочке не могло быть больше пары недель от роду, но она уже пристально следила за няней умными влажными карими глазами. Уголки глаз были красными, исчерченными сетью сосудов, с кровоподтеками, словно от напряжения, с которым девочка вглядывалась в окружающий мир.

И кожа — ода! — зеленая, как тоска. Нестрашная, не уродливая, но какая-то... нечеловеческая.

Няня провела пальцем по щеке малышки. От прикосновения девочка вздрогнула, изогнулась дугой, и пеленки, туго обмотанные вокруг нее, лопнули, точно скорлупа. Няня охнула, но тут же стиснула зубы и

приказала себе пересилить страх. Разорвавшиеся простынки открыли тельце девочки такого же растительного цвета.

«Вы хоть до дочки-то своей дотрагивались, родители?» — пробормотала няня. Она положила руку на испуганно колышущуюся грудь девочки и провела рукой вниз проверить, как там все устроено. Малышка была мокрая и грязная, но в остальном девочка как девочка. Ее кожа была такой же мягкой и бархатистой, как когда-то в детстве у Мелены.

— Ну, страшилище, иди к няне. — Она нагнулась поднять перепачканную девочку, но та задержалась, забрыкалась, забилась головой о камышовое дно корзины. — Даты, я посмотрю, плясала у мамки в животе. Ишь силачка! Под чью только дудку, интересно? Не-е-ет, от меня не убежишь. Иди сюда, чертенок. Няне не важно, какого ты цвета. Она все равно тебя любит.

Про любовь она, конечно,хватила, но в отличие от Фрекса няня верила в благородную ложь.

Она положила маленькую Эльфабу на колени и стала укачивать, петь колыбельную, гладить по животику, пытаясь успокоить. Время от времени няня отворачивалась к окну, борясь с накатывающей тошнотой, а девочка все не утихала.

К вечеру, когда няня принесла поднос с хлебом и чаем, Мелена приподнялась на подушке.

— Я тут похозяйничала немного, — сказала няня. — И подружилась с твоей милой крошкой. Давай, дорогая, просыпайся и поцелуемся.

— Ах, няня, — счастливо улыбнулась Мелена. — Как хорошо, что ты приехала. Уже видела мое чудовище?

— Очаровательная малютка.

— Не обманывай, не надо. Если хочешь помочь, скажи правду.

— Если хочешь моей помощи, говорить правду придется тебе. Можно не сейчас, но мы еще вернемся к этому разговору, и ты мне все расскажешь. Тогда и решим, как быть дальше.

Они пили чай. Эльфаба наконец уснула, и на время казалось, будто они вновь в Кольвенском замке, родовом имении семьи Тропп, где Мелена, пришедшая после прогулки с очередными холеными дворянчиками, расписывала няне их красоту, а та притворялась, что и не заметила...

Зато няня заметила много тревожного в маленькой Эльфабе. Например, когда она освободила малютке рот, та чуть не откусила себе руки. Оказалось, что за тоненькими губками скрывались воистину чудовищные зубы. Девочка успела расцарапать себе плечо до крови и наверняка прогрызла бы дыру в корзине, если бы ее не остановили.

— Может, позвать кузнеца, чтобы вырвал ей зубы? — предложила няня. — К тому времени, как вырастут новые, она уже научится себя вести.

— Да ты с ума сошла! — воскликнула Мелена. — Так вся деревня сразу узнает, что наша дочка зеленого цвета. Нет уж, пока не разберемся с кожей, будем завязывать ей рот.

— И как это вас угораздило родить зеленую дочку? — поинтересовалась вслух няня и поняла, что зря, потому что от этих слов Мелена побледнела, Фрекс покраснел, а малышка перестала дышать и посинела, словно пытаясь угодить взрослым. Пришлось шлепнуть кроху по попе, чтобы она снова задышала.

Няня решила, что говорить с родителями надо по отдельности. Фрекс, оглушенный двойным ударом

— позорным проигрышем Дракону времени и рождением уродливой дочки, — отошел от дел и сидел во дворе, выстругивая из дуба бусины для четок и покрывая их символами безымянное™ Бога. Оставив Эльфабу в доме из глупого опасения, что она услышит и, хуже того, поймет их разговор, няня подсела к унылому папаше и принялась чистить тыкву на ужин.

— У тебя ведь никто в роду не был зеленым, правда? — спросила она как бы невзначай, хорошо понимая, что титулованный дед Мелены и без того выяснял всю подноготную жениха своей внучки, прежде чем дать согласие на брак.

Как же пал духом Фрекс, если даже не обиделся!

— Что вы, я из известного рода. Шесть поколений моих предков по отцовской линии были священнослужителями. Нас так же хорошо знают в духовных кругах, как семью Мелены в светских салонах и при дворе Озмы. Никого зеленого в нашем роду не было. По крайней мере я никогда еще о таком не слышал.

— Ну, не было, так не было, — кивнула няня. — Я на всякий случай спросила. Я и так знаю, что ты святее папы гоблинского.

— Только, — пристыженно продолжал Фрекс, — я все равно боюсь, как бы не по моей вине она такой уродилась. В день родов я забылся и провозгласил, что приближается дьявол. Я имел в виду одного местного идола, но что, если своими словами я нечаянно разбудил какого-нибудь демона?

— Малышка не дьявол! — возмутилась няня.

«Хотя и не ангел», — добавила она про себя.

— С другой стороны, — продолжал Фрекс уже свободнее, — проклятие могла наслать и сама Мелена. Это она превратно истолковала мои слова. Возможно, тем самым открыла в себе лазейку, через которую проник нечистый дух и окрасил кожу ребенка.

— Это в день родов-то? — недоверчиво спросила няня. — Сильный, должно быть, дух. Неужели добродетель твоя столь велика, что против тебя осмеливаются выступить только самые могущественные демоны?

Фрекс пожал плечами. Прежде он, наверное, кивнул бы, не услышав в вопросе сарказма, но теперь, после поражения в Закамышье, его уверенность в себе поколебалась. Он так и не решился произнести вслух то, чего особенно боялся: что уродливая дочь досталась ему в наказание за неспособность уберечь паству от языческой мерзости.

— Хорошо, — рассуждала тем временем практичная няня. — Если на ребенка легло проклятие, то как нам его снять?

— Изгнать нечистого духа? — предположил Фрекс.

— А сил тебе хватит?

— Если получится, значит, хватит, — ответил Фрекс. Теперь, увидев перед собой цель, он заметно оживился. Следующие несколько дней он проведет в посту, молитвах и сборе всего необходимого для священного таинства.

Пока он бродил по лесу, а малютка спала, няня подсела к Мелене на краешек жесткой кровати.

— Фрекс волнуется, не могли ли его слова о пришествии дьявола открыть лазейку, через которую в девочку вселился какой-нибудь бес, — сказала няня как бы между прочим, безуспешно трудясь над кружевами. Рукоделие никогда ей не давалось, но ей нравилось держать в руках Меленин вязальный крючок с рукояткой из слоновой кости. — Я хочу выяснить, не открывала ли ты какой-нибудь другой

лазейки.

Мелена, как обычно, одурманенная листьями иглодольника, недоуменно подняла брови.

— Ты спала с кем-нибудь, кроме Фрекса? — напрямик спросила няня.

— Не сходи с ума! — отмахнулась Мелена.

— Я ведь, милая, тебя знаю. Думаешь, не помню, как мальчишки роем за тобой увивались и как ты по несколько раз на день меняла надушенные сорочки. Аппетиту тебя был что надо, нечего строить из себя скромницу.

— Ах, старые дни! — воскликнула Мелена и зарылась головой в подушку. — Знала бы ты, няня, как противно быть лучше здешних бестолковых крестьянок.

— Ну, с зеленой дочкой ты мигом скатишься до их уровня, — ехидно сказала няня. — Можешь радоваться.

— Нянюшка, голубушка, я люблю Фрекса, но он так часто оставляет меня одну! Иногда кажется, так бы все и отдала, лишь бы мимо прошел какой-нибудь бродячий торговец и предложил мне что-нибудь, кроме своих жестянок. Кто-нибудь, в ком меньше святости и больше воображения.

— Это вопрос на будущее, — перебила ее няня, — а меня интересует недавнее прошлое. После твоей свадьбы.

Мелена молчала, погрузившись в раздумья, и только слегка кивала своим мыслям.

— Первыми, конечно, на ум приходят эльфы...

— Что? — опомнилась Мелена. — Я бы в жизни не легла под эльфа!

— Я бы тоже, но зеленая кожа наводит на определенные размышления. Они здесь вообще водятся?

— Да, где-то на холме есть стайка древесных эльфов, но они еще глупее наших соседей-закамышцев, если такое вообще возможно. Я их и вблизи-то не видела, клянусь. Одна только мысль отвратительна. Они ведь, знаешь, над всем смеются. Упадет, например, кто-нибудь из них с дерева, расшибет голову, как гнилую тыкву, а остальные соберутся вокруг и хихикают. Эльфы! Даже оскорбительно предполагать такое!

— Ничего, привыкай. Не такое еще услышишь, если не выпутаемся из этой передраги.

— Повторяю, ни с какими эльфами я не спала.

— Тогда, может, с кем-нибудь еще? С виду красивым, но несущим в себе какую-то заразу, которая тебе и передалась?

Мелена побледнела. После рождения дочки о своем здоровье она и не думала. Неужели ей тоже что-то угрожает?

— Только честно. Мне нужно знать правду.

— Правду? — оглушенно произнесла Мелена. — Ее я и сама не знаю.

— То есть как?

И Мелена объяснила. Да, их дом стоит особняком; да, со здешними крестьянами, рыбаками и прочей деревенщиной она обменивалась не более чем сдержанными приветствиями, но пока дождешься проповедника-мужа, соскучишься так, что кидаешься на первого встречного, лишь бы зашел, поговорил...

— И все? — недоверчиво спросила няня.

В те тяжелые дни, продолжала бормотать Мелена, она пристрастилась к листьям иглодольника. Когда

к закату солнца (или приходу мужа) она просыпалась, то мало что помнила.

— Это что же получается? — Няня была возмущена. — Согрешила с кем-то, а теперь и не помнишь?

— Я не знаю, — простонала Мелена. — Сама бы я не стала, если была, конечно, в трезвом уме. Но помню, один бродячий торговец угостил меня каким-то крепким снадобьем из зеленого пузырька. Я тогда видела странные сны, будто из Иного мира: про города из дыма и стекла. Там были такие цвета и звуки... Я хотела запомнить...

— А пока ты спала, тебя преспокойно могли изнасиловать эльфы. Вот обрадуется твой дед, когда узнает, как Фрекс заботился!

— Перестань!

— Нет, ну я не знаю, что с вами делать! — Няня потеряла терпение. — Кругом сплошная безответственность. Если ты даже не помнишь, нарушала супружескую клятву или нет, нечего строить из себя святошу.

— Ребенка всегда можно утопить и начать снова...

— Ага, попробуй, — проворчала няня. — Такую ни одно озеро не примет.

Позже няня перебирала скромную домашнюю аптечку из высушенных трав, корешков, листьев и настоек, не особо надеясь найти отбеливатель для девочкиной кожи. В дальнем углу аптечки она увидела тот самый зеленый пузырек, о котором говорила Мелена. Своими подслеповатыми глазами няня разобрала в тусклом свете надпись на этикетке: «Волшебный эликсир».

Несмотря на прирожденный дар к врачеванию, няня так и не придумала снадобья, которое очистило бы кожу маленькой Эльфабы. Не помогало и купание в коровьем молоке, а в тазик с озерной водой девочка опускать себя не давала: упиралась и царапалась, как кошка. Няня продолжала мыть ее в молоке, которое, если недостаточно тщательно вытереть, оставляло после себя отвратительный запах. Фрекс провел обряд изгнания бесов, который включал в себя много свеч и молитв. Няня наблюдала с безопасного расстояния. Священник сверкал глазами и от натуги обильно потел, несмотря на холодное утро. Запеленатая малышка преспокойно спала. Ничего не менялось. Наконец измученный Фрекс рухнул на молитвенный коврик и прижал к себе зеленую дочь, будто смирившись с посланным ему наказанием. Мелена помрачнела. Неиспробованным оставалось только одно средство, и накануне отъезда няня набралась смелости заговорить об этом.

— Народные средства не помогли, — начала она. — Духовное вмешательство тоже. Не настало ли время подумать о колдовстве? Нет ли здесь волшебника, способного избавить девочку от зеленой напасти?

Не успела старушка опомниться, как Фрекс бросился на нее с кулаками. От неожиданности няня упала со стула, и Мелена засуетилась вокруг с причитаниями.

— Как вы смеете? — кричал Фрекс. — В моем доме! Мало мне зеленой дочки! Колдовство — это вероотступничество! Страшный грех, если не откровенное шарлатанство! Договор с дьяволом!

— У, раскричался, — защищалась няня. — Святая простота, да разве ты не знаешь, что клин клином вышибают?

— Няня, перестань! — взвизгнула Мелена.

— Надо же, поднять руку на немощную старуху, — обиженно ворчала няня, поднимаясь. — Которая только хотела помочь.

Следующим утром няня собрала дорожную сумку. Больше ей здесь делать нечего, и даже ради

Мелены она не собиралась проводить остаток дней с религиозным фанатиком и больным ребенком. Опасность для девочки миновала; теперь родители вряд ли ее убьют. Фрекс отвез няню на постоянный двор в Сланцовке, откуда ее заберет почтовый экипаж. Она все так же, боясь разбойников, опасливо прижимала сумку к своей обширной груди. В сумке лежала золотая подвязка (на худой конец, всегда можно сказать, что подвязку подсунули без ее ведома, а то поди объясняй, как подвязка очутилась у нее на ноге), а также пополнение: полюбившийся няне вязальный крючок с красивой ручкой, три молитвенные бусины Фрекса с изящно вырезанными узорами и зеленый пузырек с «Волшебным эликсиром», оставленный проезжим торговцем страстными снами.

О малышке она не знала, что и думать. Была ли Эльфаба порождением дьявола или полуэльфом? Досталась ли она в наказание за бессилие отца или за распущенность матери? Или просто уродилась больной, как дурное яблоко или теленок с пятью ногами? Няня понимала, что слишком мало знает, чтобы разрешить эту загадку. Ее мир был непредсказуем и туманен, управляем богами, демонами и колдовством. От нее, правда, не ускользнуло, что оба родителя до самого последнего не сомневались в рождении сына. Сам Фрекс был седьмым сыном седьмого сына и, кроме того, священником в седьмом поколении. Любой ребенок крепко бы подумал, прежде чем вмешиваться в такую математику.

Возможно, размышляла няня, маленькая Эльфаба сама выбрала себе пол и цвет кожи — и к черту родителей.

СТЕКЛОДУВ ИЗ КВАДЛИНИИ

Прошел год, наступила дождливая весна и ненадолго прогнала засуху. Свежей зеленой водой хлынула она на Вендову пустошь: пенилась у заборов, бурлила вдоль дорог, капала с крыш гирляндами вьюнов и плюща. Мелена ходила по двору легко одетой, подставляла бледную кожу солнечным лучам и впитывала в себя тепло, которого ей так не хватало зимой. Пристегнутая к стулу полугодовалая Эльфаба стучала ложкой по карасику на тарелке.

— Да ешь же ты, господи, не дави несчастную рыбу, — вздохнула Мелена.

С тех пор как малышке освободили рот, мать и дочь стали уделять друг другу больше внимания. К своему удивлению, Мелена стала замечать, что Эльфаба тоже бывает очаровательной, совсем как обычные дети.

Оставив богатое родовое имение, Мелена теперь каждый день видела одно и то же: гладь Бедового озера, по ту сторону которого темнели домики Закамышья, а дальше лежали сонные холмы. Мир ее сморщился до жалкой лачуги и воды. Она сходила с ума от скуки. Казалось, если бы поблизости появились даже дурашливые эльфы, Мелена стремглав побежала бы к ним ради разговора, компании, секса.

— Твой отец эгоист, — говорила она маленькой Эльфабе. — Шляется невесть где всю зиму, а мне оставил тебя за компанию. Ешь рыбу, слышишь? Скинешь со стола — больше не получишь.

Эльфаба подцепила ложкой карасика и сбросила его на землю.

— К тому же лицемер, — продолжала Мелена. — Он был слишком хорош в постели для священника, вот тогда-то я его и раскусила. Святые люди должны быть выше плотских страстей, а он очень уж любил наши ночные развлечения. Давно это было... Только ты не говори, что мы его вычислили, а то он очень расстроится. Мы ведь не хотим огорчать папу, правда?

И Мелена зашлась в истерическом смехе.

Эльфаба серьезно посмотрела на мать, затем показала на рыбу.

— Завтрак, — подтвердила Мелена. — Завтрак на земле. Завтрак для жуков. — Она опустила пониже воротник своего летнего платья и оголила розовые плечи. — Что, если мы прогуляемся к озеру? Может, ты там утонешь?

Но Эльфаба никогда не утонет, потому что ни за что и близко не подойдет к озеру.

— Сядем на лодку и перевернемся! — взвизгнула Мелена.

Девочка по-птичьи наклонила голову, будто выискивая скрытый смысл в пьяных словах матери.

Солнце вышло из-за облака. Эльфаба нахмурилась. Мелена еще ниже опустила платье, и ее упругая грудь выскользнула из-под грязного воротника.

«До чего я дожила! — горько думала Мелена. — Показываю грудь дочке, которую и кормить-то этой грудью не могу из страха, как бы не откусила. И это я, цветок Нестовой пустоши; я, некогда первая красавица в округе. А теперь мне и поговорить не с кем, только с собственной вредной-дочкой. И то сказать дочка. Не дочка, а какое-то насекомое! Эти ее тощие ноги, ломаные брови, длинные паучьи пальцы... Она познает мир, ломает и грызет все, что ни попадется под руку, как и любой малыш, но как-то безрадостно. Будто у нее тайное задание: вкусить и испробовать все горести жизни. Коих в Закамышье предостаточно. Господи, откуда она такая страшная?

— Или сходим в лес, соберем ягоды, — предложила Мелена, стыдясь своих мыслей. — А потом испечем ягодный пирог. Как тебе?

Эльфаба еще не начала разговаривать, но в ответ на вопрос матери кивнула и заерзала, пытаясь слезть со стула. Мелена начала было играть с ней в ладушки, но малышка не обращала на забаву никакого внимания. Она кряхтела, показывала на землю и сучила длинными тонкими ножками, выражая свою готовность идти в лес. Потом вдруг указала на калитку.

Там, опираясь о столбик, застенчиво стоял исхудалый мужчина с опаленной солнцем кожей цвета розы в сумерках. За плечами у него висела пара кожаных мешков, в руке он держал посох. Его мужественное лицо с впалыми щеками было удивительно красиво. Мелена вскрикнула от неожиданности, но, совладав с собой, заговорила грудным мелодичным голосом. Давно она не разговаривала ни с кем, кроме упрямого ребенка.

— Господи, как вы нас напугали! — воскликнула она. — Хотите есть?

Она растеряла свои светские манеры. Гостей, например, не встречают с голой грудью. Но Мелена не спешила запахиваться.

— Прошу извинить чужеземец у ворот, прекрасная госпожа, — сказал мужчина на ломаном языке.

— Конечно, извиняю, — нетерпеливо ответила Мелена. — Входите же, не стесняйтесь, дайте на вас посмотреть.

Эльфаба так мало видела чужих людей в своей жизни, что спряталась за ложку и украдкой

поглядывала одним глазом.

Незнакомец приблизился, покачиваясь от усталости. У него были широкие ладони и ступни, узкая талия и плечи, крепкая шея — как будто его вытачивали на станке, да не доточили по концам. Руки, снимавшие мешки с плеч, действовали словно зверьки, живущие своей особой жизнью.

— Чужеземец не знает, где он. Две ночи идти по холмам. Искать таверну в Суходрежье. Отдохнуть.

— Вы заблудились и совсем не туда вышли. — Мелена решила не обращать внимания на странный говор незнакомца. — Но не беда. Давайте я вас накормлю, а вы мне расскажете свою историю.

Мужчина снял шляпу, и слипшиеся пряди темно-рыжих волос рассыпались по его шее. Он скинул рубашку и пошел умываться, а Мелена отметила про себя, как приятно снова увидеть стройного, мускулистого мужчину. Ее-то благоверный за последние полтора года изрядно растолстел.

Чужеземца звали Черепашье Сердце. Он был стеклодувом из деревеньки Оввельс, в далекой и малоизвестной стране Квадлинии. Интересно, у всех ее жителей такая восхитительно смуглая кожа?

Мелена нехотя спрятала грудь под платье. Эльфаба пискнула, просясь на землю, и квадлин запросто, по-свойски отстегнул ее от стула и подбросил вверх, потом еще. Малышка взвизгнула от удивления и удовольствия. Пользуясь тем, что гость отвлекся на ребенка, Мелена подобрала с земли несъеденную рыбешку, ополоснула ее и кинула на тарелку вместе с яйцами и вареными корешками. Лишь бы только Эльфаба внезапно не научилась говорить и не опозорила ее перед гостем. С девчонки станется.

Впрочем, Эльфаба была слишком очарована гостем, чтобы жаловаться. Она не захныкала, даже когда Черепашье Сердце сел за стол и начал есть, а заползла между его стройными гладкими ногами (он снял сапоги) и с довольным видом что-то замурлыкала. Мелена поймала себя на том, что ревнует гостя к полуторагодовой девочке. Она бы и сама не отказалась пристроиться у него между ног.

— Я никогда еще не видела квадлинов, — слишком оживленно и громко сказала Мелена. Долгие месяцы одиночества давали о себе знать. — В моей семье их в дом не приглашали. Не знаю даже, были ли они где-нибудь поблизости. Нам рассказывали только, что квадлины — страшные хитрецы и постоянно врут.

— Зачем же спрашивать квадлина, если он всегда врет? — улыбнулся Черепашье Сердце.

От его улыбки Мелена растаяла, как масло на поджаренном хлебе.

— Я поверю всему, что вы скажете.

Он поведал ей про жизнь в Оввельсе: про гниющие в болотах дома, про селян, питающихся мхами и улитками, про общины и поклонение умершим предкам.

— То есть вы полагаете, что умершие остаются с вами? — полюбопытствовала Мелена. — Не считите за бестактность, но я, сама того не желая, с недавних пор стала интересоваться вопросами веры.

— А госпожа верит, что ее предки рядом?

Мелена едва поняла вопрос, так зачарована была его ясными глазами и словом «госпожа» в свой адрес. Она даже расправила плечи.

— Мои ближайшие предки так далеко, что дальше некуда, — сказала она. — Они еще живы, мои родители, но у меня не осталось с ними ничего общего. Для меня они все равно что умерли.

— Когда умрут, они смогут часто приходить к госпоже.

— Еще чего! Кыш! — рассмеялась Мелена. — Чтобы ко мне являлись призраки? Вот уж действительно будет худший из двух миров. Если, конечно, он есть, Иной мир.

— Он есть, — сказал Черепашье Сердце с такой убежденностью, что у Мелены мороз прошел по коже. Она подняла Эльфабу из-под стола и прижала к себе. Девочка не сопротивлялась, но и не припадала к матери в ответ, просто обмякла от новизны прикосновений.

— Вы прорицатель? — спросила Мелена.

— Черепашье Сердце — стеклодув, — просто ответил квадлин.

Мелена вспомнила о своих снах, порожденных опьяняющим зельем, — снах столь ярких и необычных, что сама она никогда их не выдумала бы.

— Замужем за священником, а сама не знаю, верю ли я в Иной мир, — пробормотала она и спохватилась. Она не хотела упоминать о своем замужестве, хотя дочь все равно ее выдавала.

Но Черепашье Сердце не стал развивать эту тему. Он отодвинул тарелку (на которой так и остался лежать нетронутый карасик) и достал из своих заплечных сумок плавильный горшок, выдувальную трубку и мешочки с песком, поташом, известью и другими порошками.

— Разрешите Черепашье Сердце отблагодарит госпожу за ее доброту.

Мелена кивнула. Он развел огонь, разложил инструменты, смешал порошки, прочистил трубку специально сложенной тряпкой. Эльфаба притихла; на ее остроносом личике отразилось любопытство.

Мелена никогда не видела, как выдувают стекло, прессуют бумагу, ткut полотно, пилят деревья — да много чего. Действия чужестранца казались ей такими же волшебными, какими виделись простому люду Часы Дракона времени, сломившие ее мужа.

Со странным гудящим звуком Черепашье Сердце выдул из трубки горячий зеленоватый пузырь. Тот грозно шипел и дымился, но мастер знал, что с ним делать, — он был повелителем стекла. Эльфаба зачарованно потянулась к прозрачному пузырю; Мелена едва успела удержать дочку. За какой-то миг дрожащий кусочек раскаленного воздуха приобрел форму, затвердел и начал остывать. Получился слегка неправильный круг, будто вытянутое блюдо. Все время, пока стеклодув работал, Мелена думала о своей жизни, тоже превратившейся из пламенного шара в пустую скорлупу, хрупкую, как это стекло. Прежде чем ее захлестнула жалость к себе, Черепашье Сердце взял ее за руку и приблизил к стеклянному кругу.

— Госпожа говорит свои предки, — сказал он.

Но Мелену не интересовали скучные мертвецы из Иного мира, тем более теперь, когда ее руки лежали в огромных ладонях Черепашьего Сердца. Она сдерживала дыхание, старалась не пахнуть на него вином. Сколько чашек она выпила за завтраком — одну или все-таки две? Казалось, еще чуть-чуть — и она упадет в обморок.

— Смотрите стеклянный круг, — учил Мелену мастер, однако она видела только его шею и малиново-медовый подбородок.

Тогда Черепашье Сердце сам заглянул вкруг. Эльфаба встала рядом, оперлась ладошкой о его колено и тоже стала смотреть.

— Муж близко, — то ли утвердительно, то ли вопросительно сказал квадлин. — Муж едет на осел и везет к вам старая женщина. Вы ждать родственников?

— Мы ждать няню, — ответила Мелена, подстраиваясь под ломаную речь красивого стеклодува. Вы и правда видеть все это в стекле?

Он кивнул. Кивнула и Эльфаба — но чему?

— Сколько у нас времени до его приезда?

— До вечера.

Они не перемолвились больше ни словом до самого заката. Подбросили в огонь дров, пристегнули девочку к стулу и подвесили перед ней, как игрушку, остывающий круг. Эльфаба смотрела на него словно зачарованная и настолько увлеклась, что даже не грызла пальцы. Дверь в дом оставили открытой, чтобы время от времени проверять, как там малышка, которая в этот яркий солнечный день все равно не различила бы, что там делают взрослые в темной комнате. Впрочем, она и не пыталась. Черепашье Сердце был бесподобен. Мелена сплелась с ним воедино, прижалась к нему губами, грела его, любила. Он заполнил ее одиночество.

Вечером, умытые и одетые, они сидели на кухонном дворике рядом с котелками, где готовился ужин. Вдали послышался ослиный рев. Мелена покраснела. Черепашье Сердце как ни в чем не бывало занимался своей трубкой. Эльфаба повернулась на звук. Ее губки, всегда темные по сравнению с яблочного цвета кожей, плотно сжались. Словно в раздумье, девочка пожевала нижнюю губу, но не прикусила — она уже научилась не кусать себя, — потом положила руку на стеклянный круг, поблескивающий в лучах заката. Ловя слабеющий солнечный свет и голубизну темнеющего неба, он казался волшебным зеркалом, внутри которого колыхнется холодная серебристая вода.

МИР ВИДИМЫЙ И НЕВИДИМЫЙ

Всю дорогу из Сланцовки няня жаловалась на здоровье. И поясницу-то у нее стреляет, и почки колют, и зубы шатаются, и ноги гудят, и зад болит. «А язык не чешется?» — все хотел спросить Фрекс, но сдерживался, и старушка продолжала болтать.

Мелена приветствовала мужа с напускной скромностью.

— Здравствуй, моя надежда и опора, — промурлыкала она. После суровой зимы она похудела, лицо заострилось, но не утратило картинной красоты. Фрекс привык, что жена набрасывается на него с поцелуями, и подивился ее сдержанности... пока не различил в сумерках гостя. Когда знакомство состоялось, няня и Мелена принялись накрывать на стол, а Фрекс подсыпал овса усталой кляче и сел на скамейку рядом с дочерью.

Эльфаба внимательно следила за отцом. Он достал из дорожной сумки выструганную для нее игрушку: воробья с острым клювом и поднятыми крыльями.

— Смотри, Фабала, — прошептал он. Мелена терпеть не могла этого имени, поэтому-то Фрекс им и пользовался: оно по-особому связывало отца с дочкой. — Смотри, кто прилетел к тебе в гости. Маленькая кленовая птичка.

Девочка взяла у него игрушку и сунула в рот. Затаив дыхание Фрекс ждал знакомого хруста, но малышка не стала грызть птицу. Она пососала ее голову, вытащила изо рта и снова посмотрела.

Обслюнявленная голова блестела жизнью.

— Нравится? — довольно спросил Фрекс.

Эльфаба кивнула и стала щупать крылья. Пока вниманием дочери завладела игрушка, священник посадил ее на колени, прижался к девочке бородатым подбородком и вдохнул ее запах — мыла, костра и жареной рыбы. Добрый, нормальный, здоровый аромат. Фрекс закрыл глаза. Как хорошо снова быть дома! Эту зиму он провел в заброшенной пастушьей хижине с наветренной стороны Трифоновой Головы в посту и молитвах, все глубже погружаясь в себя и все больше расширяя сознание. А что еще оставалось делать? Прежние прихожане его презирали. Они связали клеветническую притчу Дракона времени о лживом священнике с рождением уродливого ребенка, сделали собственные выводы и перестали ходить на проповеди. Поэтому отшельничество, пусть даже непостоянное, казалось одновременно и наказанием, и подготовкой к чему-то новому — но к чему?

Он понимал, что Мелена иначе представляла себе грядущую жизнь, когда выходила замуж. С его происхождением Фрекс вот-вот должен был стать настоятелем, а потом, глядишь, и епископом. Он рисовал для Мелены красочные картины светлого будущего: как она, светская дама, сидит во главе праздничного стола, устраивает балы и чаепития. А вместо этого, думал Фрекс, наблюдая в отсветах костра, как жена крошит вялую морковку в сковороду с рыбой, вместо этого она чахнет здесь, спутница его трудной жизни на темном берегу холодного озера. У него даже создалось впечатление, что Мелена не слишком расстраивалась, когда он уходил. Ведь потом радость от возвращения мужа хоть как-то скрашивала ее существование.

Задумавшись, Фрекс случайно пощекотал Эльфабу бородой. Она вздрогнула и отломила воробью крылья. Бросила сломанную игрушку, прыгнула с отцовских колен и, размахивая руками, побежала к полюбившемуся стеклянному кругу.

— Осторожно, разобьешь! — вскрикнул Фрекс.

— Ей не смочь его разбить. — Их гость, квадлин, только что умылся у колодца и подошел к столу.

— Она только что игрушку сломала. — Фрекс указал на искалеченного воробья.

— Девочка радуется полувещам, — задумчиво сказал квадлин. — Она лучше играет сломанные игрушки.

Фрекс не очень понял, но на всякий случай кивнул. Он помнил, как отвыкаешь разговаривать после месяцев одиночества. Посыльный мальчишка, который взобрался на Трифонову Голову передать, что приехала няня, принял грязного, заросшего священника за кровожадного дикаря. Фрекс попытался процитировать несколько строк из «Озиады», чтобы доказать свою вменяемость, но дальше первой строчки: «Земля лугов бескрайних, зеленая земля» — он так и не вспомнил.

— Почему вы так уверены, что Эльфаба не разобьет стекло?

— Потому что я сделал его не для того, чтобы разбить, — веско ответил Черепашье Сердце и простодушно улыбнулся.

В подтверждение этих слов девочка обошла подвешенный круг, любуясь отблесками света на его неровной поверхности.

— Куда держите путь? — спросил квадлина Фрекс.

— Откуда вы? — одновременно с ним спросил Черепашье Сердце.

— Из Манчурии, — охотно ответил священник.

— Я думал, манчики ниже ростом.

— Крестьяне и рыбаки — да. Но в любом знатном роде найдутся высокорослые предки. А вы? Из Квадлинии?

— Да, — сказал гость. Вымытые волосы окружали его голову рыжеватым нимбом. Фрекс был доволен великодушием жены: предложила гостю помыться. Да не просто гостю — квадлину! Выходцу из самого презренного народа. Невозможно пасть ниже квадлинов, оставаясь при этом человеком.

— Я потом понимать, Оввелъс маленький мир, — продолжал Черепашье Сердце. — Пока не уйти, я не знать холмы один выше другой и широкий-широкий простор вокруг. Я всматриваться в размытую даль до боль в глазах — и не видеть конца. Прошу, расскажите о вас.

Фрекс подобрал прутик и нарисовал на земле овал, похожий на лежащее яйцо.

— Вот чему меня учили. Этот круг представляет собой всю землю Оз. Если разделить его крест-накрест, — он так и сделал, — то получатся четыре части. Вверху, на севере, лежит Желтая страна, Гилликин. Говорят, там полным-полно городов, университетов, театров — в общем, культурной жизни. И промышленности. На востоке, — Фрекс передвинул прутик, — расположена Голубая страна, или Манчурия, в ней мы сейчас и находимся. Хлебная земля, закрома страны Оз, за исключением горного юга, Вендовой пустоши, вот тут. Здесь, на самом юге, — Фрекс начал чертить волнистые линии, — находится ваша, Розовая страна. Квадлиния. Не знаю, почему ее называли таким красивым именем. Насколько я слышал, это гиблое место, бесплодное, болотное, полное гнуса и зловонных миазмов. — Черепашье Сердце удивленно поднял брови, но промолчал. — И наконец, на западе лежит Фиолетовая страна, Винкус. О ней мне известно только то, что она засушливая и малонаселенная.

— А вокруг? — спросил Черепашье Сердце.

— С севера и запада — песчаные пустыни, с юга и востока — каменистые. Говорят, что все они непроходимы, а пески губительны, только, по-моему, это обычная пропаганда, чтобы к нам, в плодородный край, не совались чужаки из Эва и Квокса. В провинции Маррании, вот здесь, на границе Манчурии и Гилликина, есть изумрудные прииски и известные Марранские каналы. Я так понимаю, Манчурия спорите Гилликином за Марранию, только не знаю, кто из них прав.

— А здесь? — Квадлин провел руками над рисунком, как будто спрашивал про самый воздух над страной Оз. — Здесь что?

— Обитель Безымянного Бога? — предположил Фрекс. — Иной мир? Вы унионист?

— Черепашье Сердце — стеклодув.

— Я имел в виду вашу веру.

— Черепашье Сердце не знает, как это назвать, — потупился чужестранец.

— Насчет квадлинов не скажу, — сказал Фрекс, присматриваясь к потенциальному ученику, — аманчики и гилликинцы в основном унионисты — с тех пор, как языческий культ Лурлины сошел на нет. Вот уже несколько веков люди воздвигают унионистские храмы по всей стране Оз. Неужели у вас их нет?

— Черепашье Сердце не знает, что такое храм.

— А теперь, — презрительно фыркнул Фрекс, — унионисты подались обратно в язычество, а некоторые опустились даже до тиктакианства, поклонения всяким железкам, которое и религией-то не назовешь. Для сегодняшних невежд все кругом чудеса. Древние унионистские монахи и монахини понимали наше место в мире, поклонялись единому источнику жизни, столь высокому и чистому, что ему даже имени нельзя было подобрать, — а теперь мы ползаем на карачках перед первым встречным колдуном. Гедонисты, анархисты, солипсисты — столько всяких развелось! Свобода личности,

удовольствие, наслаждение. Ха! Можно подумать, в колдовстве есть что-то духовное. Фокусы, трюки, липовые амулеты, оптический обман. Шарлатаны, чернокнижники, знахари и прочие выскочки торгуют вонючими зельями, лепечут древние басни, показывают дешевые фокусы. Тошнит меня от этого!

— Хотите, Черепашье Сердце принесет вам воды и поможет лечь? — спрашивал взволнованный квадлин, положив мягкие, как телячья кожа, пальцы священнику на плечо.

Фрекс опомнился, вздрогнул, осознал, что давно уже перешел на крик. Мелена с няней притихли и испуганно смотрели на него. На сковородке шкворчала рыба.

— Ерунда, я здоров, это просто так говорится, — отмахнулся он, но в душе был тронут заботой чужестранца. — Давайте ужинать.

Они расселись. Эльфаба не притронулась к еде, только выковыряла у рыбы глаза и попыталась приклеить их бескрылому воробышку. Няня по привычке жаловалась на холодный ветер с озера, на радикулит и желудок. Ее пучило. Фрекс как можно незаметнее отодвинулся от старушки подальше и оказался рядом с Черепашьим Сердцем.

— Так вам все понятно, — спросил он, кивая на рисунок. Квадлин вынул рыбы кости изо рта.

— Где место Изумрудного города?

— Прямо посередине.

— И в нем сидит Озма?

— Да, Озма, владычица земли Оз, как о ней говорят. Хотя истинным владыкой, истинным повелителем наших сердец, может быть только Безымянный Бог.

— Как может править тот, у кого нет имени?.. — начал было Черепашье Сердце, но Мелена его оборвала.

— Никаких богословских споров за ужином, — мелодично напомнила она. — Так у нас повелось с первого дня свадьбы, а мы чтим традиции.

— К тому же я последовательница Лурлины, — сказала няня и состроила мину в сторону Фрекса. — Ты слышал о ней, чужеземец?

Черепашье Сердце покачал головой.

— Запрет на богословские споры уж тем более распространяется на языческий вздор, — запротестовал Фрекс, но няня, будучи гостьей и притворившись тугой на ухо, упрямо продолжала:

— Лурлиной зовут королеву фей. Проносась над песчаными пустынями, она заметила зеленую цветущую землю Оз. Оставив здесь наместницей свою дочь Озму, Лурлина пообещала вернуться в час тяжелейшей нужды.

— Ха! — не выдержал Фрекс.

— Вот тебе и «ха», — оскорбилась няня. — Я имею такое же право на свои взгляды, как и ты, Фрекспар Благочестивый. И в отличие от тебя в беду за них не попадаю.

— Няня, успокойся, — попыталась остановить ее Мелена, втайне предвкушая ссору.

— Все это глупости, — заявил Фрекс. — Те, кто видел Озму или хотя бы ее портреты, сразу признают в ней уроженку Желтой страны. Широкий лоб, зубы лопатами, светлые волосы, внезапные перепады настроения, все больше в гнев, — типичные черты гилликинца. Да ты сама ее видела, Мелена, скажи им.

— О, она по-своему красива, — ответила его жена.

— Дочь королевы фей? — переспросил Черепашье Сердце.

— Опять глупости! — всплеснул руками Фрекс.

— Ничего не глупости, — отрезала няня.

— Об Озме говорят, будто она возрождается, как птица феникс. Ха, ха и еще раз ха! За последние триста лет нами правили совсем разные женщины. Озма Двуличная была инокиней-затворницей и спускала свои указы в корзинке из монастырской башни. Дурная была, как мартовский заяц. Озма Воительница покорила Марранию и наложила на нее дань драгоценными камнями для украшения Изумрудного города. Озма Начитанная всю свою жизнь только и делала, что копалась в родословных. Озма Ненавистная держала ручных горностаев, а прозвище свое получила за то, что обложила крестьян непомерной податью для строительства Дороги из желтого кирпича, которую все никак не закончат. Еще посмотрим, что из этого выйдет.

— А какая Озма сейчас? — спросил Черепашье Сердце.

— Последнюю Озму я видела своими глазами, — сказала Мелена. — Во время зимних торжеств в Изумрудном городе. Меня, пятнадцатилетнюю, впервые вывезли в свет, в городской дом деда. Эту Озму прозвали Клистирной за плохое пищеварение. Она была толстой, как кит, но одевалась со вкусом-. Я видела ее с мужем Пасториусом на Празднике песни и любви. Хотя теперь она уже предпоследняя.

— Предпоследняя? — недоуменно переспросил Черепашье Сердце.

— Недавно Озма Клистирная умерла от отравления, — сказал Фрекс. — Поговаривают, не обошлось без изрядной порции крысиного яда.

— Умерла, — добавила няня, — и дух ее перешел к дочке, Озме Типпетариус.

— Тип-пе-та-ри-ус, — с трудом повторил квадлин.

— Пока народ не подберет ей более подходящего имени, — хмыкнул Фрекс.

— Новая Озма едва ли старше нашей Эльфабы, — сказала Мелена. — Поэтому пока за нее правит отец, регент Пасториус.

Черепашье Сердце изумленно качал головой, Фрекс досадовал, что они говорят о мирских правителях вместо небесных, а на няню напал очередной приступ несварения, от которого все едва не задохнулись.

Все-таки, несмотря на глупые разговоры, Фрекс радовался возвращению домой. Он смотрел то на красавицу-жену (сегодня она прямо сияла), то на сидящего рядом вежливого чужеземца. Священник уже предвкушал, как будет заполнять духовную пустоту гостя.

— А еще в тайной пещере под страной Оз живет страшный змей, Дракон времени, — внушала няня. — Говорят, наш мир — это его сон, и как только Дракон проснется, мир рухнет.

— Да прекратится когда-нибудь эта ересь?! — взревел Фрекс.

Эльфаба подползла к столу на четвереньках, оскалилась и зарычала, как будто знала, что такое дракон, и пыталась его изобразить. Зеленая, она и вправду походила на маленького дракончика.

— Фабала, милая моя, перестань, — упрашивал ее отец, но малышка упрямо продолжала рычать.

ДЕТСКИЕ ЗАБАВЫ

Прошла весна, близилось к концу лето. Давно минула весенняя свежесть, на смену ей пришла засуха. Мелена с няней стирали белье в тоненьком ручейке. Эльфаба, вечный враг воды, объедала дикую грушу. Она пригнула деревце и вертела головой, хватая зубами кислые карликовые плоды и выплевывая косточки.

— Тут бродит какой-то зверь, — говорила няня. — Я несколько раз видела, как вечером кто-то шныряет по папоротникам. Какие здесь вообще водятся животные?

— Ничего крупнее белки, — отмахнулась Мелена.

— Это точно не белка, ты уж мне поверь. Может, медведь?

— Здесь нет никаких медведей. Ходили слухи, будто на холмах живут горные тигры, но никто никогда их не видел. Впрочем, они звери осторожные, пугливые и не спускаются к человеческому жилищу.

— А волки? Тут не водятся волки?

— Няня, ну мы же не в лесу живем! Здесь, конечно, глухомань, но очень спокойная. И нечего пугать меня рассказами про волков и медведей.

Эльфаба, которая пока не разговаривала, глухо заворчала — видимо, изображая волка. Или медведя.

— Не нравится мне все это, — поежилась няня. — Хватит уже стирать, пошли домой, мне надо с тобой потолковать. А малышку лучше оставь со стеклодувом.

— Это еще зачем? Все равно она ничего не понимает.

— Не разговаривает — еще не значит, что не понимает. По-моему, так наоборот, она понимает слишком много.

— Даты посмотри на нее! Мажет себя грушей, как помадой.

— Скорее как боевой краской.

— Милая нянечка, хватит вредничать. Стирай лучше. Видишь, какое грязное белье.

— Я даже не спрашиваю, чей здесь пот и чье семя.

— И хорошо, что не спрашиваешь. Только нравоучений мне еще не хватало.

— А ведь рано или поздно Фрекс все узнает, никуда не денешься. Эта твоя новая склонность к послеобеденным снам... Впрочем, тебя всегда тянуло к парням со здоровой колбасней и парой круто сваренных яиц.

— Няня, хватит! Это вообще не твое дело!

— А жаль, — вздохнула та. — Вот что значит старость. Все говорят, опыт, опыт, — а я бы хоть сейчас обменяла его на такого вот колбасника.

Мелена брызнула в нее водой. Старуха заморгала, но тему сменила.

— Живи как знаешь. Твой сад — тебе его засеивать, тебе и урожай собирать. Я вообще-то хотела поговорить об Эльфабе.

Мелена бросила взгляд на дочку. Та сидела на корточках возле груши, неподвижная, как изваяние, как маленький сфинкс, и внимательно на что-то смотрела. На ее нос села муха, но Эльфаба и бровью не повела. В следующее мгновение она прыгнула и шлепнула руками по земле: ну просто зеленый безволосый котенок за ловлей бабочек.

— О чем именно?

— Ей пора знакомиться со сверстниками. Она быстрее заговорит, когда услышит речь других малышей.

— Вовсе не обязательно. И вообще мнение о том, что дети лучше говорят среди сверстников, давно устарело.

— Ну-ну, не умничай. Девочке надо привыкать к людям, а то она все с нами да с нами. Ей и так предстоит нелегкая жизнь; пусть поучится общению. Уж я и разговариваю с ней, и песенки пою, и стихи читаю — а она все молчит. Почему она молчит, Мелена? Почему не лепечет, как нормальные дети?

— Глупая потому что. Бывают такие.

— Надо, чтобы она играла с другими детьми. Чтобы заразилась от них весельем.

— А Фрекс и не ждал себе веселого ребенка. Он и так считает, что все слишком много веселятся в этом мире. И тут я с ним согласна.

— А твои забавы с квадлином — это что? Упражнения в послушании?

— Ты опять? Я же просила!

Мелена с удвоенной силой принялась тереть полотенце. Теперь няня просто так не отвяжется: у нее что-то есть на уме. А ведь она права. Черепашье Сердце наполнил жизнь Мелены смыслом и святостью, и когда они катались по постели, с нее слетало не только нижнее белье, но даже стыд.

Мелена не могла этого объяснить, но знала, что даже перед грозным трибуналом унионистских священников, обвиняющих ее в прелюбодеянии, она, не смущаясь, рассказала бы правду. Каким-то чудом Черепашье Сердце вернул ей уважение к себе, веру в лучшее, утраченную после рождения зеленой дочки — живого напоминания за грех столь незначительный, что она даже не помнила, совершала ли его. Но не просто плотская любовь возродила Мелену, хотя само это было бесподобно; гораздо важнее для нее было видеть, что квадлин не краснеет перед Фрексом и не сторонится маленькой уродливой Эльфабы. Он устроил мастерскую в дальнем углу двора, где выдувал и шлифовал стекло. Сама судьба как будто принесла его на спасение Мелене. Если и существовала другая цель его пути, она была давно забыта.

— Ну хорошо, старая зануда, — не выдержала Мелена. — Что ты предлагаешь?

— Отвези Эльфи в Закамышье, чтоб играла там с ребятами.

— С ума сошла! — ахнула Мелена. — Пусть ей здесь скучно и не с кем играть, но зато хоть безопасно. Я, может, и плохая мать, но кормлю ее и слежу, чтобы она себя не искалечила. А ты предлагаешь взять и выбросить ее в мир? С зеленой-то кожей? Да ее засмеют. Тебе ли не знать, что в этом дети гораздо безжалостнее взрослых: они не знают меры. Чем везти Эльфабу в Закамышье, лучше сразу взять и бросить ее в озеро, которого она так боится.

— Да нет же, нет! — Няня хлопнула по коленям пухлыми ладонями. — Послушай меня, послушай, ты, избалованная дочка богатых родителей. У тебя только и забот было, что бегать с музыки на танцы с другими такими же баловнями. Конечно, мир жесток, кто спорит? И чем раньше Эльфаба это поймет, чем быстрее найдет себя в нем, тем лучше. К тому же все не так страшно, как ты расписала.

— Хватит строить из себя пророчицу! Страшно или нет — откуда ты знаешь?

— Знаю! — горячо возразила няня. — И от своего не отступлю. Я прекрасно вижу, что вас ждет. Поверь, если ты не вооружишь дочку против чужих нападков, она и сама будет несчастной, и твою жизнь угробит.

— И какое же, интересно, оружие она получит от голодранцев из Закамышья?

— Смех, юмор и улыбку.

— Я тебя умоляю!

— Хочешь — не хочешь, а я своего добьюсь. Я ведь и пригрозить могу. Пойти в Закамышье, разузнать, где теперь проповедует Фрекс, и шепнуть ему пару слов. Думаешь, он обрадуется, когда узнает, чем вы тут занимаетесь со стеклодувом, пока он разжигает религиозный пыл у своей паствы?

— Ах ты старая карга! — взвыла Мелена.

— Завтра же, — победоносно улыбнулась няня, — мы отправляемся с Эльфабой в Закамышье.

Утром разгулялся ветер, грозно завывал по холмам, гало-, пом скакал с вершины на вершину, подхватывал сухие опавшие листья и жухлую траву. Няня плотнее повязала шейный платок и натянула шапочку на самые уши. Краем глаза ей все еще мерещились крадущиеся хищники, но стоило повернуть голову, и тигры с волками превращались в кучи сухой листвы. По пути она подобрала терновую палку, якобы для опоры, а на самом деле для защиты от голодных зверей, и немного успокоилась.

— Конечно, никаким хищникам не выжить в таких холодных, засушливых местах, — проговорила она больше для себя, чем для Мелены с Эльфабой. — Но, чур, вперед не убегать, слышишь, зеленушка?

Шли в тишине: няня молчала от страха, Мелена — от досады, что ее оторвали от Черепашьего Сердца, а неутомимая, будто заводная Эльфаба — просто потому, что иначе не умела. За лето озеро обмельчало, и там, где раньше плескалась вода, теперь можно было идти по гальке и высохшим водорослям.

Гвинетта жила в закопченном каменном домике с прохудившейся крышей. Из-за постоянного радикулита она не могла ни тянуть сети с рыбой, ни гнуть спину на овощных грядках. Потому сидела на грязном дворе. Вокруг нее копошилась целая ватага малолетней ребятни разной степени оборванности, крикливости и плаксивости. Гвинетта подняла голову и окинула взглядом приближающихся гостей.

— Добрый день! Вы, должно быть, Гвинетта, — приветливо сказала няня, пройдя в калитку. Она была счастлива, что не попалась диким зверям. — Брат Фрекспар рассказал, где вас найти.

— Святая Лурлина, так это правда? — воскликнула Гвинетта, завидев Эльфабу, и сделала рукой оберегающие знаки. — Я-то думала, ерунда, пустые сплетни, — и вот пожалуйста!

Дети прекратили беготню. Тут были мальчики и девочки, бледные и загорелые, но все как один чумазные и жутко любопытные. Они продолжали свою игру, но уже не спуская глаз с Эльфабы.

— Вы, конечно, знаете Мелену? Ну а я растила ее и теперь нянчу ее дочку. Мы очень рады вас видеть. Она пихнула бывшую воспитанницу.

— Очень рады, — глухо подтвердила та.

— Мы столько всего хорошего о вас слышали, что пришли за советом, — продолжала няня. — Видите ли, у нас возникли определенные затруднения с малышкой, и как мы ни бились, так и не смогли их решить.

Заинтригованная Гвинетта подалась вперед и вопросительно подняла брови.

— Девочка зеленая, — заговорщицки шепнула няня. — Вы, конечно, могли этого не заметить за ее обаянием, да и вряд ли благородные закамышцы обратят внимание на такую мелочь, но сама Эльфаба очень стесняется. Сами посмотрите: стоит, втянула голову в плечи — прямо испуганная зеленая черепашка. Надо помочь ей вылезти из своего панциря и научить радоваться жизни, только мы не знаем как.

— Да уж, — хмыкнула Гвинетта. — Теперь понятно, почему брата Фрекспара так давно не было видно. — Она запрокинула голову и хрипло, цинично расхохоталась. — И у него еще хватило смелости вернуться к своим проповедям. До чего самоуверенный человек!

— Бра! Фрекспар, — перебила ее Мелена ледяным тоном, — просил напомнить тебе, Гвинетта, слова Писания: «Никому не дано узнать истинный цвет души».

— Там и правда так написано? — пробормотала пристыженная Гвинетта. — Ну хорошо, от меня вы что хотите?

— Позвольте приводить девочку сюда, — попросила няня. — Пусть под вашим присмотром играет с другими детьми. Вы ведь понимаете в этом больше нашего.

«Старая ведьма, — подумала про себя Мелена. — Вроде и правду говорит, а как умасливает!»

— Не знаю, понравится ли она ребятам, — неуверенно сказала Гвинетта. — С моей спиной, вы ведь понимаете, я не смогу постоянно их разнимать.

— А мы посмотрим, — сказала няня. — И, конечно, вознаградим вас за все старания.

Няня задержала взгляд на пустых грядках. Вот уж действительно бедность! Она подтолкнула Эльфабу.

— Ну, иди познакомься с ребятами.

Девочка стояла как вкопанная. Дети — пятеро мальчиков и две девочки — приблизились к ней.

— Вот так чучело! — сказал мальчик постарше и толкнул Эльфабу в плечо.

— Эй, повежливее! — прикрикнула Мелена, порываясь подскочить к детям, но няня ее удержала.

— Салочки, давайте играть в салочки! — нашелся мальчик. — Кто зеленое чудище?

— Не я, не я! — завизжали дети и, осалив Эльфабу, брызнули в рассыпную. Девочка неуверенно постояла, потом пробежала несколько шагов и опять остановилась.

— Вот так и надо, — довольно закивала няня. — Развивающие игры. Гвинетта — вы чудо.

— Я своих ребят знаю, — заважничала та, — спорить не буду.

Дети гурьбой промчались мимо Эльфабы и снова ее осалили, но, увидев, что она за ними не бежит, остановились и подошли поближе.

— Говорят, у вас поселился квадлин, — сказала Гвинетта. — Это правда, что они едят только траву и навоз?

— Что?! — вскричала Мелена.

— Так о них болтают в народе.

— Он порядочный человек!

— Не приводи его сюда. Они разносят чуму.

— Ничего подобного! — возмутилась Мелена.

— Эльфи, милая, нельзя кидаться, — сказала няня.

— Я повторяю, что слышала, — продолжала Гвинетта. — Говорят, по ночам, когда квадлины

засыпают, души выбираются у них изо рта и ходят по дорогам.

— Дураки и не такое выдумают, — огрызнулась Мелена. — Я никогда не видела, чтобы во сне из Черепашьего Сердца что-то вылезало, а уж возможностей у меня было достаточно.

— Ну-ка брось камень! — прикрикнула няня. — Смотри, больше никто камнями не кидается.

— Теперь уже кидаются, — заметила Гвинетта.

— Он самый чуткий человек из всех, кого я знаю, — не отступала Мелена.

— Нам, рыбакам, от нежностей проку мало.

— Ну вот, разбили в кровь, я ведь предупреждала, — огорчилась няня. — Дети, отпустите Эльфабу, дайте я ее вытру. И ведь платочка-то нет. Гвинетта, у вас не найдется тряпицы?

— Ничего, само остановится. Это им полезно: меньше есть просят.

— Уж лучше чуткость, чем глупость, — горячилась Мелена.

— Не кусаться! — цыкнула Гвинетта на одного из младших пацанят и, увидев, что Эльфаба раскрыла зубастый рот в ответ, вскочила на ноги, забыв про больную спину, и во весь голос взревела: — Не кусаться, кому говорю!

— Ну просто ангелочки, — умилилась няня.

ПРИБЛИЖЕНИЕ ТЬМЫ

Теперь каждые два-три дня няня брала Эльфабу за руку и вела к Гвинетте играть с чумазой ребятней. Фрекс вернулся к проповедям, уходил из дома на восемь-десять дней кряду и пугал окрестных жителей своей всклокоченной бородой и религиозными убеждениями. Мелена вспоминала фортепианные гаммы на клавиатуре из цельного дерева, которую ей мастерски вырезал муж. Черепашье Сердце с приближением осени как-то размяк. Послеобеденные возлежания с ним утратили первоначальное буйство, стали нежнее. Мелена продолжала быть внимательной к Фрексу и принимала его ухаживания, но, что ни говори, муж уступал стеклодуу в постели. Какое блаженство испытывала она, когда губы квадлина касались ее соска, а руки, эти живущие по своим законам зверьки, ласкали ее тело. Мелена так и не познала квадлина, как Фрекса, не смогла заглянуть в его душу. Наблюдательная няня не преминула напомнить ей, что стеклодув воспитан в другой культуре.

— Какая разница? — лениво отмахнулась Мелена. — Люди есть люди.

— Не скажи, — возразила няня. — Разве ты не помнишь детские стишки?

И, с заметным облегчением отложив в сторону шитье, продекламировала:

В школе так всегда бывает:

Девки учат, парни знают,

А потом часы пробили —

Парни сразу все забыли.

Ну-ка повторим сейчас

Хитрую науку,

Кто в стране живет у нас, —

Чтоб развеять скуку.

Гилликинцы умные,

Манчики разгульные,

Винки бесшабашные,

А марраны страшные.

Но всех хуже квадлины,

Мерзкие создания,

Глупые, как гоблины

После одичания.

Они кровь младенцев пьют,

А больных товарищей

Первым делом в гроб кладут

И хоронят заживо.

— Ну что ты о нем знаешь? Женат ли он? Почему оставил свою Топкую трясины или откуда он там родом? Это, конечно, не мое дело, но...

— Да когда ты занималась только своими делами? — хмыкнула Мелена.

— Вот когда начну, сразу почувствуешь, — пообещала няня.

Вскоре после этого разговора они сидели за ужином во дворе у костра. Няня собиралась уезжать, от чего у Мелены поднялось настроение. Черепашье Сердце состряпал неаппетитное рагу из диких яблок, ветчины и сыра. Фрекс благодушно разглагольствовал. Память о дьявольском механизме — Драконе времени — мало-помалу сглаживалась, и закамышцы, хвала Безымянному Богу, снова стали приходить к священнику на строгие проповеди. Его двухнедельный миссионерский поход в Суходрежье увенчался успехом. Наградой Фрексу стали кошелек с медяками и преданные, а то и откровенно фанатичные взгляды прихожан.

— Что если наше время тут сочтено? — рассуждал Фрекс, закинув руки за голову и откинувшись на спинку скамьи. Новообретенное счастье уже не удовлетворяло его. — Может, из Закамышья нам открывается другая дорога? Та, на которой нас ждут великие дела? Где уготована яркая судьба?

— Да будет тебе, — вяло ответила Мелена. — Девять поколений моих предков карабкались вверх — и вот, пожалуйста, я здесь, в богом забытом месте, по колено в грязи. Какая уж тут яркая судьба?

— Я говорю о духовных подвигах. Я не предлагаю ломиться в Изумрудный город и бороться за право стать личным исповедником Пасториуса.

— А почему бы тебе не предложить себя на пост духовника Озмы? — оживилась няня, представив, как зажила бы она в свете, добейся Фрекс такого положения. — Правда, пока она еще ребенок. Хотя... Ну поправит какое-то время ее отец — это недолго, как вообще у мужчин. Ты еще молод, Озма повзрослеет, и у тебя будет возможность управлять целой страной.

— Меня не интересует придворная служба, даже если новая королева станет Озмой Наисвятейшей, — отрезал Фрекс. — Мой долг — нести слово Божие помятым и угнетенным.

— Милости надо идти в Квадлинию, — сказал Черепашье Сердце. — Там помято и угнетено.

Впервые за долгое время стеклодур упомянул о своей стране. Вспомнив недавний разговор с няней, Мелена отмахнулась от дыма и спросила:

— А почему ты ушел из Овельса?

— Ужас, — ответил Черепашье Сердце.

Эльфаба, которая сидела у точильного камня и сосредоточенно давила муравьев, заинтересовалась и

подняла голову. Все ждали от Квадлина пояснений, но он, похоже, закончил. У Мелены екнуло сердце; предчувствие говорило ей, что вот-вот, в этот счастливый вечер, произойдет что-то страшное.

— Что значит ужас? — спросил Фрекс.

— Как-то мне зябко, — пролепетала Мелена. — Пойду накину платок.

— Или можно сразу стать духовником Пасториуса. — Няня попыталась вернуть разговор в прежнее русло. — Зачем отказываться? Наверняка со связями Мелены ты сможешь добиться приглашения...

— Ужас, — произнесла вдруг Эльфаба.

Ответом на ее первое слово было ошеломленное молчание. Даже желтая луна словно замерла между деревьями.

— Ужас? — переспросила Эльфаба, оглядываясь. Лицо ее оставалось серьезным, но глаза задорно заблестели: она поняла, чего добилась. Ей было почти два года. Длинные острые зубы больше не удерживали слов внутри нее.

— У-жас, — шепотом, смакуя, произнесла она. — Ужас.

— Иди к няне на ручки, Эльфи, посиди тихонько. Малышка послушно подошла, но села на самый краешек колен и выжидающе посмотрела на стеклодува.

— Черепашье Сердце думает, девочка говорит впервые, — благоговейно сказал тот.

— Да, и она спрашивает про ужас. — Фрекс пустил колечко дыма. — Если это не секрет, конечно.

— Черепашье Сердце плохо говорит. Его дело — дуть стекло, а слова пусть говорят Милость, Госпожа и няня. И теперь еще девочка.

— Скажи хоть немного, раз уж начал.

Мелена поежилась. Она так и не сходила за платком: ноги будто вросли в землю.

— В Квадлинию приходят рабочие из Изумрудного города и других мест, — начал Черепашье Сердце. — Они смотрят, нюхают и пробуют воду, воздух, землю. Хотят строить дорогу. Квадлины говорят, нельзя; квадлины говорят, плохо, нерабочие не слушают.

— Квадлины, надо полагать, не дорожные строители, — резонно заметил Фрекс.

— Наша страна очень ранима, — продолжал Черепашье Сердце. — У нас висячие дома и плавучие поля. Мальчики ныряют в мелкую воду за жемчужинами. Слишком много деревьев — не хватает света для травы. Слишком мало деревьев — поднимается вода, и корни плавучих растений не достают до земли. Наша страна бедная, но богата красотой. Жить в ней можно только по ее законам.

— Значит, вы противитесь строительству?

— Да, но пока нет успеха. Квадлины не переубедят рабочих, кто хочет строить плотину из земли и камней и разрезать нашу страну на части. Квадлины ругались, просили, предсказывали беду, но не смогли победить словами.

Фрекс попыхивал трубкой и любовался, с каким воодушевлением говорит Черепашье Сердце. Его всегда привлекала в людях преданность идее.

— Квадлины готовы сражаться, но боятся, что худшее еще впереди. Когда строители стали брать пробы земли и воды, они узнали нашу давнюю тайну.

— Какую же?

— Рубины, — горько вздохнул Черепашье Сердце. — Камни, скрытые под водой. Строители говорят,

красный корунд в пласте донного известняка. Квадлины говорят, кровь страны Оз.

. — Вроде того красного стекла, что ты делаешь? — спросила Мелена.

— Рубиновое стекло получается, если добавить золотой порошок, — сказал Черепашье Сердце, — а Квадлина лежит на залежах настоящих рубинов. Весть об этом достигнет Изумрудного города от строителей. И тогда начнется ужас.

— С чего ты решил? — осведомилась Мелена.

— Достаточно взгляда в стекло, — сказал Черепашье Сердце, показывая на выдутый им круг, ставший игрушкой Эльфабы, — чтобы увидеть будущее, красное от крови и рубинов.

— Будущее нельзя увидеть, — вмешался Фрекс. — Это пахнет язычеством, плотской верой, фаталистическим культом Дракона времени. Тьфу! Нет, если кто-то и знает нашу судьбу, то только Безымянный Бог, а предсказания — одни лишь догадки, замешанные на страхе.

— Значит, догадки и страх заставили Черепашье Сердце покинуть родной дом, — без тени смущения ответил стеклодув. — Квадлины не зовут свою веру плотской и не знают о Драконе времени. Они присматриваются к знакам и прислушиваются к посланиям. Как только вода окрасится цветом рубинов, она обогрится нашей кровью.

— Глупости! — вскричал Фрекс, сам рубиново-красный от негодования. — С твоими квадлинами надо хорошенько поговорить.

— И потом, разве Пасториуса интересует что-нибудь, кроме охоты, обжорства и разврата? — добавила Мелена, которая лучше других была осведомлена о делах королевского двора. — Что ему до рубинов?

— Опасность не в королях и королевах — опасность в чужестранце, — сказал Черепашье Сердце. — Наши женщины-ведуньи, шаманы, знахари, умирающие — все видят иноземного короля, жестокого и могучего.

— И зачем Пасториус вообще полез с дорогами в ваше болото? — с досадой спросила Мелена.

— Затем же, зачем через всю нашу страну проложили Дорогу из желтого кирпича, — сказал Фрекс. — Для развития. Для лучшего управления. Для сбора налогов, перемещения войск и защиты.

— От кого?

— О-о-о, это тонкий вопрос.

— О-о-о, — едва слышно выдохнул Черепашье Сердце.

— И куда ты теперь? — спросил Фрекс. — Только не подумай, я тебя не гоню. Мелена очень дорожит твоей компанией. Как и все мы.

— Ужас, — напомнила Эльфаба.

— Помолчи, — одернула ее няня.

— Милость и Госпожа очень добры к Черепашьему Сердцу. Черепашье Сердце шел в Изумрудный город, но сбился с пути. Черепашье Сердце хотел встретиться с Озмой...

— С регентом Пасториусом, — поправил Фрекс.

— ...и просить сжалиться над Квадлинией. А еще предупредить о жестоком чужестранце.

— Ужас! — радостно захлопала в ладоши Эльфаба.

— Девочка напоминает Черепашьему Сердцу о его обязанностях. Разговор разбудил старую боль.

Черепашье Сердце забыл. Но теперь, когда слова сказаны, настало время для дел.

Мелена метнула отчаянный взгляд на няню, которая меж тем спустила девочку с колен и стала собирать грязную посуду. «Видишь, к чему приводит лишнее любопытство! — беззвучно кричали ее глаза. — Взяла и разбила свое счастье — и все из-за тебя!» Мелена отвернулась от страшного лица дочери, на котором играла улыбка (или обиженная гримаса?), и с мольбой перевела взгляд на мужа. «Сделай хоть что-нибудь, Фрекс!»

— Может, именно эту возможность мы так долго ждали? — задумчиво проговорил Фрекс и потом добавил убежденнее: — Нужно идти в Квадлинию: оставить удобства здешней жизни и испытать себя в огне истинной нужды.

— Удобства здешней жизни?! — Мелена аж задохнулась от негодования.

— Когда Всевышний говорит через недостойный сосуд, — начал Фрекс и кивнул на удрученного квадлина, — мы можем слушать или ожесточить свое сердце...

— Тогда выслушай вот что. Я беременна. И не могу никуда идти или ехать. А когда родится ребенок, то тем более будет не до шастанья по болотам.

Фрекс осекся на полуслове.

— Я не так хотела тебе сказать, — виновато добавила Мелена.

— Поздравляю, — холодно ответил муж.

— Ужас, — сообщила матери Эльфаба.

— Ну, хватит разговоров на ночь, — засуетилась няня. — Мелена, будешь здесь сидеть — простудишься. Пойдем лучше в дом.

Фрекс поднялся и поцеловал жену. По его непроницаемому лицу невозможно было понять, подозревает он, что отцом ребенка может быть Черепашье Сердце, или нет. Сама Мелена не знала, от кого беременна, да это ее и не заботило. Больше всего на свете она хотела, чтобы квадлин остался, хотя и злилась на него за неожиданные обязательства перед убогим народом.

Мужчины остались у костра. Они сидели, наклонившись друг к другу, и говорили так тихо, что Мелена не могла разобрать ни слова. Фрекс утешал квадлина, положив тому руку на трясущееся плечо. Няня передела Эльфабу ко сну, выпустила ее во двор, а сама присела на постель к Мелене с чашкой горячего молока и баночкой с пилюлями.

— Я так и чувствовала, что этим все кончится, — поделилась она. — Чем реветь, выпей лучше молока. Ведешь себя как ребенок. Давно ты узнала?

— Месяца полтора как, — ответила Мелена. — Ах, няня, не надо мне молока, дай лучше вина.

— Пей, пей. Больше никакого вина, пока ребенок не родится. Мало тебе одного уroda?

— Вино не меняет цвет кожи у детей. Я, может, и дура, но не настолько же.

— Оно сознание твое меняет, этого довольно. Пей молоко и прими пилюлю.

— Это еще зачем?

— Я сделала, что предлагала, — сказала няня заговорщическим тоном. — Прошлой осенью я походила по трущобам нашей славной столицы по твоим надобностям.

— Не может быть! — ахнула Мелена. — Как же ты решилась? Неужели не боялась?

— Еще как! Но я ведь тебя люблю, глупая. Я отыскала лавку, помеченную тайными алхимическими

знаками. — Няня сморщила нос, вспомнив о запахах гнили и кошачьей мочи. — Там я выпила чаю с одной размалеванной старухой из Шиза по имени Якль и перевернула чашку, чтобы она прочла твою судьбу. Правда, она и руки-то свои едва видела, что уж там говорить о листьях.

— Настоящая профессионалка, — сухо заметила Мелена.

— Твой муж не верит в предсказания, так что потише. В общем, я рассказала ей про твою зеленую дочку и что мы не знаем, от чего это произошло. Сказала, что мы опасаемся, как бы это не повторилось со следующим ребенком. Тогда Якль намешала всяких трав и порошков, залила их маслом гомбы, пробормотала языческие заклинания и, кто ее знает, может, даже плюнула внутрь. Я не присматривалась. Заплатила ей за девять месяцев, чтобы ты принимала пилюли сразу, как узнаешь, что понесла. Мы уже опаздываем на месяц, но лучше хоть так, чем совсем ничего. Я ей полностью доверяю, Мелена, и тебе советую.

— Почему это? — спросила Мелена и проглотила первую из девяти пилюль. На вкус она была как мозг из вареных костей.

— Потому что Якль предсказала твоим детям великое будущее, — объяснила няня. — Говорит, Эльфаба превзойдет все твои ожидания, и второй ребенок тоже. Главное, мол, не отчаивайся. Ваша семья войдет в историю.

— А о моем возлюбленном что сказала?

— Опять ты за свое! Она советовала отдыхать и не волноваться. Послала тебе свое благословение. Хоть она и дешевая потаскуха, но знает, о чем говорит.

Еще Якль была уверена, что у Мелены родится девочка, но этого няня открывать не стала, опасаясь, что воспитанница устроит выкидыш. Слишком убедительно внушала гадалка, что будущее принадлежит двум сестрам, а не одной.

— И все обошлось? Тебя никто не остановил, не заподозрил?

— Кто заподозрит, что старая глупая няня пошла в Нижний квартал за запретным снадобьем? Нет-нет, моя милая, меня даже никто ни о чем не спросил. А теперь давай-ка лучше спать. Ни капли вина, пилюли — и здоровый малыш враз наладит ваши с Фрексом отношения.

— У нас и так все хорошо, — проворчала Мелена, сворачиваясь поудобнее под одеялом. После пилюли ее сильно клонило в сон, но она старалась не подать виду. — Лишь бы только мы не отправились в этот болотный закат.

— Закат на западе, а не на юге, — проворковала няня. — Но как удачно ты сказала, что ждешь ребенка. Если б вы потопали в Квадлинию, я бы уже не смогла вас навещать. Мне ведь в этом году полвека исполняется. Стара я уже для таких поездок.

— Останемся здесь, — постановила Мелена и задремала.

Довольная няня принялась сама готовиться ко сну. Она выглянула в окно: Фрекс и Черепашье Сердце все еще беседовали. Няня только притворялась подслеповой: на самом-то деле она хорошо разглядела лицо стеклодува, когда тот заговорил об опасности, грозящей его народу. Оно раскрылось, как треснутая скорлупа, и душа его, такая же наивная и беззащитная, как едва вылупившийся птенец, пробилась наружу. Ничего удивительного, что Фрекс проникся сочувствием к сокрушенному горем квадлину и сидел теперь даже ближе, чем позволяли правила приличия. В этой семье няня уже ничему не удивилась бы.

— Позовите Эльфи домой, ее пора укладывать, — крикнула она в окно — отчасти затем, чтобы нарушить их уединение.

Фрекс оглянулся.

— Разве она не дома?

Няня проверила: девочки в доме не было. А она не любительница играть в прятки — ни здесь, ни с деревенской ребятней.

— Нет. Она же с вами была.

Мужчины встали, осмотрелись. Няне почудилось, что под ветками тиса шевельнулась какая-то тень. Она высунулась из окна.

— Ну так найдите ее. Время уже позднее. Опасное.

— Да нет здесь ничего опасного, выдумаете гоже, — пробасил Фрекс, но оба мужчины заметно встревожились.

— Мелена, дорогая, погоди, не засыпай, — принялась расталкивать ее няня. — Ты не знаешь, где Эльфаба? Не видела, куда она ушла?

Мелена с трудом приподнялась на локте и посмотрела на старушку бессмысленными глазами из-под растрепанных волос.

— Кто ушел? — спросила она заплетающимся языком. — Ты о чем?

— Эльфаба. Давай просыпайся. Где она может быть?

Няня стала поднимать Мелену, но та все заваливалась обратно. Уперев ее руки о кровать, няня потянулась за своей терновой палкой.

— Просыпайся, Мелена, вставай! Как бы не случилось беды.

— Что? — непонимающе произнесла та. — Кого потеряли?

— Эльфи! Фабала! Эльфаба! — слышались из темноты мужские голоса. Фрекс и Черепашье Сердце кружили вокруг двора, все дальше и дальше отходя от догорающего костра. — Лягушечка моя! Змейка! Ящерка! Где ты?

— Это все зверь, — сетовала няня. — Зверь спустился с гор и унес ее.

— Нет здесь никаких зверей, дура старая, — огрызнулся Фрекс, но сам с возрастающей тревогой прыгал по камням за домом, отмахиваясь от хлещущих по липу веток. Черепашье Сердце замер и вытянул руки к небу, словно пытался поймать ладонями тусклый свет первых звезд.

— Эльфаба? — ахнула Мелена, сообразив наконец, что происходит, и выбежала из дома в одной сорочке. — Дочка пропала?

— Она заблудилась, ее утащили дикие звери, пока эти два дурака любовались друг другом, как школьницы, — причитала няня.

— Эльфаба! Эльфаба! Ты слышишь меня? — все испуганнее и пронзительнее кричала Мелена. — Немедленно вернись! Эльфаба!

Только ветер зашуршал листвой в ответ.

— Она где-то рядом, — задумчиво сказал Черепашье Сердце. Он был почти невидим в темноте. — Рядом, только не здесь.

— Нашел время загадками говорить! — всхлипнула няня.

Квадлин повернулся и пошатнулся. Фрекс поспешил подхватить его. Мелена подросла с другой

стороны. В своей белой ночной сорочке она прямо-таки светилась, будто ангел. Черепашье Сердце осел у них в руках, и Мелена испуганно вскрикнула, но в следующее мгновение он выпрямился и решительно зашагал к озеру.

— Только не озеро, только не Эльфаба, она ни за что не пойдет к воде, вы же знаете, — взывала няня, едва поспевая за остальными.

«Это конец», — думала Мелена. Ее ум был слишком затуманен, чтобы думать о чем-то еще, и она снова и снова повторяла эту фразу, как защитное заклинание.

«Начинается, — думал Фрекс. — Но что?»

— Она рядом, только не здесь, — повторил Черепашье Сердце.

— Вот вам наказание за грехи, двуличные сластолюбцы, — причитала няня.

Они спустились к тихому обмельчавшему озеру. Вода отступила и оголила причал, который был словно мост в никуда, в пустоту.

В темноте под причалом светился чей-то глаз.

— Силы небесные! — прошептала няня.

Там, на сухой земле, сидела Эльфаба и, прищурив один глаз, смотрела в стеклянный круг. Открытый глаз мерцал таинственным светом.

«Должно быть, отражение звезд от воды», — с надеждой подумал Фрекс, хотя в глубине души понимал: не звездным светом мерцает этот глаз.

Черепашье Сердце опустился на колени.

— Девочка видит его пришествие, — хрипло сказал квадлин. — Он спускается с неба на шаре кровавого цвета. Рубинового цвета. Он сходит с небес. Регент пал. Династия Озмы пала. Дракон времени прав: до Страшного Суда всего минута.

И стеклодув упал без чувств почти на Эльфабу. Она, казалось, даже не заметила, но позади нее кто-то предостерегающе заворчал. Грозно вспыхнули два оранжевых глаза. За малышкой сидел зверь: то ли и правда горный тигр, то ли странная помесь тигра с драконом. Девочка восседала на его передних лапах, как на троне.

— Ужас, — повторила она, вглядываясь одним глазом в стекло, где ни ее родители, ни няня не видели ничего, кроме тьмы. — Ужас.

Часть вторая

ГИЛЛИКИН

ГАЛИНДА

1

— Виттика, Сеггика, Красные пески, усадьба Дикси, пересадка на поезд до Шиза на станции усадьба Дикси, Тенникен, Брокс и Тром, — скороговоркой проговорил кондуктор названия станций и перевел дыхание. — Следующая станция Виттика. Виттика следующая.

Галинда крепче прижала к себе сумку. В кресле напротив дремал старый козел. Все-таки хорошо, что поезда усыпляют пассажиров, а то пришлось бы всю дорогу избегать козлиного взгляда. Уже на самой платформе ее опекунша мисс Ключ наступила на ржавый гвоздь и, боясь столбняка, отпросилась к врачу. «Не беспокойся обо мне, я вполне в состоянии добраться до Шиза», — холодно ответила Галинда. Та и ушла. Лучше бы она подольше поболела — хотя бы не утомляла своей постоянной опекой.

Галинда изобразила на лице скуку светской дамы, для которой путешествия — привычное дело. По правде же, она почти никуда не выезжала из родительского дома в городишке Фроттике. Десять лет назад здесь проложили железную дорогу, и на месте старых молочных ферм стали появляться загородные имения банкиров и фабрикантов из Шиза. Многие двинулись в город, но только не родители Галинды. Они любили провинциальную жизнь с ее нетронутыми лесами, в которых встречались лисицы и заброшенные языческие храмы. Для них Шиз оставался чем-то далеким и грозным, и даже удобство путешествий, которое принесла с собой железная дорога, не возбуждало любопытства.

Галинда смотрела в окно, но не на зеленый мир, а на собственное отражение в стекле. Она страдала юношеской близорукостью: считала, что если красива, то непременно значительна, хотя чем именно и для кого, пока не определила. Светлые кудряшки колыхались от малейшего поворота ее головы, играя на свету, словно столбики золотых монет. Пухлые ярко-красные губы напоминали бутон цветка мая. Зеленое дорожное платье с кружевными вставками говорило о богатстве, а строгий, но элегантный черный платок на плечах — об академических наклонностях. Не просто же так она едет в Шиз — она заслужила поездку собственным умом.

Галинде было семнадцать. Чуть ли не вся Фроттика собралась на перроне провожать ее. Еще бы!

Первая девушка со всей округи, поступившая в Шизский университет. Она написала блестящее вступительное сочинение на тему этических принципов природного царства. «Скорбят ли сорванные цветы? Бывают ли воздержанные тучи? Способны ли животные сознательно творить добро, или Философия весенней морали», — так Галинда назвала свое сочинение. Богатый язык и великолепное знание «Озиады» покорили экзаменаторов. Трехлетняя стипендия в Крейг-холл. Не самый лучший колледж — те все еще были закрыты для девушек, — но все-таки Шизский университет.

Когда в купе заглянул проводник, ее сосед проснулся, вытянул копыта и зевнул.

— Не могли бы вы достать с верхней полки мой билет? — попросил он девушку.

Галинда поднялась и, чувствуя на себе пожирающий взгляд навязчивого животного, протянула ему билет.

— Пожалуйста.

— Не мне, дорогая, — проводнику. Такие маленькие бумажки не для моих копыт.

— А вы редкая живность для первого класса, — сказал проводник, возвращая прокомпостированный билет.

— Будьте так любезны, — обиделся козел. — Я не люблю слово «живность». Закон, как я понимаю, все еще разрешает мне ездить в любом вагоне.

— Деньги есть деньги. — Проводник пробил билет Галинды.

— Не только, — возразил козел, — иначе почему мой билет стоит вдвое дороже, чем у этой юной леди? В данном случае деньги — пропуск. И он у меня есть.

Проводник не стал вникать в рассуждения козла.

— А вы, значит, едете учиться? — обратился он к Галинде. — Сразу видно по студенческому платку.

— Ну, надо же чем-то заниматься, — пожата она плечами. Ей не очень-то хотелось разговаривать с проводником, но когда тот ушел, оказалось, что ей еще меньше нравится ощущать на себе испытующий взгляд козла.

— Чему же вы хотите научиться в университете? — спросил он.

— Я уже научилась не разговаривать с незнакомцами, — ответила Галинда.

— Тогда будем знакомы. Меня зовут Дилламонд.

— Я не очень-то расположена к знакомству.

— Рано или поздно оно все равно состоится. Я преподаю биологию в Шизском университете.

«А одет так, что другой козел на глаза бы постеснялся показаться, — подумала про себя Галинда. — Воистину деньги — это еще не все».

— В таком случае мне придется преодолеть свою природную застенчивость. Меня зовут Галинда, я принадлежу к Ардуэнскому роду по маминной линии.

— Позвольте мне первым из университетских преподавателей приветствовать вас, Глинда. Вы только поступили?

— Галинда, если не возражаете. Это древнее имя со старинным полногласным произношением.

Она не могла заставить себя говорить ему «сэр». Этому козлу с отвратительной бородкой, в потертом жилете, пошитом будто из гостиничного коврика.

— И что вы думаете по поводу запретов на путешествия, предложенных господином Гудвином? — поинтересовался козел, продолжая изучать девушку доброжелательными маслянистыми глазами.

Галинда призналась, что никогда не слышала ни о каких запретах, и Дилламонд (неужели профессор Дилламонд?) тут же начал рассказывать, что Волшебник Изумрудного города собирается запретить Зверям ездить в общественном транспорте иначе как в специально отведенных вагонах. Галинда сказала, что звери всегда ездили в особых вагонах.

— Да нет же, я о Зверях говорю, — уточнил Дилламонд. — О тех, кто наделен духом.

— Ах, об этих, — протянула Галинда. — Так что же здесь плохого?

— Как? — изумился Дилламонд и даже затряс бородкой от волнения. — Неужели вы не понимаете?

И начал читать ей лекцию о Звериных Правах. Уже сейчас его престарелой матушке, которой не по карману билет первого класса, пришлось бы ехать товарным вагоном, чтобы повидать сына в Шизе. А если запреты Гудвина пройдут через Одобрительную палату (что в нынешние времена пустая формальность), то и самому козлу придется распрощаться с привилегиями, которые он заработал годами труда и сбережений.

— Разве можно так относиться к разумным существам? — возмущался он. — Только представьте себе: до Шиза и обратно в товарном вагоне!

— Ах, — протрещет Галинда. — Мир так широк. Чего только в нем не повидаешь.

Остаток пути, включая пересадку на поезд до Шиза, они хранили ледяное молчание.

Размеры шизского вокзала и страшная толчая на нем повергли Галинду в такую растерянность, что Дилламонд сжалился над ней и предложил разыскать экипаж до Крейг-холла. Галинда шла за козлом, стараясь выглядеть как можно смелее. Позади следовали двое носильщиков с багажом.

Шиз! До чего тут все непривычно. Кругом толкаются, куда-то торопятся, смеются, целуются, уворачиваются от экипажей. Вокзальная площадь окружена старыми кирпичными домами, поросшими мхом и плющом. Сколько зверей — и Зверей! У себя во Фроттике Галинда за всю жизнь видела только пару кудахчущих на философские темы кур, а здесь, за столиком в открытом кафе, оживленно болтали четыре зебры в роскошных полосатых костюмах, на перекрестке стоял на задних ногах регулировщик-слон, по улице шел тигр в рясе. Вернее, Зебры, Слон и Тигр. Ах да, еще Козел. Надо учиться произносить заглавные буквы, иначе она рискует показаться провинциалкой.

На счастье, Дилламонд нашел извозчика-человека, приказал ему ехать в Крейг-холл и даже уплатил вперед, за что Галинда не могла не поблагодарить его хотя бы жалкой улыбкой. «Мы еще увидимся», — учтиво, хотя и с прохладцей в голосе, произнес Дилламонд, и экипаж тронулся. Галинда измученно откинулась на мягкое сиденье. Ей уже начинало не хватать опекуны.

Крейг-холл был всего в двадцати минутах езды от Вокзальной площади. За каменной стеной высилось здание с большими сводчатыми окнами, над которыми сплелись в причудливые узоры бесчисленные многолистники. Ценительница архитектуры Галинда стала с увлечением рассматривать университетские строения, пытаясь разглядеть детали, скрытые зеленью, но тут ее пригласили внутрь.

В вестибюле первокурсниц приветствовала директриса Крейг-холла, знатная гилликинская дама с рыбьим лицом и вычурной бижутерией. Вместо невзрачного делового костюма на ней было платье сочного цвета красной смородины. На груди, словно ноты со страницы партитуры, колыхались

многочисленные бусы.

— Добро пожаловать в Крейг-холл, — пробасила она, тряхнула серьгами и до боли сжала руку Галинды. — Меня зовут мадам Кашмери, я директор этого колледжа. Проходите в комнату отдыха, там подают чай. Потом мы соберемся в главном зале, и я распределю вас по комнатам.

Комната отдыха была полна молоденьких девушек в зеленых и синих платьях с длинными черными платками, спадавшими с плеч. Галинда заняла выгодную позицию у окна, где солнце золотило ее льняные волосы («Не волосы — прелесть, мечта любой девушки!» — думала она), и едва притронулась к чаю. В соседней комнате шумели опекунши: болтали и смеялись, как давние подруги из одной деревни. Старые клуши!

Галинда не слишком подробно читала письмо из университета. Она и не предполагала, что придется с кем-то делить свою комнату и что их будут «распределять». А может, родители устроили так, чтобы ей досталась отдельная комната? И где будет жить мисс Ключ. По собравшимся здесь куколкам видно, что у некоторых семьи будут даже побогаче Ардуэнского рода. Все эти жемчуга и бриллианты — фу! Галинда убеждала себя, что очень кстати надела простенькое серебряное ожерелье. Какая пошлость — путешествовать в драгоценностях, решила она и тут же придумала подходящий афоризм. «Разодетый путник стремится не видеть, а быть увиденным, — тихонько промурлыкала она себе под нос, проверяя слова на слух, — но только истинный путешественник знает, что мир вокруг него и есть наилучшее украшение». Неплохо. Надо будет блеснуть этим высказыванием при первой же возможности — в подтверждение своего опыта и независимых взглядов.

Вошла мадам Кашмери, пересчитала студенток по головам, схватила чашку чая и погнала всех в Главный зал. Только там Галинда поняла, какую непоправимую ошибку совершила, отпустив мисс Ключ к врачу. Оказывается, опекунши не просто чесали языком за чаем, а подбирали пары своим господам. Считалось, что опытные дамы гораздо быстрее разберутся в этом деле, чем сами студентки. И конечно, без мисс Ключ никто и слова не замолвил за Галинду.

По мере того как после скучного приветствия девушки стали объединяться в пары и уходить с опекуншами искать свои комнаты, Галинда все больше бледнела от злости и стыда. Мисс Ключ, эта старая дура, наверняка поселила бы ее с кем-нибудь на одну-две ступени выше по социальной лестнице — чтоб не стыдиться ни за себя, ни за соседку. А теперь лучших первокурсниц уже объединили: бриллиантик к бриллиантику, изумрудик к изумруднику — так по крайней мере казалось со стороны. Зал пустел, и Галинда лихорадочно соображала, что ей делать. Встать и объяснить свое положение? В конце концов, она принадлежала к Ардуэнскому роду, пусть даже и по материнской линии. Но девушка не смела. Она сидела на самом краешке кресла, надеясь, что вот-вот назовут ее имя, и готова была расплакаться от собственного бессилия. Она единственная осталась в центре зала — другие робкие и никому не нужные девушки жались по краям. Одна окруженная пустыми золотистыми креслами Галинда была как забытый чемодан на вокзале.

— А вы, насколько я понимаю, прибыли без опекунш? — сказала мадам Кашмери с легким презрением в голосе. — Поскольку у нас не принято оставлять девушек без присмотра, я поселю вас в три общие спальни для первокурсниц, каждая на пятнадцать мест. Это очень хорошие спальни, и могу вас заверить, нет ничего зазорного в том, чтобы там жить.

Она, разумеется, врала. Причем неубедительно.

— Прошу прощения, мадам Кашмери, — не выдержала Галинда, — но здесь какая-то ошибка. Я Галинда Ардуэнская, моя опекунша поранилась в пути ржавым гвоздем и задержалась на пару дней. Я... понимаете, не из тех, кого можно поселить в общую спальню.

— Какая жалость! — посочувствовала мадам Кашмери. — Но я уверена, ваша опекунша с удовольствием приглядит за одной из спален. Скажем, за Розовой. Четвертый этаж, правое крыло...

— Ах нет, нет, — отважно перебила ее Галинда. — Я не могу спать в общей спальне, Розовой или любой другой. Вы меня не поняли.

— Я все прекрасно поняла, мисс Галинда, — сказала мадам Кашмери, и в ее выпуклых рыбьих глазках сверкнул недобрый огонек. — Несчастный случай, опоздание — а селить надо сейчас. Поскольку ваша опекунша отсутствует, решать буду я. И пожалуйста, не отвлекайте меня больше. Время идет, а мне нужно назвать других студенток, которые поселятся в Розовой спальне вместе с вами.

— Прошу, мадам, позвольте переговорить с вами наедине, — в отчаянии воскликнула Галинда. — Я ведь не за себя волнуюсь, самой мне совершенно безразлично, где спать, но моя опекунша... Я бы не советовала вам назначать ее смотрительницей за общей спальней. По причинам, которые не стоит обсуждать прилюдно.

Галинда говорила первое, что лезло в голову, но ложь получилась убедительней, чем у мадам Кашмери. Директриса была заинтригована.

— Вы поражаете меня своей дерзостью, мисс Галинда, — с легким укором произнесла она.

— Что вы, — откликнулась Галинда с озорной улыбкой, — я вас еще не поразила.

Хвала Лурлине, директриса рассмеялась.

— Нет, какова смелость! Хорошо, можете прийти ко мне сегодня вечером и рассказать о тайнах вашей опекунши. Ну а пока я, так и быть, пойду навстречу и поселю вас в двухместную спальню. Только я все же попрошу вашу опекуншу присмотреть за второй студенткой. Если, конечно, не возражаете.

— О, с этим-то она справится.

— Что ж, — мадам Кашмери пробежала глазами список имен. — В соседки мисс Галинды Ардуэнской я приглашаю... Ну, скажем, мисс Эльфабу Тропп из Нестовой пустоши.

Никто не шелохнулся.

Мадам Кашмери поправила браслеты на руке, прижала пальцы к горлу, откашлялась и повторила уже громче:

— Эльфаба Тропп!

В конце зала поднялась девушка, по-нищенски одетая в красное лоскутное платье и громоздкие стариковские башмаки. Когда она выступила из тени, Галинда подумала было, что свет играет с ней злую шутку, отражает на коже девушки мох и плющ с соседнего здания. Но вот она, подняв свой саквояж, шагнула вперед, и кажущееся стало очевидным. Заостренное лицо девушки, по бокам которого спадали длинные, непривычно черные волосы, было зеленым, как у мертвеца.

— Правнучка герцога Троппа, уроженка Манчурии, долго прожила в Квадлинии, — читала мадам Кашмери. — Как это интересно, мисс Эльфаба! С нетерпением ждем ваших рассказов — где бывали, что видели. Мисс Галинда, мисс Эльфаба, вот вам ключи. Комната двадцать два на втором этаже.

Директриса широко улыбнулась подошедшей к ней Галинде.

— Мир так широк. Чего только в нем не повидаешь, — назидательно сказала она.

Галинда вздрогнула от знакомых слов, присела в реверансе и поспешила прочь из зала. Понурая соседка шла следом.

На следующий день, с перебинтованной ногой, в Крейг-холл приехала мисс Ключ. Эльфаба уже распаковала свои немногочисленные вещи, и теперь ее худенькие бесформенные платья ютились в самом углу шкафа, оттесненные пышными нарядами Галинды.

— Я и за тобой пригляжу, дорогая, мне не трудно, — широко улыбнулась Эльфабе мисс Ключ прежде, чем Галинда успела отвести опекушу в сторону и потребовать, чтобы та отказалась.

— Платят тебе, правда, только за меня, — напонила ей Галинда, но мисс Ключ не поняла намека.

— Пустяки, я и так могу. От меня не убудет, — рассеянно отвечала она.

— Послушай, — обратилась к ней Галинда, когда Эльфаба вышла. — Ты что, совсем ослепла? Не видишь, что она манчунья и вдобавок зеленая?

— Странно, правда? Я думала, манчики низенькие, а она ничего, такая же, как мы. Видно, они бывают разных размеров. А из-за цвета не беспокойся. Знаешь, по-моему, знакомство с ней пойдет тебе на пользу. Ты делаешь вид, что много повидала, а на самом-то деле совсем мало знаешь. Мне кажется, тебе повезло с соседкой.

— Не твое дело говорить мне, много я знаю или нет!

— Истинная правда, моя милая. Но не я заварила эту кашу, не я свела тебя с этой девушкой. Я просто пытаюсь помочь.

Пришлось Галинде прикусить язык. Вчерашний разговор с мадам Кашмери тоже ничего не дал. Галинда пришла к ней вечером, как и было уговорено, в синем платье с кружевным лифом. Видение цвета закатного багрянца и ночной синевы, как сказала она себе, глянув в зеркало. Директриса пригласила девушку к себе в кабинет, где рядом с камином (в котором, несмотря на теплый вечер, горел огонь) полукругом стояли диван и несколько кожаных кресел, разлила по чашкам мятный чай, предложила конфеты, кивнула Галинде на кресло, а сама осталась стоять у камина.

Вначале они молча наслаждались чаем со сладостями в лучших традициях высшего света. Здесь Галинда в лишний раз убедилась, что директриса не только своим лицом, но и одеждой напоминала рыбу. Ее просторное кремовое платье с широким воротником большим воздушным пузырем спускалось до колен, где суживалось, а потом опять расходилось, словно хвостовой плавник. Казалось, будто перед тобой стоит карп, причем не разумный говорящий Карп, а тупая бессловесная рыба.

— Итак, вы что-то хотели рассказать мне про свою опекушу, — начала мадам Кашмери. — Разъяснить причины, по которым ей нельзя доверять присмотр за Розовой спальней. Я вся внимание.

Галинда целый день готовилась к этому вопросу.

— Видите ли, мадам, я не хотела говорить это при всех. Когда прошлым летом мы ездили отдыхать на

Пертские холмы, мисс Ключ очень сильно упала: она потянулась за горным чабрецом и скатилась с края обрыва. Несколько недель бедняжка лежала без чувств, а когда пришла в себя, то оказалось, что она ничего не помнит о случившемся. Если вы станете ее расспрашивать, то она даже не поймет, о чем речь. Потеря памяти, амнезия, как говорят врачи.

— Да, неприятно, — согласилась мадам Кашмери. — Но я все равно не понимаю, почему ваша опекуна непригодна для предложенной работы.

— Понимаете, после случившегося у нее помутился разум, и теперь она путается, что живое, а что нет. Мисс Ключ может разговаривать... да хотя бы со стулом, а потом пересказывает, что он ей наболтал. Его мечты и тревоги...

— ...радости и горести, — подхватила мадам Кашмери. — Как необычно! Переживания мебели. Никогда еще такого не слышала.

— Смех смехом, а другая сторона болезни гораздо опаснее. Мисс Ключ иногда забывает, что люди, звери и даже, — Галинда понизила голос до благоговейного шепота, — Звери живые.

— Так-так.

— За себя я не беспокоюсь: мисс Ключ нянчила меня с детства, и я хорошо ее знаю. Привыкла уже к ее странностям. Но каково другим? Помню, как-то мисс Ключ разбирала шкаф и придавила им дворового мальчика. Ребенок выл от боли, а она тем временем раскладывала ночные сорочки и беседовала с матушкиным бальным платьем.

— До чего удивительное заболевание, — поразились мадам Кашмери. — И как, должно быть, утомительно для вас.

— Мне-то ничего, я даже люблю сумасшедшую старушку. Но теперь-то вы понимаете, почему мисс Ключ нельзя допускать в спальню с еще четырнадцатью девушками?

— Как же ваша соседка? Она в безопасности?

— Я ее себе не просила, — сказала Галинда, с вызовом посмотрев в выпуклые немигающие глаза директрисы. — Бедная девушка, похоже, привыкла к тяготам жизни. Либо она приспособится, либо попросит, чтобы ее отселили. Если, конечно, вы не решите сразу перевести Эльфабу в другую спальню. Для ее же блага.

— Если мисс Эльфабу не устроит то, как мы к ней относимся, боюсь, ей придется покинуть Крейг-холл. Вам не кажется?

Это «мы» насторожило Галинду: она чувствовала, что мадам Кашмери втягивает ее в какой-то заговор. Ей ужасно не хотелось впутываться в здешние интриги — но она была так молода и так остро помнила недавнее одиночество, испытанное в Главном зале. Она не представляла, чем именно Эльфаба успела не понравиться директрисе, кроме своей внешности, но чем-то не понравилась. Что-то тут было нечисто.

— Вам не кажется? — повторила мадам Кашмери и слегка наклонилась к ней, как застывшая над водой рыба.

— Конечно, мы сделаем все возможное, — уклончиво сказала Галинда, чувствуя, что это ее поймали на хитрую приманку.

Из темного угла кабинета вышел низкий механический слуга с полчеловека ростом из блестящей бронзы и с прикрепленной к груди номерной пластинкой. «Патентованный механический человек производства компании «Кузнец, Лудильчик и К°» — было написано на ней изящными буквами. Слуга

собрал со стола пустые чашки и с тихим жужжанием удалился. Галинде оставалось только гадать, давно ли он там стоял и много ли успел услышать. Она никогда не любила механических существ.

По выражению Галинды, Эльфаба страдала книжной лихорадкой в тяжелой форме. Она не то чтобы сворачивалась (для этого девушка была слишком костлява и угловата), а складывалась в кресле и утыкалась смешно изогнутым носом в ветхие страницы книг. При этом она постоянно теребила волосы, накручивая их на свои тонкие паучьи пальцы, — эти непривычно черные волосы, которые одновременно завораживали и пугали, как мех златозверя. Черный шелк. Кофе, вытянутый в нити. Ночной дождь. Обычно не склонная к метафорам Галинда восхищалась волосами соседки, тем более что в остальном той и смотреть было не на что.

Они почти не разговаривали. Галинда искала себе подруг среди девушек подостойнее и побогаче, которые куда большегодились ей в компаньонки. Решив, что к следующему семестру или, на худой конец, к следующей осени она обязательно поменяется с кем-нибудь комнатами, Галинда оставляла Эльфабу и убегала сплетничать с новыми подругами: Милой, Фэнни и Шень-Шень. Прелесть, а не подруги — одна богаче другой.

Сперва Галинда даже не упоминала о своей соседке, а та, хвала Лурлине, не лезла к ней и не позорила на людях. Первым делом подружки перемыли Эльфабе косточки за ее нищенский гардероб. На кожу никто поначалу будто и не обратил внимания.

— Говорят, будто директриса упоминала, что мисс Эльфаба приходится родственницей герцогу Троппу из Нестовой пустоши, — рассказывала за обедом Фэнни, тоже манчунья, но низенькая, не чета Троппам. — Их род очень хорошо известен во всей Манчурии. Герцог прославился тем, что собрал народное ополчение и разворотил дорогу, которую строил регент Пасториус. Это было еще до Славной революции; мы тогда только родились. Могу вас заверить, ни у самого герцога, ни у его жены, ни даже у внучки Мелены никаких странностей не было.

Под «странностями» Фэнни, конечно, подразумевала зеленую кожу.

— Надо же, как низко они опустились, — покачала головой Мила. — Эльфаба одета как уличная попрошайка. Вы когда-нибудь видели такие пошлые платья? Ее опекуншу нужно гнать взащей.

— По-моему, у нее нет опекуни, — заметила Шень-Шень. Галинда, зная наверняка, промолчала.

— Говорят, она жила среди квадринов, — продолжала Мила. — Может, ее родителей сослали за какое-то преступление?

— Или они спекулировали рубинами, — вставила Шень-Шень.

— Тогда где деньги? — возразила Мила. — У нашей Эльфабы и двух монет не найдется, чтобы позвенеть.

— Может, это какой-то религиозный обет? Сознательная бедность? — предположила Фэнни, и подружки прыснули от смеха.

В столовую вошла Эльфаба, и смех перешел в хохот. Эльфаба даже не оглянулась, зато другие студентки кидали на четверку любопытствующие взгляды, завидуя беззаботному веселью.

К учебе Галинда привыкала с трудом. Ей-то казалось, что прием в университет был признанием ее гениальности, что она осчастливит храм науки своей красотой и периодическими остроумными высказываниями. Видимо, нехотя признавалась себе впоследствии Галинда, она собиралась быть живой статуей, предметом искусства, объектом поклонения. Вот, мол, богиня ума и очарования, молитесь на нее, восхищайтесь. Разве не прелесть?

Галинда не задумывалась тогда, что в жизни еще есть чему учиться. Образование, в представлении новоприбывших девушек, не имело ничего общего с мадам Кашмери или болтливыми Зверями на трибунах и кафедрах. Вместо рассуждений, изречений и поучений студенткам хотелось развлекаться. Им был нужен сам Шиз и бурлящая в нем жизнь.

Университетский городок полыхал осенними красками. Под крышами домов развевались разноцветные флажки, символизируя студенческое братство. Опекунши организовывали для студенток экскурсии по городу (к которым, по счастью, никогда не присоединялась Эльфаба). Во время экскурсий непременно заходили в кафе, за что девушки скоро начали называть себя «гулятельно-питательным обществом».

Галинда жадно изучала архитектуру Шиза. То здесь, то там, все больше в переулках и университетских дворах, еще попадались старые дома, покосившиеся и, точно немощные старухи, поддерживаемые с обеих сторон молодыми крепкими родственниками. Архитектурные эпохи сменяли друг друга с головокружительной быстротой: суровое Средневековье соседствовало здесь с причудливым Просвещением, пышным Возрождением, умеренным Классицизмом, помпезным Абсолютизмом и угловатым современным Индустриальным Модерном или, как называли его в газетах, «высококоробочным стилем», который насаждал Волшебник Изумрудного города.

Кроме величественных зданий, смотреть здесь было практически не на что. Только однажды, в день, который студентки Крейг-холла не скоро забудут, мальчишки-старшекурсники из Колледжа трех королей, что на другой стороне канала, напились на спор пива, позвали Белого Медведя со скрипкой и пустились на берег в дикий пляс, раздевшись до подштанников и повязавшись университетскими шарфами. Они разошлись до того, что приволокли откуда-то старую, потрескавшуюся статую Лурлины, взгромоздили ее на трехногую табуретку и с языческим рвением стали выплясывать вокруг, а богиня со снисходительной улыбкой взирала сверху на пьяный разгул. Девушки и опекунши ахали в притворном ужасе, а сами замороженно смотрели на эту вакханалию, пока не набежали перепуганные старосты и не разогнали весельчаков. Непристойные пляски — это одно, но прилюдное поклонение Лурлине, пусть даже в шутку, граничило с инакомыслием, которое нынешний правитель не терпел.

Как-то воскресным вечером, когда опекунши ушли на встречу староверов, Галинда повздорила из-за каких-то пустяков с Фэнни и Шень-Шень и, сославшись на головную боль, удалилась к себе. Эльфаба, завернувшись в коричневое одеяло, по своему обыкновению сидела на кровати и читала. Ее волосы спадали почти до самой книги, скрывая лицо. Прямо как платки у дикарок из народа винков на западе страны: Галинда видела их рисунки в учебнике антропологии.

— А ты неплохо устроилась, — впервые за три месяца обратилась Галинда к своей соседке.

— Наверное, — не отрываясь от книги, согласилась та.

— Яне очень помешаю, если посижу здесь у камина?

— Если прямо там, то будешь загораживать мне свет.

— Ах, извини, — сказала Галинда и отодвинулась. — Конечно, как можно читать, когда загораживают свет?

Эльфаба уже вернулась к книге и ничего не ответила.

— И о чем ты постоянно читаешь в этой книге? — не выдержала Галинда.

Эльфаба ответила не сразу. Она возвращалась к окружающему миру медленно, словно выныривала из глубокого пруда.

— Я читаю разные книги. В этой — речи отцов унионистекой церкви.

— Господи, да кто в здравом уме захочет такое читать?

— Не знаю. Я даже не знаю, хочу ли я их читать. Просто читаю — и все.

— Но зачем? Зачем, ваша невменяемость? Чего ради? Эльфаба подняла глаза на Галинду и улыбнулась.

— «Ваша невменяемость», значит? А что, мне нравится.

Галинда, ожидавшая совсем другого, беспомощно улыбнулась в ответ. За окном хлынул дождь. Порыв ветра сорвал щеколду и распахнул окно. Галинда бросилась его закрывать, а Эльфаба спрыгнула с кровати и отбежала в дальний угол комнаты, подальше от капель дождя.

— Дай-ка мой ремень от сумки, — попросила Галинда. — Я пока привяжу раму, а завтра попросим починить. Он на полке в шкафу. Да-да, за шляпными коробками.

Стоило Эльфабе достать ремень, как коробки высыпались из шкафа, и три яркие шляпы покатались по полу. Пока Галинда возилась с окном, Эльфаба убирала шляпы назад.

— Подожди, не убирай эту, — воскликнула Галинда. — Примерь.

— Ой, лучше не надо. — Эльфаба потянулась за коробкой.

— Да нет же, примерь, я прошу. Ну, смеха ради. Я еще не видела тебя ни в чем красивом.

— Я не ношу дорогих вещей.

— Брось, глупости! Надень хоть ненадолго. Тебя никто не увидит.

Эльфаба нерешительно обернулась и внимательно посмотрела на Галинду, которая все еще стояла на стуле у окна. Ее зеленое лицо над белой, не украшенной даже кружевами сорочкой почти светилось, прямые роскошные волосы спадали туда, где обозначилась бы грудь, не будь рубашка такой мешковатой. Что-то диковинное было в Эльфабе, звериное или Звериное. Она ждала, как ребенок в предвкушении первых сладких снов, которых ему всегда желали, но которых он никогда не видел, ждала недоверчиво, прислушиваясь к себе.

— Ах, да надень же ты ее наконец! — не выдержала Галинда. Эльфаба уступила ее напору. Шляпка, о которой шел спор, была прелестным творением лучших модисток с Пертских холмов с оранжевой ленточкой и желтой вуалью, которую можно было опускать на разную длину. Она принадлежала к тем подчеркнuto женственным вещам, которые мальчишки напяливают на себя, когда изображают девчонок. На другой голове она смотрелась бы нелепо, и Галинда готовилась уже прикусить губу, чтобы не захохотать, но на Эльфабе — ах! — на ее зеленой точно стебель голове шляпка расцвела редкостным цветком.

— Ничего себе! — воскликнула Галинда. — Даты красавица!

— Грешно обманывать. У нас есть зеркало?

— Конечно. В ванной на этаже.

— Только не там... Еще увидят.

— Ну, тогда встань так, чтобы не загоразивать огонь от камина, и посмотришь в оконное стекло.

Обе девушки стали всматриваться в отражение, за которым бушевал дождь. Вдруг из тьмы возник разлапистый кленовый лист, похожий на тупоконечную звезду, и прилип к отражению Эльфабы — туда, где сердце.

— Удивительно, — призналась Галинда. — В тебе, оказывается, есть странная, необычная красота. Я и не подозревала.

— Сюрприз, — отозвалась Эльфаба и спохватилась, залилась стыдливым румянцем. — В смысле, для меня сюрприз. А так — какая это красота?

— Действительно, разве я в ней что-нибудь понимаю? — с притворной скромностью сказала Галинда, и девушки расхохотались.

Отсмеявшись, Эльфаба сорвала с себя шляпу, убрала ее в шкаф и опять взялась за книгу.

— Так что читает наша красавица? — не отставала от нее Галинда. — Я серьезно, зачем тебе эти проповеди?

— Мой отец — священник, — объяснила Эльфаба. — Вот я и решила разобраться.

— А почему бы не спросить у него самого?

Эльфаба не ответила. Ее лицо приобрело застывшее, хищное выражение, как у совы, завидевшей мышь.

— Ну и о чем они пишут? Что-нибудь интересное? — не отступала Галинда. Делать все равно было решительно нечего, а спать не хотелось.

— Сейчас я читаю о добре и зле. Существуют ли они на самом деле.

— Фу, скукота! Второе точно существует и зовется скукой, а священники — злейшие враги человечества.

— Ты серьезно?

Галинда редко задумывалась, всерьез она говорит или нет. Для нее главным был сам процесс.

— Прости, я не хотела обидеть твоего отца. Откуда мне знать: может, он самый живой и веселый священник на свете?

— Нет, я о другом. Ты действительно полагаешь, что зло существует?

— Я об этом не думала.

— Хорошо. Вот я тебя спрашиваю: как по-твоему, зло существует?

— Понятия не имею. Скажи сама — существует?

— Я еще не разобралась. — Взгляд Эльфабы потух, затуманился — или это волосы упали ей на глаза?

— Так почему не спросишь у отца? Он ведь должен знать, это его работа.

— Папа многому меня научил, — медленно, задумчиво сказала Эльфаба. — У него прекрасное образование. Он научил меня читать, писать, думать и многому другому, но — недостаточно. Мне кажется, священник, как и учитель, хорош тогда, когда его вопросы заставляют думать. У него не обязательно должны быть ответы на любой вопрос. Вовсе нет.

— Скажи это зануде-проповеднику из наших краев. У того на все найдется ответ. И наказание тоже.

— Но может быть, в твоих словах действительно что-то есть. Зло и скука. Зло и бездействие. Зло и безразличие. Зло и холодная кровь.

— Ты будто стихи слагаешь. С чего такой интерес к злу?

— Просто все ранние проповедники только про него и говорят. Вот я и думаю над их словами. Иногда они пишут, что нельзя есть Зверей, — и об этом я тоже думаю. Я вообще люблю думать над тем, что читаю. Ты разве нет?

— Я не так много читаю, поэтому и думаю не так много. Зато, — Галинда озорно улыбнулась, — одеваюсь с размахом.

Эльфаба промолчала, что немало удивило Галинду, всегда умевшую оборачивать разговор в похвалу себе.

— Так что эти древние кровопийцы думали про зло? — спросила она с досады.

— Сложно сказать. Они долго пытались найти для него место. То отравленный ручей в горах, то ядовитый туман, то холодная кровь, передаваемая от родителя ребенку. В чем-то эти проповедники похожи на первых путешественников по стране Оз, вот только их карты указывают на местоположение чего-то незримого и постоянно противоречат друг другу.

— И где же находится зло?

— Они так и не определили, верно? Иначе зачем было писать новые трактаты и спорить друг с другом? Кто-то говорил, например, что первичным злом была пустота, оставшаяся после исчезновения королевы фей Лурлины. Мол, когда пропадет божество, на его место приходит зло, которое со временем множится. Поэтому всякое зло в этом мире — признак отсутствия божества.

— Как все сложно.

— Ранние унионистские проповедники были во многом еще лурлинистами. Они рассуждали про некие невидимые средоточия зла, как бы остатки той скорби, которую испытал покинутый Лурлиной мир. Словно дуновение холодного ветра в теплую ночь. Эдакое лихое облачко. Добрейший человек мог случайно через него пройти, а потом убить своего соседа. Но тогда спрашивается: разве ты виноват, что попал в это облачко? Ни один собор унионистов так и не пришел к единому выводу, а сейчас большинство вообще не верит в Лурлину.

— Но в зло-то верят, — зевнув, сказала Галинда. — Странно все-таки: божества уже нет, а связанные с ним представления остались.

— Ага, задумалась! — торжествующе вскричала Эльфаба — так, что соседка даже подпрыгнула в постели.

— Мне это совершенно не интересно, и вообще я уже сплю, — проворчала Галинда, но Эльфаба только ехидно улыбнулась.

* * *

Утром вошла мисс Ключ, стала рассказывать, как провела прошлый вечер. Выступала бесстыдная молодая колдунья в одном лишь розовом белье с перьями и бусинами. Она пела, позволяла красным как рак студентам опускать монеты между ее грудей и показывала фокусы. Например, превращала воду в

апельсиновый сок, капусту — в морковку, а кровь зарезанного поросенка — в шампанское, которое всем дали попробовать. Потом откуда-то выбежал уродливый бородатый толстяк и под общий хохот стал гоняться за колдуньей, пытаясь ее поцеловать. Под конец хором пели хулиганские песни («Все то, что запрещается монаршими законами, у нас распространяется дешевыми притонами»). Опекунши были в восторге.

— Право же, — Галинда сморщила носик, — эта ваша плотская вера такая... плебейская.

— Что это — окно сломано? — удивилась мисс Ключ. — Неужели мальчишки к вам лазили?

— Они что, ненормальные? В такую-то грозу?

— В какую грозу? Ничего не понимаю. Была ведь совершенно спокойная ночь.

— Вот уж вас развлекали! — воскликнула Галинда. — Пропустить вчерашнюю грозу!

И они пошли завтракать, оставив Эльфабу спать (или притворяться, что спит). По пути Галинда размышляла о капризах природы. Возможно ли, чтобы гроза обрушилась на одну часть города и полностью миновала другую? Как все-таки много она еще не знает о мире!

— Она только и говорила, что про зло, — рассказывала Галинда своим подружкам за завтраком. — Слова так и хлестали из нее, так и хлестали. А когда она напялила мою шляпу — ой, девочки, я чуть не умерла. Будто чья-то бабка вылезла из могилы. Безвкусица во всем. Я выдержала только потому, что вам хотела рассказать. Иначе лопнула бы от смеха на том же месте. До чего нелепо!

— Бедная, и как ты только выносишь эту насекомоподобную соседку? — посочувствовала Фэнни и с чувством пожала руку Галинде. — Это же надо быть такой терпеливой.

3

В день, когда выпал первый снег, мадам Кашмери устроила вечер стихов. Приглашены были студенты из Колледжа трех королей и Колледжа Озмы. Галинда извлекла из шкафа вишневое атласное платье, подходящего цвета шаль, туфельки и фамильный веер, украшенный изображениями папоротников и фениксов. Она пораньше пришла в библиотечный зал, чтобы сесть в кожаное кресло, которое лучше всего оттеняло ее наряд. Затем Галинда подвинулась к книжным полкам, где на нее мягко падал свет от свечей. Чуть позже в зал шушукующей гурьбой протиснулись девушки, потом стали появляться приглашенные юноши. Их было немного, и все какие-то ущербные; одни запуганно оглядывались, другие глупо хихикали. Последними вошли преподаватели, среди которых были и профессора из мужских колледжей. Девушки, отчаявшиеся было от вида прыщавых юнцов, приободрились.

Явились даже некоторые опекунши, сели за ширму в конце зала и убаюкивающе защелкали спицами. Галинда была уверена, что где-то там притаилась и мисс Ключ.

Двойные двери распахнулись, и маленький механический слуга, дыхнув полиролью, вошел в зал и согнулся в почтительном поклоне перед своей госпожой. Следом прошествовала мадам Кашмери в строгой, пугающе черной накидке, которую она небрежно бросила ракообразному слуге, явив взору собравшихся огненно-рыжее платье, расшитое перламутром. Даже Галинда вынуждена была признать, что эффект получился хоть куда.

Голосом еще слащавее обычного мадам Кашмери приветствовала гостей и заговорила про новую стихотворную форму, охватившую салоны и поэтические кружки Шиза.

— Она называется квелью, — рассказывала директриса, то и дело расплываясь в акульей улыбке. — Это короткое энергичное стихотворение, в котором за тринадцать рифмованными строками идет завершающая несозвучная строка. Прелесть стихотворения как раз и состоит в контрасте между начальной, рифмованной частью и рубленой концовкой. Иногда они дополняют друг друга, иногда противоречат, но всегда озаряют и, как любая истинная поэзия, утверждают жизнь. — Мадам Кашмери просияла, как маяк в ночи. — Сегодня в особенности квель может стать утешением после неблагоприятных веяний из столицы.

При этих словах юноши насторожились, а профессора печально закивали. Девушки же — Галинда видела это по их лицам — не имели ни малейшего понятия, о каких «неблагополучных веяниях» говорит мадам.

Третьекурсница ударила по клавишам фортепиано. Гости прокашлялись и приготовились слушать. Через заднюю дверь в зал вошла Эльфаба в своем уродливом красном платье, платке на голове и с двумя книгами под мышкой. Она села на последнее пустое место и вгрызлась зубами в яблоко, как раз когда мадам Кашмери набирала полную грудь воздуха, чтобы начать.

Восславим, други милые,

Идеи прогрессивные

Зато, что возвеличили

Нам правила приличия.

Во имя блага общего

В любимой академии

Конец положим обществам

Смутянов и бездельников.

Объединив усилия,

Попрем свободы бедствия.

Да расцветет идиллия!

Да будет благоденствие!

Воскликнем, други милые:

Волшебнику Изумрудного города — слава!

Мадам Кашмери слегка наклонила голову, показывая, что закончила. По залу прошелся невнятный ропот. Галинда, не слишком сведущая в поэзии, решила, что так, наверное, и принято восхищаться стихами. Она проворчала что-то на ухо Шень-Шень. Та сидела рядом, прямо под свечой, с которой грозила упасть капля горячего воска и непоправимо испортить ее белое платье с лимонно-желтым шлейфом. Галинда хотела предупредить подружку, но потом раздумала. Родители у Шень-Шень богатые, купят новое платье.

— Еще, — провозгласила мадам Кашмери. — Еще одна квель.

В зале стихло, но напряжение оставалось.

Увы, у нас в отечестве

Господствует невежество.

А те, кто собирается

Исправить положение,

Пусть как огня чураются

Бесстыдного веселия.

Жить надо в благочинии,

Как будто в ожидании

Господнего пришествия,

Согласно предсказаниям

Всезнающего жречества.

Пусть помнит человечество

С самой скамьи студенческой —

Не дело Зверей разговаривать.

Снова ропот, но уже другой, близкий к взрыву негодования. Профессор Дилламонд топнул копытом и громко произнес:

— Никакая это не поэзия. Пропаганда это, бесстыдная и бездарная.

Эльфаба перенесла свой стул, поставила его между Галиндой и Шень-Шень, уселась на него костлявым задом и спросила соседку:

— Ну и что ты об этом думаешь?

Никогда еще прежде Эльфаба не обращалась к Галинде на людях. Вот сраму-то!

— Не знаю, — едва слышно, не поворачиваясь, ответила Галинда.

— Ловко она, правда? Последняя фраза произнесена с таким акцентом, что не поймешь, зверей она подразумевает или Зверей. Неудивительно, что Дилламонд в ярости.

Профессор действительно был вне себя. Он поднялся, оглядел присутствующих в поисках поддержки, сказал:

— Я потрясен! Нет, возмущен!

И вышел из зала. За ним последовал Кабан — преподаватель математики профессор Ленке. Стараясь не наступить на платье Милы, он свалил старинный позолоченный буфет. Учитель истории Орангутан

мистер Микко зажался в дальний угол зала, слишком растерянный, чтобы открыто выразить протест.

— Что ж, настоящая поэзия может и оскорбить, — величественным голосом произнесла мадам Кашмери. — Это священное право искусства.

— По-моему, она ненормальная, — прокомментировала Эльфаба.

Этого Галинда вынести уже не могла. Что, если хоть один прыщавый студентка заметит, как она перешептывается с зеленой страшилой? Да ее на смех поднимут! Всю жизнь сломают!

— Тише, я слушаю, — прошипела она. — Не отвлекай, не порть мне вечер.

Эльфаба отодвинулась и захрумкала яблоком. Чтения продолжались. Ворчание после каждого стиха становилось громче, но студенты уже пообвыкли, слушали вполуха, стали оглядываться друг на друга.

Когда последняя квель закончилась загадочным афоризмом: «Ведьма не воробей, вылетит — не поймает», мадам Кашмери раскланялась под неуверенные аплодисменты и кивнула своему бронзовому слуге разносить чай: сначала гостям, потом студенткам и их опекунам. Шурша шелками и позвякивая перламутровыми ракушками, директриса принимала поздравления от профессоров и наиболее смелых студентов и приглашала их сесть рядом, поделиться впечатлениями.

— Скажите правду: я слишком трагично читала? Знаете, это моя беда. Моим призванием была сцена, но я отдала себя служению молодым умам. — И она, скромно опустив ресницы, выслушивала от своих пленников неискренние комплименты.

Галинда тщетно пыталась избавиться от позорной компании своей соседки. Эльфаба продолжала спрашивать ее про квели, про их смысл и про то, хороши ли они.

— Да откуда я знаю? Что мы вообще можем знать, мы всего лишь первокурсницы, — отбивалась от нее Галинда, жалобно поглядывая туда, где Фэнни, Мила и Шень-Шень изловили нескольких студентиков и предлагали им ломтики лимона к чаю.

— Твое мнение ничем не хуже мнения Кашмери, — убеждала Эльфаба. — В этом-то и есть истинное назначение искусства. Не оскорблять, как говорит, Кашмери, а пробуждать мысли. Иначе зачем стараться.

К ним подошел юноша. Не бог весть что по меркам Галинды, но уж Точно лучше, чем зеленая пиявка у нее под боком.

— Добрый вечер, — приветствовала его Галинда, не дожидаясь, когда он наберется храбрости заговорить первым. — Очень приятно вас видеть. Вы, должно быть...

— Из Бриско-холла, — ответил он. — Вообще-то я из Манчурии, но вы, наверное, и так догадались.

И действительно, он едва доходил Галинде до плеч. Несмотря на низкий рост, юноша был недурен собой. Золотистые, небрежно причесанные волосы, ослепительная улыбка и прыщей меньше, чем у некоторых. Его камзол был провинциального голубого цвета (излюбленный цвет манчинов), зато шит серебряными нитками. На слегка расставленных ногах блестели начищенные ботинки.

— Вот за что я люблю Шиз, так это за новые знакомства, — сказала Галинда. — Я из Гилликина...

Она остановила себя, чтобы не добавить «разумеется» — ей казалось, это и так должно быть понятно по ее наряду. Девушки-манчуньи одевались попроще, из-за чего их частенько принимали за прислугу.

— Тогда будем знакомы. Меня зовут Бок.

— Галинда Ардуэнская из Верхних земель.

— А вы? — повернулся Бок к Эльфабе.

— Я уже ухожу. Всем спокойной ночи.

— Нет-нет, пойте. Мне кажется, я вас знаю.

— Исключено.

— Вы мисс Эльфи, да?

— Мисс Эльфи! — прыснула Галинда. — Какая прелесть! Эльфаба, собравшаяся было уходить, остановилась.

— Откуда вы меня знаете, Бок из Манчурии? Мы не встречались.

— Ну как же, мы ведь в детстве вместе играли. Мой отец был старостой деревни, где вы родились. В Закамышье, в Вендовой пустоши. Верно? А ваш отец — священник, только я забыл, как его зовут.

— Фрекс, — подсказала Эльфаба.

— Правильно, Фрекс Благочестивый, конечно. Знаете, в деревне вас все еще вспоминают: и его, и вашу маму, и тот день, когда к нам привезли Часы Дракона времени. Мне в то время было годика два, меня водили смотреть на Часы, но я ничего о них не помню... А вас приводили к нам играть. Помните Гвинетту? Она за нами присматривала. А Бри? Старосту Бри? Это мой папа. Вы что-нибудь помните про Закамышье?

— Все это темно и туманно, — ответила Эльфаба. — Давайте я лучше расскажу, что было до того, как вы что-то о себе помните. Вы родились лягушонком — у Бока действительно был слегка земноводный вид, — потом вас принесли в жертву Дракону времени, и вы превратились в мальчика. Но в первую брачную ночь, когда вы придете в опочивальню к жене и она раздвинет ноги, вы обернетесь головастиком и...

— Эльфаба! — вскричала Галинда и распахнула веер, чтобы остудить пылающие щеки. — Как можно?

— А, не важно. У меня не было никакого детства, так что можете говорить что хотите. Я выросла в болотах Квадлинии, мои туфли все еще чавкают от сырости. Вряд ли вы захотите со мной разговаривать. Поболтайте лучше с мисс Галиндой — она гораздо больше меня понимает в светских беседах. А я пошла.

Эльфаба кивнула на прощание и чуть ли не бегом удалилась.

— Чего это она? — удивился Бок. — Попробуй ее забудь. Сколько еще на свете людей с зеленой кожей?

— Подозреваю, — подсказала Галинда, — Эльфабе не нравится, когда ее узнают из-за цвета кожи. Я, конечно, не уверена, но, по-моему, это ее больное место.

— Но ведь она должна понимать, что именно это в ней и запомнят.

— Возможно. В любом случае вы не обознались. Я слышала, Эльфаба — правнучка герцога Троппа из Нестовой пустоши.

— Так и есть. Надо же! Никогда бы не подумал, что снова ее увижу.

— Не хотите ли еще чаю? Я позову слугу. Давайте сядем, и вы расскажете мне про вашу страну. Я сгораю от любопытства.

Галинда села на стул подходящего цвета и обратила на Бока все свое обаяние. Бок сел рядом и тряхнул головой, будто отгоняя все еще стоявшее перед глазами видение Эльфабы.

Когда Галинда вернулась в свою комнату, Эльфаба лежала в постели, накрывшись с головой и издавая поистине театральный храп. Галинда упала на кровать, досадуя на себя за чувство вины перед зеленокожей соседкой.

* * *

Всю неделю не утихали разговоры о прочитанных стихах. Профессор Дилламонд прервал свою лекцию по биологии и спросил, что студентки думают о квелих. Не видя связи между биологией и поэзией, девушки молчали, не реагировали на наводящие вопросы.

Наконец профессор не выдержал.

— Неужели никто не понимает, что квели — это последствие событий в Изумрудном городе?

Фэнни, убежденная, что она не для того тратит деньги на обучение, чтобы на нее кричали, огрызнулась в ответ:

— Мы понятия не имеем, что происходит в Изумрудном городе. И хватит с нами играть. Хотите что-то сказать — говорите. Нечего блеять попусту.

Профессор отвернулся к окну, силясь совладать с собой. Девушки затаив дыхание ждали, что будет. Потом учитель повернулся к ним и спокойным голосом объяснил, что несколько недель назад Волшебник Изумрудного города подписал Закон об ограничении подвижности Зверей. Закон не только закрывал Зверям доступ к поездкам и гостиницам — под «подвижностью» понимался и профессиональный рост. Подросшим Зверям запрещалось получать образование и заниматься умственным трудом. Чтобы заработать на пропитание, они могли браться только за черную крестьянскую работу.

— Что же еще, по-вашему, имела в виду мадам Кашмери, когда закончила квель словами «Не дело Зверей разговаривать»? — желчно спросил Дилламонд.

— Конечно, тут всякий обидится, — сказала Галинда. — Всякий Зверь, я хотела сказать. Но ведь вам пока ничего не угрожает, верно?

— А как быть с моими детьми? Моими Козлятами?

— Разве у вас есть дети? Я и не знала, что вы женаты.

Козел терпеливо закрыл глаза.

— Нет, мисс Галинда, я не женат. Но я мог бы. Или еще буду. А может, у меня есть племянники и племянницы? Получается, что им уже заранее запретили здесь учиться. Много ли вообще вы видели студентов-Зверей в нашей обители знаний?

Действительно, ни одного.

— Все это, безусловно, ужасно, — сказала Галинда. — Зачем же Волшебник Изумрудного города издает такие указы?

— Вот именно, зачем?

— Нет, я серьезно спрашиваю. Я не знаю ответа.

— Я тоже. — Профессор Дилламонд вернулся на трибуну, переложил бумаги с одного места на другое, потом достал из ящика носовой платок и высморкался. — Обе мои бабушки были дойными козами на ферме. Кое-как они наскребли денег, чтобы нанять для меня учителя. А теперь весь их труд пропал

даром.

— Но ведь вы еще можете преподавать, — упрямо повторила Фэнни.

— До поры до времени, моя дорогая, до поры до времени, — сказал Дилламонд и отпустил класс до звонка.

Пока Галинда собиралась, она обратила внимание на странный, задумчивый взгляд Эльфабы, а на выходе из класса заметила, что ее соседка подошла к кафедре, где профессор Дилламонд дрожал от неудержимых рыданий.

Через несколько дней мадам Кашмери выступала с одной из редких открытых лекций о поэзии — на сей раз о ранних гимнах и победных песнях. К концу занятия она спросила, есть ли вопросы. К удивлению собравшихся, Эльфаба, распрямившись из своей привычной позы зародыша, подняла руку.

— Мадам Кашмери, если позволите, — у нас еще не было подходящей возможности обсудить квели, которые вы недавно прочли.

— Пожалуйста, — предложила директриса, нетерпеливо звякнув браслетами.

— Профессор Дилламонд считает их грубыми и безвкусными, учитывая недавние запреты на подвижность Зверей.

— Профессор Дилламонд, при всем к нему уважении, всего лишь... профессор, — сказала мадам Кашмери. — А не поэт. К тому же он Козел, а слышал ли кто-нибудь, смею вас спросить, чтобы Козлы слагали сонеты или баллады? Увы, дорогая моя мисс Эльфаба, профессор Дилламонд ничего не понимает в таких стилистических приемах, как, например, ирония. Дайте нам, пожалуйста, ее определение.

— Боюсь, я не смогу, мадам.

— Согласно одному из определений, ирония — это искусство столкновения противоположностей. Высказывание, истинный смысл которого противоречит буквальному смыслу использованных слов. При этом нужно, конечно, держать определенную дистанцию от предмета разговора. Ирония предполагает незаинтересованность, непредвзятость. У профессора Дилламонта ее нет, но, думаю, ему это простительно.

— То есть вы хотите сказать, что фраза, которая ему так не понравилась: «Не дело Зверей разговаривать», — была ироничной? — спросила Эльфаба, не глядя на мадам Кашмери.

Студентки затаили дыхание и с интересом ловили каждое слово. Все понимали: обе спорщицы испепелили бы друг друга на месте.

— Да, ее можно понять и так, — уклончиво ответила директриса.

— А вы — как?

— Что за наглость! — вспыхнула мадам Кашмери.

— Извините, я не хотела показаться дерзкой, я просто пыталась разобраться. Если вы — или кто-то другой — согласны с последней фразой, тогда она не противоречит тем нравоучениям, которые ей предшествовали, а закономерно из них вытекает. Это просто заключительная часть, подчеркивающая позицию автора. Никакой иронии я не вижу.

— Вы многого не видите, мисс Эльфаба, — возразила директриса. — Вам бы побольше смотреть на мир глазами более опытных и знающих людей. Какэто, наверное, грустно — быть пленницей собственного

невежества, заложницей слабосильного разума — для личности столь юной и... яркой.

Мадам Кашмери почти выплюнула последнее слово, и Галинде послышался в нем намек на кожу Эльфабы, которая действительно прямо-таки светила от внимания к ней.

— Но я и хотела взглянуть на мир более опытными глазами — глазами профессора Дилламонда, — не сдавалась Эльфаба.

— Думаю, в том, что касается толкования поэзии, нужно согласиться с квелью. Не дело Зверей разговаривать.

— Это вы так иронизируете? — спросила Эльфаба, но села, закрыла лицо руками и не отнимала их до самого конца лекции.

4

Началось второе полугодие, а Галинда все еще жила вместе с Эльфабой. Она пыталась было выпросить себе другую комнату, но мадам Кашмери и слушать не желала ни о каких обменах.

— Кого я поселю на ваше место? Нет-нет, это слишком расстроит других девушек. Если только вы не хотите перебраться в Розовую спальню. Я наблюдала за вашей опекуной, и мне кажется, она уже достаточно оправилась от того заболевания, которое вы описывали при первой встрече. Возможно, сейчас мисс Ключ готова взять под свое крыло пятнадцать девушек?

— Ах нет, что вы! — воскликнула Галинда. — Ее приступы все еще повторяются, только я вам об этом не говорила. Мне не хотелось быть лишней обузой.

— Какая забота! Я тронута. И раз уж вы пришли, не поговорить ли нам о ваших учебных планах на следующий год? Как вы знаете, на втором курсе студентки выбирают свою будущую специальность. Вы уже решили, чем будете заниматься?

— Пока нет, — призналась Галинда. — Сказать по правде, я надеялась, что мои таланты сами проявятся и подскажут, в каком направлении двигаться дальше, заниматься ли точными науками, литературой, магией или историей... Вот только богословие мне вряд ли подходит.

— Да, такой, как вы, будет трудно выбрать, — сказала мадам Кашмери не слишком-то лестным тоном. — Но я бы все-таки посоветовала магию. Мне кажется, вы смогли бы добиться в ней значительных успехов, а я льщу себе мыслью, что редко ошибаюсь в подобных делах.

— Я подумаю, — сказала Галинда, хотя у нее сильно поубавилось желания изучать магию, когда она услышала, что за каторга штудировать заклинания и, еще того хуже, понимать их.

— Если выберете магию, то вполне возможно, что мне удастся поменять вам соседку. Мисс Эльфаба уже твердо заявила, что ее интересуют естественные науки.

— Тогда я очень хорошо подумаю, — пообещала Галинда, но что-то не давало ей покоя. Несмотря на роскошный гардероб и напыщенные речи, мадам Кашмери по-прежнему казалась Галинде опасной. Как будто блеск ее улыбки был отсветом мечей и кинжалов, а низкий голос — отзвуком далеких взрывов. Галинду мучило ощущение, будто она что-то упускает из виду. Это действовало на нервы. Сидя с чашкой ароматного чая в директорском кабинете, Галинда чувствовала, как у нее внутри надывается что-то очень важное. Возможно, чистая душа?

— К тому же скоро в Шиз приезжает сестра Эльфабы, и я не в силах этому помешать, — продолжала мадам Кашмери после нескольких минут молчания и пары бесподобных печений. — А это, насколько я понимаю, действительно жутко. Вам вряд ли понравится. Наверняка она будет много времени проводить с мисс Эльфабой. Такая-то сестра.

Директриса слегка улыбнулась, и от нее сильнее повеяло духами, как будто и запахи были ей подвластны.

— Такая вот сестра, — повторила мадам Кашмери и сокрушенно покачала головой. — Ужасно, право слово, но нам остается только собраться с силами и терпеть. На то ведь и существует наше университетское сестринство, верно? — Она накинула платок и положила мягкую руку Галинде на плечо (девушка вздрогнула и была уверена, что директриса это заметила, хотя и не подала вида). — Но надо же — сестринство! — какой неожиданный каламбур! Какая горькая ирония! Хотя, конечно, со временем любые слова и поступки оборачиваются иронией.

И она сильно, до боли, не по-женски сжала плечо Галинды.

— Остается надеяться, что эта сестра привезет достаточно вуалей. Ха-ха. Однако у нас впереди еще год. Подумайте же про магию, дорогая моя, подумайте хорошенько. Ну а теперь до свидания и спокойной ночи.

Галинда медленно шла к себе в комнату, гадая, какой же должна быть сестра Эльфабы, чтобы вызвать у Кашмери столь злые намеки. Она бы с радостью спросила саму Эльфабу, ноне могла придумать, как завести об этом разговор.

БОК

— Айда с нами, — звали друзья, заглядывая в комнатенку к Боку. — Брось ты эту книгу, тошнит уже от них. Пойдем.

— Не могу, мне нагонять надо. Я и так отстаю по теории орошения.

— Какое, на фиг, орошение, когда пиво ждет? — возмутился рослый гилликинец по имени Эврик. — Поздно учиться, в разгар сессии. Перед смертью не надышишься. Преподы все равно бухие придут.

— Да я не из-за отметок. Просто хочу разобраться.

— Мы ушли, — слышалось в коридоре. — Не хочет идти — не надо, черт с ним! Пиво скиснет!

— Куда идете-то? Может, я к вам через часок завалюсь. — Бок настороженно снял ноги со скамеечки под столом, чтобы вовремя отскочить, если Эврик решит подхватить его, взвалить на плечи и унести на гулянку силой. Низкий рост Бока возбуждал у товарищей такую лихость.

— В «Мордатого свина», — ответил Эврик. — У них такая ведьмочка выступает — глаз не оторвешь. Из кембрийских, говорят.

— Ха! — усмехнулся Бок. — Ну тогда валяй, наглядись на нее хорошенько. Я приду как смогу.

Шумная процессия мальчишек двинулась дальше по коридору. Они стучали в комнаты других товарищей, да так, что портреты на стенах качались. Эврик задержался в дверях.

— Слушай, а может, ну их, этих лопухов — махнем сразу в «Приют философа»? — заговорщически подмигнул он. — В смысле потом, после пива? Гулять так гулять!

— Эврик, остынь!

— А что? Ты ведь сам интересовался, как там. Отчего бы не побаловать себя под конец семестра?

— Интересовался — одно. Смертью я тоже, может, интересуюсь, но умирать пока не тороплюсь. Иди, Эврик, не отвлекай. Там Кембрийская ведьма, забыл? Хотя, по-моему, это очередная завлекаловка. Кембрийские ведьмы перевелись больше века назад, если вообще когда-нибудь существовали.

Но Эврик медлил. Поднял воротник крутки, красный с обратной стороны — будто повязал на шею бант, символ знатного рода. Бок поймал себя на том, что невольно сравнивает себя с приятелем и что сравнение это не в его, Бока, пользу.

— Ну что еще? — нетерпеливо спросил он.

— Как-то ты изменился в последнее время. Я ведь вижу, не слепой. Что случилось?

— Да ничего не случилось!

— Нет-нет-нет. Ты можешь сказать мне не лезть не в свое дело, заткнуться, отвалить, но только не говори, что ничего не случилось. Ты совсем не умеешь врать, и это просто оскорбительно: можно подумать, ты меня за болвана какого-то держишь.

Тронутый заботой приятеля Бок чуть было не поведал ему сокровенные мысли, даже открыл было рот, но тут пробили часы. Эврик обернулся, и момент для исповеди ускользнул.

— Ты прав. Ради нашей дружбы я не буду тебе врать, но и объяснять пока ничего не стану. Манчики

— упрямый народ, ты ведь знаешь. Иди гуляй, только не напивайся до беспамятства.

Бок еще хотел предостеречь друга от «Приюта философа», но вовремя спохватился: после таких предупреждений Эврик может назло туда пойти. Потрадиции северных дворян, от которой Бок всегда смущался, Эврик поцеловал его в обе щеки и лоб, хитро подмигнул и исчез.

Студенты высыпали на дорожку под окном и шумной толпой едва ли не вприпрыжку двинулись в пивную. Бок отодвинулся от окна, чтобы никто его не увидел и не вернулся, но зря волновался: ребятам было уже не до него. Они перевалили через первую половину экзаменов и получили передышку на пару дней. После сессии университетский городок опустеет: все разъедутся, останутся только самые чудаковатые профессора да самые бедные студенты. Бок был из последних. Он уже проводил здесь лето, и перспектива работать все каникулы в библиотеке — смахивать пыль с древних рукописей — пугала больше экзаменов.

Через дорогу тянулась стена конюшни, принадлежавшей какому-то богатею из престижного квартала. Дальше виднелись кроны фруктовых деревьев из сада Крейг-холла, а за ними — окна классных комнат и спален. Когда девушки забывали задернуть занавески (что случалось удивительно часто), можно было видеть, как они раздеваются. Не совсем голых, конечно — тогда бы он заставил себя отвернуться или обругал бы за то, что не отворачивается, — а в разных нижних юбках и сорочках, пеньюарах и корсетах. Лифчики да кринолинчики, пряжки да подтяжки — это была целая наука, наука о женском белье. Бок, у которого не было сестер, смотрел и не мог налюбоваться.

Крейг-холл был слишком далеко, чтобы различить отдельных девушек, а Бок мечтал увидеть сейчас ту, которая ему приглянулась. Ну вот, теперь не сосредоточиться. Черт побери! Его же выкинут из университета, если он провалит экзамены. А значит, плакали надежды отца, старика Бри, и всей деревни, и всей округи.

Проклятие и еще раз проклятие! Жизнь несправедлива, а крохами, конечно, не насытишься. Против собственной воли Бок подскочил к вешалке, нацепил студенческий картуз, промчался по коридорам, скатился по витой каменной лестнице и вылетел во двор. Нужно было немедленно что-нибудь предпринять, и в голову ему как раз пришла мысль.

Он кивнул сторожу, вышел за ворота, повернул налево и пошел по дороге, старательно маневрируя между высокими кучами конского навоза. Хорошо хоть все приятели ушли на попойку; перед ними теперь не осрамишься. Бок дважды повернул налево и скоро очутился у конюшенной стены. Поленица, неплотно закрытая ставня, железный крюк — как раз удобное место. При своем низком росте Бок был легок и проворен. Без единой царапины он влез на жестяной карниз и по-паучьи вскарабкался по крутой крыше.

До чего просто! Как это он раньше не догадался? Он ведь мог забраться сюда недели, месяцы назад. Но только сегодня вечером ребята гуляют, и никто не увидит его из окон Бриско-холла. Какое счастье, что он не пошел вместе с Эвриком и остальными! Зато теперь он сидит на конюшенной крыше, прямо напротив окон девичьих спален, а внизу ветер шуршит листвой, будто рукоплещет его успеху. Вот в окнах появились девушки, как будто специально ждали в коридоре, пока Бок устроится поудобнее. Словно знали, что он придет.

Отсюда, при более близком рассмотрении, они уже не были так хороши. Но где же та, ради которой Бок сюда влез?

Но хороши — не хороши, а видны как на ладони. Чего стоят одни их пальцы, которыми эти юные создания развязывают шелковые банты, стягивают перчатки, расстегивают перламутровые пуговички, помогают друг другу распутать труднодоступные тесемки и запускают пальчики туда, где парням и не снилось оказаться! А волосы, растущие в самых неожиданных местах, — как удивительно! Руки Бока

сжимались и разжимались, словно мечтали ощупать то запретное, что видели глаза. Но где же, где же она?

— Эй, ты что там делаешь?

От неожиданности Бок потерял равновесие. Видно, судьба, подарившая незабываемое зрелище, теперь намеревалась его убить. Отчаянным взмахом руки юноша попытался зацепиться за трубу, но не достал и кубарем скатился с крыши. Проломился сквозь ветви груши, наверное, спасшие его от смерти, и рухнул на грядку салата так, что воздух вышибло через все возможные отверстия.

— Замечательно, — прокомментировал голос. — Что-то рано в этом году деревья начали плодоносить.

У Бока еще теплилась надежда, что голос принадлежал его возлюбленной. Он напустил на себя важный вид, насколько это было возможно в его положении.

— Добрый вечер, — сказал он, усевшись и шаря по земле в поисках очков. — Простите великодушно за вторжение. Не так я рассчитывал сюда попасть.

Из-за кустов винограда вышла босоногая девушка в переднике, с миской незрелого винограда для салата. Она была не той, кого надеялся встретить Бок. Даже без очков видно, что эта — зеленая.

— Ах, это вы, — сказал он, стараясь скрыть разочарование.

— А это вы, — ответила она, подойдя ближе. — Я вас знаю.

— Студент Бок к вашим услугам.

— Студент Бок в моем салате — вы хотели сказать? Девушка сняла его очки со стебля фасоли и протянула ему.

— Как поживаете, мисс Эльфи?

— Неплохо. Не кислее винограда, не раздавленной салата. А вы как, мистер Бок?

— Я сгораю от стыда, — признался он. — У меня будут неприятности?

— Если хотите, их можно устроить.

— Нет-нет, не трудитесь. Лучше я выберусь тем же путем, каким сюда попал. — Он оглядел грушу. — Бедное дерево, сколько хороших веток поломал.

— Еще бы не бедное! И как это вас угораздило?

— Все от неожиданности. Надо было выбирать: либо нырнуть в листву, как древесная нимфа, либо тихонько слезть по другой стене на улицу и уйти по своим делам. Что бы предпочли вы на моем месте?

— Хороший вопрос, но я давно научилась не ограничиваться данным мне выбором. Я бы не стала ни тихо лезть на улицу, ни прыгать на дерево и в салат. Я бы вывернулась наизнанку и повисла над крышей, а когда успокоилась, то медленно, спокойно опустилась бы обратно.

— И ввернулись назад? — подыграл Бок.

— Это зависело бы от того, кто и зачем меня окликнул, а также от того, какого цвета окажется моя изнанка. Я ведь еще не выворачивалась, откуда мне знать? Вдруг такой же, как все, — розовой, словно поросенок? Ужасный цвет.

— Да, это правда, особенно под душем. Начинаешь чувствовать себя как недожаренный... — Он осекся: игра заходила слишком далеко. — Еще раз прошу прощения, если испугал вас. Я не нарочно.

— Вы, надо думать, смотрели на наши деревья? — ехидно спросила Эльфаба. — Изучали молодую поросль?

— Совершенно верно, — невозмутимо ответил Бок.

— Нашли ли вы дерево своей мечты?

— Дерево моей мечты принадлежит лишь моим мечтам. Я ни с друзьями о нем не говорю, ни с вами не буду. Мы же едва знакомы.

— Так уж и едва? Полно, мы ведь когда-то играли вместе. Вы сами мне напомнили на вечере. Да мы просто как брат и сестра! Описывайте смелее свое любимое дерево, и, возможно, я подскажу, где оно растет.

— Вы издеваетесь надо мной, мисс Эльфи!

— Только самую малость, Бок. — Она опустила вежливое «мистер», подкрепляя этим слова о полуродственной близости. — Попробую догадаться. Вы хотели увидеть мисс Галинду, девушку, с которой встретились на вечере ужасных стихов прошлой осенью.

— Вы видите меня насквозь, — покорно вздохнул Бок. — Могу я надеяться, что она хоть иногда обо мне вспоминает?

— Надеяться вы, конечно, можете, только гораздо вернее спросить ее саму и покончить с этим раз и навсегда.

— Но ведь вы ее подруга, разве нет? Неужели не знаете?

— На вашем месте я бы мне не доверяла. Вдруг я обману? Может, я тайно влюблена в вас и готова оболгать свою соседку?

— Вы с ней соседки?!

— Что, это так странно?

— Нет, что вы, просто... удачно... Я не ожидал...

— Мне пора идти. Кухарки наверняка недоумевают, с какими овощами я так заговорила. Если хотите, могу как-нибудь вечером привести сюда мисс Галинду, чтобы она сама разрушила ваше счастье, хотя... Как я уже сказала, откуда мне знать? Если я даже не знаю, что будет на ужин, куда уж мне разгадывать чужие чувства?

Они договорились встретиться через два дня. Бок горячо благодарил Эльфабу и так энергично тряс зеленую руку, что очки прыгали у него на носу.

— Вы замечательный друг, милая Эльфи, хоть мы и не виделись пятнадцать лет, — сказал он, в свою очередь опустив уважительное «мисс».

На этом они и расстались. Эльфаба скрылась за деревьями, а Бок перелез через стену, вернулся в свою комнату и взялся за книгу. Правда, он по-прежнему не мог сосредоточиться. Не мог он и уснуть и слышал стук, звон, громкий шепот, смешки и сдавленную ругань, с которыми пьяные товарищи возвращались в Бриско-холл.

Эврик даже не стал дожидаться результатов экзаменов — уехал на каникулы. У Бока уверенности в себе было гораздо меньше. Он чувствовал, что балансирует на грани провала, позорного исключения из университета и возврата в свою деревню. Его первая встреча с Галиндой могла стать последней. Бок долго возился с одеждой. Потом выяснил, какая самая модная прическа (туго схваченные белой лентой волосы, рассыпающиеся сверху, будто пена от переливаемого молока). Несколько раз почистил ботинки. Жаль, нет вечерних туфель. Но ничего не поделаешь — придется идти так.

В назначенный вечер Бок повторил свой путь. С крыши спускался в сад по заботливо поставленной кем-то лестнице, ловко прыгнул с последних ступенек — теперь уже не в салатную грядку. На скамейке под орешником сидела Эльфаба, подобрав под себя ноги и обхватив колени руками, а рядом с ней Галинда, скромно скрестив ножки, закрылась веером и упорно смотрела в другую сторону.

— Не может быть! У нас гости! — воскликнула Эльфаба. — Какая неожиданность!

— Добрый вечер, дамы, — поздоровался Бок.

— Что вы сотворили с волосами? Прямо испуганный еж какой-то!

Галинда не выдержала, взглянула, но тут же снова спряталась за веером. Чего это она? Смущается? Неужели ее сердце тоже переполнено нежным чувством?

— Так я же от них происхожу, разве не рассказывал? Мой дедушка был Ежом. Окончил свои дни на обеденном столе у Озмы; рецепт его приготовления бережно хранится как семейная реликвия. Еж, запеченный в сырном соусе с грецкими орехами. Обедение!

— Неужели? — Эльфаба оперлась подбородком о колени.

— Шучу. Добрый вечер, мисс Галинда. Как великодушно с вашей стороны согласиться на встречу со мной.

— Все это крайне легкомысленно и, как вы прекрасно понимаете, не подобает приличным девушкам, но соседка не давала мне покоя, пока я не согласилась. Не могу сказать, что рада вас здесь видеть.

— Ах, перестань, скажи, что рада, может, получится, — напустилась на нее Эльфаба. — Смотри, он не так уж плох. Ну, постарайся для бедного мальчика.

— Я счастлива, что понравилась вам, мистер Бок. И очень польщена, — вежливо продолжала Галинда, хотя дурак бы понял, что она считала себя не польщенной, а униженной. — Но между нами не может быть никаких особенных отношений. Какие бы теплые чувства я к вам ни испытывала, слишком много препятствий стоит у нас на пути. Я согласилась выйти сюда лишь для того, чтобы сказать вам это лично. Мне казалось, так будет честно.

— А там, глядишь, и весело, — поддакнула Эльфаба. — Поэтому я тоже здесь.

— Начнем с того, что мы воспитанники разных народов и культур. Я гилликинка, поэтому выйду только за гилликинца. Так уж у нас заведено, ничего не поделаешь. — Она подняла руку, останавливая его возражение. — К тому же вы учитесь на агронома, а мой избранник будет банкиром или политиком. Это обязательное условие. Потом, вы слишком низкого роста...

— Добавь ещё глупость и наглость, — подсказала Эльфаба.

— Перестань. Не вмешивайся.

— Позвольте, — воспользовался секундной передышкой Бок. — Вы меня неправильно поняли.

— Ах, мистер Бок, — повернулась к нему Эльфаба. — Вы, оказывается, далеко не так храбры, как мне думалось. Скажите же хоть что-нибудь интересное, не позорьте меня. А то я начинаю жалеть, что не пошла в храм на вечернюю службу. Там и то веселее.

— Вы же сами не даете мне слова вставить, — возразил он. — Мисс Эльфи, я вам очень благодарен за то, что вы привели сюда мисс Галинду, но теперь прошу, оставьте наседатье объясниться.

— Да вы в жизни друг друга не поймете, — рассудительно произнесла Эльфаба. — Я хотя бы манчунья по происхождению, если не по воспитанию, и девушка по воле случая, если не судьбы. Лучшего посредника вам не сыскать. Мисс Галинда изъясняется на витиеватом языке богатства, вы — на запинаящемся говоре бедности. К тому же за три дня увещаний я заработала себе билет на это представление. Так что я остаюсь.

— Какая ты душка, — обрадовалась Галинда. — Мне бы очень не хотелось компрометировать себя, оставшись наедине с молодым человеком.

— О чем я и говорю, — прокомментировала Эльфаба Боку.

— Хорошо, раз уж вы остаетесь, то хоть не перебивайте. Мисс Галинда, выслушайте меня хотя бы несколько минут. Все верно: вы знатного рода, а я простолюдин; вы гилликинна, а я манчик; у вас свои планы на жизнь, а у меня свои. И в мои планы не входит женитьба на слишком богатой, чуждой и чрезмерно требовательной девушке. И пришел я сюда не руки вашей просить.

— Ну наконец-то стало интересно, — сказала Эльфаба, но замолчала от негодующих взглядов Галинды и Бока.

— Я пришел предложить вам свою дружбу и попросить разрешения иногда встречаться с вами. Возможно, тогда, оставив в стороне предубеждения и ожидания, мы лучше узнаем и поймем друг друга. Не скрою: вы пленили меня, своей красотой. Вы словно луна безоблачной ночью, словно ярчайший цветок, словно феникс, кружащий в небесах...

— Как урок твердит, — вставила Эльфаба.

— ...словно сказочное море, — не споткнувшись, закончил Бок.

— Я не очень увлекаюсь поэзией, — сказала Галинда. — Но вы очень любезны.

Комплименты, похоже, ее тронули. Во всяком случае, веер заколыхался быстрее.

— Правда, я не вполне понимаю смысл этой, как вы ее называете, дружбы между юношей и девушкой нашего возраста, — продолжала Галинда. — Как-то даже... неловко. Могут возникнуть непредвиденные сложности, тем более что вы признались мне в чувствах, на которые я никогда не смогу ответить взаимностью.

— Наш возраст, мисс Галинда, самый завидный. Это лучшая пора. Надо ее использовать, пока мы молоды и полны жизни.

— Вяло, не находишь? — бросила Эльфаба подруге.

Точным движением Галинда шлепнула ее веером по макушке и тут же, распахнув его снова, продолжила обмахиваться. Прodelано все было так эффектно и женственно, что Бок и Эльфаба обмерли.

— Не отвлекай, Эльфи. Я просила твоей компании, а не пословных комментариев. Сама как-нибудь разберусь в достоинствах его заученных речей. Святая Лурлина, я из-за вас собственных мыслей не слышу.

От возмущения Галинда удивительно похорошела. Права, выходит, старая мудрость — девушке гнев

действительно к лицу. Сколько Бок уже о них узнал — а сколько еще предстояло! Вот Галинда опустила веер — что это? Благоприятный ли знак? Если бы она была к нему равнодушна, разве надела бы платье с таким глубоким вырезом? А запах — зачем так обильно надушилась розовой водой? Бок почувствовал прилив надежды и жгучее желание прильнуть губами туда, где начиналась ее шея.

— Итак, какие же у вас достоинства? — рассуждала вслух Галинда. — Вы смелы, поскольку решились сюда прийти, и умны, раз нашли лазейку. Если бы мадам Кашмери застала вас здесь, вам бы не поздоровилось. Впрочем, вы могли этого и не знать, так что смелость вычеркиваем. Значит, умный, ну и внешне такой... м-м...

— Красивый? — подсказала Эльфаба. — Обворожительный?

— Забавный, — постановила Галинда.

Бок сник.

— Забавный? — переспросил он.

— Это еще ничего, — подбодрила его Эльфаба. — Мне, например, так никто не говорил. Лучшее, что я слышала в свой адрес, — «необычная», будто блюдо какое.

— Что ж, пусть будет так, — сказал Бок. — Но скоро вы убедитесь, что я еще и упрям. И не позволю вам отказаться от моей дружбы, мисс Галинда. Она слишком важна для меня.

— Взгляните на самца, ревущего на весь лес в поисках подруги, — провозгласила Эльфаба. — И на прелестную самочку, хихикающую за кустами, прежде чем выйти и невинно спросить: «Ты что-то сказал, милый?»

— Эльфаба! — вскричали оба.

— Подумать только! — раздался чей-то голос. Все трое обернулись и увидели пожилую опекуншу в полосатом переднике. — Чем это вы здесь занимаетесь?

— Мисс Ключт! — узнала ее Галинда. — Как вы нас нашли?

— Зебра-кухарка сказала, что меж грядок кто-то болтает. Думаете, все вокруг глухие и слепые? Ну-ка, а это у нас кто? Ай-ай-ай, как нехорошо.

Бок с достоинством поднялся.

— Студент Бок из Бриско-холла к вашим услугам.

Эльфаба зевнула.

— Представление окончено? — поинтересовалась она.

— Какая неслыханная наглость! В огородах гостей не принимают, из чего я заключаю, мистер, что вы влезли сюда без приглашения. Потрудитесь-ка убраться, пока я не позвала привратников, чтобы они вышвырнули вас вон.

— Ах, тише, тише. Мисс Ключт, не скандальте, — унимала ее Галинда.

— И чего вы из-за него так переполошились — он ведь еще недостаточно развит, — добавила Эльфаба. — Смотрите, у него даже борода не растет. А из этого следует...

— Зря я сюда пришел, — перебил ее Бок. — Ничего, кроме оскорблений, я сегодня не услышал. Простите, мисс Галинда, что мне даже повеселить вас толком не удалось. Что же до вас, мисс Эльфаба, — сказал он ледяным тоном, — то теперь я понимаю, что напрасно понадеялся на ваше сострадание.

— Не спешите, — ответила Эльфаба. — Опыт показывает: чтобы понять, напрасно что-нибудь

случилось или нет, нужно время. А там смотрите — может, вы еще вернетесь.

— Вот уж нет! — отрезала мисс Ключ, пытаясь оторвать Галинду от скамейки, к которой та будто приросла. — А вам, мисс Эльфаба, стыдно поощрять подобные выходы.

— Ну что вы, мисс Ключ, это всего лишь безобидные шутки. Мисс Галинда, чего вы упрямитесь? Хотите поселиться здесь, в огороде, в надежде на то, что прекрасный юноша еще возвратится?

Галинда тотчас поднялась, стараясь сохранить остатки достоинства.

— Уважаемый мистер Бок, — отчетливо, словно диктуя, произнесла она. — В мои намерения входило только упросить вас не преследовать меня больше ни с ухаживаниями, ни, как вы изволили выразиться, с дружбой. Я не хотела вас обидеть — это не в моих привычках.

Эльфаба иронично закатила глаза, но благоразумно промолчала. Возможно, потому, что мисс Ключ предупредительно сжала ее руку.

— Впредь я не опущусь до тайных встреч. Как мне только что напомнила мисс Ключ, они не подобают девушкам моего уровня.

Опекунша ничего такого не говорила, но отрицать не стала и даже угрюмо кивнула.

— Если же нам суждено будет встретиться открыто на каком-нибудь из вечеров, то обещаю, что не обойду вас вниманием. Надеюсь, вы этим удовлетворитесь.

— Никогда, — улыбнулся Бок. — Но это уже что-то.

— Доброй ночи, мистер Бок, — сказала мисс Ключ, уводя за собой девушек. — Приятных снов, и не возвращайтесь сюда больше.

«Ну и язва же ты, мисс Эльфи», — донесли до Бока слова Галинды. Эльфаба же повернулась, помахала ему рукой и улыбнулась загадочной улыбкой.

Шло лето. Бок сдал-таки экзамены и перешел на последний курс. Дни он убивал в библиотеке Колледжа трех королей, где под пристальным взглядом главного архивариуса — грузной Носорожихи, — чистил старые манускрипты, в которые веками никто не заглядывал. Когда Носорожиха отлучалась, Бок переговаривался с двумя другими ребятами, которые работали по обе стороны от него. Они были типичными образчиками здешнего студенчества: весельчаки, болтливые сплетники, добрые друзья. Когда они в хорошем настроении, быть в их компании — сущее удовольствие; когда в плохом — каторга. Кроп и Тиббет, Тиббет и Кроп. Когда их намеки становились слишком пошлыми и откровенными, Бок делал глупое лицо, и они отступали. По вечерам они ходили на Канал самоубийц, жевали бутерброды и смотрели тренировки по гребле. От вида мускулистых спортсменов Кроп и Тиббет млели, падали на траву и ломали

руки в притворном отчаянии. Бок добродушно посмеивался над ними и ждал, когда судьба снова сведет его с Галиндой.

Ждать пришлось недолго. Примерно через три недели после встречи в саду, в один ветреный день, библиотеку закрыли на мелкий ремонт, и Бок с двумя новыми товарищами, захватив бутерброды и термос с чаем, спустились к своему излюбленному месту у канала. Вдруг откуда ни возьмись появилась мисс Ключ с Галиндой и двумя незнакомыми девушками.

— Если не ошибаюсь, мы знакомы, — сказала мисс Ключ, в то время как Галинда скромно стояла позади.

В подобных случаях этикет предписывал прислуге выяснить, как зовут господ с каждой стороны, чтобы они могли затем обратиться друг к другу по имени. Мисс Ключ громко объявила, что господа Бок, Кроп и Тиббет встретились с госпожами Галиндой, Шень-Шень и Фэнни, после чего отступила в сторону.

Бок вскочил и учтиво поклонился.

— Видите, я верна своему слову, — сказала Галинда. — Как поживаете?

— Хорошо, покорнейше благодарю.

— Горяч как жеребец, — сообщил Тиббет.

— А отсюда красив как бог, — подхватил сзади Кроп.

Бок повернулся и метнул на них такой взгляд, что они мигом притихли.

— А вы, мисс Галинда? — спросил Бок, вглядываясь в ее непроницаемое лицо. — Как поживаете? До чего неожиданно встретить вас здесь во время каникул.

Зря он это сказал. Девушки побогаче разъехались, и бестактно напоминать Галинде, что она сидит в душном городе, как какая-нибудь манчунья или того хуже — простолюдинка. Веер взметнулся к лицу, ресницы укоризненно опустились, подружки прижались к ней в знак немой поддержки. Но Галинда быстро оправилась.

— Мои дорогие подруги мисс Фэнни и мисс Шень-Шень собираются снять на месяц домик на берегу озера Хордж и пригласили меня присоединиться к ним. По-моему, это гораздо лучше долгой и утомительной поездки до Пертских холмов.

— Еще бы! Просто восхитительно!

Как близки к нему ровные кончики ее блестящих ногтей, длинные изогнутые ресницы, румяные щеки, чувственная ложбинка над верхней губой. Летний утренний свет отчетливо вырисовывал каждую пьянящую деталь юного тела Галинды.

— Спокойно! — Кроп с Тиббетом подскочили, подхватили Бока под руки. Только тогда он вспомнил, что нужно дышать. Оставалось вспомнить, как говорить. Мисс Ключ раздраженно крутила в руках сумочку.

— А мы работаем в университетской библиотеке, — пришел на выручку Тиббет. — Уборщики литературы. Полотеры прогресса. Вы не работаете, мисс Галинда?

— С какой стати? Мне нужен отдых от занятий. Год был такой изнурительный. До сих пор болят глаза от книг.

— А вы, девушки? — с вызывающей непосредственностью обратился Кроп к ее подружкам, но они только хихикнули в ответ и отступили назад. Пусть Галинда поговорит со своим знакомым — они не будут вмешиваться.

Бок уже пришел в себя и, чувствуя, что подружки собираются уходить, спросил первое, что пришло в

голову:

— Как ваша соседка мисс Эльфи?

— Упрямая, как всегда, — сказала Галинда, переходя со светского полусшепота на свой обычный тон. — Хвала Лурлине, она работает, так что можно отдохнуть. Эльфаба занимается в библиотеке и в лаборатории у профессора Дилламонда. Вы что-нибудь слышали о нем?

— Слышал ли я о профессоре Дилламонде? — недоверчиво переспросил Бок. — Да он же самый известный биолог во всем Шизе!

— И к тому же Козел.

— Да-да. Эх, как я мечтаю у него учиться. Наши преподаватели отзываются о нем с неизменным почтением. Когда-то давно, во времена регента Пасториуса, профессора Дилламонда приглашали читать лекции в Бриско-холл, но из-за нынешних запретов это невозможно. Я так никогда и не был на его занятиях. Только видел один раз на вечере поэзии в прошлом году. Но даже это было для меня настоящей честью...

— Может, он и знаменитый биолог, но страшно скучный и надоедливый тип. В общем, ваша мисс Эльфи работает у него. И регулярно докучает мне своими рассказами. Похоже, его занудство заразно.

— Само собой, — поддержал Кроп. — В лабораториях только зараза и витает.

— Вот-вот, — подхватил Тиббет. — Пользуясь случаем, замечу, что вы и вправду так красивы, как вас расписывает Бок. До сегодняшней встречи мы считали его рассказы плодом воспаленного воображения, но...

— Знаете, мисс Галинда, — сказал Бок. — С моими друзьями и вашей соседкой у нас не остается ни единого шанса на дружбу. Может, лучше сразимся на дуэли и убьем друг друга? Возьмем по пистолету, отсчитаем десять шагов и — бабах! Это разом избавит от всех хлопот!

Галинде шутка не понравилась. Она сухо кивнула и вместе с подружками продолжила путь вдоль канала.

— Надо же, какой милый, словно игрушка, — донесся до Бока грудной голос Шень-Шень.

Голоса девушек затихли. Бок обернулся к Тиббету и Кропу, чтобы излить на них свой гнев, но те, смеясь, затеяли возню, и они втроем рухнули на остатки завтрака. Со всей отчетливостью Бок осознал, что изменить друзей невозможно, а раз так, то и пытаться не стоит. Что, в самом деле, для него их насмешки, когда Галинда его на дух не переносит?

Через пару недель снова выдался выходной, и Бок отправился на Вокзальную площадь. Остановился около киоска, поглазел на витрину: сигареты, дешевые любовные талисманы, рисунки раздетых до неприличия женщин и календари с живописными картинками и короткими надписями: «Лурлина всегда живет в нашем сердце», «Заботьтесь о законах Гудвина, и они позаботятся о вас», «Да восторжествует правда Господня». Как всегда, среди патриотических и религиозных воззваний ни одного роялистского. За шестнадцать лет после переворота, в результате которого Гудвин, нынешний Волшебник Изумрудного города, вырвал власть у регента Пасториуса, роялисты ушли в тень и не давали о себе знать. Казалось бы, здесь, в Гилликине, на родине Озмы, должно было в первую очередь возникнуть сопротивление, но страна процветала, и оппозиция ушла в подполье. К тому же все слишком хорошо знали, что ждет храбрецов, решивших открыто выступить против Волшебника.

Бок купил столичную газету. Номер, который ему дали, вышел в Изумрудном городе несколько недель назад, но только недавно прибыл сюда. Устроившись за столиком в кафе, Бок прочел, как в столице разогнали демонстрацию Зверей у правительственного дворца, а в новостях из провинций — о тяжелой засухе в Манчурии. Не успевали редкие грозы напоить землю, как вода просачивалась глубже, оставляя почву сухой. Писали, будто в Винкусе найдены подземные озера, запасов воды в которых хватило бы на всю страну. Волшебника просят провести каналы до Манчурии, но он отказывается. Дорого, мол.

«Да сбросить этого Гудвина, и дело с концом», — раздраженно подумал Бок, свернул газету и... увидел перед собой Эльфабу. Одну, без подружек и опекуни.

— Ну и лицо у вас, Бок, — рассмеялась она. — Еще необычнее, чем когда вы признавались в любви моей соседке.

— Это тоже любовь... но к стране, — задумчиво сказал юноша, потом опомнился и вскочил со стула. — Не хотите ли присоединиться ко мне? Пожалуйста, садитесь. Если, конечно, вам можно — без сопровождающих.

Эльфаба села и позволила Боку заказать для нее чай. Выглядела она бледнее обычного. В руках держала бумажный сверток.

— Посылка сестре, — объяснила Эльфаба, проследив за его взглядом. — Она, как и моя соседка, любит яркие наряды. Вот купила ей платок на базаре: красные розы на черном фоне.

— Я не знал, что у вас есть сестра, — сказал Бок. — Разве она тоже играла с нами в детстве?

— Нет. Нессароза младше меня на три года. Скоро приедет в Крейг-холл.

— Она такая же сложная, как и вы?

— Да, непростая, но это отдельная история. Нессароза больна, и довольно тяжело. Даже наша кошмарная Кашмери не вполне еще знает, насколько тяжела эта болезнь. Но ничего, я уже повзрослела; надо будет — защищу. В порошок сотру любого, кто попытается обидеть мою сестру. Судьба и так ее не пожалела.

— А с кем она живет? С матерью?

— Мама умерла. Считается, что за Нессой ухаживает отец.

— Считается?

— С ним тоже не все так просто. Папа — весь в религии. — Эльфаба провела одну ладонь кругом над другой — жест, означавший, что можно сколько угодно крутить жернова, но если зерна между ними нет, муки все равно не получится.

— Тяжко вам. От чего умерла ваша мама?

— Умерла во время родов. Ну все, хватит обо мне.

— Тогда расскажите о профессоре Дилламонде. Говорят, вы у него работаете.

— Лучше вы расскажите, как продвигается борьба за ледяное сердце Галинды.

Вопрос вернул мысли Бока в привычное русло.

— Я ни за что не отступлюсь! Стоит ее увидеть — и во мне все пылает, я прямо сгораю от любви. Не могу говорить, ясно думать — я словно засыпаю и вижу сны. Вы меня понимаете?

— С трудом. Мне никогда ничего не снилось, — призналась Эльфаба.

— Неужели нет никакой надежды? Галинда хоть допускает мысль, что ее чувства ко мне могут

измениться?

Эльфаба оперлась локтями о стол, положила подбородок на руки и переплела пальцы так, что только вытянутые указательные прижались к ее тонким сероватым губам.

— Знаете, Бок, — задумчиво сказала она. — Галинда уже начинает мне нравиться. Сквозь ее самообожание иногда проглядывает ум. Она умеет думать. Если запустить ее мозги в работу и слегка направить в нужное русло, Галинда и о тебе, наверное, задумалась бы, и даже с приязнью. Так мне кажется. Всего лишь кажется, я не знаю наверняка. Но когда она снова становится собой — кокеткой, способной тратить по два часа в день на завивку своих драгоценных волос, — то все, разумная Галинда как будто запирается в какой-то камерке и перестает общаться с миром. Как будто прячется от сложностей жизни. Для меня это странно. Я, может, и сама не прочь сбежать от действительности, вот только не знаю как.

— Вы слишком резки и несправедливы к ней, — осуждающе сказал Бок. — Если бы Галинда услышала ваши слова, то пришла бы в ужас.

— Я просто говорю как есть, по-дружески. Хотя, конечно, у меня не так много опыта в дружбе.

— Ничего себе по-дружески! Вы и Галинду считаете подругой — а так о ней отзываетесь!

Несмотря на раздражение, Бок был вынужден признать, что разговор с Эльфабой получился гораздо живее всех его прошлых попыток побеседовать с Галиндой. Он боялся оттолкнуть Эльфабу своим осуждением.

— Расскажите мне лучше о профессоре Дилламоне, — добавил он важно, голосом отца, — а я закажу еще чаю.

— Полегче с чаем, я еще этот не выпила, чего деньгами сорить? Я и так расскажу о Дилламоне. Если вас, конечно, интересует мое мнение.

— Простите, я не хотел вас обидеть. Ну, не сердитесь. Сегодня такой хороший день, и мы не в университете. Кстати, как это у вас получилось вырваться одной? Мадам Кашмери знает?

— А вы как думаете? — улыбнулась Эльфаба. — Беру с вас пример. Когда выяснилось, как легко пролезть к нам в Крейг-холл, я решила, что и выбраться будет несложно. Все равно меня никто не хватится: меня и так никто не замечает, а моего отсутствия — и подавно.

— Как-то не верится, — ухмыльнулся Бок. — Вряд ли вы сливаетесь со стенами. Но что профессор? Он мой кумир.

Эльфаба вздохнула и отложила посылку, готовясь к долгому рассказу. Профессор Дилламонд пытался выяснить естественнонаучным путем разницу между зверями, Зверями и людьми. Существующая литература по этому вопросу, как выясняла в библиотеке Эльфаба, полна духовно-нравственными рассуждениями, которые не выдерживают никакой критики.

— Наш университет, если вы помните, когда-то состоял при монастыре, поэтому, несмотря на кажущуюся открытость ученых новым идеям, религиозные настроения слишком сильны.

— Я тоже верующий и не вижу в этом противоречий, — возразил Бок. — Безымянный Бог мог открыться разным созданиям, не обязательно только людям. Или вы говорите о том, что унионистские трактаты оттесняют Зверей на второй план?

— Так считает Дилламонд, и при этом сам он унионист. Объяснил бы мне кто-нибудь этот парадокс. Нет, я его очень уважаю, но меня больше захватывает политический аспект работы. Если профессору удастся доказать наше биологическое единство, подтвердить, что принципиальных различий между

человеческой и Звериной плотью нет, что мы суть одно, — ну, понятно, что из этого следует.

— Нет, — признался Бок. — Непонятно.

— Ну как же? Чем оправдать запреты на передвижение Зверей, если профессор Дилламонд научными методами докажет, что никакой разницы между людьми и Зверями нет?

— Ах вот оно что! Но это же так наивно!

— Почему это? На каком тогда основании Гудвин будет держаться за свои законы?

— Да разве ему нужны основания? Утвердительную палату он уже распустил. Вряд ли Волшебник прислушается к доводам даже такого мудрейшего из Зверей, как профессор Дилламонд.

— Обязан прислушаться! Должен же он следить за развитием науки! Вот как Дилламонд выведет свое доказательство, так сразу и начнет писать Гудвину и призывать его к пересмотру запретов. Ну и конечно, постарается, чтобы все Звери в стране узнали о его открытии. Профессор ведь не дурак — противостоять Гудвину в одиночку.

— Я и не говорил, что он дурак. Но как по-вашему — близок ли он к открытию?

— Откуда я знаю? Он мне не докладывает. Я всего лишь его помощница. Лаборантка. Секретарша. Сам-то он копытами писать не может, вот я и пишу под диктовку, собираю материалы, бегаю в нашу библиотеку, смотрю источники.

— Наша библиотека лучше бы для этого подошла, — заметил Бок. — Но даже в книгохранилище Колледжа трех королев, где я сейчас работаю, кипами лежат монашеские работы по жизни растений и животных.

— Я, конечно, не очень привычно выгляжу, но вход в библиотеку мужского колледжа для меня закрыт. А с нынешними запретами — для профессора Дилламонта тоже. Поэтому все ваше богатство — для нас несбыточная мечта.

— Зато я могу туда попасть, — осторожно сказал Бок. — И если бы я знал, что конкретно вас с профессором интересует...

— Когда он закончит борьбу за равенство людей и Зверей, пусть воюет за равенство полов, — продолжала Эльфаба, но тут поняла, на что намекнул Бок. Она едва не схватила его за руки. Куда только делись этикет и вежливые обращения на «вы»! — Ой, Бок, милый, от имени профессора Дилламонта я принимаю твое щедрое предложение нам помочь. На этой же неделе я передам тебе список работ. Только не упоминай моего имени ладно? Мне-то все равно, пусть Кашмери брызжет ядовитой слюной, но я бы не хотела, чтобы она вымешала свою злобу на моей сестре.

Одним глотком Эльфаба допила чай, поправила косынку и не успел Бок привстать для вежливого прощания, сорвалась с места. Посетители удивленно поднимали глаза от своих книжек и газет и провожали взглядом странную стремительную девушку. Бок сел, медленно соображая, во что он ввязался, и растерянно оглядывая зал. Что-то необычное было здесь сегодня — но что? Что? Не сразу он понял, а потом его будто током ударило. Во всем кафе не было ни одного Зверя. Ни единого!

Всю свою жизнь — а жить ему предстояло долго — Бок будет помнить это лето: запах книжной пыли, плывущие перед глазами буквы древних рукописей. Он в одиночку перебирал горы рукописей, рылся в ящиках с ветхими пергаменами. За решетчатыми окнами не переставая моросил дождь, колючий, как песок. Дождь, ожидаемый в Манчжурии, проливался, так туда и не добравшись. Бок старался об этом не думать. Постепенно он приобщил к работе Крона и Тиббета. Поначалу мальчишки собирались искать старые манускрипты по всем правилам шпионской науки: в пенсне без стекол, напудренных париках и плащах с высокими воротниками; все это предполагалось раздобыть в подсобке студенческого драмкружка. Боку стоило большого труда отговорить приятелей от маскарада. Зато, убедившись в серьезности задачи, они принялись за дело с большим азартом. Раз в неделю все трое встречались с Эльфабой на Вокзальной площади. В эти дождливые недели Девушка приходила закутанная в коричневый плащ с капюшоном, в сапогах и в двух парах чулок на тощих ногах. Когда Бок впервые увидел ее в таком облачении, он только руками развел.

— Я этих двоих едва уговорил оставить шпионские штучки, и тут приходишь ты, одетая, как Кембрийская ведьма.

— Я не красоваться перед вами пришла, — сухо сказала Эльфаба, сняв с себя плащ и сложив его мокрой стороной внутрь.

Всякий раз, когда входил новый посетитель и стряхивал воду с зонта, она втягивала голову в плечи, избегая даже мельчайших брызг.

— Ты чего, воды боишься? — удивился Бок. — По каким-то религиозным соображениям?

— Я тебе уже говорила: я не придерживаюсь ни одной религии, что не мешает мне иметь собственные соображения. И вообще тех, кто руководствуется в жизни религиозными соображениями, надо изолировать от общества, как психически больных.

— Отсюда, — вставил Кроп, — твой страх перед водой. Окропит тебя кто-нибудь святой водой — глядишь, твой атеизм и испарится.

— Так, хватит обсуждать мой атеизм, — оборвала его Эльфаба. — Перейдем к делу.

«Эх, если бы здесь была Галинда!» — думал Бок. Дружба между молодыми людьми крепла, чему свидетельством были их регулярные встречи. Отбросив формальности, они сразу перешли на «ты», спорили, перебивали друг друга, смеялись и чувствовали себя храбрецами, взявшимися за секретное задание. Кроп и Тиббет не слишком переживали за Зверей и ущемление их прав: оба приехали из Изумрудного города, оба родом из преданных Волшебнику семей: один — сын сборщика налогов, другой — отпрыск советника дворцовой охраны. Но слепая вера Эльфабы в благородство поставленной цели постепенно заразила и их. Бок сам увлекался все больше и больше. Если бы только Галинда сидела рядом с ними, возбужденно придвинувшись к столу, а ее глаза сверкали бы таким же азартом...

— Я думала, что слышала от отца про все виды страсти, — говорила Эльфаба. — Но, мальчики, я еще никогда не видела подобного тому, что творилось на днях с Дилламондом. Он придумал расположить две линзы так, чтобы смотреть через них на кусочек ткани, положенный на прозрачное стекло и освещенный свечным светом, и взглянул на эту ткань. Что тут началось! Он начал диктовать, но был так возбужден, что стал петь о том, что видел. Только представьте — арии о структуре, цвете и форме мельчайших единиц

жизни. Его голос был ужасный, трескучий, в общем, козлиный, — но до чего искренний, до чего проникновенный! Глиссандо для введения, вибрато для наблюдения, тремоло для обобщения — долгая, торжественная песнь великого открытия. Я боялась, что нас услышат, но ничего не могла поделать — вторила ему, как школьница на уроке пения. Ах как это было прекрасно!

Вдохновленный своим успехом профессор давал Эльфабе все новые задания. Он предпочел не объявлять сейчас о своем открытии, а дожидаться политически более подходящего случая, и просил к концу лета собрать древние тексты о взглядах лурлинистов и унионистов на происхождение Зверей и остальных животных. «Он не надеется, конечно, найти в религиозных писаниях научные истины, — объясняла Эльфаба. — Просто хочет выяснить мнение предков на этот счет. Старые сказочники могут дать ему дополнительные доводы для полемики с Гудвином».

Друзья тут же принялись вспоминать, что они об этом знают.

— Вот что я помню из древних легенд, предшествовавших «Озиаде», — сказал Тиббет, откинув театральным жестом светлые волосы со лба. — Наша гипотетическая королева фей Лурлина притомилась летать, спустилась посреди песков и воззвала к подземным водам. Те забили послушными фонтанами, и пустыня вмиг ожила и превратилась в страну Оз во всем ее величии. Лурлина напилась до одури и завалилась дрыхнуть на Трехглавую гору. Спала себе, спала, потом проснулась и облегчилась, сотворив тем самым реку Гилликин, которая побежала через Гилликинский лес, изогнувшись вдоль восточной границы Винкуса и влилась в Тихое озеро. Животные в отличие от Лурлины и ее крылатой свиты были геобионтами. Не смотрите на меня так, это вполне нормальное слово. Оно означает «обитающий на земле», я проверял. Так вот животные возникли из кусочков почвы, которые растолкала рвущаяся наверх растительность. Когда Лурлина начала справлять нужду, они обезумели от страха, решили, что настал конец света, и бросились в бушующие воды, пытаясь перебраться на другой берег. Те, кто струсил и вернулся, остались бессловесными тварями: их впрягают в повозки, выращивают на мясо, стреляют на охоте. Переплывшие получили в награду дар речи.

— Хорошенький дар — понимать, что смертен, — пробормотал Кроп.

— Так и возникли Звери. И сколько помнит история, они всегда существовали вместе со зверями.

— Крещение мочой, — подытожила Эльфаба. — Интересно, это что — попытка одновременно объяснить происхождение Зверей и внушить к ним отвращение?

— А те животные, которые утонули, — кем были они? — спросил Бок. — Ничтожествами?

— Или мучениками?

— Или стали подземными духами и устраивают теперь засуху в Манчжурии?

Они рассмеялись.

— Мне недавно попались более поздние тексты унионистского толка, — сказал Бок. — В них языческую легенду слегка подчистили. Потоп, случившийся когда-то между сотворением страны Оз и появлением человека, был не мочой Лурлины, а морем слез Безымянного Бога во время его первого и единственного пришествия. Он почувствовал все то горе, которое со временем переполнит страну, и зарыдал. Земля на милое погрузилась в соленые воды. Животные удерживались на плаву, хватаясь за вырванные с корнем деревья. Те, кто наглотался слез Господних, преисполнились состраданием к братьям по несчастью и стали строить плоты из всего, что плавало на поверхности. Они спасли остальных из чистой жалости и за свою доброту обрели разум.

— Другое крещение — питьем божественных слез, — резюмировал Тиббет. — Красивая версия.

— А что там с магией? — поинтересовался Кроп. — Могут ли волшебники взять какое-нибудь

животное и наделить его разумом?

— Я пыталась найти записи об этом, — сказала Эльфаба. — Известные теоретики пишут, что если некто — Лурлина, Безымянный Бог или кто-то еще — создал Зверей из зверей, то магия способна это повторить. Они даже намекают, что Звери появились не в результате божественного вмешательства, а благодаря волшебству Кембрийской ведьмы, настолько сильному, что оно не ослабло и по сей день. Мне кажется, что это все добавки к мифологии лурлинистов. У нас нет никаких доказательств, что магия настолько сильна.

— Как нет у нас и доказательств, что бог настолько силен, — напомнил Тиббет.

— Что лишний раз свидетельствует против него, — парировала Эльфаба. — Но не будем об этом. Беда в том, что если это кембрийские чары многовековой давности, то они могут быть обратимы. Или кто-то решит, что они обратимы, а это ничуть не лучше. И пока волшебники подбирают заклинания, Звери теряют свои права одно за другим, но достаточно медленно, чтобы никто не заподозрил, что их поработают. Гудвин играет в очень рискованную игру, и Дилламонд пока еще не знает...

Тут Эльфаба накинула капюшон, и за складками плаща ее лицо стало почти неразличимым.

— Что... — начал Бок, но она предостерегающе поднесла палец к губам. Кроп с Тиббетом словно по команде начали бестолковую болтовню о том, как было бы здорово, если бы их похитили пираты, увезли в пустыню и заставили танцевать в одних набедренных повязках. Бок осторожно осмотрелся, но не заметил ничего необычного. Пара служащих увлеченно изучала программу бегов, несколько элегантных дам читали книги за чашкой чая, чей-то механический слуга покупал увесистый мешок кофе, чудаковатый профессор бился над какой-то теоремой, раскладывая и перекладывая кусочки сахара вдоль столового ножа.

Через несколько минут Эльфаба сняла капюшон.

— Уф, вроде пронесло. Этот железный человечек служит в Крейгхолле. Громметиком его, что ли, зовут. Он как преданный щенок — повсюду следует за мадам Кашмери. Кажется, он меня не заметил.

Но она слишком нервничала, чтобы продолжать разговор, и, наскоро дав друзьям новые задания, поспешно удалилась в законную сырость.

5

За две недели до конца каникул из своей усадьбы в Десятилуговье вернулся сильно загоревший Эврик и стал дразнить Бока за дружбу с ребятами из Колледжа трех королей. При других обстоятельствах Бок, наверное, забросил бы новых друзей, но теперь он работал с ними над общим заданием. Приходилось терпеть насмешки Эврика.

На очередной встрече Эльфаба обмолвилась, что получила письмо от Галинды, гостившей у подруг на озере Хордж.

— Представляете, зовет меня к себе на выходные. До чего надо было озвереть от своих бестолковых соседак!

— С какой стати? — удивился Бок. — Это ведь ее лучшие подруги.

— Ой, не спрашивай. Я плохо разбираюсь в их отношениях, но, по-моему, они не так лучезарны, как изображает Галинда.

— Так когда ты едешь?

— Никогда. У меня важная работа.

— Покажи письмо.

— Я его не взяла.

— Тогда принеси в следующий раз.

— Зачем оно тебе?

— Хочу сам прочесть. Может, Галинде нужна твоя помощь.

— Моя помощь? — Эльфаба громко рассмеялась. — Ну хорошо. Ты потерял голову, и в этом есть доля моей вины. Я принесу письмо. Но ехать, только чтобы тебя порадовать, я все равно не собираюсь, имей в виду. Несмотря на нашу дружбу!

На следующей неделе она показала Боку письмо.

Моя дорогая Эльфаба!

Пишу тебе по просьбе пригласивших меня мисс Фэнни из Фэн-холла и мисс Шень-Шень из клана Минкос. Отдых здесь чудесный. Все тихо, спокойно и очень приятно. Не хочешь ли ты приехать к нам денька на три-четыре перед занятиями? Ты ведь устала, наверное, работать все лето. Приезжай проветриться. Можешь даже не писать заранее — просто садись в поезд, доезжай до станции «Долина забвения», а дальше на извозчике или пешком (там не больше пары миль от моста) до дачи, которая зовется «Сосновый каприз». Чудный домик, весь увит плющом и обсажен розами. Благодарь. Я очень надеюсь, что ты приедешь, в том числе и по причинам, которые не хочу указывать в письме. К сожалению, ничего не могу посоветовать насчет сопровождения: мисс Клотч уже здесь и опекунши девочек, мисс Клип и мисс Вимп, С нетерпением жду, когда смогу с тобой поговорить.

Твоя добрая подруга

Галинда Ардуэнская.

Писано 33-го жарника, в полдень,

На даче «Сосновый каприз».

— Как же можно после этого не ехать? — вскричал Бок. — Ты же видишь, как она пишет.

— Да. Как человек, который редко берется за перо.

— Она пишет: «Я очень надеюсь, что ты приедешь». Ты нужна ей, Эльфи! Ты непременно должна ехать.

— Вот как? Может, тогда сам поедешь?

— Меня ведь не приглашали.

— Это легко устроить. Давай я напишу, что подыскала себе замену.

— Вам бы все шутить, мисс Эльфи, — надулся Бок. — А дело серьезное.

— Очередной приступ любовной горячки, — покачала головой девушка. — И брось свой обиженный тон. Даже если бы я хотела поехать, то не смогла бы. Меня некому сопровождать.

— Давай я с тобой поеду.

— Ха! Так Кашмери меня с тобой и отпустила!

— Ну, тогда... — соображал Бок, — как насчет моего друга Эврика? Он сын маркграфа. Перед ним даже твоя Кашмери дрогнет.

— Чтобы Кашмери дрогнула, нужен по меньшей мере сын короля. И потом, ты обо мне подумал? Не хочу я никуда ехать с твоим Эвриком.

— Эльфи, — напомнил ей Бок. — Ты передо мной в долгу. Я тебе и сам все лето помогал, и Кропа с Тиббетом привлек. Пора расплачиваться. Ты отпросишься на несколько дней у Дилламонта, а я поговорю с Эвриком. Он как раз не знает, куда себя деть. Втроем поедем на озеро Хордж. Мы с Эвриком остановимся в какой-нибудь гостинице неподалеку; ты, разумеется, с Галиндой и ее подругами. Побудем там чуть-чуть, убедимся, что с ней все в порядке, и сразу же назад.

— Я не за нее, а за Тебя беспокоюсь, — сказала Эльфаба, и Бок понял, что победил.

* * *

С мадам Кашмери пришлось повозиться: она не хотела отпускать Эльфабу ни с одним, ни с двумя мальчиками.

— Если с вами что-то случится, мисс Эльфаба, ваш отец никогда меня не простит. Я ведь совсем не такая кошмарная Кашмери, какую вы из меня строите. Да-да, я наслышана, какие прозвища вы мне придумываете. Детский сад. Нос другой стороны, я боюсь, что вы надорветесь. Работаете круглый год. Как говорится, зимой и летом одним цветом. Если мистер Эврик, мистер Бок и вы возьмете моего верного Громметика и будете приглядывать за ним, а он — за вами, то я разрешу вам это маленькое развлечение.

Эльфаба, Бок и Эврик сидели в купе; Громметика засунули наверх вместе с багажом. Время от времени Эльфаба встречалась глазами с Боксом и морщилась от недовольства. Эврика она невзлюбила с первого взгляда и старательно игнорировала. А тот, закончив листать спортивную программку, начал подтрунивать над другом.

— Как же я, уезжая, не догадался, что тебя сводит любовными конвульсиями? Ты строил слишком серьезное лицо, это сбilo меня с толку. Я-то опасался, как бы ты не заболел какой-нибудь чахоткой. Надо было пойти со мной в «Приют философа» — враз избавился бы от своей хвори.

Бок ужаснулся от упоминания злчного притона в присутствии девушки, но Эльфаба никак не отреагировала. Может, она еще не знала, что это за место? Он попытался сменить тему.

— Ты просто не видел Галинду, поэтому не понимаешь. Она тебе понравится, вот увидишь.

«И ты ей тоже», — запоздало осознал Бок. Но он был согласен даже на это, лишь бы помочь Галинде.

Эврик презрительно оглядел попутчицу.

— Мисс Эльфаба, — высокомерно обратился он к ней. — Ваше имя случайно не означает, что у вас в роду были эльфы?

— Какой оригинальный вопрос! — воскликнула она. — Как бы это проверить? А, знаю! Если в моем роду были эльфы, то руки у меня должны быть хрупкими, как лапки кузнечика, и ломаться от малейшего перегиба. Вот попробуйте. — Девушка протянула ему зеленую, как незрелый крыжовник, ладошку. — Нет вы попробуйте, и покончим с этим раз и навсегда. Мы подсчитаем, сколько усилий вы потратите, чтобы сломать мне руку, сравним с усилиями для рук, которые выломали прежде, и вычислим относительное содержание человеческой и эльфийской крови в моих венах.

— Да я вас и пальцем не трону! — ответил Эврик, умудрившись вложить море смысла в единственную фразу.

— А жаль, — огорчилась Эльфаба. — Если бы вы оторвали мне руки и ноги, пришлось бы вам отправить меня обратно в Шиз, что избавило бы меня от непрошенных каникул. И от вашей компании в придачу.

— Эльфи! — поморщился Бок. — Зачем же так сразу? Не успели познакомиться...

— Нет-нет, все хорошо, — сказал Эврик, сверкнув глазами на Эльфабу.

— Я даже представить не могла, что дружба требует столько сил, — пожаловалась Эльфаба Боку. — Раньше мне жилось гораздо проще.

Было уже прилично за полдень, когда Эльфаба, Бок и Эврик приехали в Долину забвения, облюбовали гостиницу и, оставив в ней вещи, пошли вдоль озера к «Сосновому капризу». Рядом с крыльцом сидели две пожилые женщины и чистили фасоль и тугоручину. В одной из них Бок узнал мисс Ключ; вторая, по-видимому, была опекуншей Шень-Шень или Фэнни. Женщины встrepенулись, заметив гостей. Мисс Ключ в удивлении подалась вперед, и фасоль посыпалась у нее с колен.

— Батюшки! — воскликнула она. — Да это же мисс Эльфаба собственной персоной! Святые угодники! Я и представить не могла...

Она набросилась на девушку и сжала ее в объятиях. Эльфаба замерла, как гипсовое изваяние.

— Сейчас, сейчас, дайте только дух перевести, — тараторила опекунша. — Какими это судьбами вы оказались в наших краях? Я просто глазам своим не верю!

— Галинда написала мне письмо с просьбой приехать. Друзья вызвались меня сопровождать. Вот я и решила принять приглашение.

— Надо же, а мне она ничего не сказала. Давайте-ка свою сумку, а я найду вам сменную одежду. Устали, наверное, с пути. Вы, молодые люди, остановитесь, конечно, в гостинице. Но пока можете поздороваться с девушками — они в беседке на берегу.

Друзья спустились по дорожке с лестницами. Громметик задержался на ступеньках и отстал: никто не пытался помочь неуклюжему существу с металлической кожей и механическими мозгами. Обогнув последние кусты остролиста, они вышли к обещанной беседке. Это была ротонда на шести бревенчатых столбах с замысловатыми узорами, открытая малейшему дуновению ветра с озера Хордж, синевшему за ней голубой гладью. Девушки беседовали, сидя в плетеных креслах; рядом пристроилась опекунша, поглощенная каким-то сложным рукоделием с тремя спицами и множеством разноцветных нитей.

— Мисс Галинда! — воскликнул Бок, желая, чтобы его услышали первым.

Девушки подняли головы. В легких летних платьицах без кринолина они казались птицами, готовыми вот-вот взлететь в небо.

— Мама дорогая! — ахнула Галинда. — Вы что здесь делаете?

— Я не одета, — взвизгнула Шень-Шень, привлекая общее внимание к своим бледным босым ногам.

Фэнни прикусила губу, стараясь превратить озорную усмешку в приветливую улыбку.

— Я к вам ненадолго, — сказала Эльфаба. — Знакомьтесь: Эврик, сын маркграфа Десятилуговья из Гилликина, и мистер Бок из Манчурии. Оба студенты Бриско-холла. Мистер Эврик, как вы уже, наверное, догадались по восторженному лицу Бока, это мисс Галинда Ардуэнская и ее подруги, мисс Фэнни и мисс Шень-Шень, которые пусть лучше сами расскажут о своих родословных.

— Как неожиданно и мило! — восхитилась Шень-Шень. — Ай да Эльфаба Неприступная. Да за такой приятный сюрприз мы навсегда прощаем твою нелюдимость. Как поживаете, господа?

— Но... — выдавила Галинда. — Зачем ты здесь? Что случилось?

— Я здесь потому, что рассказала Боку о твоём приглашении, а он решил, что это чуть ли не знак свыше и нам надо срочно ехать.

Тут Фэнни не выдержала и с хохотом повалилась на пол беседки.

— Что? — удивилась Шень-Шень, оглядываясь на подругу. — Ты чего?

— О каком таком приглашении? — спросила Галинда.

— Неужели забыла? — неуверенно сказала Эльфаба. Бок впервые видел ее смущенной. — Хочешь, чтобы я его достала?

— Да они меня разыгрывают! — вскричала Галинда, бросив на беспомощную Фэнни испепеляющий взгляд. — Посмеяться надо мной вздумали! И вовсе это не смешно, мисс Фэнни, прекратите немедленно, а то я как... ударю.

В этот самый миг из-за кустов остролиста показался Громметик. От вида неуклюжей железяки, балансирующей на краю очередной ступеньки, Шень-Шень осела в приступе хохота и теперь вместе с Фэнни изнемогала от смеха на полу беседки. Даже опекунша, мисс Клип, расплылась в улыбке, складывая рукоделие.

— Что здесь происходит? — спросила Эльфаба.

— За что мне такое наказание? — со слезами в голосе взывала Галинда. — Ты когда-нибудь оставишь меня в покое?

— Подождите, мисс Галинда, — взмолился Бок. — Ни слова больше. Вы расстроены.

— Я... — простонала Фэнни между припадками смеха. — Это я написала письмо.

Эврик хихикнул. Эльфаба выкатила глаза.

— То есть ты мне ничего не писала и сюда не звала, — уточнила она у Галинды.

— Конечно, нет! — Галинда мало-помалу совладала с собой, хотя сказанного уже не воротить. — Моя дорогая Эльфаба, я никогда бы не подвергла тебя тем жестоким шуткам, которые эти злые насмешницы проделывают друг с другом и со мной, лишь бы повеселиться. Тебе здесь совершенно нечего делать.

— Но меня пригласили, — напомнила Эльфаба. — Мисс Фэнни, это вы написали письмо за Галинду.

— А ты и поверила! — фыркнула Фэнни.

— Тем лучше. Это ваш дом, и я с удовольствием принимаю ваше приглашение, даже если оно написано от чужого имени. — Эльфаба спокойно смотрела в злобно прищуренные глаза Фэнни. — Пойду распаковывать вещи.

Она ушла в сопровождении одного лишь Громметика. Воздух звенел от несказанных слов. Постепенно истерический смех Фэнни прекратился, она только пофыркивала и икала, потом притихла и, растрепанная, замерла на каменном полу.

— И нечего так на меня смотреть, — сказала она наконец. — Это была всего лишь шутка.

Остаток дня Эльфаба просидела в комнате. Галинда тоже пропадала; спустилась только на обед да еще пару раз ненадолго присоединялась к подругам. Боку с Эвриком достались Шень-Шень и Фэнни. Дружья купались, катали девушек на лодках, и Бок даже пытался пробудить в себе интерес к кокеткам, ноте дружно вешались на его приятеля. Наконец Бок поймал Галинду на крыльце и взмолился, что хочет поговорить с ней. Галинда покорно согласилась.

Они сидели рядышком на качелях.

— Это я во всем виноват, — говорил Бок. — Я не разглядел подвоха и настоял, чтобы Эльфи поехала. Сама она не хотела.

— Как это вы настояли? И что это у вас с ней за фамиллярности, хотела бы я знать?

— Мы подружились.

— Да уж вижу. Так зачем вы настояли? Неужели было непонятно, что я не могла такого написать?

— Откуда я знал? Вы с ней соседки.

— Только по распоряжению мадам Кашмери.

— Вот оно как. А мне казалось, вы подруги. Галинда фыркнула и скривила рот, но промолчала.

— Если вы считаете, что вас непоправимо обидели, отчего вы не уедете? — продолжал Бок.

— Может, и уеду. Я пока думаю. Эльфаба говорит, отступить — значит признать поражение. Но если она сейчас выползет из своего логова и начнет разгуливать со мной... с нами... это станет вконец невыносимым. — Спohватившись, Галинда добавила: — Мои подруги ее недолюбливают.

— Да вы и сами не слишком-то ей симпатизируете, — не выдержал Бок.

— Я — другое дело. У меня свои причины. Я вынуждена постоянно ее терпеть. И все потому, что дура-опекунша невовремя наступила на ржавый гвоздь и не договорилась, с кем меня поселить. Вся моя университетская жизнь испорчена из-за этой глупой курицы. Ничего, когда я стану волшебницей, я ей еще припомню.

— Зато благодаря Эльфабе мы познакомились и теперь можем встречаться, — вкрадчиво сказал Бок. — Чем ближе я к ней, тем ближе к вам.

Галинда, похоже, сдалась. Она откинулась на спинку качелей и положила голову на бархатную подушку.

— Бок, ты прелесть, — сказала она. — Ты милый, добрый, надоедливый и несносный, и, вынуждена признать, ты мне немножко нравишься.

Юноша затаил дыхание.

— Но и росту в тебе немножко. Ты манчик, а я гилликинка, понимаешь?

Но Бок уже не слушал. Он целовал ее — понемножку, понемножку, понемножку.

На следующий день Эльфаба, Галинда, Бок, Громметики, конечно же, мисс Клютч отправились в Шиз и за всю шестичасовую поездку едва перекинулись десятком слов. Эврик остался с Фэнни и Шень-Шень. Около города снова начался дождь, и когда молчаливая пятерка наконец вернулась домой, величественные фасады университетских колледжей едва проглядывали сквозь туман.

6

Бок ничего не рассказал Кропу и Тиббету о своих любовных похождениях. Даже если бы он хотел, у него не было на это времени: Носорожиха-библиотекарь, не трогавшая ребят все лето, сообразила вдруг, как мало они сделали, и пристально следила за ними своими слезящимися старческими глазками. Друзья почти не разговаривали: все чистили кожаные переплеты, втирали в них масло ластонога, полировали медные пряжки и считали дни до конца этой каторги. Оставалось совсем немного.

В один из таких дней внимание Бока случайно привлек к себе рисунок из книжки, которую он чистил. Это было изображение Кембрийской ведьмы — старое, сделанное лет четыреста или даже пятьсот назад. Видимо, божественное вдохновение или истинная любовь к волшебству водили пером неизвестного монаха. Ведьма стояла между двумя скалами, а со всех сторон простиралось голубое море, по которому бежали удивительно правдоподобные белые барашки. В руках она держала полумертвого зверька неведомой породы. Одной рукой, изогнутой вопреки всем законам анатомии, ведьма обнимала мокрую спинку зверька, а другой высвобождала из-под платья грудь. Лицо ее было непроницаемым; пожалуй, немного грустным или задумчивым. Она походила бы на мать, заботливо прижимавшую к себе больного ребенка, если бы не ноги, словно вросшие в узкую полосу земли. На ногах были серебряные туфельки, чей сказочный блеск сразу же бросался в глаза. Стопы были развернуты, как на неумелых детских картинках, так что каблук соприкасались, а носки смотрели в противоположные стороны. Платье ведьмы было светло-голубым, цвета рассветного неба. По сочным, невыцветшим краскам рисунка становилось ясно, что книгу давным-давно никто не открывал.

По неожиданной ли случайности или как отражение богословских взглядов автора, этот рисунок сочетал в себе сюжеты легенд о происхождении разумных Зверей. Здесь тоже были воды потопы — не важно, прибывающие или убывающие, посланные Лурлиной или Безымянным Богом. Но что делает ведьма — вмешивается в божественный замысел или вершит судьбы Зверей? Бок силился разобрать

слова, но почерк был слишком мелким, а манера письма давно устарела. Быть может, этот документ подтверждал легенду о том, что разум, речь и чувства Зверям даровала Кембрийская ведьма, а может, и опровергал, но как ни посмотри, от картинки веяло религиозным мифом, его способностью впитывать в себя разнообразнейшие сказания. Возможно, художник пытался показать, что Звери получили свои способности благодаря другому крещению — крещению молоком Кембрийской ведьмы? Всосали душу с ведьминым молоком? Боку плохо давались рассуждения на столь отвлеченные темы: ему хватало удобрений и полевых вредителей. Он решил сделать невозможное — вынести рукопись из библиотеки и передать ее профессору Дилламонду. Наверняка она заслуживает того, чтобы о ней знали.

А может, продолжал размышлять Бок, спеша на встречу с Эльфабой после того, как вынес книгу из библиотеки во внутреннем кармане плаща, может, ведьма не выкармливала полуутопленного зверька, а убивала его? Скажем, приносила в жертву, чтобы остановить потоп?

Нет, все-таки искусство выше его понимания.

Бок сидел в кафе и ждал Эльфабу. Ей должна была передать записку мисс Ключ, с которой он столкнулся на рынке. Опекунша встретила его благосклоннее обычного — неужели Галинда замолвила словечко?

После возвращения в Шиз Бок еще не видел Эльфабу. Но вот и она, ровно в назначенный час: зеленая фигурка в призрачно-сером платье и протертом вязаном свитере, в руках черный мужской зонтик, длинный, как копьё. Плюхнувшись на стул, девушка стала изучать рукопись. На Бока она почти не смотрела, но внимательно выслушала его догадки, после чего объявила их безосновательными.

— Почему обязательно Кембрийская ведьма? Чем это не королева фей Лурлина?

— Ну как же. Нет классических атрибутов. Где золотые волосы и прозрачные крылья? Куда делась волшебная палочка? И наконец, где воздушная грациозность?

— Зато какие яркие башмачки. — Эльфаба задумчиво откусила кусочек печенья.

— В ней нет родоначалия... или как это... созидания. Она скорее консервативна, чем конструктивна. В ней чувствуются какая-то неуверенность, смятение, тебе, не кажется?

— Ты слишком долго общался с Кропом и Тиббетом — набрался от них умных слов и несешь теперь невесть что. Возвращался бы к своему ячменю. — Эльфаба сунула книгу в сумку. — Но я все равно покажу ее Дилламонду. Он теперь делает открытие за открытием. Его догадка совмещать линзы раскрыла Целый новый мир мельчайших частиц. Он как-то дал мне посмотреть, но я ничего не разобрала: неясные контуры, какой-то цвет, движение. Дилламонд же в восторге. Беда только в том, что его не остановить. Мне кажется, он закладывает основу целой новой науки, и каждое открытие порождает сотню новых вопросов. Практических, теоретических, гипотетических, клинических и даже, наверное, онтологических, проникающих в самую суть бытия. Дилламонд днюет и ночует в лаборатории; когда мы занавешиваем окно перед сном, у него все еще горит свет.

— Ну так ему еще что-нибудь нужно? Нам осталось работать в библиотеке всего два дня, потом начинаются занятия.

— Я не могу добиться от него ничего определенного. Наверное, пока хватит.

— Ну, раз с научным шпионажем покончено, давай поговорим о Галинде. Как она? Не спрашивала обо мне?

Эльфаба наконец подняла на него глаза.

— Нет, Бок, не спрашивала. Правда, чтобы не разбивать твои надежды окончательно, добавлю, что мы с ней почти не разговариваем. Галинда все еще дуется.

— Когда я снова ее увижу?

— Неужели это так много для тебя значит? — грустно улыбнулась Эльфаба.

— Она для меня — весь мир.

— Мал же тогда твой мир!

— Какой есть. Разве можно критиковать размер чужого мира? Мне не под силу его изменить.

— Какой же ты глупый, — сказала Эльфаба, сделав последний глоток чуть теплого чая. — Будешь потом вспоминать это лето и бить себя полбу от досады. Может, она и красива — нет, даже точно красива, пускай, — но даже десяток таких, как она, тебя не стоит. Не для меня! — взмахнула она руками, увидев, как вытянулось его лицо. — Я не о себе говорю! Избавь меня, пожалуйста, от этого телячьего взгляда!

Но слишком уж горячо она оправдывалась. Эльфаба поспешно подхватила свои вещи, уронив со стола пепельницу, и, проколов длинным зонтиком чью-то газету, не глядя по сторонам, зашагала прочь, через Вокзальную площадь, где ее чуть не сбил старый Бык на громоздком трехколесном велосипеде.

7

Когда Бок в следующий раз встретился с Эльфабой и Галиндой, ему было не до романтики. Случилось это в маленьком скверике, прямо за воротами Крейг-холла. Бок с Эвриком как раз проходили мимо, когда ворота вдруг распахнулись и наружу вылетела мисс Вимп, бледная, с выкаченными от ужаса глазами. За ней гурьбой выбежали студентки. Среди них была и Эльфаба, и Галинда, и Шень-Шень, и Фэнни, и Мила. Вне университетских стен девушки собирались в шумные кружки, испуганно жались в тени деревьев, обнимались, рыдали, утирали друг другу лица.

Бок и Эврик поспешили к своим знакомым. Эльфаба стояла особняком, втянув голову в костлявые, как у голодной кошки, плечи, и единственная не плакала. Бок с радостью прижал бы к себе Галинду, но она лишь бросила на него мутный взгляд и зарылась лицом в меховой воротник Милы.

— Что с вами? — спрашивал Эврик. — Мисс Шень-Шень? Мисс Фэнни?

— Ах, это ужасно! — в голос взвыли они, и Галинда кивнула, оставив мокрый след на Милиной блузке.

— Да что случилось? — Бок обернулся к Эльфабе.

— Пронюхали. — Ее глаза сверкнули, как древний шизский фарфор. — Пронюхали, мерзавцы!

Ворота снова со скрипом отворились, и со стены посыпались разноцветные лепестки, закружились, затанцевали, как бабочки. Вышли три полицейских и врач в темном капюшоне; они несли на носилках кого-то укрытого с головой красным покрывалом. Вдруг ветер подхватил уголок покрывала и откинул его назад. Девушки завизжали, мисс Вимп поспешно опустила задранный конец, но все успели увидеть сгорбленные плечи и запрокинутую голову профессора Дилламонда и черные сгустки запекшейся крови на его шее, там, где зиял глубокий разрез, словно от ножа мясника.

В ужасе и отвращении Бок отшатнулся и сел. Он искренне надеялся, что рана не смертельна и профессор жив, вот только слишком медленно шагали полицейские с врачом — им некуда было торопиться. Бок откинулся и оперся спиной о стену, а Эврик, никогда до этого не видевший профессора, одной рукой стиснул приятелю ладонь, другой закрыл себе глаза. Скоро рядом с ними опустились Эльфаба и Галинда. Только после долгих рыданий Галинда начала свой рассказ.

— Вчера перед сном мисс Ключт опустила в нашей спальне шторы... как всегда... и тихо так, будто про себя, сказала: «Свет горит. Опять профессор засиделся». Потом присмотрелась и добавила: «Странно». Я даже внимания не обратила, а Эльфаба спросила: «Что странно?» А мисс Ключт набросила на плечи платок и прошептала: «Ничего, мои уточки, вы ложитесь, а я пойду проверю, все ли в порядке». Пожелала нам спокойной ночи и ушла. Не знаю, в лабораторию она ходила или еще куда, но когда мы на следующее утро проснулись — ее не было и чая тоже. Она всегда приносила нам его по утрам, всегда.

Галинда всхлипнула и снова зарыдала, заломила руки, в исступлении попыталась разодрать на себе черное шелковое платье с белыми наплечниками. Эльфаба, за все это время не проронившая ни слезинки, словно камень в пустыне, продолжила:

— Мы ждали ее до самого завтрака, а потом пошли к мадам Кашмери и сказали, что наша опекунша куда-то пропала. Директриса ответила, что ночью с мисс Ключт случился приступ старой болезни, и ее отправили в лазарет. Кашмери запретила нам пропускать занятия и навещать ее, но когда профессор Дилламонд не пришел на первую лекцию, мы все-таки пробрались к ней в палату. Мисс Ключт лежала на кровати, и лицо у нее было какое-то нехорошее. Мы начали спрашивать, что случилось, но она молчала, хотя глаза у нее были открыты. Как будто мисс Ключт ничего не видела и не слышала. Мы подумали: может, ей дурно и у нее что-то вроде обморока, но дышала она ровно, а лицо, хоть и изменилось, было нормального цвета. Только мы собрались уходить, как мисс Ключт повернулась к тумбочке: там возле пузырька с лекарствами и стаканом с лимонной водой на серебряном подносе лежал длинный ржавый гвоздь. Она нежно взяла этот гвоздь в дрожащую руку и стала с ним разговаривать. Сказала что-то вроде: «Ты ведь не хотел тогда больно уколоть меня в ногу? Ты ведь просто шутил, привлекал к себе внимание, правда? Ничего, не волнуйся, Гвоздик, я за тобой поухаживаю. Вот только подремлю немного, а потом ты мне расскажешь, как очутился во Фроттике. Все-таки далеко от той захудалой гостиницы, где на тебе, как ты говоришь, висел знак «Посетителей не принимаем».

Бок не мог больше слушать эту ерунду. Да и какое ему было дело до живого Гвоздя, когда рядом оплакивали умершего Козла? Бок не слышал молитв за упокой души профессора, не смотрел, как уносили его труп. Ему хватило одного мимолетного взгляда на застывшее лицо, чтобы понять: то, что давало Дилламонду острый ум и неутомимый характер, исчезло навсегда.

Видевшие труп не сомневались: произошло убийство. Эта слипшаяся шерсть на шее, как немытая кисть маляра, эта янтарно-желтая пустота в глазах... Официальная версия гласила, что профессор Дилламонд упал на осколок увеличительного стекла и перерезал себе шею, но никто в это не верил.

Единственная, от кого надеялись что-то узнать, мисс Ключ, только бессмысленно улыбалась, когда девушки приносили ей цветы или гроздья позднего пертского винограда. Она ела ягоды и разговаривала с цветами. Врачи были в растерянности.

Глинду — в память об убитом профессоре и чтобы загладить свою грубость к нему, она взяла себе то искаженное имя, которым он ее когда-то звал, — болезнь мисс Ключ как-то особенно поразила. Она отказывалась навещать опекуншу и обсуждать ее здоровье, так что Эльфаба одна бегала в лазарет по нескольку раз в день. Бок убеждал, что болезнь мисс Ключ временная, но проходили дни, а та все не поправлялась. Недели через три мадам Кашмери вызвала к себе Эльфабу и Глинду и напомнила, что студенткам по уставу не положено жить в отдельной комнате без опекунши. Директриса предложила перейти в общую спальню. Глинда, не решавшаяся теперь спорить, безропотно согласилась. На ее счастье, Эльфаба пришла на выручку.

Так через десять дней Бок оказался за столиком в пивном саду «Петушиный двор», ожидая прибытия дилижанса из Изумрудного города. Мадам Кашмери не отпустила с ним Эльфабу, и юноше предстояло теперь самому определить, кто из семерых пассажиров были Нессароза и ее няня. Эльфаба предупредила Бока, что сестра умело скрывает свое уродство: она могла даже сама спуститься из кареты, если ступенька была устойчивой, а земля ровной.

Он их узнал, подошел, поздоровался. Няня была похожа на вареную сливу: такая же круглая, красная и морщинистая. Долгие годы в болотах Квадлинии превратили ее в рассеянную, сонливую и ворчливую старушку, которой следовало бы доживать свой век в каком-нибудь уютном теплом уголке.

— Как приятно снова увидеть манчика, — промурлыкала она Боку. — Совсем как в старые времена. — И, обернувшись в темноту дилижанса, добавила: — Ну, выходи, моя хорошая.

Если бы Бок не знал, что Нессароза — сестра Эльфабы, он бы никогда не догадался. Она не была ни зеленой, как сестра, ни синюшно-бледной, как изнеженные девицы с плохим кровообращением. Нессароза спускалась элегантно, но осторожно, стараясь опустить ногу на ступеньку всей стопой сразу.

Такая странная походка приковывала взгляд к ногам, отвлекая от туловища хотя бы на первых порах.

Бок проследил, как ноги Нессарозы коснулись земли и словно приросли к ней, удерживая равновесие, а потом поднял взгляд. Перед ним стояла Нессароза — точь-в-точь такая, как ее описывала Эльфаба: розовощекая, стройная, как колосок, изумительно красивая и — безрукая. Студенческая шаль, спадавшая с ее плеч, была искусно сложена, чтобы сгладить впечатление.

— Приветствую вас, сэр, — слегка кивнула она Боку. — Наши саквояжи наверху. Справитесь?

У нее был звонкий, музыкальный голос, не то что скрипучий голос сестры. Няня проводила девушку к нанятой Боком коляске. Бок заметил, что Нессароза не очень уверенно ступает, если не опирается спиной на чью-то руку.

— Придется теперь старухе присматривать за девочками, пока они учатся, — говорила няня Боку в коляске. — Бедные сиротки: матушка давно лежит в заболоченной могилке, а отец совсем тронулся. Да, знатная была семья. А великое, как известно, и погибает ярко. А что на свете колоритнее сумасшествия? Вон прадед ихний, герцог Тропп, — и дочку пережил, и внуку, а теперь совсем из ума выжил. Эльфаба ведь наследница титула. Хотя что я тебе рассказываю: ты ведь манчик, ты и так знаешь.

— Ах, няня, перестань сплетничать, тошно становится, — подала голос Нессароза.

— И, полно, милая. Бок ведь наш земляк, почитай, старый друг. А то мы там, на болотах, совсем разучились разговаривать — квакаем хором с лягушками.

— Ты просто невыносима, — очаровательно сообщила Нессароза. — У меня голова разболится от стыда.

— Я даже знал Эльфабу, когда она была маленькой, — сказал Бок. — Я родом из деревни Закамышье в Вендовой пустоши. Вас я, наверное, тоже встречал.

— Вообще-то я больше жила в Кольвенском замке, — сказала няня. — Заботилась о леди Партре, дочери герцога. Но иногда приезжала в Закамышье, так что вполне могла тебя видеть, когда ты бегал без штанов, в одной распашонке.

— Как поживаете? — улыбнулась Нессароза.

— Меня зовут Бок, — подсказал он.

— А это Нессароза, — спохватилась няня, сообразив, что молодых людей еще формально не представили друг другу. — Она должна была приехать в Шиз на следующий год, но оказывается, у вас тут спятила чья-то опекунша. И вот няню зовут ее заменить, а разве няня может бросить свое дитяtko? Конечно, нет!

— Грустная и таинственная история, — покачал головой Бок. — Мы все надеемся, что больная поправится.

В Крейг-холле Бок присутствовал при счастливом воссоединении семьи. Мадам Кашмери велела Громметику накрыть стол для сестер, няни, Бока и Глинды. Бок, обеспокоенный тем, что после страшного происшествия Глинда стала сама не своя, с облегчением заметил, каким цепким взглядом оглядела она наряд Нессарозы. Интересно, спрашивает ли она себя, как вышло, что обе сестры обезображены, а одеваются так по-разному? Эльфаба носила скромные темные цвета, Несса же, пристроившаяся на диванчике рядом с няней, которая поила ее чаем и кормила пышками, была в шелках цвета изумрудов, болотного мха и желто-зеленых роз. Сидя рядом с сестрой, зеленая Эльфаба казалась дополнением к наряду сестры.

— Все очень необычно, — говорила мадам Кашмери, — и наши комнаты, к сожалению, на это не

рассчитаны. Поэтому поступим так. Оставим мисс Эльфабу и мисс Галинду — то есть Глинду, вы ведь так себя теперь зовете, дорогая? Как странно!.. Так вот, оставим этих добрых подруг в той же комнате, а вы, мисс Нессароза, вместе с няней займете смежную спальню, где раньше жила мисс Ключ. Маленькую, зато удобную.

— А когда мисс Ключ выздоровеет? — спросила Глинда.

— Ах, дитя, дитя, — покачала головой мадам Кашмери. — Сколько надежды. Как это трогательно! — И жестким голосом продолжала: — Вы ведь сами рассказывали мне, как упорно повторялись у вашей опекунши приступы этого необычного заболевания. Видимо, недуг прогрессирует. — Директриса медленно, задумчиво пожевала кусочек печенья, и щеки у нее то втягивались, то выпячивались, как жаберные крышки у рыбы. — Конечно, мы можем надеяться. Побойсь, не более того.

— И молиться, — добавила Нессароза.

— Разумеется, — подтвердила мадам Кашмери. — В воспитанных кругах это понимается само собой.

Сестры вспыхнули. Глинда, сославшись на дела, поспешно вышла из директорского кабинета. Бок с горечью посмотрел девушке вслед. Теперь он хотя бы знал, что скоро ее увидит: столкнувшись после запрета нанимать Зверей с нехваткой преподавателей, ректор университета решил, что лекции будут читаться студентам из всех колледжей одновременно. Бок увидит Глинду на первом общем занятии за всю историю Шиза. Он уже сгорал от нетерпения. Хотя она изменилась, сильно изменилась...

2

Глинда и сама чувствовала, что изменилась. Она приехала в Шиз самовлюбленной взбалмошной девчонкой — и вдруг оказалась в логове змей. Может, она сама виновата? Придумала вот для опекунши несуществующую болезнь, и та вдруг с ней слегла. Как так вышло? Не из-за врожденного ли таланта к колдовству? Глинда решила с этого года углубленно изучать магию, но мадам Кашмери вопреки обещаниям так и не отселила от нее Эльфабу. Глинда приняла это стоически, ей уже было все равно. После смерти профессора Дилламонта многое теперь казалось незначительным.

Директрисе она больше не доверяла. Только ей Глинда наплела нелепую ложь про болезнь опекунши. Теперь она ни за что не подпустит к себе Кашмери, не даст управлять собой. И никому не признается в своем неумышленном преступлении. Тут еще Бок вертится вокруг, как назойливая муха. Зря она с ним целовалась. Страшная ошибка. Ну ничего, игры с огнем уже позади. Зато она увидела, каковы на самом деле ее подружки: Фэнни и компания. Безмозглые эгоистки. Впредь она не будет иметь с ними ничего общего.

А Эльфаба, напротив, как раз могла стать настоящим другом, если, конечно, эта безрукая куколка-сестра не помешает. Перед приездом Нессарозы Глинда долго упрашивала Эльфабу рассказать о сестре,

чтобы морально подготовиться.

— Она родилась в Кольвене, когда мне было около трех лет, — объясняла Эльфаба. — Мы тогда остановились у маминых родителей. Стояла страшная засуха. Потом, после маминой смерти, отец рассказывал, что с рождением Нессы в колодцах снова появилась вода — правда, ненадолго. Доведенные до отчаяния жители обратились к языческим богам. Были даже человеческие жертвоприношения.

Эльфаба на секунду прервалась и через силу с отвращением продолжила:

— Погиб наш семейный друг, стеклодув из Квадлинии. Обезумевшая толпа, подстрекаемая механическими часами и язычниками-фанатиками, растерзала его. Черепашье Сердце — так его звали. — Эльфаба по привычке поджала под себя ноги и обхватила руками черные поношенные сапожки. Взгляд ее не отрывался от пола. — Наверное, поэтому, родители решили стать миссионерами в Квадлинии и больше не вернулись на родину.

— Миссионерами? — переспросила Глинда. — Ты ведь говорила, твоя мать умерла при родах.

— Она прожила еще пять лет, — сказала Эльфаба, разглядывая складки своего платья, будто стыдясь рассказа, — и умерла, когда родился мой младший брат. Отец назвал его Панци: видимо, в память о Черепашьем Сердце — думал о черепаховом панцире. Так мне кажется. Мы жили как бродяги: ходили по деревням — я, Нессароза, Панци, няня и наш отец Фрекс. Он проповедовал, а няня воспитывала нас, учила, хозяйничала по дому, когда он у нас был. Тем временем пришли люди Гудвина и стали осушать болота, пытаясь раздобыть рубины. Ничем хорошим это, разумеется, не кончилось. Они перебили квадлинов, согнали остальных в резервации и морили их голодом. Потом награбили рубины и ушли. Отец тогда чуть с ума не сошел. Да и не было там столько рубинов, чтобы окупить все затраты. А между тем обещанные каналы в Манчурию так и не провели, а засухи продолжают. Издают законы, возвращающие Зверей из городов в деревни, в неволю к человеку, но это лишь средство для отвода глаз, чтобы фермеры хоть над чем-то ощутили свою власть. Гудвин целенаправленно разобщает народ — вот вся его политика.

— Мы говорили о твоём детстве, — напомнила Глинда.

— Так это одно и то же. Разве можно отделить собственную жизнь от общественной? Или что ты хотела услышать? Чем мы питались? Во что играли?

— Я хотела, чтобы ты рассказала про Нессарозу. И про Панци.

— Несса — калека. Она упрямая, умная и считает себя святой. Унаследовала отцовскую набожность. О других заботиться не умеет, потому что о себе-то толком не может. Ребенком я постоянно с ней сидела. Не знаю даже, что станет после смерти няни. Наверное, мне опять придется ухаживать за сестрой.

— Какая жуткая перспектива! — вырвалось у Глинды.

Эльфаба мрачно кивнула:

— Именно.

— А что Панин? — осторожно спросила Глинда, страшась разбередить новые раны.

— Здоровый розовощекий мальчик, — сказала Эльфаба. — Сейчас ему должно быть около десяти. Живет с отцом; они приглядывают друг за другом. Мальчишка как мальчишка — может, глуповат слегка, но его ведь обделили еще больше нашего.

— То есть?

— У нас с Нессой хоть и недолго, а все-таки была мать. Непостоянная, пьющая, умная, неуверенная, смелая, упрямая, добрая женщина — вот какая она была. А Панци с самого рождения воспитывала няня. Она старалась, конечно, но разве можно заменить мать?

— И кто из вас был маминым любимчиком?

— Не могу сказать, не знаю. Стал бы, наверное, Панци — он мальчик. Но мама умерла, так его и не увидев.

— А папиным?

— Ну, это просто. — Эльфаба прыгнула с кровати и подхватила книги, давая понять, что пора бы прекратить слишком откровенный разговор. — Отец всегда выделял Нессу. Сама увидишь, когда она приедет. Сестра всем нравится.

И с этими словами Эльфаба выскользнула из комнаты, едва взмахнув зелеными пальцами на прощание.

Несса не слишком-то понравилась Глинде. Сколько внимания она к себе требовала! Няня ходила вокруг нее на цыпочках, а Эльфаба то и дело предлагала всякие перемены в их комнате для удобства сестры. Давайте приспустим шторы, чтобы солнце не обжигало нежную Нессину кожу. Нет-нет, ровно вот так, не больше. Может, прибавить света в керосиновой лампе, а то Нессе темно читать? Тс-с! Тише! Несса заснула — а она так чутко спит. Глинду восхищала и одновременно пугала уродливая красота Нессарозы. Одевалась она необычно, но всегда со вкусом. Излишнее внимание к себе не любила и всегда переводила его к духовному: то вдруг набожно склонит голову, то восторженно захлопает глазами. Эти проявления религиозного воспитания, о котором посторонние не имели ни малейшего понятия, были трогательны до слез — и в то же время страшно раздражали. Ну что ей такого сказали, чего выделяется?

Глинда нашла отдушину в учебе. Магию вела новая преподавательница, мисс Грейлин, которая отличалась большой любовью к предмету, но, как вскоре выяснилось, весьма посредственными способностями. «Любое заклинание — по сути, рецепт для изменения материи», — заливалась она, но когда курица, которую мисс Грейлин попыталась превратить в кусок хлеба, обернулась горькой кофейной гущи на салатном листке, студентки сделали для себя пометку — никогда не есть из ее рук.

Мадам Кашмери, наблюдавшая с задних рядов за стараниями учительницы, только качала головой и огорченно цокала языком. Иногда она не выдерживала. «Простите, мисс Грейлин, — поднималась директриса. — Я, конечно, не мастерица колдовать, но, по-моему, вы кое-что пропустили. Позвольте я попробую. Вспомню молодость». Мисс Грейлин с перепугу либо садилась в остатки от предыдущего опыта, либо роняла сумочку и сжималась от стыда. Студентки смеялись и чувствовали, что впустую тратят время.

Хотя... После учительских неудач девушки не стеснялись пробовать сами. И если у кого-то вдруг что-то получалось, мисс Грейлин не скупилась на похвалу. Когда Глинда впервые наложила чары невидимости, учительница захлопала в ладоши, запрыгала и даже сломала каблук. Глинде было очень приятно.

— Не то чтобы я возражала, — сказала как-то Эльфаба, когда они с Нессарозой и, разумеется, няней сидели под жемчужным деревом у Канала самоубийц, — но интересно, как у нас умудряются преподавать магию, когда устав университета строго унионистский.

— Так ведь магия никак не связана с религией, — ответила Глинда. — Ни с язычеством, ни с плотской верой.

— А как же ваши заклинания, превращения, наваждения? Это ведь спектакль! Праздная забава.

— Иногда и правда спектакль, особенно в исполнении мисс Грейлин, — призналась Глинда. — Но суть магии в другом. Это практический навык, такой же, как чтение или письмо. Нельзя ведь судить о чтении по прочитанному, а о письме по написанному. Так и о магии нельзя судить по наколдованному.

— Отец никогда ее не одобрял, — мелодичным голосом произнесла Нессароза. — Он говорил, что магия — это дьявольские фокусы и что она отвлекает верующих от истинного объекта поклонения.

— Типично унионистская точка зрения, — снисходительно сказала Глинда. — Вполне разумная, если говорить о шарлатанах и бродячих артистах. Но ведь магия этим не ограничивается. Взять, например, горные деревушки в Марраньи. Говорят, местные колдуны заговорили купленных у манчиков коров, чтобы те не падали с обрывов. Не обнесешь ведь все горы оградами. Вот тебе пример, где магия помогает в повседневной жизни. Ей вовсе не обязательно вытеснять религию.

— Но ведь пытается. И наш долг — оставаться настороже.

— Настороже, ха! Я, может, воду пью с опаской, боясь отравиться, но это вовсе не значит, что надо перестать ее пить.

— Зря мы вообще затеяли этот разговор, — сказала Эльфаба. — Магия — это мелко. Узкая специальность, которая не меняет мировоззрения и не способствует прогрессу общества.

Глинда сосредоточилась и попыталась усилием мысли поднять Эльфабин бутерброд над каналом. Бутерброд лопнул и окатил Эльфабу дождем из майонеза, оливок и тертой моркови. Нессароза аж рухнула от смеха, и няня кинулась ее поднимать. Эльфаба невозмутимо счищала с себя остатки еды.

— Говорю же, дешевые фокусы, — сказала она. — Магия не учит ничему об устройстве мира, а объяснениям унионистов я не верю. Я атеистка и рационалистка.

— Тебе бы все позерствовать, — упрекнула сестру Нессароза. — Глинда, не слушай ее, она всегда такое говорит назло отцу.

— Отца здесь нет, — напомнила Эльфаба.

— Ну так что? Вместо него здесь я, и мне оскорбительно это слышать. Хорошо тебе задирать нос перед верующими, но кто, как не бог, тебе этот нос дал? А? Смешно, правда, Глинда? Ребячество!

Она чуть не тряслась от возмущения.

— Отца здесь нет, — примирительно повторила Эльфаба. — Не стоит так яростно защищать его чудачества.

— Эти, как ты говоришь, чудачества для меня символ веры, — ледяным тоном произнесла сестра.

— А ты сильна, голубушка, — обернулась Эльфаба к Глинде. — Совсем ничего от моего завтрака не оставила.

Прости, что так вышло, я не хотела тебя испачкать. Но правда ведь у меня уже кое-что получается? Да еще в людном месте.

— Ужасно, — вздохнула Нессароза. — Именно из-за этого папа и презирует магию. Сплошная показуха. Никакой глубины.

— В этом он прав: маслины действительно остались маслинами, — Эльфаба вынула из складок рукава темный кусочек и протянула сестре. — Хочешь попробовать?

Но Нессароза только презрительно отвернулась и закрыла глаза в молчаливой молитве.

— Как тебе новый лектор? — спросил Бок Эльфабу, когда профессор Никидик отпустил их на перерыв.

— Мне сложно сосредоточиться на его словах — так хочется снова услышать Дилламонта. В голове не укладывается, что его больше нет.

На ее лице отразился хмурый укор судьбе.

— Я как раз об этом и собирался с тобой поговорить. Ты столько рассказывала про его открытия. Как ты думаешь, может, в его лаборатории что-нибудь осталось? Что-нибудь очень важное, чего еще не успели вынести? Ты ведь записывала за ним. Вдруг из этих записей можно сделать какие-нибудь выводы или хотя бы наметить план для будущих исследований?

Эльфаба одарила его презрительным взглядом.

— Думаешь, тебе первому пришла в голову эта мысль? В тот же день, когда нашли профессора — еще не успели опечатать дверь, — я пробралась в его лабораторию. Ты что, меня совсем за идиотку держишь?

— Ну что ты, как можно. Лучше расскажи, что ты нашла.

— Все его записи. Они теперь в надежном месте, и я пытаюсь с ними разобраться. Пока моих знаний недостаточно, ноя учусь.

— То есть ты даже не намерена показать их мне? — опешил Бок.

— Ты ведь никогда особенно не интересовался научной стороной вопроса. К тому же какой смысл что-то рассказывать, когда главное еще не сделано? По-моему, Дилламонт так и не нашел ответ на основной вопрос.

Ничего себе! Ты почти убедила меня, что Гудвин пытается вытеснить Зверей в деревни, чтобы угодить недовольным Фермерам и дать им дешевую рабочую силу. Это подло и касается в том числе наших деревень, а значит, и меня. Я имею право знать то же, что и ты. Может, вместе мы быстрее разберемся что к чему и придумаем, как быть дальше.

— Нет-нет, у тебя слишком многое поставлено на карту. Лучше я одна буду этим заниматься.

— Чем именно?

Но она только покачала головой.

— Чем меньше будешь знать, тем для тебя же лучше. Убийца Дилламонта не остановится ни перед чем. Какой из меня друг, если я втяну тебя в такое опасное дело?

— А из меня какой друг, если я оставлю тебя одну?

Но Эльфаба оставалась непреклонной и игнорировала записки, которые он посылал ей всю вторую

часть лекции. Впоследствии, вспоминая об этом, Бок думал, что размолвка могла бы и вовсе охладить их дружбу, если бы не скандал с новичком.

Профессор Никидик рассказывал о жизненной силе. Накручивая на руки свою длинную раздвоенную бороду, он говорил монотонным, периодически затихающим голосом, так что с задних рядов было слышно только начало каждого предложения. Когда профессор вытащил из жилетного кармана флакончик и пробормотал что-то про «живительный порошок», только на первом ряду студенты распахнули глаза и подались вперед. Боку же и Эльфабе слышалось примерно следующее:

— Ну а теперь, на десерт, бу-бу-бу, представим, что сотворения мира еще не бу-бу-бу, несмотря на обязательства всех разумных бу-бу-бу, любопытный опыт, чтобы на задних рядах тоже бу-бу-бу, взгляните на маленькое чудо бу-бу-бу.

Оживление первого ряда передалось назад. Профессор откупорил темный флакон и слегка его встряхнул. Оттуда вырвалось белое облачко, будто споры из раздавленного гриба-дымовика. Никидик несколько раз взмахнул руками, и облачко, отчего-то не рассеиваясь, поплыло вверх. Он тут же предупредительно поднял палец, призывая к полнейшей тишине, чтобы вздохи удивления не сдули облачко с пути. Студенты послушно затаили дыхание, но не могли сдержать улыбки. Над трибуной между церемониальными горнами и оленьими рогами висели четыре масляных портрета отцов-основателей Колледжа Озмы. Облаченные в древние одежды, они строго взирали на нынешних учеников. Если живительное облачко коснется одного из великих отцов, что-то скажет он, увидев разнополую аудиторию? Все замерли в предвкушении.

Тут сбоку от трибуны открылась дверь, и в зал заглянул новый, странно одетый студент в замшевых брюках, белой хлопчатой рубашке и с татуировками в виде синих ромбиков на смуглом лице и руках. Никто прежде не видел ничего подобного. Бок схватил Эльфабу за руку и прошептал:

— Смотри, мигун!

И действительно, получалось, что новенький студент-винк или, как в шутку звали этот народ, мигун в праздничной одежде опаздывал на урок и ошибся кабинетом, но дверь за ним уже захлопнулась, а свободных мест поблизости не было, поэтому он просто сел спиной к двери, надеясь, видимо, остаться незамеченным.

— Проклятие, ты все испортил! — рявкнул профессор Никидик, наблюдая, как от струи воздуха облачко всколыхнулось и проплыло мимо ученых мужей, которым так и не суждено было снова заговорить. — Что же ты на уроки опаздываешь, разбойник?

Облачко окутало оленьи рога и будто запуталось в них.

— Ну, от рогов мы вряд ли дождемся чего-то разумного, а тратить порошок на опыты я больше не намерен, — заявил Никидик. — Работа по изучению порошка все еще бу-бу-бу, и я думал бу-бу-бу. Придется вам самим бу-бу-бу. Я бы меньше всего хотел настроить вас бу-бу-бу.

Тут рога задергались, сорвались с креплений и под смех и гиканье студентов рухнули на пол. Смешнее всего, что сам лектор долго не мог сообразить, из-за чего такой шум. Он обернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как рога поднялись и грозно нацелились на него, словно боевой петух, готовый кинуться в драку.

— Ну, что уставились? — строго сказал профессор рогам. — Не я вас сюда звал. Все претензии — вон к нему. — И махнул на винка, который с таким ужасом смотрел на все происходящее, что самые циничные из старшекурсников начали подозревать, не подстроено ли это представление.

Рога развернулись и, по-паучьи перебирая ветвями, вмиг промчались по трибуне и прижали винка к стене, придавив его шею. Студенты с криком и визгом повскакивали со своих мест. Профессор Никидик

поспешил было на помощь, но споткнулся и упал на больные колени. Прежде чем он поднялся, двое ребят с первого ряда уже набросились на рога и оторвали их от винка. К тому уже вернулся дар речи, и он залопотал на неизвестном языке.

— Да это же Кроп с Тиббетом! — воскликнул Бок и хлопнул Эльфабу по плечу. — Смотри!

Студенты-маги взобрались на стулья и пытались поразить рога заклинаниями. Рога вырывались, но наконец Крону и Тиббету удалось переломить сначала одну ветвь, затем другую, и потерявшие опору обломки беспомощно задержались на полу.

— Бедняга, — сказал Бок, кивнув на винка, который, скорчившись у двери, громко рыдал, закрыв лицо татуированными руками. — Приехать из далекой страны и получить такой прием.

Случай с винком породил всевозможные сплетни и пересуды. Наследующий же день на уроке магии Глинда спросила у учительницы, почему живительный порошок профессора Никидика, действующий как волшебное снадобье, им показали на уроке биологии, а не магии. Есть ли вообще какая-нибудь разница между наукой и магией?

— О, — произнесла мисс Грейлин и задумчиво запустила руку в волосы. — Наука, дорогие мои, — это постоянное препарирование природы в попытке отыскать те мельчайшие части, которые более или менее подчиняются вселенским законам. Магия движется в противоположном направлении. Она не разрушает, а восстанавливает. Не анализирует, а синтезирует. Создает новое, вместо того чтобы раскрывать старое. В Руках мастера... — Тут она укололась булавкой в волосы и невольно вскрикнула. — В руках мастера — это искусство. Еще более высокое и изящное, чем живопись, поэзия и театр, ибо оно не отражает мир, а творит его. Благороднейшее занятие. — От собственных слов в глазах растроганной мисс Грейлин заблестели слезы. — Разве есть на свете желание чище, чем изменить мир к лучшему? Не строить фантастические проекты, а собственными силами взять — и изменить. Перевоспитать порочных, вывести заблудших, оправдать существование нашего несчастного мира. С помощью магии — выжить!

Этот манифест произвел такое впечатление на Глинду, что за чаем она пересказала его сестрам Тропп.

— Только Безымянный Бог способен создавать, — возмутилась Нессароза. — И если мисс Грейлин не умеет отличать магическое от божественного, то бойтесь, как бы она не разложила ваши нравы.

— Ну, мне-то уже бояться нечего, — сказала Глинда, вспоминая, какую страшную болезнь придумала для мисс Ключ.

— Тем более, — твердо возразила Нессароза. — Тогда если и использовать магию, то только для исправления собственного характера. Если задаться такой целью, то действительно из магии может выйти что-нибудь хорошее. Главное — чтобы ты ею управляла, а не она тобой.

Глинда представила Нессарозу в роли проповедницы и поморщилась. Правда, совет запомнила.

Тут вмешалась Эльфаба.

— А ведь сам вопрос очень интересный; жаль, мисс Грейлин так на него и не ответила. Мне тоже тот кошмар с рогами показался скорее волшебством, чем научным экспериментом. Бедный новичок! Что, если спросить самого Никидика?

— Да кто посмеет? — отмахнулась Глинда. — Мисс Грейлин хотя бы совершенно безвредна, а профессор, со своими непонятными словами, — он такой... важный.

На следующей лекции по биологии все поглядывали на новичка-винка. Он пришел рано и выбрал место на балконе, как можно дальше от преподавательской кафедры. Бок как истинный фермер относился с подозрением к кочевым народам, какими считались винки, но был вынужден признать, что у новичка умное лицо. Эврик, подсев к Боку, начал сплетничать.

— Говорят, он какой-то принц, только без трона и денег. Князек одного маленького племени. Нищий голубых кровей. Учится в Колледже Озмы, зовут Фьеро. Он самый настоящий винк. Интересно, как ему цивилизация?

— Если натравливание оживших рогов на опоздавших студентов считается цивилизацией, то он, наверное, мечтает вернуться к своим диким соплеменникам, — отозвалась Эльфаба с другой стороны от Бока.

— Зачем, интересно, он так раскрашивается? — продолжал разглагольствовать Эврик. — Только лишнее внимание к себе привлекает. А кожа! Что за дерьмовый цвет!

— Что за дерьмовые слова!

— Ну хватит вам, — сказал Бок. — Успокойтесь.

— Ах да, я забыл, — не отступал Эврик. — Кожа — твое больное место.

— Вот только не надо меня сюда втягивать. Ты портишь мне пищеварение хуже гороха на завтрак.

— Я сейчас от вас отсяду, — пригрозил Бок, но тут вошел профессор Никидик. Все встали в привычном приветствии, потом шумно, все еще перешептываясь, опустились на места.

Несколько минут Эльфаба тянула руку, чтобы привлечь внимание лектора, но тот, не замечая ее, тянул о чем-то своем. Отчаявшись, Эльфаба повернулась к Боку.

— После перерыва сяду поближе.

Закончив свое монотонное введение, профессор попросил студента открыть ту самую дверь сбоку от трибуны, через которую на прошлой неделе так неудачно вошел Фьеро. Ассистент вкатил в зал столик, на котором сжался испуганный львенок. Его хвост, маленький бежевый хлыстик, нервно подрагивал, лопатки ходили под кожей. Львенок вертел голой, безгривой головой, словно оценивая угрозу, потом раскрыл пасть и затравленно мякнул. По залу пронесся вздох умиления.

— Почти что котенок, — сказал профессор Никидик. — Я хотел назвать его Мррр, но он больше трясется, чем мурлычет, поэтому я зову его Бррр.

Львенок опасливо покосился на профессора и отполз в Дальний угол тележки.

— Вопрос нашей сегодняшней лекции таков: учитывая повышенный интерес профессора Дилламонта к проблеме бу-бу-бу. Кто может сказать, зверь этот львенок или Зверь?

Эльфаба не стала дожидаться, когда ее заметят. Она поднялась и громко сказала:

— Ответить может его мать. Где она?

По залу прокатился рокот изумления.

— Я вижу, что попался на неточной формулировке вопроса, — радостно отозвался Никидик. Теперь он говорил громче, как будто впервые осознал, что в зале есть последние ряды. — Похвально, мисс, похвально. Попробую спросить иначе. Готов ли кто-нибудь высказать обоснованное предположение относительно природы этого экспоната? Перед нами очень юное животное, в том нежном возрасте, когда ни один из его собратьев еще не способен разговаривать, даже если такая способность в нем заложена.

Итак, до появления языка — вернее, до его развития, — можно ли определить, зверь это или Зверь?

— Простите, профессор, — снова подала голос Эльфаба. — Но вы не ответили на мой вопрос. Львенок совсем маленький. Где его мать? Почему его разлучили с ней в столь раннем возрасте? Он ведь даже не может сам есть.

— Ваши вопросы не имеют ни малейшего отношения к научной проблеме, — ответил Никидик. — Ноя понимаю: в ваши годы сердце берет верх над разумом. Его мать, скажем так, безвременно скончалась. Давайте ради интереса предположим, что невозможно было сказать, львица она или Львица. В конце концов, сейчас многие недовольные Звери возвращаются в дикую природу.

Эльфаба села, не зная, что ответить.

— Нехорошо это, — сказала она Боку с Эвриком. — Принести на лекцию такого маленького львенка. Он же напуган до смерти. Вон как дрожит. А ведь здесь тепло.

Студенты начали высказываться, но профессор отметал все доводы. Выходило, что в отсутствие речи и других признаков разумной деятельности на столь ранних стадиях развития львенка невозможно было уверенно отнести ни к зверям, ни к Зверям.

— Отсюда следуют политические выводы, — громко сказала Эльфаба. — Я думала, у нас урок биологии, а не политинформация.

Бок и Эврик зашикали на нее. Эльфаба и так уже приобретала репутацию скандалистки.

Профессор еще долго продолжал свои рассуждения, хотя все уже поняли, что он пытался доказать. Наконец Никидик перешел к следующему вопросу.

— Ну а как вы думаете, если бы мы могли разрушить ту часть, которая отвечает за речь, смогли бы мы устранить разум а вместе с ним осознание боли? Предварительные опыты на данном экспонате уже дают интересные результаты.

Он взял в одну руку шприц, в другую — резиновый молоточек. Львенок выгнулся дугой, попятился, упал с тележки и метнулся к двери, закрытой, как и тогда, с рогами.

Зал за вол но вал ся. Тут уже не только Эльфаба — другие тоже повскакивали с мест и кричали лектору: «Разрушить мозг?! Устранить боль?! Да вы с ума сошли! Мало ему мучений?! Вы посмотрите, какой он крохотный! Какой испуганный!»

Профессор опешил, потом воинственно взмахнул молоточком.

— Это что еще за хулиганство? Немедленно прекратить! За своими дикими эмоциями вы не видите красоты научного эксперимента! Верните экспонат! Верните сюда немедленно! Девушки, я кому говорю? Я рассержусь!

Но те подхватили львенка и выскочили с ним наружу. Зал гудел. Профессор Никидик демонстративно вышел следом.

— Так я и не задала Глиндин вопрос про магию и науку, — нетвердым голосом сказала Эльфаба. — Не пойми чем сегодня занимались.

— Ты из-за львенка расстроилась? — Бок был тронут. — На тебе аж лица нет. Давай плюнем на все и пойдем пить чай на Вокзальную площадь. Как прежде, а?

В любой компании случайных приятелей есть золотое время, когда робость и недоверие уже проходят, а разочарование и неприязнь еще не наступили. Вот и теперь Боку казалось, что его летнее увлечение Галиндой было прелюдией к замечательной дружбе.

Юношам запрещалось посещать Крейг-холл, а девушкам — все мужские колледжи. Однако теперь во время лекций делались исключения, а центр города стал естественным дополнением аудиторий. После занятий и на выходных ребята встречались в парке возле канала за бутылкой вина или в кафе за чашкой чая, в студенческих барах или просто на улицах города, где гуляли, обсуждая достоинства местной архитектуры или высмеивая странности преподавателей. Бок и Эврик, Кроп и Тиббет, Эльфаба и Нессароза (и конечно, няня), Глинда, иногда с Фэнни, Шень-Шень и Милой. Кроп привел в их кружок Фьеро, после чего Тиббет с неделю на дулся на друга, пока Фьеро не упомянул в своей обычной вежливой манере: «О да, я женат. Мы, винки, рано женимся». Изумленные собеседники почувствовали себя совсем еще детьми.

Нет, конечно, Эльфаба и Эврик постоянно осыпали друг-друга колкостями, Нессароза надоедала своими нравоучениями, а Кропа и Тиббета не раз скидывали в канал за сальные замечания — но их дружбе это не мешало. Неожиданно оказалось, что страсть Бока к Глинде угасла. Он любил наивную, самовлюбленную кокетку, проще говоря, Галинду, а она вдруг повзрослела и превратилась в Глинду. В кого-то другого и непонятного, кого любить он уже не мог. Зато с кем теперь мог дружить.

Счастливые были дни...

Одним холодным вечером к сестрам Тропп пришел Громметик с просьбой явиться к директрисе (сами девушки упорно избегали мадам Кашмери). Няня обреченно вздохнула, повязала свежий фартук и повела девушек вниз, в директорский кабинет.

— Терпеть не могу этого Громметика, — жаловалась Нессароза. — Как он вообще работает? Это просто механизм, или тут опять не обошлось без магии?

— Мне всегда лезет в голову какая-то глупость, — призналась Эльфаба. — Будто там внутри сидит гном или целое семейство эльфов и каждый управляет определенной частью. Когда я его вижу, мои руки так и тянутся к молотку.

— Надо же, какие умные руки!

— Да тише вы, — оборвала их няня. — Он все слышит. Мадам Кашмери просматривала деловые бумаги и сделала несколько отметок на полях, прежде чем обратила внимание на посетительниц.

— Я вас надолго не задержу. Ваш дорогой отец прислал мне письмо, и я решила, будет лучше вам его пересказать.

— Что случилось? — побледнела Нессароза.

— Почему не нам? — спросила Эльфаба. Мадам Кашмери оставила ее слова без внимания.

— Ваш отец спрашивает о здоровье и успехах Нессарозы и просит передать, что будет поститься и молить бога о возвращении на престол Озмы Типпетариус.

— А, благословенное дитя! — оживилась няня. — Когда Гудвин захватил власть и упек регента Пасториуса за решетку, мы все ждали, что маленькая Озма вот-вот обрушит на него свой гнев. Но говорят, ее усыпили и упрятали в пещеру, как когда-то Лурлину. Неужели у Фрекспара хватит сил ее пробудить?

Мадам Кашмери поморщилась.

— Я пригласила вас не для того, чтобы выслушивать рассказы вашей опекуни и клевету на великого Гудвина. Всем известно: власть сменилась мирно, а то, что здоровье регента пошатнулось, когда он был под домашним арестом, — всего лишь досадная случайность. Что же касается способности вашего отца пробудить принцессу от загадочного летаргического сна, то вы сами говорили, что отец ваш человек странный, если не сказать большего — сумасшедший. Я от души желаю ему не надорваться. Вас же, девушки, хочу предупредить, что мы здесь не поощряем бунтарских настроений. Надеюсь, вы не разделяете отцовского роялизма.

— Мы признаем над собой только Господа, а не земных правителей, будь то Озма или Гудвин, — гордо произнесла Нессароза.

— А мне вообще все равно, — пожала плечами Эльфаба. — Отец любит ввязываться в заведомо проигрышные дела.

— Ну и хорошо, — сказала мадам Кашмери. — Вот и договорились. А еще он послал вам посылку. Нессарозе, насколько я понимаю.

Она протянула Эльфабе деревянную коробку. Няня заинтересованно придвинулась.

— Открой, пожалуйста, — попросила Нессароза сестру. Эльфаба развязала шнурок, открыла коробку и достала из груды опилок сначала один башмачок, потом другой. Серебряные? Или синие? Или даже красные? Или так наполированы, что переливаются всеми цветами радуги? Непонятно, да и не важно; главное — эффект. Даже мадам Кашмери ахнула от такого великолепия. В свете огня по поверхности башмачков бежали сотни отражений, словно бесчисленные капельки бурлящей крови под увеличительным стеклом.

— Он пишет, что купил их для Нессарозы у старой башмачницы рядом с Оввельсом, — пояснила мадам Кашмери, — и украсил посеребренными стеклянными бусинами, которые сделал сам... Кто-то его научил...

— Черепашьё Сердце, — угрюмо произнесла няня.

— И еще, — директриса перевернула письмо и прищурилась, разбирая почерк, — он пишет, что хотел подарить Нессарозе что-нибудь приятное перед отъездом в университет, но в связи с обстоятельствами... внезапной болезнью мисс Ключч... м-хм... не успел. Поэтому шлет ей теперь со всей отеческой любовью эти башмачки, чтобы они сохранили ее нежные ножки.

На всякий случай Эльфаба еще раз погрузила пальцы в опилки, но больше в коробке ничего не было. Ничего для нее.

— Какая прелесть! — воскликнула Нессароза. — Эльфи, ты мне их не наденешь? Ух, как сверкают!

Эльфаба опустилась на колени перед сестрой, царственной, как Озма — спина прямая, лицо лучится радостью, — сняла с нее домашние тапочки и надела ослепительные башмачки.

— Какой заботливый папа! — восхитилась Нессароза.

— Не переживай, когда-нибудь и у тебя такие будут, — тихо сказала няня Эльфабе и сочувственно

положила ей руку на плечо. Эльфаба с досадой сбросила руку.

— Очень красиво, — хрипло, с трудом проговорила она. — Тебе идет.

— Только не дуйся, — сказала Нессароза, любовно разглядывая, как сидят башмачки. — Не порть мою маленькую радость, хорошо? Отец ведь знает, что тебе такого не нужно.

— Конечно, — согласилась Эльфаба. — Зачем мне?

Тем вечером друзья допоздна сидели в таверне и пили вино — бутылку за бутылкой. Няня вздыхала, укоризненно цокала языком и напоминала про время, но поскольку пила не меньше других, к ней никто и не прислушивался. Фьеро рассказывал, как в семилетнем возрасте его женили на девочке из соседнего племени. Все замерли, ожидая бесстыдных подробностей, но оказалось, что он видел свою супругу лишь однажды, да и то случайно, когда им было по девять лет. «Мы начнем жить вместе только после того, как нам исполнится двадцать, мне пока восемнадцать», — добавил он. Убедившись, что Фьеро так же невинен, как и остальные, друзья на радостях заказали еще бутылку.

Свечи мерцали, за окном моросил осенний дождь. Эльфаба поежилась и поплотнее завернулась в плащ, подумав о дороге домой. Первая обида и ревность уже прошли, и сестры стали вспоминать забавные истории из своего детства, словно доказывая себе и другим, что между ними все по-прежнему. Нессароза пила мало, зато вдоволь шутила над собой.

— Несмотря на мой вид, а может, именно благодаря ему папа всегда звал меня лапочкой и красотулькой, — говорила она, впервые открыто упоминая про свое уродство. — «Иди сюда, моя лапочка, — звал он меня, — я угощу тебя вкусеньким». И вот я, довольная такая, вперевалочку чапаю к нему, шатаюсь туда-сюда, падаю на его колени и тянусь к руке, а он кладет мне в рот кусочки яблока.

— А тебя он как звал? — повернулась к Эльфабе Глинда.

— Ее он звал Фабалой, — подсказала Нессароза.

— Дома, только дома, — отмахнулась Эльфаба. — Никогда при посторонних.

— Да, ты была его Фабалой, — тихо, задумчиво сказала няня, сидевшая чуть поодаль. — Фабалой, Фаблусей, Эльфабой.

— А вот лапочкой он меня не называл, — сказала Эльфаба и подняла бокал. — И, как видите, не обманул: лапочкой действительно была Несса. За что и получила обновку. Поздравляю!

Нессароза слегка покраснела.

— Зато ты покоряла папино сердце своим пением.

— Покоряла сердце? Ха! Ты хотела сказать, развлекала его?

— Такты поешь? — оживились остальные. — Тогда ты и нам Должна спеть! Официант, еще бутылку! Отодвинь-ка этот стул. Мы не уйдем, пока ты не споешь!

— Только если с вами по очереди, — заявила Эльфаба. — Бок? Манчурскую плясовую? Эврик? Гилликинскую балладу? Глинда, ты тоже что-нибудь. Няня, колыбельную?

— А я спою арджиканскую охотничью песнь, — добавил Фьеро. Все взвыли от восторга и стали одобрительно хлопать его по спине.

Эльфабе ничего не оставалось делать, как отодвинуть стул, прокашляться и, взяв для пробы несколько

нот, запеть, как когда-то отцу.

Хозяйка замахала тряпкой на шумную компанию подвыпивших старичков, метавшие дротики мужчины отвлеклись от игры. В таверне стало тихо: все слушали, как Эльфаба выводит песню, которую она сочиняла на ходу, — песню о мечтах и разлуке, о неведомых далях и грядущих днях. Посетители закрывали глаза и слушали.

Бок тоже вслушивался в этот удивительный голос. Он видел сказочные земли, о которых пела Эльфаба: страны, где нет ни жестокости, ни гнета бессердечных тиранов, ни всепожирающей засухи. Голос был выразительный, но в то же время естественный, не театрально-наигранный. Бок слушал до конца, пока последние звуки песни не растворились в тишине. Позднее, вспоминая, он будет говорить, что мелодия таяла, как радуга после грозы, как стихающий ветер, оставляя после себя легкость, покой и веру в лучшее.

— Ты следующий, ты обещал! — воскликнула Эльфаба, указывая на Фьеро, но никто не решался петь после нее. Нессароза кивком попросила няню утереть ей слезы.

— Эльфаба говорит, что не верит в бога, но послушайте, с каким чувством она поет о загробной жизни, — сказала она.

Никто не стал спорить.

Ранним морозным утром, когда иней затянул окна, Громметик принес Глинде записку. Мисс Ключ была при смерти. Глинда и ее соседки поспешили в лазарет. Там их встретила мадам Кашмери и проводила в комнатку без окон, где мисс Ключ металась по постели и горячо спорила с наволочкой.

— Не надо мне никакого снисхождения! — настаивала она. — Сама подумай, чем я тебе отплачу? Я воспользуюсь твоим мягким характером, буду пачкать твою тончайшую ткань своими сальными волосами и ковырять во рту кружевной оборкой. Дура ты бестолковая, раз позволяешь все это. И нечего мне говорить про долг службы. Это все ерунда, слышишь? Е-рун-да!

— Мисс Ключ, мисс Ключ, посмотри на меня, — взмолилась Глинда. — Это я, Глинда.

Но опекунша упрямо мотала головой.

— Твои возражения оскорбительны для памяти предков! — отчитывала она наволочку. — Не для того на полях возле Тихого озера рос хлопчатник, чтобы ты позволяла невесте кому на тебе лежать. Нет, голуба, так не пойдет!

— Мисс Ключ, — простонала Глинда. — Ты бредишь, очнись!

— Ага! — торжествующе воскликнула опекунша. — Нечем крыть?

— Приди в себя хоть ненадолго, — упрашивала девушка.

— Пресвятая Лурлина, ужас-то какой! — охнула няня. — Если и со мной когда-нибудь такое случится, лучше сразу отравите.

— Ее время на исходе, — сказала Эльфаба. — Я много раз видела умирающих и хорошо знаю предвестники смерти. Говори все, что хочешь ей сказать, Глинда, не медли.

— Не могли бы вы оставить нас, мадам Кашмери? — попросила Глинда.

— Мой долг — быть рядом с моими студентками в минуты нужды, — ответила та и упрямо уперлась в бока мясистыми руками, но Эльфаба с няней оттеснили ее из комнатки и выпроводили из лазарета.

— Это очень любезно с вашей стороны, госпожа директор, — квохтала няня, — но право же, вам нет никакой нужды оставаться, мы сами все устроим.

Глинда сжала руку опекуни. Мисс Ключт попыталась вырваться, но силы ее таяли. На лбу выступили крупные капли пота.

— Бедная мисс Ключт, — сказала Глинда. — Ты умираешь, и все из-за меня.

— Ай, перестань, — поморщилась Эльфаба.

— Из-за меня! — упрямо возразила Глинда.

— Да не об этом речь! Она умирает, а ты мямлишь, как на исповеди. Ну же, сделай что-нибудь.

Глинда поймала вторую руку опекуни и сжала еще сильнее.

— Я верну тебе разум, — сказала она. — Мисс Ключт, слушай меня внимательно. Я, твоя госпожа, взываю к тебе! Повинуйся!

Закрыв глаза, Глинда забормотала непонятные звуки. Опекунша заскрежетала зубами, закатила глаза и запрокинула голову, точно пыталась проткнуть подбородком невидимого беса, парящего над ней.

— Смотри не взорви ее, как тот бутерброд, — предостерегла Эльфаба.

Глинда не ответила: тяжело дыша, она произносила заклинания и раскачивалась на кровати. Глаза больной бегали с пугающей скоростью под закрытыми веками, словно пережевываемые глазницами.

— Магникордиум сенсус овинда клене! — громко произнесла Глинда заключительную формулу. — И если это не поможет, я сдаюсь.

Мисс Ключт затихла, потом медленно открыла красные, с кровоподтеками, глаза.

— Ой-ой-ой, — простонала она. — Я что, уже умерла? Галинда, девочка моя, с тобой все хорошо?

— Нет, дорогая мисс Ключт, ты жива, и да, со мной все хорошо, не беспокойся. Но послушай, родная, говорят, что ты умираешь.

— Конечно, умираю: разве не слышишь — ветер шумит по мою душу. Неужели не слышишь? Ну, не важно. А, Эльфи, и ты здесь? Прощайте, мои хорошие. Держитесь подальше от этого ветра, пока не придет ваше время, или он, чего доброго, занесет вас не туда.

— Мисс Ключт, я хочу сказать... я хочу попросить у тебя прощения... — начала Глинда, но Эльфаба, нагнувшись, заслонила ее от опекуни и проговорила:

— Прежде чем вы нас покинете, ответьте: кто убил профессора Дилламонда?

— Неужели вы не догадываетесь?

— Мы хотим знать наверняка.

— Ну что ж, я почти видела убийство. Оно только произошло: нож еще был там, и на нем не успела засохнуть кровь.

Мисс Ключт перевела дыхание.

— Рассказывайте, — торопила ее Эльфаба. — Что вы видели? Это важно.

— Я видела нож, я видела, как налетел ветер, чтобы забрать профессора, и видела, как железная рука оборвала его жизнь.

— Это был Громметик, да? — подгоняла Эльфаба.

— Ну я же говорю, — подтвердила мисс Ключт.

— И что, он вас заметил? Напал? Это из-за него вы заболели?

— Я заболела потому, что пришло время болеть, — мягко ответила мисс Ключ. — Мне не на кого жаловаться. А теперь подходит время умирать, так что не мучь меня больше. Вот возьми мою руку.

— Но ведь это я виновата, — начала опять Глинда.

— Лучше помолчи, дорогая, — ласково сказала мисс Ключ и похлопала ее по руке, потом закрыла глаза и пару раз глубоко вздохнула. Девушки тихонько сидели рядом с больной. Из коридора доносились шаги директрисы. Потом по комнате и вправду будто пронесся ветер — и мисс Ключ не стало. Только слюнка поползла из угла рта по щеке на угодливую наволочку.

5

Похороны прошли скромно. На первых двух рядах в церквушке сидели близкие друзья Глинды, сзади стайкой собрались опекуны, но все же ощущалась какая-то пустота. После того как тело умершей, завернутое в саван, скользнуло в печь, собравшиеся прошли помянуть ее в кабинет мадам Кашмери. Оказалось, что директриса не стала тратить на угощения: чай был несвежий и безвкусный, а печенья жесткие, как камень, и к ним не давали ни мармелада, ни даже взбитых сливок.

— Неужели нельзя было поставить хоть чашечку взбитых сливок? — укоризненно спросила Глинда.

— Ах, моя дорогая, — отвечала Кашмери, — я удивлена вашим вопросом. Разве вы не знаете, что надвигается голод, что в деревнях коровы умирают от истощения и цена молока неуклонно растет? Приходится быть экономными. Я ведь себе тоже отказываю.

Глинда отвернулась и двинулась было прочь, но тут ей на плечо легли толстые, увешанные кольцами пальцы директрисы. От этого прикосновения кровь застыла в жилах.

— Я хотела бы поговорить с вами и сестрами Тропп, — услышала она ее голос. — Когда гости разойдутся, пожалуйста, задержитесь.

— Кашмери что-то хочет, — передала Глинда сестрам. — Велела остаться после поминок.

— Только ни слова о том, что рассказала мисс Ключ, — предупредила Эльфаба. — И даже о том, что она приходила в себя. Всем ясно? Несса? Няня?

Они кивнули. Перед прощанием Бок и Эврик сказали, что собираются позже в трактире «Персики и почки» на Регентской площади. Девушки обещали прийти. Там они устроят более достойные поминки бедной опекуне.

Гости разошлись, только Громметик убирал со стола. Мадам Кашмери заботливо подбросила в огонь несколько поленьев.

— После, после уберешь, железяка, — сказала она слуге. — Иди погуляй. Смажь суставы.

Громметик удалился с оскорбленным видом. Эльфаба едва подавила в себе желание пнуть его ботинком под зад.

— И вы тоже, няня. Пойдите отдохните от своих трудов.

— Что вы, как же я оставлю Нессарозу?

— Очень просто. Сестра прекрасно о ней позаботится. Правда же, Эльфаба? Вы ведь добрая душа?

Эльфаба открыла было рот — не иначе, ее покорило слово «душа», — но только поморщилась и кивнула няне. Та послушно вышла, но прежде чем закрыть за собой дверь, проворчала:

— Не мне, конечно, жаловаться, но такой убогий стол! И на поминках!

— Увы, — вздохнула мадам Кашмери, голи оправдываясь, то ли жалуясь на слуг.

Она оправила юбки и жакет, расшитый медными блестками, словно золотой чешуей. «Двуногая разукрашенная рыба, — в очередной раз подумалось Глинде. — И как только она стала директором?»

— Девочки мои, — начала мадам Кашмери. — Теперь, когда мисс Ключ нас покинула, мы должны взять себя в руки и двигаться дальше. Первым делом я прошу вас исполнить свой печальный долг и передать мне ее последние слова. Так вам будет проще справиться с горем.

Глинда — а именно ей девушки отвели главную роль в разговоре — набрала побольше воздуха и сказала:

— Ничего особенного. Несла какой-то вздор до самого конца.

— Неудивительно. Бедная страдальца. Но какой именно вздор?

— Я, право, не разобрала.

— Не говорила ли она, например, о смерти профессора?

— О смерти профессора? Не знаю, все было так сумбурно.

— Я предчувствовала, что на своем смертном одре мисс Ключ снова переживет те страшные мгновения. Умиравшие часто пытаются в последние минуты жизни разрешить мучившие их загадки. Пустая трата сил. То, что увидела ваша бывшая опекунша, безусловно, ее потрясло. Мертвое тело профессора. Кровь. И — Громметик.

— Да? — выдохнула Глинда. Сестры стояли с обеих сторон от нее, не шелохнувшись.

— Тем злополучным утром, — продолжала директриса, — я рано поднялась и предавалась духовным размышлениям, когда обратила внимание, что в лаборатории профессора Дилламонта горит свет. Полагая, что он устал, я послала к нему Громметика с освежающим чаем. Слуга обнаружил профессора в беспмятстве возле разбитого увеличительного стекла: видимо, он неловко наткнулся на осколок и перерезал себе яремную вену. Печальный пример чрезмерного научного рвения, если не сказать — гордыни, в отсутствие элементарного здравого смысла. Даже лучшим из нас нужен отдых. Не зная, что делать, Громметик стал щупать пульс, но сердце профессора уже не билось. Видимо, тогда и вошла мисс Ключ — и увидела забрызганного кровью Громметика. Что только ее понесло в лабораторию совать нос в чужие дела? Но не будем непочтительно отзываться о мертвых.

Глинда шмыгнула носом и сочла благоразумным умолчать, что мисс Ключ увидела нечто необычное еще вечером и пошла на проверку.

— Думаю, от ужаса к мисс Ключ и вернулась ее болезнь. Кстати, теперь вы, наверное, понимаете, почему я отпустила Громметика. Он очень раним и, боюсь, подозревает, что ваша опекунша винила его в смерти профессора.

— Мадам Кашмери, — неуверенно сказала Глинда. — Мне надо кое в чем вам признаться. Та болезнь, о которой я вам рассказывала, — я ее выдумала. Ничем подобным мисс Ключч никогда не страдала. Но, клянусь, я не насылала на нее эту болезнь.

Эльфаба с напускным равнодушием изучала лицо директрисы. Нессароза почтительно хлопала ресницами. Но если мадам Кашмери и знала про обман Глинды, то не подала вида. Она оставалась невозмутимой, как привязанная лодка.

— Что ж, это только подтверждает мои наблюдения: в вашей вздорной голове скрыто богатое воображение, даже способность к прорицанию.

Мадам Кашмери встала, шелестя юбками, словно ветер на хлебных полях.

— То, что я сейчас скажу, должно остаться между нами. Я жду от вас полного повиновения. Вы понимаете?

Девушки ошеломленно молчали. Директриса с высоты своего роста сверху вниз смотрела на них. «Так вот почему она похожа на рыбу! — со всей отчетливостью поняла вдруг Глинда. — Она совсем не моргает!»

Приняв молчание студенток за согласие, мадам Кашмери продолжила:

— Я наделена полномочиями от властителя, могущество которого вы даже не представляете, и пытаюсь выполнить важнейшую задачу, без которой немыслима безопасность нашей страны. Вот уже не один год я тружусь, и теперь пришло время пожинать созревшие плоды.

Директриса многозначительно посмотрела на девушек. Они и были этими плодами!

— Все, что вы здесь услышите, не выйдет за пределы этой комнаты, — властно провозгласила мадам Кашмери. — Вы не захотите и не сможете нигде повторить мои слова. Я связываю вас обещанием, накладываю защитный кокон, удерживающий секрет внутри вас. Нет! — Она взмахнула рукой, заглушая протест Эльфабы. — Не смей возражать! Заклятие наложено, и вы обязаны меня выслушать.

Глинда проверила, чувствует ли она на себе какое-то заклятие, но все чувства заглушались страхом и беспомощностью. Она оглянулась на сестер. Нессароза в своих ослепительных башмачках вжалась в кресло, ее ноздри широко раздувались от ужаса или восторга. Эльфаба, напротив, выглядела такой же самоуверенной и хмурой, как обычно.

— Вы живете в искусственном девичьем мирке, — вещала Кашмери. — Да, я знаю, иногда вы еще встречаетесь с мальчишками из соседних колледжей. Бесплезные существа. Для одного лишь хороши, но даже в этом на них нельзя положиться. Впрочем, я отвлеклась. Я хочу сказать, что вы ничего не знаете об истинном положении дел в нашей стране. Сколь велико беспокойство ее жителей. Одни группы ополчаются на другие: народ на народ, банкиры на фермеров, рабочие на торговцев. Сегодня Оз — это хлопочущий вулкан, готовый вот-вот извергнуться и сжечь всех нас зловонной лавой.

Вам, может, кажется; что у Гудвина сильная власть? Полно, так ли это? Да, он контролирует внутреннюю политику и выторговывает прибыльные сделки с кровопийцами из Эва, Джеммико и Флиана. Он правит Изумрудным городом с умением, невиданным для деградирующей династии мордатых Озм. Без него государство давно бы рухнуло. Мы должны быть ему благодарны. Удивительно, как много трудностей решает крепкий кулак. Как говорится, вежливость вежливостью, но лучше иметь дубинку под рукой. Вижу, вам не нравятся мои слова? Согласитесь хотя бы, что мужчина лучше женщины олицетворяет власть.

Но не всегда все так, как кажется. Постепенно выяснилось, что фокусов Гудвина надолго не хватит. Неизбежны волнения, бунты — те самые нелепые, бессмысленные бунты, во время которых люди так упоенно режут друг друга ради политических перемен, которые через какие-нибудь десять лет откатятся

назад. Столько смысла в жизни появляется, правда? Зачем, в самом деле, чем-то заниматься, когда можно бунтовать? В общем, Гудвину нужны надежные помощники. Те, на кого можно положиться. Кто со временем станет его ближайшими соратниками. Генералами в постоянной войне. Кто способен подчинять и управлять и у кого хватит ума не развалить страну.

Одним словом, женщины.

Поэтому я и собрала вас здесь. Вы еще очень молоды, но даже представить себе не можете, как быстро повзрослеете. Что бы я ни думала о вашем поведении, я сразу вас выделила из толпы: вы гораздо-способнее, чем кажетесь на первый взгляд. Нессароза, поскольку ты приехала к нам недавно, в тебе разобраться труднее всего, но я чувствую: стоит тебе вырасти из своей детской набожности, как у тебя проявится могучая сила, которой болезнь не помеха. Эльфаба, превыше всего ты ценишь собственную независимость. Даже сейчас, во власти моих связующих чар, ты сопротивляешься каждому слову. Это говорит о крепкой воле, за что я тебя и уважаю. Ты не выказала ни малейшего интереса к магии, да я и не вижу в тебе особой склонности к ней. Скажу лишь, что твой гордый дух одинокой волчицы может быть обуздан — ода! — и тебе не придется доживать свои дни пожираемой невыплеснутым гневом. Ну а ты, Глинда, ты все еще удивляешься своим магическим способностям, а ведь я их давно в тебе распознала. Я даже надеялась, что ты заразишь Эльфабу своим увлечением, но этого не произошло, что лишний раз подтверждает ее негибкий характер.

Но я по вашим глазам вижу, что вы мне не доверяете. Ты, Глинда, лихорадочно пытаешься сообразить: «Неужели кошмарная Кашмери подстроила, чтобы мисс Ключ поранилась на вокзале, и меня поселили с Эльфой? Неужели Кашмери заставила мисс Ключ спуститься в лабораторию, найти мертвого Козла и слечь с болезнью, чтобы приехала няня и привезла с собой Нессарозу?» Все это глупости, но мне даже лестно, что ты подозреваешь во мне такое могущество.

Директриса прервалась и как будто слегка покраснела.

— Я всего лишь служанка власти, — продолжала она. — Мое призвание — развивать чужие таланты. Здесь я выполняю свое скромное призвание, здесь вношу скромный вклад в историю.

Ну а теперь — к делу! Я хочу, чтобы вы задумались о своем будущем. Я хочу превратить — точнее, посвятить — вас в Наместницы. Со временем я подберу вам закулисные должности в разных концах страны. Помните, меня наделили этой властью те, чьи туфли я недостойна целовать. (При этом Кашмери гордо расправила плечи, считая, видимо, за великую честь быть вообще удостоенной внимания таких таинственных сил.) Вы станете тайными советниками для верховных правителей, ни кому не известными посланницами мира, призванными подавлять бунтарские настроения в самых беспокойных слоях общества. Разумеется, еще ничего не решено, и последнее слово останется за вами, но шепнете вы его только мне — такова природа наложенного на вас заклятия. Я призываю вас хорошенько подумать. Одну Наместницу я посажу в Гилликин. Глинда, с твоим благородным происхождением ты сможешь пробраться куда угодно: хоть в свинарник, хоть на бал к маркграфам. Ах, не морщись так. Голубая кровь досталась тебе лишь от матери, да и та седьмая вода на киселе. Гилликинская Наместница! Звучит?

Глинда завороченно слушала.

— Эльфаба, — продолжала директриса. — Хоть ты и полна юношеского презрения к наследственным титулам, ты все же правнучка герцога Троппа, чей разум постепенно угасает. Однажды ты унаследуешь Кольвенский замок, эту громадину с претензией на значительность посреди Нестовой пустоши, — и сможешь стать Манчурской Наместницей. Несмотря на свой необычный цвет кожи, а может, как раз благодаря ему ты воспитала в себе независимость суждений, неприятие авторитетов — словом, то упрямство, которое в умеренном количестве даже полезно. Оно тебе пригодится, поверь мне.

Что касается тебя, Нессароза, то ты, возможно, захочешь вернуться с няней в Квадлинию, туда, где выросла. Обстановка там жалкая, особенно после истребления жабоподобных туземцев, однако со временем она наладится, и кому-то придется присматривать за рубиновыми приисками. Нам нужен там свой человек. Ты ведь не рассчитываешь возвращаться в высшем свете, правда? Без рук это будет затруднительно. В конце концов, разве можно танцевать без рук?

Что до Винкуса, то вряд ли нам будет нужна там Наместница, по крайней мере в обозримом будущем. По плану в этой богом забытой земле скоро вообще никого не останется.

Мадам Кашмери прервалась и оглянулась.

— Я понимаю, девочки, вы молоды, и мои слова вас огорчают. Воспринимайте их не как приговор, а как редкую возможность. Спросите себя: «Какие перспективы открывает мне пусть тайная, но важная и ответственная должность?» И самое главное: «Как я смогу послужить своей стране?»

Эльфаба переступила с ноги на ногу, задела боковой столик и уронила оттуда чашку с блюдцем.

— Вы так предсказуемы, — вздохнула мадам Кашмери, глядя на осколки. — Это упрощает мою задачу. Ну, девушки, а теперь идите и подумайте о моих словах. Помните: вы связаны обетом молчания. Не пытайтесь обсуждать услышанное здесь даже между собой — от этого у вас только разболится голова и сведет желудок. Все равно вам не преодолеть мои чары. Где-нибудь в следующем семестре я позову вас к себе по одной, и вы дадите мне ответ. Ну а если вы предпочтете оставить свою страну в час нужды, — она всплеснула руками в притворном отчаянии, — что ж, на вас свет клином не сошелся.

На улице хмурилось. С севера, за серокаменными башнями, тянулись тяжелые темные тучи. Похолодало, и по дороге в трактир девушки плотно закутались в платки.

— И что, интересно, эта старая интриганка наговорила вам такого, чего я не должна была слышать? — возмущалась няня.

Девушки потупились, не ответили.

— Обсудим за столом, — сказала наконец Эльфаба. — Поднимем бокал шампанского в память о мисс Ключч.

— Я бы не отказалась от взбитых сливок, — сказала няня. — До чего же скупа эта Кашмери! Никакого уважения к умершим!

Только теперь Глинда стала понимать, как сильны наложенные чары. И не только потому, что язык не поворачивался передать разговор с директрисой — сами слова, их смысл начинали таять в памяти. Ей что-то предложили. Предложили, так ведь? Что-то не очень честное, что-то... о государственной службе. Какие-то танцы на балах. Смех, бокал шампанского, красавец-мужчина развязывает пояс, его накрахмаленный рукав приятно щекочет ей шею, качает рубиновые сережки... Вежливость вежливостью, но лучше держать дубинку под рукой. Или, может, это было не предложение, а предсказание? Дружеское напутствие во взрослую жизнь? И слова, конечно, предназначались ей одной, остальные не слушали. Мадам Кашмери говорила только с Глиндой, подтверждала ее способности. Говорила о великом будущем. Вежливость вежливостью, но лучше хороший мужик под рукой. Он вешает галстук на спинку кровати и ведет бриллиантовой запонкой по ее коже. Это какой-то сон, директриса не могла говорить про мужчин. Это все от горя. Бедная мисс Ключч! А мадам Кашмери — добрая, скромная женщина — хотела всего лишь утешить своих студенток. Конечно, потому она их и задержала, ей трудно говорить на людях. Но вот мужской язык пробирается между ног, во рту вкус взбитых сливок...

— Держите ее, — вскрикнула Нессароза. — Я не могу, я...

Они осели одновременно: Несса на грудь няни, а Глинда — в руки подросшей Эльфабы.

Глинда содрогнулась от отвращения, когда вместо красавца-мужчины увидела зеленое остроносое лицо, но тут же блаженная улыбка тронула ее губы.

— Спокойно, — говорила Эльфаба. — Здесь не место. Держись.

Меньше всего Глинде хотелось держаться, но здесь, возле телеги с яблоками, на краю рынка, где по дешевке сбывали подпорченную рыбу, действительно было не место.

— Вот дура! — Эльфаба сама говорила чужим, глухим голосом. — Держись, ну! На что тебе только голова дана? Ну же, очнись, ты мне слишком дорога.

— Уф! — выдохнула Глинда, когда подруга опустила ее на кучу соломы и приступ закончился так же внезапно, как начался. — И нечего так нервничать.

— У, девочки, — отдуваясь, сказала няня, усадив Нессарозу и сняв с нее башмачки. — Немудрено упасть в обморок от такой тесной обуви. Тот, кто себя бережет, носит обувь попросторнее, кожаную или деревянную.

Она помассировала Нессарозе стопы. Та простонала, томно прогнулась в спине, но вскоре успокоилась и задышала ровнее.

— С возвращением в Оз, — сказала ей няня, когда она открыла глаза. — Чем это вас, интересно, накормила госпожа директор?

— Ну все, они пришли в себя, нечего рассиживаться, — поторопила Эльфаба. — Нас ждут, и дождь вот-вот начнется.

В популярном у студентов трактире «Персики и почки» их друзья уже заказали столик в укромном уголке, выпили не одну кружку пива и даже прослезились. Эврик вальяжно развалился на скамье, оперевшись спиной о стену, приобняв Фьеро и положив ноги на колени Шень-Шень. Бок и Кроп о чем-то спорили, а Тиббет пел нескончаемую песню на ухо Фэнни, которая едва удерживалась от того, чтобы всадить ему в ногу вилку.

— А, вот и они! — протянул Эврик и сделал вид, будто пытается встать.

Компания оживилась: последовали новые шутки, заказали очередную порцию бутербродов, а Эврик вывалил на стол неприлично высокую горку монет и потребовал взбитых сливок на всех. Деньги творят чудеса, и вот уже на столе возвышались воздушные белые сладкие горы, от вида которых у Глинды почему-то неприятно засосало под ложечкой. Друзья отправляли в рот полные ложки лакомства, строили из него фигурки, даже стали кидаться друг в друга, пока не появился управляющий и не попросил их покинуть трактир. Друзья нехотя подчинились. Если бы они только знали, что это их последний вечер вместе! Прошел сильный дождь, и вода шумела в канализационных трубах, а мокрые камни мостовой отражали свет уличных фонарей.

— Есть предложение, — заплетающимся языком сказал Эврик, выделывая ногами такое, будто обрел гибкость соломенного чучела. — Давайте пойдем в «Приют философа». Есть храбрецы?

— Вот еще удумал! — отозвалась более трезвая няня.

— Я тоже хочу, — заныла Нессароза, опасно покачиваясь из стороны в сторону.

— Ты даже не знаешь, что там, — хихикнул Бок и икнул.

— Все равно, — настаивала она. — Я не хочу вас оставлять. Не хочу идти домой.

— Тише, Несса, успокойся, — сказала Эльфаба. — Это место не для нас с тобой. Пойдем домой. Глинда, пошли.

— Я еду в «Приют философа», — заявила Глинда. — И ты, — она воинственно ткнула пальцем в Эльфабу, — мне не указ. Я хочу сама убедиться, правда ли то, что о нем говорят.

— Пусть остальные поступают как им вздумается, но мы идем домой, — сказала Эльфаба так твердо, что Глинда сделала к ней несколько неуверенных шагов.

— А ты, Бок? — обратилась Эльфаба к юноше, на лице которого боролись противоположные чувства. — Ты ведь не хочешь идти в этот грязный притон. Так не позволяй другим навязывать тебе свои желания.

— Откуда тебе знать? — спросил Бок. — Откуда тебе, Эльфи, знать, чего я хочу, если я сам пока не понял? А?

— Поехали с нами, — предложил Эльфабе Фьеро. — Мы тебя очень хорошо попросим.

— Я тоже хочу! — капризно воскликнула Глинда.

— Ну-ну, не плачь, может, нас и возьмут, — успокоил ее Бок. — В память о старой дружбе, а?

Тем временем остальные разбудили сонного извозчика и забирались к нему в коляску.

— Бок, Глинда, Эльфи, айда с нами! — кричал из окна Эврик. — Неужели боитесь?

— Подумай хорошенько, — упрашивала Бока Эльфаба.

— Я только и делаю, что думаю! — простонал он. — Когда-то ведь надо и чувствовать! Когда-то надо жить! Можно я поживу чуть-чуть в свое удовольствие? Хоть сегодня, а? Хоть я невелик ростом, но все-таки не ребенок!

— Ты будешь им, если поедешь, — возразила Эльфаба. Глинда, решив, что пора действовать, вырвалась и полезла в коляску. Эльфаба вцепилась ей в локоть и рывком повернула к себе.

— Не смей! — прошипела она. — Мы едем в Изумрудный город.

— Я еду с друзьями в «Приют философа».

— Да сегодня же, дура! Сегодня едем.

Няня уже вела Нессарозу к колледжу. Извозчик щелкнул поводьями, и коляска медленно тронулась. Глинда хотела было обругать подругу, но осеклась на полуслове.

— Что? Что ты сказала?

— Ты прекрасно слышала, и я не собираюсь повторять. Мы идем домой, складываем вещи и отчаливаем.

— Но ведь ворота будут закрыты.

— А мы через забор в сад. Едем к Гудвину, и к черту возражения.

Бок не верил своему счастью: наконец-то он ехал в «Приют философа»! Лишь бы только его не вырвало в самую ответственную минуту. И лишь бы это приключение хоть частично осталось завтра в памяти, несмотря на мстительно тянущуюся к вискам головную боль.

Снаружи местечко было тихое, совсем не соответствовавшее репутации самого злачного заведения в городе. Окна на фасаде домика были целомудренно закрыты ставнями. Возле входа расхаживали две Гориллы, распугивая хулиганов. Эврик выпрыгнул первым и стал пересчитывать друзей, пока они вываливались из коляски.

— Шень-Шень, Кроп, Бок, Тиббет, Фьеро, Фэнни, ну и я. Итого семеро. Как мы только уместились?

Он заплатил извозчику, накинув щедрых чаевых, пробормотал что-то невнятное про память о мисс Ключ и повел притихших друзей за собой.

— Идемте, идемте, — подгонял Эврик. — Мы уже достаточно взрослые и достаточно пьяные. Нас семеро, сэр! — объявил он тени в окошке.

— Какой я вам сэр? — Тень приблизилась к стеклу и превратилась в старуху в съехавшем набок розоватом парике. Она смерила их недобрым взглядом. — Меня зовут Якль. Что будете брать, господин хороший?

— Брать? — растерялся Эврик и потом, осмелев, воскликнул: — А все!

— Я про билет, дорогуша. Вам что: круть-верть на танцульках или трах-бах в винных погребах?

— И то, и другое.

— С нашими правилами знакомы? Двери закрывают, от оплаченного не отказываются.

— Дайте уже нам билеты. Сами разберемся, не дураки.

— Да уж, вы никогда не дураки, — проворчала старуха. — Держите и ступайте с богом. Или к богу. — Она выпрямилась и важно, с напускным благочестием произнесла: — Входите, и да раскроются пред вами райские врата!

Дверь распахнулась, и друзья спустились по узким каменным ступенькам. Внизу гном в багряном плаще проверил их билеты.

— Откуда вы, молодежь? Из пригорода?

— Из университета, — сказал Эврик.

— Ишь ты! И все такие разные. Вот ваши билеты — семь бубен. Видите: семь бубновых знаков здесь, здесь и здесь. Пойте, танцуйте, веселитесь. Выпивка бесплатная, девочки красивые. Примерно раз в час я закрываю входную дверь и открываю вот эту, — он показал на массивную дубовую дверь, запертую на два крепких засова, — и вы либо заходите туда все вместе, либо не заходите вовсе. Таковы наши правила.

Друзья прошли в зал. Певичка на сцене пародировала известную песню «Что такое Оз без Озмы?» и ласкала себя разноцветным боа. Несколько эльфов — настоящих эльфов! — бренчали аккомпанемент. Бок никогда еще не встречался с этим народом, хотя знал о целом эльфийском племени неподалеку от Закамышья.

— Какие чудные, — пробормотал он, приглядываясь к ним. Они походили на мартышек, только лысых, без внешних половых признаков, и голых, если не считать красных шапочек. «Смотри-ка, Эльфи, не твои ли это детки?» — хотел сказать он, но, обернувшись, вспомнил, что Эльфаба с ними не поехала и Глинда тоже. Черт!

Друзья присоединились к танцующим. В первый раз Бок видел такую разношерстную публику. Здесь были люди, Звери, гномы, эльфы и даже несколько механических существ неясного пола. Взад-вперед сновали крепкие белокурые юноши с полными подносами кислого, зато бесплатного тыквенного вина, к которому друзья не преминули приложиться.

— Слушай, может, нам хватит? — через какое-то время сказала Боку Фэнни. — Вон посмотри на ту Бабуиншу: совсем уже из платья вылезла. Еще немного — и мы будем такими же. Может, пойдем отсюда?

— Думаешь? — спросил Бок с плохо скрываемой радостью. Ура, вот и выход! Ему тоже становилось тут не по себе. — Я бы, конечно, еще потанцевал, но если тебе не нравится... Пойдем скажем Эврику. Вон он, клеится к Шень-Шень.

Но не успели они добраться до него, как эльфы издали истошный вопль, а певичка, соблазнительно качнув бедрами, объявила:

— Дамы и господа! Вы слышите брачный зов. На зов, дорогие господамы, приглашаются... — Она бросила взгляд на бумажку. — Пятерка треф, тройка треф, шестерка червей, семерка бубен и — ах, какая прелесть! — двойка пик, молодожены! Проходите, дамолюбыв и господруги, к воротам вечного блаженства. Там мы вами и займемся, еще как займемся!

— Эврик, пойдем отсюда! — попросил Бок, но к ним, уже заперев входную дверь, ковыляла старуха Якль из билетной кассы. Она хорошо помнила, кому какие карты достались.

— Проходите, проходите, кого назвали, — шамкала она беззубым ртом. — Не задерживайтесь. Веселей, ребятки, вы не на похоронах.

«Похороны, — подумал Бок, пытаюсь воскресить в памяти образ доброй и заботливой мисс Ключ. — А ведь были и похороны».

Время отступить — если оно когда-то было — уже прошло. Избранников провели через распахнутые дубовые двери по спускающемуся коридору мимо обитых красным и синим бархатом стен на звуки задорной плясовой. Приторно-сладкий запах курящихся листьев тимм приятно щекотал нос. Процессию возглавляла Якль; за ней, раздираемые любопытством и похотью, шли двадцать три избранника, а в хвосте шагал гном. Бок осмотрелся, впитывая впечатления, насколько позволял одурманенный мозг. Вот Тигр в высоких сапогах и коротком плаще вышагивал на задних лапах. Парочка богачей с молодыми дамами: все в черных масках — то ли для остроты ощущений, толи чтоб избежать возможного шантажа. Группа мужчин, с виду заезжих торговцев, две зубастые тетеньки, увешанные бижутерией. Молодоженами оказались двое марранов, глазевших по сторонам разинув рты. Бок надеялся, что хоть сам выглядит поприличнее. Из его друзей только Эврик и Шень-Шень сгорали от нетерпения и еще Фьеро, который, похоже, даже не понял, что их ждет. Остальным было не по себе.

Они вышли к сумеречной арене, вокруг которой поднимались шесть трибун. Потолка не было видно: он терялся в густой темноте. Тускло мерцали свечи, через щели в стене глухо звучала музыка, усиливая ощущение нереальности происходящего. Арену закрывали черные занавески, а трибуны были разделены деревянными решетками со вставленными в них зеркалами. Друзей разделили, рассадили по разным трибунам. Чем-то запахло — неужели ладаном? От этого запаха в Боке что-то треснуло, будто скорлупа, освобождая нежную, слабую и сокровенную душу.

Бок понимал все меньше и меньше, но это его уже не заботило. И чего только он боялся? Рядом с ним, даже слишком рядом, сидел мужчина в черной маске, Тигр, чье жаркое хищное дыхание грело Боку шею, и прелестная институтка (возможно, та самая молодая марранская жена). Что-то произошло с трибуной. То ли она наклонилась вперед, то ли это они тянулись к арене и пожирали глазами полузакрытое капище плотской страсти. Бок расстегнул воротник, потом ремень. Нарастающий голод душил его и распирали чресла. Музыка дудок и свистков замедлялась. Или это так обострились его ощущения и ускорилась работа сознания?

На сцену вышел гном, теперь уже в темном плаще. Оттуда он мог оглядывать всех; зрителям же соседние трибуны были невидны. Гном вызвал с одной трибуны женщину, с другой — юношу (неужели Тиббета?), а с той трибуны, где сидел Бок, — Тигра. Досадуя, что выбрали не его, Бок наблюдал, как гном подносил дымящуюся чашу к носу каждого избранника и помогал им раздеться. На сцене появились наручники, поднос с ароматическими маслами и ларец, содержимое которого скрывала темнота. Гном завязал участникам представления глаза. Тигр опустился на четыре лапы, тряс головой и тихо рычал, не то от нетерпения, не то от испуга. Почти бесчувственного Тиббета (это действительно был он) уложили на спину, подвели к нему Тигра и связали запястья и лодыжки на звериной спине так, что Тиббет повис у него под брюхом, как свиная туша на шесте.

Женщину усадили в глубокое кресло, формой похожее на огромную наклоненную чашу, и гном умастил благовониями ее срамные места. Потом он указал на Тиббета, который начал ерзать и постанывать под Тигром.

— Пусть икс — это Безымянный Бог, — провозгласил гном и ткнул пальцем Тиббету в ребра.

Он извлек из ларца плетку и хлестнул Тигра по боку. Тот дернулся вперед и уткнулся мордой между ног женщины.

— А игрек — Дракон времени, затаившийся в пещере, — продолжал гном и снова хлестнул Тигра.

Дальше он занялся женщиной. Смоченной в масле рукой он провел по ее груди, по набухшим соскам, привязал ее к креслу, но не слишком сильно, и дал в руки плетку, чтобы она могла подгонять Тигра.

— А зет пусть будет Кембрийской ведьмой. Посмотрим, появится ли она здесь.

Зрители неистовствовали, будто сами участвовали в действе. Острый плотский запах неведомого заставлял их рвать на себе пуговицы, кусать губы и тянуться ближе, ближе...

— Таковы переменные нашего уравнения, — заключил гном, и зал погрузился во мрак. — Начнем же истинное познание!

железную дорогу в Изумрудный город, как намеревались когда-то. Поэтому путь от Шиза до столицы занимал не меньше трех дней — и то по хорошей погоде и для богатых, у которых хватало денег менять лошадей на каждой станции. Глинде с Эльфабой потребовалось больше недели — холодной, пасмурной недели под осенними ветрами, срывающими сухие листья со стонущих деревьев.

Как и другие пассажиры третьего класса, девушки ночевали в дешевых комнатках над кухней и жались друг к другу на одной жесткой постели ради тепла, спокойствия и, как убеждала себя Глинда, безопасности. С сеновала доносились чьи-то приглушенные голоса, перемежаемые взрывами смеха; кухарки внизу громыкали посудой. От всех этих звуков Глинда вздрагивала, как от кошмарного сна, и крепче прижималась к Эльфабе. Та и вовсе не смыкала глаз по ночам, а отсыпалась днем, в тряском дилижансе, положив голову подруге на плечо. Земля за окном становилась все пустыннее, деревья съеживались, словно берегли силы.

Постепенно песчаные пустоши сменились деревенскими пейзажами. Появились вытопанные луга с тощими, печально мычащими коровенками, показались голые деревенские дворы. Хмурая крестьянка, преждевременно состаренная горем и обидой на бесполезное небо, проводила дилижанс глазами, в которых читалось одно желание: быть хоть на краю света, лишь бы не на этом гиблом клочке земли.

Дальше пошли заброшенные мельницы, заколоченные амбары — и вдруг, посреди всеобщего запустения, вырос Изумрудный город — величественный, хвастливо заслоняющий горизонт, немыслимый, будто мираж посреди безжизненных Центральных земель. Глинда невзлюбила его с первого взгляда. Выскочка, а не город. Видимо, в ней заговорила древняя гилликинская кровь. Что ж, тем лучше.

Когда дилижанс въехал в город через Северные ворота, жизнь вокруг снова заиграла. Даже оживленнее, чем в Шизе. Изумрудный город был солиднее и серьезнее Шиза и, казалось, хотел своим примером доказать, что построен не для веселья, а скорее для гордости и самолюбования. Это чувствовалось и в ширине дорог, и в размерах улиц, парков и площадей, и в архитектуре зданий.

— Сколько пышности и помпезности — какое ребячество, — пробормотала Глинда. — Кем они только себя воображают?

Эльфаба, побывавшая здесь по пути из Квадлинии, не отвлекалась на градоустройство, а с интересом разглядывала сновавших туда-сюда горожан.

— Смотри, ни одного Зверя, — сказала она Глинде. — Нигде. Может, они ушли в подполье?

— В подполье? — В воображении Глинды возникли картины из старинных преданий о подземных королях, гномах из рудников Маррании и спящем в глубокой пещере Драконе времени, чей сон сотворил страну Оз.

— Ну, спрятались, — нетерпеливо пояснила Эльфаба. — Смотри, сколько нищих. Кто они, интересно? Разоренные крестьяне? Несчастные голодающие? Или просто... отбросы общества? Только глянь на них. Квадлины, у которых отродясь ничего не было, — и то лучше, чем эти... эти...

В стороны от широкой дороги, по которой они ехали, расходились улочки, где под жестяными и картонными навесами ютились нищие. Среди маленьких копошащихся фигурок было много детворы, но попадались и приземистые манчики, и гномы, и даже гилликинцы, сгорбленные от голода и горя. Дилижанс сбавил ход, и многочисленная толпа обрела лица. Вот у стены молодой, но уже беззубый марран с отрезанными по колено ногами просит подаяния. А там квадлинша («Смотри!» — воскликнула Эльфаба и схватила Глинду за руку), краснощекая, смуглая, в платке, сует крохотное яблочко своему малышу. Три размалеванные шлюхи. Ватага визжащих детей жмет к торговцу, чтобы обчистить его карманы. Лоточники с тележками. Лавочники, чьи товары надежно спрятаны за железными решетками. И повсюду полицейские со шпагами и дубинками.

Заплатив извозчику, Глинда и Эльфаба направились ко дворцу, возвышавшемуся башнями и куполами, широкими колоннами из зеленого мрамора и ставнями из синего агата. Там, посреди этого великолепия, под широкой золоченой крышей, сверкавшей в закатном свете, находился Тронный зал.

Целых пять дней понадобилось на то, чтобы пробиться через полчища охранников и секретарей. Не один час ждали они минутной встречи с распорядителем аудиенций. Раздраженная до крайности Эльфаба сказала ему сквозь зубы, что они от мадам Кашмери.

— Завтра в одиннадцать, — мигом решил распорядитель. — Между послом в Иксию и настоятельницей Женского ордена духовного насыщения. Форма одежды вечерняя.

И сунул им памятку с требованиями к наряду, которую они, за неимением лучших платьев, отправили в мусорное ведро.

На следующий день, в три вместо одиннадцати, из Тронного зала вышел расстроенный посол. Глинда в восьмидесятый раз поправила поникшие перья дорожной шляпы и вздохнула.

— Только чур, говорить будешь ты, — сказала она.

Эльфаба кивнула. Она выглядела усталой, но полной железной решимости. В дверях приемной показался распорядитель.

— У вас четыре минуты, — сказал он. — Не приближайтесь, пока не прикажут. Не заговаривайте, пока к вам не обратятся. Отвечайте только то, о чем спросят. Обращаться к великому Гудвину будете «ваше величество».

— То есть по-королевски? — фыркнула Эльфаба. — Разве королей не...

Глинда пихнула ее локтем. Совсем ничего не соображает, ей-богу. Неужели они для того тащились в такую даль, чтобы теперь из-за какой-то мелочи им дали от ворот поворот. К счастью, распорядитель не обратил внимания на слова Эльфабы. Он провел девушек к высоким резным дверям, украшенным загадочными знаками, и предупредил:

— Великий Гудвин сегодня не в духе: ему доложили о беспорядках в Винкусе. Я бы на вашем месте готовился к худшему.

Два рослых гвардейца растворили двери, и девушки вошли в Тронный зал. Они ожидали увидеть перед собой престол, но вместо этого оказались в пустой, слегка вытянутой влево комнате, в конце которой, под аркой, был переход в другую комнату, вытянутую уже вправо, оттуда — в следующую, опять вытянутую влево, и в следующую, снова вправо. Казалось, комнаты эти были зеркальными отражениями друг друга, разве что каждая следующая была чуть поменьше предыдущей, а повороты вправо были круче, чем влево. Комнаты закручивались вокруг невидимого стержня. «Как будто мы движемся по раковине улитки», — думала Глинда, вспоминая уроки биологии. Они прошли через восемь или десять таких зал, прежде чем оказались в высоком круглом помещении, тускло освещенном свечами на старинных узорчатых канделябрах. В центре на помосте стоял трон из зеленого мрамора. Повсюду — на полу, потолке, стенах и самом троне — поблескивали бесчисленные изумруды. Трон пустовал.

— Вышел, — сказала Эльфаба. — В туалет, наверное. Подождем.

Они стояли у входа в последний зал, не решаясь без приглашения пройти дальше.

— Надеюсь, это не входит в наши четыре минуты, — сказала Глинда. — Мы только добирались минуты две.

— Тс-с! — Эльфаба прижала палец к губам.

Глинда послушно притихла. Казалось, ничего не изменилось в зале, но Эльфаба насторожилась, как охотничья собака, почуявшая дичь: шея вытянута, ноздри раздуваются, глаза горят.

— Что такое? — не выдержала Глинда.

— Тише! Слышишь звук?

Какой еще звук? Разве что свечи чуть потрескивают? Или это шуршит шелк? К ним идет Гудвин, но откуда? А ведь действительно звук: шорох или даже шипение, как будто где-то в соседней комнате ветчина шкварчит на сковородке.

Неожиданный порыв ветра от трона всколыхнул пламя свечей. На помост закапали крупные капли дождя. Грянул гром — декоративный комнатный раскат, напоминавший скорее грохот кухонной утвари. На троне заплясали огни, которые Глинда приняла сначала за молнию, пока не разглядела, что это светящиеся кости, соединенные в человеческий скелет. Грудная клетка скелета распахнулась на две половинки — две чудовищные костлявые ладони, — и среди бури раздался голос, шедший не из головы, а из самой середины светящегося существа, оттуда, где у человека находилось бы сердце.

— Я Гудвин, великий и ужасный! — пророкотало светящееся существо, заглушая гром. — Кто вы и зачем пришли ко мне?

Глинда покосилась на Эльфабу и пихнула ее: мол, начинай. Но та оцепенела от ужаса. Ах да, конечно, у нее же бзик с дождями.

— Кто-о-о вы-ы-ы?! — прогремел скелет.

— Эльфи! — шикнула Глинда.

Бесполезно.

— Ах ты ничтожество! — выдохнула Глинда. — Столько говорила, а сама... — И уже обращаясь к Гудвину: — Если позволите, ваше величество, я Глинда Ардуэнская из Фроттики, а это Эльфаба Тропп из Нестовой пустоши.

— А если не позволю? — осведомился Гудвин.

— Какое ребячество, честное слово, — вполголоса пробормотала Глинда и снова пихнула подругу. — Ну же, просыпайся, я не смогу объяснить, зачем мы сюда пришли.

Насмешка Гудвина, казалось, вывела Эльфабу из ступора. Крепко вцепившись в руку Глинды, она сказала:

— Мы учимся в Шизском университете, в колледже Крейг-холл, которым руководит мадам Кашмери. Мы привезли с собой крайне важные сведения.

— Правда? — удивилась Глинда. — Спасибо, что хоть сейчас сказала.

Дождь приутих.

— А, мадам Кашмери, загадочнейшая из женщин, — промолвил Гудвин. — Так это она вас послала?

— Нет, ваше величество, — ответила Эльфаба. — Мы приехали по собственному желанию. Не мне обсуждать с вами слухи — они всегда ненадежны, но...

— Напротив, слухи поучительны, — перебил ее Гудвин. — Они подсказывают, куда ветер дует. — Порыв ветра дунул к девушкам, и Эльфаба отскочила назад, чтобы ее не забрызгало дождем. — Ну, рассказывайте ваши слухи. Я слушаю.

— Нет, — повторила Эльфаба. — Мы прибыли с более важной целью.

— Что ты несешь? — ужаснулась Глинда. — Хочешь, чтобы нас бросили в тюрьму?

— Откуда вам знать, что важно, а что нет? — проревел Гудвин.

— Мне на то голова дана, — бросила Эльфаба. — Вы не звали нас сюда для того, чтобы мы сплетничали. Мы прибыли со своей программой.

— Откуда тебе знать, что я вас не звал? Действительно, откуда? Особенно после разговора с Кашмери.

— Полегче, — шепнула Глинда. — Ты выводешь его из себя.

— Подумаешь! — фыркнула Эльфаба. — Он меня уже вывел. — И, повысив голос, продолжала: — Мы приехали сообщить об убийстве великого ученого и мыслителя, ваше величество! О его важнейших открытиях и о том, как их замалчивают. Мы уповаем на справедливость, как, без сомнения, и вы. На то, что выводы профессора Дилламонта убедят вас пересмотреть свои недавние законы о правах Зверей...

— Дилламонт? — презрительно перебил ее Волшебник. — И ради этого вы приехали?

— Мы приехали говорить о целом Зверином народе, который планомерно лишают их...

— Я знаю о профессоре Дилламонде и о его работе, — фыркнул Гудвин. — Беспорядочно, бессистемно, бездоказательно. Другого и нельзя было ожидать от ученого Козла. Эмпиризм и шарлатанство без вразумительных объяснений. Скулеж, галдеж и... гм... ничего оригинального. Не наука, а сплошное политиканство. Вас, возможно, заразил его азарт? Его животная страсть? — Скелет оживленно подпрыгнул или, может, содрогнулся от отвращения. — Я слышан о взглядах и так называемых открытиях профессора, но ничего не знаю ни о каком убийстве. Не знаю и не хочу знать.

— Я не привыкла к беспредметным спорам, — заявила Эльфаба и вынула из рукава свернутую трубочкой стопку бумаг. — Это не пропаганда, ваше величество, а тщательно разработанная «Теория о зачатках сознания», как назвал ее профессор Дилламонт. Вы поразитесь его заключениям. Ни один добродетельный правитель не должен закрывать глаза на вытекающие...

— Мне лестно слышать, что ты считаешь меня добродетельным, — пророкотал Гудвин. — Можешь оставить свои бумаги там, где стоишь. Если, конечно, не предпочитаешь передать мне их из рук в руки. — Скелет раскрыл объятия. — Моя птичка.

Эльфаба положила бумаги на пол.

— Хорошо, ваше величество, — хрипло сказала она. — Я пока буду считать вас добродетельным, иначе мне придется присоединиться к армии ваших противников.

— Да чтоб тебя! — выругалась Глинда сквозь зубы и громче добавила: — Это относится только к ней, ваше величество, я здесь совершенно ни при чем.

— Прошу вас, — сказала Эльфаба, и голос ее дрогнул (Глинда вдруг поняла, что впервые слышит в тоне Эльфабы умоляющие нотки). — Страдания Зверей невыносимы. Я говорю даже не об убийстве профессора Дилламонта. Все эти ущемления в правах, насильственное вытеснение Зверей из городов, низведение их до уровня бессловесного скота. Если бы вы покинули свой дворец, то сразу бы увидели всю тяжесть их положения. Поговаривают... опасаются, как бы не начались убийства и каннибализм. То, что происходит, безнравственно...

— Хватит! Я перестаю слушать, когда мне говорят о нравственности. В устах молодых это смешно, в устах стариков — скучно, в устах же людей средних лет по меньшей мере цинично.

— Но как иначе объяснить вам, что происходящее сейчас неправильно?

— Попробуй слово «непонятно», зеленая моя, и успокойся. Не дело девушки-студентки, да и вообще рядового гражданина, решать, что правильно, а что нет. На то есть мы, повелители.

— Если бы я, как вы предлагаете, не рассуждала, что бы помешало мне убить вас?

— Убить? Как убить? — забеспокоилась Глинда. — Я не умею убивать, я никогда не стала бы никого... Ой-ой-ой. Я лучше пойду, ваше величество.

— Стойте! — прогремел Гудвин. — Хочу вас кое о чем спросить.

Они замерли. Шли минуты. Скелет задумчиво перебирал пальцами по ребрам, играя на них, как на арфе, щелкал костями. Потом он засунул руку в рот, вырвал пригоршню светящихся зубов, пожонглировал ими и с силой бросил об пол, где они взорвались разноцветными огнями. Дождь все лил, и струйки воды стекали через канализационную решетку.

— Мадам Кашмери, — наконец произнес Волшебник. — Провокаторша, сплетница, директор, учитель, исповедник и задушевная подруга для своих питомцев. Скажите, зачем она вас послала?

— Я же говорила, мадам тут ни при чем, — гордо ответила Эльфаба.

— Да знаешь ли ты, девчонка, что значит слово «пешка»? — взвизгнул Гудвин.

— А знаете ли вы, что значит сила воли? — парировала та.

Глинда зажмурилась, представив, что Волшебник вот-вот их испепелит, но он только рассмеялся.

— Так что Кашмери от вас надо?

Глинда решила, что пора вмешаться.

— Чтобы мы получили достойное образование. Несмотря на свои причуды, она очень хороший директор. Это ведь такая сложная работа.

Эльфаба искоса бросила на подругу подозрительный взгляд.

— Она вас уже посвятила?

Глинда не поняла вопроса.

— Мы еще на втором курсе, — на всякий случай уточнила она. — Только начали специализироваться. Я — в магии, Эльфаба — в биологии.

— Понятно, — задумчиво протянул Гудвин. — И что вы собираетесь делать, когда в следующем году выпуститесь из университета?

— Я, наверное, вернусь во Фроттику и выйду замуж, — сказала Глинда.

— А ты?

Эльфаба молчала.

Скелет отвернулся, вырвал бедренные кости забарабанил ими по трону.

— Ну это уже просто смешно! — не выдержала Эльфаба. — Сейчас он совсем развалится. — Она шагнула вперед. — Ваше величество, пока у нас еще есть время...

Скелет обернулся. Череп его горел настоящим огнем, несмотря на все усиливающийся дождь.

— Я скажу вам свое последнее слово, — простонал он, как будто от боли. — Но прежде напомним отрывок из «Озиады», древнейшего героического эпоса о нашей стране.

Девушки притихли. Скелет важно начал:

Важно, как льдина, качаясь, — Кембрийская ведьма

Трет небосвод, так что хлещут кровавые струи.

Солнце снимает с небес и горячим его пожирает.

Месяц молодой опускает в дорожную сумку,

А вынимает дородную полной луною.

Так шаг за шагом меняет она мирозданье,

Хоть и не видят людские глаза перемены.

— Смотрите, кому служите! — заключил Волшебник и с ослепительной вспышкой исчез. Погасли последние свечи, забулькала по трубам вода. Девушкам оставалось только вернуться тем же путем, каким они пришли.

* * *

Глинда заняла лучшее место в дилижансе до Шиза и бдительно охраняла соседнее.

— Занято, здесь сидит моя сестра, — говорила она уже третьему пассажиру.

«Подумать только! — удивлялась себе Глинда. — Прошел какой-то год, а я не только не презираю зеленушку, но готова назвать ее своей сестрой. Как все-таки меняет человека университетская жизнь! Я, наверное, единственная на все Пертские холмы видела Гудвина. Пусть с чужой подачи, не по собственной инициативе — не важно! Главное, видела. И осталась жива... Вот только мы мало чего добились».

Наконец показалась Эльфаба, как обычно закутанная в плащ с глубоким капюшоном. Она протиснулась сквозь толпу и заглянула в дверь дилижанса, которую открыла для нее Глинда.

— Наконец-то! — воскликнула Глинда. — Я уж боялась, что ты опоздаешь. Извозчик вот-вот тронет. Ты раздобыла что-нибудь на обед?

Эльфаба кинула ей на колени пару апельсинов, кусок заплесневелого сыра и ломоть черствого хлеба.

— Этого тебе должно хватить до вечерней остановки.

— Что значит мне? А себе ты нашла еду получше?

— Скорее похуже, но ничего не поделать. Я пришла попрощаться — я не еду с тобой в Крейг-холл. Найду другое место для обучения. Ноги моей больше не будет в этой... Кашмериной лавочке.

— Да что ты говоришь?! — всплеснула руками Глинда. — Как же я тебя отпущу? Твоя няня меня живьем съест. Несса погибнет, а Кашмери... Эльфи, одумайся!

— Скажи им, что я тебя похитила, а здесь отпустила. Они поверят. — Эльфаба стояла на ступеньке экипажа, не садясь внутрь, но и не спрыгивая. Пожилая марранка, смекнув, что удобное место рядом с Глиндой освободилось, быстренько туда пересела. — Передай им, что искать меня бесполезно. Я ухожу.

— Куда? Обратно в Квадлинию?

— Так я тебе и сказала! Хотя не буду врать: я пока и сама не знаю. Потом решу.

— Эльфи, садись в дилижанс, не дури, — вскричала Глинда. Извозчик уже взялся за поводья.

— Все будет хорошо, — сказала Эльфаба. — Ты теперь опытная путешественница, а обратная дорога всегда легче. Держись! — Она поцеловала подругу и соскочила со ступеньки.

Извозчик щелкнул поводьями. Глинда высунулась из экипажа, провожая глазами Эльфабу. Невероятно, как быстро зеленая девушка растворилась в толпе. Или это глупые слезы застилали Глинде взор? Эльфаба уж точно не плакала. Потому, видно, и не обернулась: не захотела показать сухие глаза. Но Глинде все равно было больно.

Часть третья

ИЗУМРУДНЫЙ ГОРОД

Душным летним вечером, почти через три года после окончания университета, Фьеро, убивавший время перед встречей в опере, зашел в церквушку на площади Святой Глинды. Не то чтобы Фьеро увлекался унионизмом — просто за свои студенческие годы он научился ценить фрески, которыми были расписаны старые храмы. Здесь он надеялся найти изображение святой Глинды. Он не видел Глинду с самого ее выпуска — а выпустилась она на год раньше него — и решил, что вряд ли будет большим кощунством поставить свечку перед портретом святой, а самому повспоминать о ее земной тезке.

Служба как раз заканчивалась, и из церкви медленно заструилась вереница восприимчивых мальчиков и их старых бабушек в черных платках. Фьеро подождал, пока арфистка завершила мелодию, и обратился к ней:

— Простите за беспокойство. Я здесь проездом. (Ну да — чем же еще объяснить бронзовую кожу?) Думал, сам найду план, церкви, но что-то его нигде не видно. Вы не подскажете, есть ли у вас фреска святой Глинды?

— Если ее не заклеили портретами великого Гудвина, то считайте, что вам повезло, — мрачно отозвалась арфистка. — Я и сама не здешняя; так, захожу сюда иногда, но если не ошибаюсь, вон в том конце когда-то был придел святой Глинды. Попробуйте поискать там.

Фьеро нашел его — крохотный, темный, едва освещенный полоской солнечного света из узенького окошка и тусклым светильником, коптящим перед слегка перекошенным ликом святой. Фреска, увы, оказалась не древней, хотя и была уже основательно подпорчена водой. Он напряг память, но не смог вспомнить ни приписываемых святой чудес, ни какую мученическую смерть она приняла ради очищения собственной души и вдохновения своих почитателей.

Здесь сидела только одна богомолка, и Фьеро хотел было идти дальше, когда вдруг узнал знакомые черты.

— Эльфаба! — воскликнул он.

Она медленно повернула голову, из-за чего платок с собранных на затылке волос упал на плечи, и моргнула. Может, когда он прервал ее молитву (странно, Фьеро не помнил, чтобы Эльфаба была верующей), девушка не узнала его?

— Эльфаба, это Фьеро, не узнаешь? — сказал он и шагнул внутрь, загораживая ей выход, а себе свет. Зеленое лицо скрылось в полумраке. Не веря своим ушам, Фьеро услышал сухой настороженный голос:

— Прошу прощения, сэр. Мы разве знакомы?

— Эльфи, да это же я, Фьеро, мы вместе учились в университете. Дорогая моя Эльфи, какими судьбами?

— Сэр, — сказала девушка, несомненно, Эльфабиным голосом. — Вы с кем-то меня спутали.

— Да нет же, Эльфаба, правнучка герцога Троппа, если я правильно помню твою родословную, ни с кем я тебя не путал. Я Фьеро из Арджики, и ты меня помнишь, ты не могла меня забыть. Мы еще вместе ходили на лекции по биологии к профессору Никидику.

— Вы ошибаетесь, сэр. — В голосе девушки послышались знакомые нотки: ну вылитая Эльфаба. — И если не возражаете, я бы хотела остаться наедине с Господом.

Она подняла платок на голову, почти полностью закрыв лицо. Выглядывал только знакомый острый подбородок, убеждая Фьеро, что даже в тусклом свете он не обознался.

— Хорошенькие штучки! — воскликнул он. — Эльфи! Мисс Эльфаба, если тебе так больше нравится! Ты чего выделяешься? Я же вижу, что это ты, тебя ни с кем не спутаешь. Что это за игры?

Девушка сосредоточенно перебирала четки, давая понять, что разговор окончен.

— Я не собираюсь уходить, — заявил Фьеро.

— Вы мешаете мне молиться, сэр, — тихо сказала она. — Хотите, чтобы я позвала сторожа?

— Я подожду снаружи. Сколько тебе нужно времени для молитвы? Полчаса? Час? Я подожду.

— Тогда встретимся через час на той стороне улицы на скамейке возле фонтана. Я готова поговорить с

вами минут пять, не больше, и доказать, что вы допустили ошибку. Не слишком страшную, но начинающую меня раздражать.

— Прости, что помешал. Увидимся через час... Эльфаба. Оставив последнее слово за собой, он вышел из придела, но вместо того чтобы идти к фонтану, вернулся к арфистке.

— Скажите, есть ли из церкви другой выход, помимо главного? — спросил Фьеро, пока она перебирала струны.

Арфистка кивком указала направление.

— Вон та боковая дверь ведет к монастырю. В сам монастырь проход закрыт, но можно выйти на церковный двор и оттуда на дорогу.

Фьеро отошел и притаился в тени за одной из колонн. Минут через сорок в церковь вошла фигура в плаще и, опираясь на палку, проковыляла в придел святой Глинды. Там она долго не задержалась и захромала прочь настолько быстро, насколько позволяли старческие суставы.

Фьеро опустил деньги в церковную кружку: банкноту, чтобы не звякнуть монетой (среди городской бедноты его богатство требовало таких пожертвований хотя бы для успокоения совести), и вышел через боковую дверь на церковный двор. В дальнем конце двора о чем-то оживленно беседовали древние старушки. Фьеро попытался представить себе Эльфабу монашкой — монтией, как звали себя эти служительницы Безымянного Бога, устраивающие общины в самых неожиданных местах. Судя по самозабвенно щебечущим старушкам, обет молчания здесь не практиковался или просто снимался под старость. Нет, Фьеро решительно отмел возникший образ. Не могла же Эльфаба настолько измениться за пять лет.

Он вышел на улицу через заднюю калитку и спрятался в тени деревьев. Прошло несколько минут, и оттуда же, как Фьеро и предполагал, вышмыгнула Эльфаба. Итак, она решительно не хотела его видеть, но почему? Последний раз они виделись в день похорон мисс Ключ — Фьеро хорошо помнил шумные поминки в трактире. Он тогда увязался с друзьями в скандально известный «Приют философа», а Эльфаба в ту ночь не пойми зачем сбежала в Изумрудный город, да так и не вернулась. Поговаривали, ее прадед, герцог Тропп, рассылал сыщиков и в столицу, и в Шиз, и еще бог знает куда, но девушку так и не нашли. От самой Эльфабы за все это время не было ни единой весточки. Нессароза поначалу убивалась, потом успокоилась, затаив на сестру глубокую обиду, и еще больше погрузилась в религию — настолько, что прежние друзья стали избегать ее.

Завтра придется просить прощения у партнера за сорванную встречу в опере, но сегодня Фьеро не отступит, пока не выяснит, что происходит. Солнце клонилось к закату. Эльфаба спешила по улицам, то и дело оглядываясь через плечо. Надо было отдать ей должное: действовала она умело. Она все время поворачивала навстречу летнему солнцу, которое слепило глаза возможным преследователям. Ей и невдомек было, что Фьеро годами выслеживал добычу ровно в таких же условиях — во всей стране Оз так не проклинаят солнце, как в Тысячелетних степях. Охота научила его щуриться, видеть краем глаза, следовать в том же направлении, что и невидимая жертва, а когда нужно — мигом нырять в траву и прислушиваться: вспорхнет ли птица, хрустнет ли ветка, изменится ли запах. Эльфаба не могла сбить его со следа, она даже не догадывалась, что Фьеро идет по пятам.

Так они прошли почти полгорода, из делового центра в бедный складской район, где ютилась городская голь. Эльфаба остановилась недалеко от солдатских казарм, у боковой двери заколоченного амбара, и выудила из кармана ключ. Пока она ковырялась с замком, Фьеро приблизился.

— Фабала, — позвал он негромким голосом.

Девушка обернулась. Уже поворачиваясь, она спохватилась и попыталась скрыть удивление на лице, но было поздно. Она откликнулась на свое имя. Лишнее доказательство для Фьеро. Не успела Эльфаба захлопнуть тяжелую дверь, как он уже подставил ногу.

— У тебя что, неприятности? — прокричал он через дверь.

— Оставь меня, пожалуйста, в покое.

— Нет, я ведь чувствую, что у тебя неприятности. Пусти!

— Это у тебя неприятности! Не вмешивайся!

Эти слова развеяли последние сомнения. Ну точно Эльфаба. Фьеро приналег плечом на дверь.

— Ты из меня какого-то разбойника делаешь, — прокричал он. — Я ведь не грабить тебя пришел и не убивать. Просто хочу поговорить.

Дверь вдруг поддалась, и Фьеро, как клоун, растянулся перед лестницей.

— Что стало с твоими ловкостью и изяществом? — рассмеялась Эльфаба. — Болееешь чем? Или, может, специализировался в Шизе на неуклюжести?

— Сама делаешь из меня медведя, а потом удивляешься, — проворчал Фьеро, поднимаясь. — Погоди, будут тебе и ловкость, и изящество.

— Нет, Шиз положительно тебя испортил, — покачала головой девушка. — Где тот наивный дикарь, горячий, будто из печки?

— Ты тоже хорошо выглядишь, — обиженно сказал Фьеро. — Ну что, мы так и будем тут торчать или найдем место поудобнее?

Эльфаба нехотя двинулась вверх по лестнице, усыпанной соломой и мышиным пометом. Сквозь пыльные окна сочился мутный вечерний свет. На лестничной площадке сидел белый кот и презрительно, как это свойственно их природе, взирал на людей.

— Малки, Малки, кис-кис-кис, — позвала Эльфаба, и кот удостоил ее честью прошествовать за ней к узкой двери в самом верху лестницы.

— Твой напарник? — спросил Фьеро.

— Хо! А я тогда, по-твоему, кто с такими напарниками? Ведьма? А хотя... Иди сюда. Малки, на молочка.

Они вошли в просторное помещение, отдаленно напоминающее жилье. Когда-то здесь был склад: через заколоченные теперь двойные двери в стене раньше поднимали и спускали мешки с зерном. Из единственного треснутого окна под потолком падал солнечный свет. Фьеро осмотрелся. Пол изгажен голубями и усыпан перьями. Ящики составлены в круг вместо стульев. На полу скатан матрас. На стенах кости и зубы различных животных, даже коготь додо — то ли амулеты, то ли украшения. Неожиданно приличный ивовый стол на трех изогнутых ножках, оканчивающихся вырезанными оленьими копытцами. Несколько металлических тарелок, красных в белый горошек, завернутая в тряпки еда, стопка книг у матраса, кошачья игрушка на веревочке. В довершение картины — огромный слоновий череп на стене, из середины которого торчал букет бледно-малиновых роз. «Будто брызнувший во все стороны мозг», — подумал Фьеро, вспомнив институтские убеждения Эльфабы. Ниже висел потрескавшийся стеклянный круг с выщербинами по краям. Возможно, в него смотрелись как в зеркало, хотя вряд ли он что-то отражал.

— Значит, здесь ты и живешь? — спросил Фьеро, пока Эльфаба занималась кошкой.

— Не задавай лишних вопросов, и мне не придется тебя обманывать.

— Сесть хотя бы можно?

— Это тоже вопрос, — улыбнулась она. — А, ладно, посиди минут десять, Расскажи о себе. Как тебя занесло в высший свет?

— Какой там высший свет! Одежду изменил всего-то. Внутри я все тот же арджиканский дикарь, что и раньше. У тебя нечем промочить горло? Не обязательно спиртное, просто пить хочу.

— Воды у меня нет, я ее не пью. Есть молоко сомнительной свежести, но Малки не отказался. Да, еще бутылка эля вон там, на полке. Угощайся.

Она нашла себе в чашку немного эля, остальное поставила перед гостем.

Фьеро в общих чертах обрисовал свою жизнь. Жена Сарима, сосватанная ему еще в детстве. Трое детей. Замок Киамо-Ко, который выстроил отец на месте Водного совета, захваченного арджиканцами еще во времена регента Пасториуса. Бесконечные кочевья по Тысячелетним степям во время летнего сезона охоты.

— Арджиканский князь с деловым интересом в Изумрудном городе? — удивилась Эльфаба. — Это что-то новенькое. Если бы тебя интересовала торговля, ты бы поехал в Шиз. А здесь решаются военные дела. Что-то ты, друг мой, задумал.

— Хватит пока, я и так много рассказал, — ответил он, стыдясь своих незамысловатых торговых сделок и напуская завесу таинственности. — Теперь твоя очередь.

Несколько минут она молча ходила по комнате, нашла копченую колбасу, черствый хлеб, пару апельсинов и лимон и небрежно бросила их на стол. Здесь, в душной неубранной комнате, Эльфаба напоминала скорее тень, чем живого человека. Ее зеленая кожа казалась удивительно нежной, как едва распутившаяся листва, как мягчайший бархат. На Фьеро вдруг нахлынуло незнакомое чувство: ему страшно хотелось схватить девушку за руку, остановить, и если не заставить говорить, то хотя бы насмотреться на нее.

— Ешь, — сказала она наконец. — Я сыта, а ты ешь.

— Расскажи мне хоть что-нибудь, — попросил он. — Ты оставила Шиз, растворилась, как утренний туман. Куда? Зачем? Что с тобой стало?

— Сколько поэзии! По-моему, поэзия — высшая форма самообмана.

— Не пытайся сменить тему.

Эльфаба заметно разволновалась: она то сжимала, то разжимала кулаки, подняла с пола кота, усадила на колени, да так запустила пальцы в его шерсть, что тот поспешил ретироваться. Наконец согласилась.

— Хорошо, кое-что я тебе расскажу, но ты должен пообещать сразу же уйти и никогда больше сюда не возвращаться. Я не хочу из-за тебя искать новое место: мне и здесь хорошо. Обещаешь?

— Обещаю подумать. Как я могу обещать большего, когда ты мне еще ничего не рассказала?

— Я устала от Шиза, — начала Эльфаба. — Смерть профессора Дилламонта не давала мне покоя. Все притворялись, что скорбят, но на самом деле всем было наплевать. Мне было тесно среди глупых девчонок. Хотя мне нравилась Глинда. Как она, кстати?

— Мы не общаемся. Я все надеюсь встретить ее на каком-нибудь торжественном приеме во дворце. Говорят, она вышла за какого-то баронета из Палтоса.

— Всего-то? — разочарованно переспросила Эльфаба. — Даже не за виконта или барона? Какая

жалость! Значит, ее радужные мечты так и не сбылись?

Сказанное в шутку замечание получилось сухим и неприятно повисло в воздухе.

— У нее есть дети? — спросила Эльфаба.

— Не знаю. Вообще-то сейчас моя очередь спрашивать, забыла?

— Но торжественные приемы во дворце! Ты что же, знаешься с нашим славным правителем?

— Честно сказать, я ни разу его не встречал. Насколько я слышал, Гудвин стал большим затворником. Когда он посещает оперу, его ложу закрывают ширмой, когда устраивает званые обеды, то сам всегда ест в отдельной комнатке, отделенной от обеденного зала узорчатой мраморной решеткой. Я как-то видел силуэт стройного мужчины, шагавшего по залу: если это и был Гудвин, то я никогда его не узнаю. Но ты, ты, ты! Про себя расскажи! Почему ты так внезапно нас бросила?

— Я слишком дорожила вами, чтобы общаться дальше.

— Это еще что значит?

— Даже не спрашивай, — взмахнула руками Эльфаба.

— Нет, я хочу знать! Чем ты занималась все это время? Жила здесь? Все пять лет? Ты учишься? Работаешь? Как-нибудь связана с Лигой помощи Зверям или какой-нибудь другой гуманитарной организацией?

— Я никогда не использую слов «гуманный» и «гуманитарный». Они означают «человечный» и пытаются внушить, что человек по природе добр, а я убеждена, что злее существа нет на всем свете.

— Опять ты увливаешь от ответа.

— Это моя работа. Вот тебе и подсказка, дорогой Фьеро.

— Поясни.

— Я ушла в подполье, — тихо сказала она. — Ты первый, кто произнес мое имя с тех пор, как я попрощалась с Глиндой. Теперь понимаешь, почему я не могу о себе рассказывать и почему тебе нельзя больше меня видеть? Вдруг ты донесешь штурмовикам?

— Этим полицейским крысам? Хорошо же ты обо мне думаешь, если решила...

— Как я вообще могу что-то о тебе думать, если я ничего толком не знаю? — Эльфаба лихорадочно переплетала свои длинные зеленые пальцы. — Они все ходят в черных сапогах, топчут бедных и слабых, появляются неведь откуда посреди ночи, вытаскивают людей из постели, крушат топорами печатные станки, судят за измену, пока не рассвело, и тут же исполняют смертный приговор. Они прочищают каждую улицу нашего лживого города, планомерно выкашивают всех порядочных людей. Самая настоящая власть террора. Может, они уже собираются под окном. Меня им выследить не удавалось, но что, если они пришли вслед за тобой?

— Тебя не так уж сложно выследить, — усмехнулся Фьеро. — Я мог бы кое-чему тебя научить.

— Не сомневаюсь, но не научишь, потому что мы больше не встретимся. Слишком это опасно для нас обоих. Понимаешь теперь, почему я сказала, что слишком вами дорожила? Думаешь, штурмовики перед чем-нибудь остановятся, если захотят выпытать нужные сведения? У тебя жена и дети, а я всего лишь давняя институтская подруга, с которой ты случайно столкнулся. Ты выследил меня до дома? Считаю, что тебе повезло. Но больше за мной не ходи, слышишь? Еще раз увижу тебя — и исчезну, клянусь. Я за полминуты могу собраться и навсегда бросить этот сарай. Меня так учили.

— Зачем ты меня гонишь?

— Мы институтские товарищи. Не друзья даже — товарищи. Не превращай нашу встречу в сентиментальное свидание. Было приятно тебя увидеть, но больше я с тобой видаться не хочу. Бывай здоров и не очень-то знайся с высокородной сволочью, потому что, когда грянет революция, пощады Гудвиновым прихвостням не будет.

— В свои-то двадцать три года ты уже играешь в революцию? Тебе не идет.

— Не идет, — откликнулась Эльфаба. — Как раз описание моей нынешней жизни. «Если гора сама к тебе не идет...» Да что там говорить! Ты вот не старше меня, а вертишься при дворе — чем это лучше? Ну как, поел? Пора прощаться.

— Нет, — решительно сказал Фьеро. Он хотел взять девушку за руку, но не помнил, чтобы прежде ее касался. Вернее, нет, не так, поправил он себя, он хорошо помнил, что никогда еще не прикасался к ней.

Эльфаба как будто прочла его мысли.

— Сам подумай: кто ты и кто я. Не смей, я не разрешаю. Доброго пути, если так у вас говорят, если это не проклятие. Доброго пути, Фьеро, и не приходи сюда больше. Прощай.

Она подала ему его нарядный, плащ и протянула руку на прощание. Он жадно схватил руку и заглянул в глаза. То, что Фьеро в них увидел, бросило его одновременно и в жар, и в холод.

— Что слышно о Боке? — спросила она Фьеро при их следующей встрече.

— Значит, о себе так и не расскажешь? — Он сидел, оперевшись спиной о стену и закинув ноги на стол. — Зачем же ты согласилась со мной встретиться?

— Решила, раз уж ты все равно пришел. Дай, думаю, спрошу о Боке. Мы ведь с ним были хорошими друзьями. Ну и об остальных тоже.

Фьеро рассказал ей, что знал. К всеобщему удивлению, Бок женился на Миле и увез ее в Нестову пустошь, откуда она каждую Лурлиниаду слала слезные письма и обещала покончить с собой.

— Что-то подобное пережила моя мама, — сказала Эльфаба. — Тоже балованная девушка, которую из-под родительского крылышка забросило невесть куда: из Кольвенского замка сначала в Закамышье, а потом в болота Квадлинии. Самое страшное, наверное, испытание на свете.

— Яблочко от яблони, — хмыкнул Фьеро. — Ты вон тоже распрощалась с приличным обществом. Спряталась здесь, живешь как улитка в раковине.

— Помню, когда я в первый раз тебя увидела, — Эльфаба брызнула уксусом на салат, который готовила к ужину, — на лекции у профессора... как бишь его?

— Никидика.

— Вот-вот. Меня поразили твои татуировки. Ты специально так вошел, чтобы произвести на нас впечатление?

— Что ты! Ты даже не представляешь, как бы я рад был войти в другую дверь! Эти рога! Они меня до смерти перепугали; я думал, все, погиб. И кто меня спас? Весельчак Тиббет и балагур Кроп.

— Тиббет и Кроп! Кроп и Тиббет! Я совсем про них забыла. Как они?

— Тиббет очень изменился после той нашей поездки в «Приют философа», а Кроп... Кроп работает аукционистом, торгует живописью и такой же клоун, как всегда. Я иногда его вижу, но мы почти не

разговариваем.

Эльфаба рассмеялась.

— Да ты брюзга! А ведь я тогда тоже интересовалась «Приютом философа». Знаешь, я бы так хотела снова с ними встретиться в следующей жизни: и с Боком, и с Кропом, и с Тиббетом, и с Глиндой, конечно, с Глиндой. Даже с Эвриком. С ним-то что?

— С ним я общаюсь. Он все больше сидит в своем маркграфстве, но иногда приезжает в Шиз — там у него собственный дом. А когда он наведывается в Изумрудный город, то ходит в тот же клуб, что и я.

— Он все такой же самовлюбленный грубиян?

— Ба! Да ты и сама брюзга!

— Может быть, может быть.

Они сели ужинать. Фьеро все боялся, что Эльфаба начнет расспрашивать его про семью, но, видно, им обоим не хотелось говорить о своих близких. Она не спрашивала его о жене и детях, а он ее — о друзьях из подполья.

В следующий раз, думал Фьеро, надену рубашку без воротника. Пусть увидит, что моя татуировка спускается на шею и дальше на грудь. Раз ей нравится.

— Неужели ты собираешься провести здесь всю осень? — спросила в один из первых холодных вечеров Эльфаба.

— Я написал Сариме, что задерживаюсь по делам на неопределенный срок. Ей все равно. Да и как может быть иначе, когда ее, дочь вождя маленького кочевого племени, девочкой выдали за арджиканского княжича. Родители Саримы все верно рассчитали: теперь у нее есть еда, слуги и прочные стены Киамо-Ко для защиты от враждебных народов. После рождения третьего ребенка она располнела. Она почти не замечает, Дома я или нет, и уж точно не будет скучать: в замке живут пять ее сестер. Женившись на одной, я приобрел целый гарем.

— Не может быть! — удивилась и даже слегка смутилась Эльфаба.

— Почему не может? Сарима пару раз намекала, что ее младшие сестры с удовольствием проведут со мной ночь. И нечего на меня так смотреть: по нашу сторону Великих Кельских гор запрет на подобную близость не столь силен, как в остальной стране Оз.

— Смотрю как умею. Ну а ты? Согласился?

— На что? — Фьеро удивленно поднял брови.

— Спать со свояченицами.

— Нет. Правда, не из каких-то там нравственных соображений и не потому, что они мне не нравились. Скорее по расчету. Сарима — хитрая женщина, а брак — это постоянная борьба. Если бы я согласился, она бы получила надо мной большую власть.

— Что, все так плохо?

— Да, нелегко. Ты не была замужем, тебе не понять.

— Я замужем. Только не за мужчиной.

Эльфаба зажала себе рот, но было уже поздно. Фьеро никогда ее такой не видел: она ужаснулась

собственным словам, отвернулась, прокашлялась, шмыгнула носом.

— Чертовы слезы, как больно жгутся! — вскричала Эльфаба в припадке ярости, выскочила из-за стола и бросилась вытирать глаза старым одеялом, пока соленая влага не покатила по щекам.

Она стояла, согнувшись как старуха, одной рукой упираясь в ящик, другой вытирая лицо одеялом, свободный край которого свесился до пола.

— Эльфаба! Что с тобой? — взволнованно вскричал Фьеро, бросился к ней и прижат к себе. Их разделяло одеяло, которое, казалось, вот-вот вспыхнет огнем, взорвется розами или брызнет шампанским. Какие только фантазии не приходят на ум, когда тело возбуждено до крайности.

— Нет! — повторяла Эльфаба. — Нет, нет, нет! Я тебе не гарем. Не женщина и даже не человек.

Но ее руки, точно те ожившие рога, сами обвили вокруг и прижали его к стене с почти убийственной страстью.

Малки с презрительной вежливостью забрался под стол и отвернулся.

* * *

Они встречались в амбаре у Эльфабы день за осенним днем, которые, повинуюсь капризным восточным ветрам, были то теплые и солнечные, то непроглядно дождливые. Иногда приходилось расставаться на несколько дней. «У меня работа, у меня дела, не спорь или никогда больше меня не увидишь, — говорила она. — Я напишу письмо Глинде, узнаю у нее заклинание невидимости — и пуф! — прости-прощай».

«Фьеро + Фея», — вывел он пальцем на муке, которую просыпала Эльфаба, когда пекла лепешки. Фея, как прошептала она ему, будто опасаясь, что кот подслушает, было ее тайное имя, под которым она действовала в подполье. Таково правило: никто из сподвижников не должен знать настоящего имени другого.

Эльфаба не позволяла ему любоваться своим обнаженным телом при свете. Фьеро приходил к ней уже затемно, и она дожидалась его в постели, читая сочинения о теории государства и философии нравственности.

— Я не очень это понимаю, — как-то призналась она. — Читаю как стихи. Мне нравится звучание слов, но вряд ли они как-нибудь изменят мой взгляд на мир.

— А твой образ жизни как-нибудь меняет твой взгляд на мир? — Фьеро погасил свет и сбросил с себя одежду.

— Неужели ты думаешь, это для меня в диковинку? — вздохнула Эльфаба. — Что я так девственно наивна?

— Ну, я бы не стал говорить «девственно», — поправил ее Фьеро.

— А насколько опытен ты сам, ваше высочество Фьеро, князь арджиканского народа, хозяин Киамо-Ко, лучший охотник Тысячелетних степей, верховный властитель Великих Кельских гор?

— Я попал к тебе в рабство, — честно признался он. — Я женился на девочке и, чтобы сохранить свою власть, всегда был ей верен. Пока не встретился с тобой. Ты не такая, как она, не такая, как все. Ты полна загадок.

— Меня не существует, — откликнулась Эльфаба. — А значит, ты не нарушаешь супружеской

верности.

— Так давай же еще раз ее не нарушим, — прошептал Фьеро. — Я не могу больше ждать.

Он скользнул руками вниз по ее ребрам, затем по животу. Как всегда, Эльфаба поймала его руки и положила их на свою маленькую острую грудь. Их тела пришли в движение, и синие ромбы забегали по зеленой траве.

Днями Фьеро скучал. Как вождь арджиканского племени он старался завязать как можно больше торговых связей, но для этого достаточно было лишь время от времени показываться в нужных кругах. Все остальное время он гулял по городу и изучал фрески святых. Эльфи-Эльфаба-Фабала-Фея так и не рассказала ему, что делала тогда в церкви на площади Святой Глинды.

В один из таких дней он зашел к Эврику. Они пообедали вместе, потом Эврик предложил сходить к девочкам, но Фьеро отказался. Эврик, как всегда, был упрям, зол на язык, порочен и чертовски красив. Ничего нового, что было бы интересно Эльфабе.

Ветер срывал осенние листья. Штурмовики выдворяли Зверей и им сочувствующих из столицы. Росли процентные ставки в гилликинских банках к радости вкладчиков и отчаянию заемщиков, предчувствовавших потерю дорогих домов в центре города. На окнах магазинов для привлечения бережливых покупателей начали появляться зеленые и золотистые огоньки, предвестники Лурлиниады.

Больше всего Фьеро хотел сейчас гулять с Эльфабой по улицам Изумрудного города: на свете не было прекрасней места для влюбленных, особенно по вечерам, когда витрины светились разноцветными фонариками на фоне чернеющего неба. Фьеро вдруг понял, что никогда прежде не любил. Это новое чувство смутило и испугало его. Жизнь становилась невыносимой, когда приходилось расставаться с Эльфабой на четыре-пять дней кряду.

«Целую Иржи, Манека и Нор», — писан он, заканчивая свои еженедельные письма Сариме, которая не отвечала, поскольку не была обучена грамоте. Ее молчание казалось Фьеро смирением с его супружеской неверностью. Он не писал, что целует Сариму. Он надеялся откупиться шоколадом.

В комнате было холодно. Фьеро повернулся на кровати и сильнее закутался в одеяло. Эльфаба потянула одеяло обратно. Малки терпел эту возню, чтобы оставаться в тепле, поближе к хозяйке, выражая ей то, что у котов называется любовью.

— Фея, дорогая, — сказал Фьеро. — Ты, наверное, и так знаешь, что я не собираюсь быть членом вашей тайной организации, за что бы вы там ни боролись: за снижение библиотечных штрафов или за отмену кошачьих ошейников. Но до меня доходят слухи, будто бы квадлинов опять начали теснить. По крайней мере об этом разговаривали в нашем клубе за трубками и газетами. Говорят, целая карательная дивизия послана в глубь Квадлинии и дошла уже до Кхойра, сметая все на своем пути. Твои близкие еще там?

Какое-то время Эльфаба молчала. То ли обдумывала ответ, то ли пыталась вспомнить родственников. Удивление на ее лице сменялось недовольством. Наконец она сказала:

— Мы жили в Кхойре, когда мне было лет десять. Странный такой городок посреди болота. Половина улиц — каналы. Низенькие дома с покатыми крышами и зарешеченными окнами для доступа воздуха и

защиты от посторонних глаз. А какая растительность! Огромные раскидистые пальмолисты, словно гигантские грибы, шуршали листьями на ветру.

— Не знаю, много ли от него теперь осталось, — осторожно сказал Фьеро. — Если верить слухам, конечно.

— Нет, папа теперь не там, слава... кому бы то... чему бы то... а, не важно. Добрые жители Кхойра не слишком прислушивались к его проповедям. Они приглашали нас в свои дома, усаживали на гниющие циновки, вспугивая ящериц и пауков, угощали печеньями с чуть теплым чаем, а папа добродушно улыбался этим, как он считал, дикарям и без усталости рассказывал о милости Безымянного Бога. В подтверждение своих слов он кивал на меня, и я тогда пела какой-нибудь гимн — единственную музыку, которую он не осуждал. Мне было страшно стыдно из-за моей кожи, но папа убеждал меня в важности этой работы. Из вежливости и гостеприимства квадлины соглашались с папиными доводами и вместе с ним молились Безымянному Богу, но было видно, что они нам не верят. По-моему, я даже острее, чем папа, чувствовала, насколько мы неубедительны.

— А где они теперь — отец, Нессароза и твой брат... как там его зовут?

— Панци. Папа со временем решил, что должен просвещать самую отсталую, южную часть Квадлинии. Мы несколько раз переезжали из дома в дом, но все они были одинаковые: маленькие, тесные, в унылой болотной глуши, полной кровавой красоты. Рубинов, — пояснила она в ответ на недоуменный взгляд Фьеро. — Где-то лет двадцать назад, может, чуть больше, авантюристы из Изумрудного города обнаружили в Квадлинии залежи рубинов и кинулись их добывать. Сначала при регенте Пасториусе, а после переворота — при Гудвине. Власть меняется — мерзавцы остаются. Разве что при Пасториусе добыча рубинов не сопровождалась такой жестокостью и зверскими убийствами. Инженеры привезли на слонах камни, перегородили реки, вырыли карьеры, плескаясь в вонючей воде. Папа решил, что вся эта неразбериха идеально подходит для миссионерской работы, и не ошибся: Квадлины выступали против Гудвина разрозненными языческими племенами с камнями в руках. А тут пришел папа, заговорил о едином боге и о всепрощении, объединил воинственные племена и убедил их покориться обстоятельствам. После чего их согнали с обжитых земель и отправили скитаться по свету. Все с благословения святой унионистской церкви.

— О, да у тебя на нее зуб!

— Меня использовали, понимаешь? Не чужой человек, а мой дорогой папочка меня использовал. И Нессутоже, но меньше, потому что она плохо ходила. Мы были наглядными пособиями. Не важно, как я пела: когда квадлины смотрели на меня, то готовы были верить ему из-за моего уродства. Если уж Безымянный Бог любит такую страшилку, как я, то насколько он будет добрее к здоровым и неиспорченным им.

— То есть тебе безразлично, где сейчас твой отец и что с ним?

— Как ты можешь такое говорить? — От возмущения Эльфаба села. — Я люблю этого сумасшедшего слепого старика: он искренне верит в то, что проповедует. Папа даже думал, что умерший квадлин с татуировкой новообращенного счастливее своих живых соплеменников, потому что уже находится в раю. Он верил, что выписал целому народу билет в загробную жизнь, в мир Безымянного Бога. Я думаю, он доволен своей работой.

— А ты — нет?

— Может, это действительно стоящая работа, откуда я знаю? Только она не по мне. Деревню за деревней обращали мы квадлинов. Деревню за деревней разрушали шедшие следом инженерные отряды. А между тем в Изумрудном городе никто не подавал голос протеста. Конечно, кому было дело до каких-то

там квадлинов?

— Но почему твой отец вообще решил идти в Квадлинию?

— У него был друг квадлин. Путешественник. Стеклодув. Он погиб в нашем семейном имении.

Эльфаба зажмурилась и замолчала. Фьеро взял ее руку и поцеловал каждый палец. Эльфаба откинулась на подушку и предоставила ему полную свободу действий.

Позже, оторвавшись от нее, он спросил.

— Но, Эльфи, Фабала, Фея, неужели ты не беспокоишься за родню?

— Отец всегда берется за проигрышные дела: в этом он видит хоть какое-то оправдание своим постоянным неудачам. Было время, он пророчил возвращение Озмы, но теперь это в прошлом. А Панци уже, наверное, все пятнадцать исполнилось. Пойми, Фьеро, не могу же я одновременно беспокоиться и о нем, и о Сопротивлении, не могу летать туда и обратно на метле, как сказочная ведьма. Я выбрала свою судьбу, теперь поздно метаться. К тому же я знаю, что рано или поздно ждет Нессарозу.

— Что?

— Когда мой прадед наконец протянет ноги, она станет следующей герцогиней Тропп.

— А почему не ты? Ты разве не старше?

— Меня больше нет, забыл? Я растаяла в облачке дыма. К тому же герцогский титул идеально подойдет для Нессы. Она станет королевой Нестовой пустоши.

— Говорят, она прошла курс магии в Шизе. Ты не слышала?

— Да? Тем лучше для нее. Если она когда-нибудь слезет с пьедестала, на котором золотыми буквами написано «Эталон нравственности», если проявит всю свою стервозность, то станет первой волшебницей восточных земель. Няня ее поддержит, чтобы не упала.

— Я думал, ты ее любишь.

— Разумеется. Разве по мне не видно? Несса — тот еще фрукт, но все равно я в ней души не чаю.

— И она станет следующей герцогиней Тропп?

— Гораздо лучшей, чем я, — сухо ответила Эльфаба и усмехнулась. — По крайней мере у нее прекрасный вкус на башмачки.

Было полнолуние, и густой лунный свет падал сквозь окошко в крыше, озаряя спящую Эльфабу. Фьеро поднялся и вышел облегчиться. Малки гонял мышей по лестнице. Вернувшись, Фьеро невольно залюбовался своей возлюбленной. Во сне она почти сбросила с себя одеяло, и Фьеро ласкал взглядом ее почти белую от лунного света бархатистую кожу, стройные ноги и точеные лодыжки. Гибкую талию обхватывал бахромчатый винковский платок с красными розами на черном фоне (Фьеро подарил его Эльфабе и повязал вокруг пояса; с тех пор он стал ей особенным костюмом для любви). В воздухе витал аромат духов, и чего-то животного, и волшебного моря, и волос, все еще не развеявшийся после бурной любви. Фьеро сел на складную кровать рядом с ней и стал внимательно ее изучать. Тоненькие курчавые волосы на ее лобке, скорее фиолетовые, чем черные, росли иначе, чем у Саримы. Чуть выше виднелась странная тень: на какое-то мгновение, в полусне, Фьеро подумал, не его ли татуировка в самый разгар секса отпечаталась на коже у Эльфабы. Или это какой-то шрам?

Но тут она проснулась, натянула на себя одеяло, улыбнулась ему, сказала сонным голосом «Фьеро, мой герой», и его сердце растаяло.

Зато уж если она разозлится!..

— Знаешь, я не удивлюсь, если ветчину, которую ты уплетаешь, приготовили из Свины.

— Сама поела, так другим аппетит не порти, — миролюбиво сказал Фьеро. В его родных землях почти не было разумных Зверей, и те немногие, которых он увидел в Шизе (за исключением, конечно, «Приюта философа»), оставили по себе мало воспоминаний. Судьба Зверей его не тревожила.

— Вот почему тебе нельзя влюбляться. Любовь порочна, она ослепляет.

— Ну вот, совсем аппетит отбила. — Фьеро скормил Малки остатки ветчины. — Откуда тебе знать о пороках? Ты всего лишь винтик в бунтарском обществе. Новичок.

— Я знаю вот что: порок мужчин в силе, которая мешает им думать.

— А женщин?

— Порок женщин в слабости, рождающей коварство. Поскольку возможностей у них меньше, зло от них не столь велико.

— А какой же мой порок? — спросил Фьеро, задетый ее словами. — Или твой.

— Твой порок — слепая вера в добро.

— Бред какой-то. Ну а твой?

— Думать эпиграммами.

— Опять загадки, — недовольно сказал Фьеро. — Этим ты и занимаешься в своем тайном обществе? Сочиняешь эпиграммы?

— О, мне работы хватает, пусть и не самой важной. Грядут большие перемены.

— Переворот, что ли?

— Не спрашивай и останешься невинен как младенец. Ты ведь этого хочешь?

— Что, убийство? — Самолюбие Фьеро было задето. — Ну убьешь ты какого-нибудь главного мясника — что с того? Кем ты после этого станешь? Святой? Иконой революции? Или мученицей, если первой ужокошат тебя?

Эльфаба не ответила, только потрянула головой и швырнула прочь розовую шаль, будто свою главную обидчицу.

— Что, если во время покушения на главного свинореза погибнет невинный человек, нечаянно оказавшийся рядом? Вы готовы пополнить им ряды мучеников?

— Я мало что знаю о мучениках. Все эти разговоры граничат с религией, которая для меня чужда. Но скажу тебе вот что: настоящим мучеником, по-моему, может стать только тот, кто знает, за что погибает, и сознательно идет на смерть.

— Ага, значит, невинные жертвы все-таки ожидаются? Те, кто не желал бы идти на смерть?

— Жертвы... вернее, несчастные случаи... неизбежны.

— И это не вызывает сомнений и беспокойства в ваших праведных кругах? Вы не боитесь ошибок?

Горя, которое можете принести?

— Да каким же слепцом надо быть, чтобы не видеть, что горе уже вокруг нас?! Зачем тревожиться о мелочах? Не мы виноваты в будущих смертях, а те, кто породил этот уродливый строй. Мы не стремимся к жестокости, но и не отрицаем ее, да и как можно отрицать то, чьи проявления видны повсюду? Такое отрицание было бы грехом, настоящим...

— Наконец-то! Наконец ты произнесла слово, которое я уже отчаялся услышать.

— Отрицание? Грех?

— Мы.

— Не понимаю, что...

— Бунтарь-одиночка из Крейг-холла внезапно вливается в коллектив? Осознает себя членом команды? И это наша-то отшельница!

— Как ты не поймешь. Соппротивление безлично. Есть движение, но нет подвижников, есть игра, но нет игроков. У меня нет товарищей, у меня нет даже собственной личности — ее никогда не было, но это к делу не относится. Я всего лишь мельчайший мускул в огромном организме.

— Ха! Да ты самая необычная, неповторимая, единственная...

— Как и все, ты говоришь только о моей коже. И смеешься над ней.

— Что ты, я ее обожаю!

Они расстались, не сказав больше ни слова, и оставшийся вечер Фьеро провел, просяживая деньги в игорном доме.

Не следующую встречу Фьеро принес три зеленые и три золотистые свечи, чтобы украсить комнату перед Лурлиниадой.

— Я не отмечаю религиозные праздники, — заявила Эльфаба, но, сменив гнев на милость, добавила: — Хотя вообще-то красиво.

— Души у тебя нет, — пошутил Фьеро.

— Я не думала, что это так заметно, — серьезно ответила она.

— Ты и правда не веришь в душу?

— Нет, конечно! Какие у меня доказательства ее существования?

— Если в тебе нет души, то откуда у тебя сознание? — не удержался Фьеро, хоть и обещал себе впредь избегать острых тем.

— Как птица выкармливает своих птенцов, не зная ни прошлого, ни будущего? Сознание, дорогой мой, — это всего лишь знание, растянутое во времени. Я зову это инстинктом. Птицы кормят птенцов, не спрашивая себя, зачем они это делают, и не рыдая о том, что их детки — хны-хны — когда-нибудь умрут. Я работаю, руководствуясь звериным стремлением к сытости, безопасности и справедливости. Я как волк: бегу вместе со стаей, потому что так надо. Я незаметна и незначительна, как один из бесчисленных листьев на дереве.

— Учитывая, что твоя работа — терроризм, это самое страшное обоснование террора, которое я когда-нибудь слышал. Ты полностью снимаешь с себя ответственность. Чем ты лучше тех, кто безропотно

склоняется перед неизвестной волей какого-то бога, которому не смогли даже подобрать подходящего имени? Если ты отрицаешь идею личности, то автоматически отрицаешь и индивидуальную ответственность.

— И что, по-твоему, хуже? Отрицать идею личности или с помощью тюрем, голода и пыток низводить саму личность? Разве ты побежишь спасать портрет в музей, когда вокруг тебя все горит и гибнут живые люди? Взгляни на мир шире наконец!

— Но невинные жертвы — какая-нибудь безобидная светская дама — это ведь тоже живые люди, а не портреты. Ты сравниваешь несопоставимое — и пытаешься этим оправдать преступления?

— Твоя дама сама выставила себя напоказ, как ходячий портрет, поэтому другого обращения и не заслуживает. А вот в отрицании этого, возвращаясь к нашему прошлому разговору, — и есть твое зло. Я считаю, что если можешь спасти случайного человека, пусть даже эту никчемную даму или промышленника, жиреющего за счет государства, то пожалуйста. Но только не за счет других, более живых, людей. А нет, так нет. Всему своя цена.

— Нельзя же делить людей на «настоящих» и «не очень»!

— Да? — Эльфаба неприятно улыбнулась. — Посмотрим, настоящей ли я для тебя буду, когда снова исчезну. Мой милый.

Она вытянула губы, будто в поцелуе, и Фьеро в отвращении отвернулся.

Тем же вечером, когда они помирились, с Эльфабой случилась истерика. Она металась по кровати в обжигающем поту и не позволяла Фьеро себя утешать.

— Уйди, я тебя недостойна, — стонала она, а позже, когда успокоилась, сказала: — Я так тебя люблю, Фьеро, ты даже не понимаешь... Родиться с талантом или тягой к добродетели — такая редкость в наше время.

Эльфаба была права: он действительно не понимал. Фьеро обтирал ее лоб сухим полотенцем и крепко прижимал к себе. Окошко под потолком затянуло инеем, и они лежали, укрывшись теплым зимним одеялом, чтобы не замерзнуть.

Стоял холодный день, когда Фьеро принес на почту посылку. Детям он отправлял коробку ярко раскрашенных деревянных игрушек, а жене — драгоценное ожерелье. Почтовый обоз шел северным путем, вокруг Великих Кельских гор, и его подарки доберутся до семьи уже весной, когда Лурлиниада давно пройдет. Однако он всегда сможет сказать, что отправлял посылку раньше, и сослаться на почтовые задержки. Если не помешает снег, он к этому времени будет уже дома, рассказывать без дела по узким высоким залам, комнатам и коридорам своего горного замка. Может, тогда его заботу оценят, причем заслуженно, почему нет? У Саримы будет обычная зимняя хандра (отличная от весенней тоски, летней печали и осенней меланхолии). Ожерелье наверняка ее обрадует, хотя бы чуть-чуть.

Фьеро зашел выпить кофе в приглянувшееся кафе, достаточно необычное, чтобы считаться богемным и потому дорогим. Хозяин поспешил извиниться: в оранжерее, где круглый год, обманутые теплом от жаровен, благоухали цветы, прошлой ночью случился взрыв.

— Все окрестные жители в ужасе, — говорил владелец кафе, взяв Фьеро под руку. — Подумать

только! Наш славный правитель давно обещал положить конец этому хулиганству: разве не для того принимали новые законы и вводили комендантский час?

Фьеро промолчал, что хозяин принял за согласие.

— Я распорядился перенести несколько столиков в свои покои наверху, — продолжал он. — Если не побрезгуете, то милости прошу за мной. Кактеперь восстанавливатьзимний сад, ума не приложу. Мастеровитых манчиков найти все труднее и труднее, а лучше них все равно никто не сделает. Они просто волшебники. Но почти все мои знакомые манчики уехати на восток, в свои деревни. Боятся. Говорят, их здесь притесняют. Ну конечно, они такие заморыши, что просто грех не обидеть. И трусы в придачу. У вас-то в роду манчиков нет, это сразу чувствуется.

— У меня жена из Нестовой пустоши, — зачем-то соврал Фьеро.

Хозяин смутился, усадил его за столик у большого окна и подобострастно порекомендовал чашку холодного вишневого шоколада. В ожидании шоколада Фьеро стал смотреть в окно. Одна из ставен перекосилась и открывалась не до конца, но простор для обзора оставался. Были видны крыши с затейливо сложенными трубами, расставленные на балкончиках кадки с темными зимними фиалками и голуби, порхавшие туда-сюда, словно хозяева небес.

Владелец кафе принадлежал к той странной породе коренных горожан, которая как будто превратилась в особый народ. На стенах висели портреты членов его семейства, с которых взирали кареглазые мужчины, женщины и дети с одинаково высокими, выбритыми потогдашней моде лбами. От вида принужденно улыбающихся мальчиков, сидящих в розовом атласе с причесанными собачками на коленях, и наруганных девчушек во взрослых платьях с глубоким вырезом на неоформившейся груди Фьеро затосковал по собственным, таким далеким, детям. Хоть их семья была не сахар (а у кого она сахар-то?), они были гораздо человечнее этих типичных отпрысков честолубивых родителей.

«Но это все вздор», — оборвал он себя. Как можно судить о детях по их портретам, по художественным условностям? Он отвернулся к окну, не желая больше видеть ни гнетущих картин, ни других посетителей, ни хозяина, услужливо поднесшего ему чашку шоколада.

Когда он пил кофе внизу, в зимнем саду, то видел только замшелые стены, зеленые кусты и иногда мраморную статую какого-нибудь до невозможности атлетического и бесстыдно голого юноши. Теперь, со второго этажа, взору открывался внутренний дворик. Одна из построек была конюшней, другая, похоже, общественным туалетом. Виднелась и та часть стены, которую разрушило взрывом. На месте пролома, ведущего в школьный двор, натянули колючую проволоку.

Вот дверь школы открылась, и на улицу высыпала горстка людей. Судя по всему, они были — Фьеро присмотрелся — квадлинами. Пять, шесть... семь квадлин и двое коренастых мужчин, вроде наполовину гилликинцев — не поймешь. И еще семья медведей. Нет — Медведей, небольших рыжих Медведей: папа, мама и детеныш.

Медвежонок деловито пополз под лестницу за игрушками. Квадлины встали в круг и начали какой-то замысловатый танец. К ним, семена шажками, присоединились старухи, и хоровод двинулся против часовой стрелки, словно призывая время повернуть вспять. Мужчины-гилликинцы хмуро курили одну сигарету на двоих и всматривались через проволоку в мир за стеной. Печальнее других были рыжие Медведи: отец сидел на краю песочницы, тер глаза и чесался, мать то отходила бросить детенышу мяч, то возвращалась к мужу и утешающе гладила его понурю голову.

Фьеро отпил шоколада и придвинулся ближе к окну. Каменная стена вокруг школы, колючая проволока, Звери, квадлины — да это же настоящая тюрьма! Но если этих... скольких?... двенадцать пленников отделяет от свободы какое-то хлипкое ограждение, почему они не бегут? Что их держит?

Минут через десять двери тюрьмы (Фьеро теперь о ней иначе и не думал) распахнулись, и оттуда вышел штурмовик. Широкоплечий, подтянутый и — это чувствовалось даже издали — страшный. Ужасающий в своей красной форме, сапогах болотного цвета и ярко-зеленым, почти изумрудным крестом, вышитым на куртке и делившим его туловище на четыре части: вертикальная полоса от паха до высокого накрахмаленного воротника и горизонтальная полоса через всю грудь от одной подмышки до другой. Он был еще молод, этот штурмовик, почти мальчишка, с белесыми кудрявыми волосами. Он встал на ступеньке, властно расставив ноги.

Видимо, он что-то скомандовал, хотя через закрытое окно ничего не было слышно. Медведиродители замерли, а Медвежонок испуганно прижал к себе мяч. Гилликинцы послушно подошли к штурмовику. Квадлины как ни в чем не бывало продолжали свой танец, качая бедрами и выделявая поднятыми руками какие-то семафорные знаки.

Штурмовик что-то крикнул и положил руку на висевшую на поясе дубинку. Медвежонок спрятался за отца. Медведица оскалилась.

«Что же вы медлите? — пронеслось в голове у Фьеро. — Навалитесь на него все разом: двенадцать против одного. Или вы не доверяете друг другу? Или там, внутри, ваши родственники, которых замучают, если вы вырветесь на свободу? Откуда такое рабское смирение?»

Все это, конечно, домыслы: Фьеро не мог знать, что на самом деле происходит там, на школьном дворе. Он почти прилип к окну, прижал к стеклу свободную ладонь. Внизу Медведи все так же отказывались двигаться с места. Тогда штурмовик, в два шага преодолев разделявшее их расстояние, взмахнул дубинкой и обрушил ее на голову Медвежонка. Фьеро вздрогнул и выронил чашку. Фарфоровые осколки разлетелись по натертому паркету.

Из-за двери, обитой зеленым сукном, появился хозяин. Качая головой и цокая языком, он задернул занавески, но не раньше чем Фьеро разглядел еще кое-что. Отшатнувшись, как будто сам никогда не охотился и не убивал зверей в Тысячелетних степях, он поднял взор и увидел в окнах школы множество бледных детских лиц. Двадцать, а может быть, и тридцать школьников, раскрыв рот от интереса, во все глаза смотрели, что происходит у них во дворе.

— Ни стыда, ни совести нет, — негодовал хозяин. — Всех посетителей мне распугают. Совсем не думают, что здесь живут честные люди, которым тоже надо что-то есть. Лучше не смотрите туда, сэр. Там нет ничего интересного.

— Взрыв в вашем зимнем саду, — произнес Фьеро. — Вам не кажется, что кто-то пытался снести стену и устроить побег?

— Даже не заикайтесь об этом, — шикнул хозяин. — Здесь даже стулья имеют уши. Откуда я знаю, кто, чего и зачем хотел? Я добропорядочный гражданин и в чужие дела не лезу.

Фьеро не стал просить другую чашку шоколада. Из-за тяжелых занавесок слышался безутешный рев Медведицы, потом он смолк, и больше ни звука не доносилось из внешнего мира.

«Случайно ли я это увидел? — спрашивал себя Фьеро, глядя на обеспокоенного хозяина новыми глазами. — Или, может, такое творилось давно, а я не обращал внимания? Может, мир открывает только то, что ты готов увидеть?»

Он хотел рассказать о случившемся Эльфабе, но потом передумал. Что-то подсказывало ему, что она слишком ценит разницу их мироощущений и если он вдруг примет ее идеалы, она отдалится от него. Этим

он рисковать не мог. И все же образ штурмовика, опускающего дубинку на голову Медвежонку, все никак не покидал его мысли. Фьеро только крепче прижимал к себе Эльфабу, стараясь без слов передать ей свое чувство.

Он уже заметил, что когда Эльфаба была чем-то взволнована, то с большей страстью отдавалась любви. Дошло до того, что он безошибочно угадывал, когда она скажет: «Теперь до следующей недели». Она становилась более раскованной, пылкой, как будто просила прощения за грядущую разлуку. Так случилось и тем утром, когда Фьеро готовил кофе, а Эльфаба смазывала себя маслом, жмурясь от удовольствия.

— Милый мой Фьеро. Лапочка моя, как говорил папа. Нам надо будет расстаться на пару недель.

Фьеро кольнуло нехорошее предчувствие, что она собирается бросить его и выторговывает себе двухнедельную фору.

— Нет, ты что! — попытался возразить он. — Так нельзя. Это слишком долго.

— Нам нужно время, — настаивала Эльфаба. — Не мне с тобой — другим нам. Сам понимаешь, рассказать я тебе ничего не могу, скажу только, что наши последние планы на осень потихоньку начинают выполняться. Произойдет одно... событие, в котором я участвую.

— Какое? Переворот? Убийство? Похищение? Взрыв? Скажи хотя бы так, без подробностей. В общих чертах.

— Я не смогла бы тебе сказать, даже если б хотела, — я сама пока не знаю. Мне сообщат, что нужно сделать, и я выполню приказ. Насколько я понимаю, это сложная схема со многими участниками.

— И ты будешь стрелой? Ножом? Запалом?

— Котик, ну что ты несешь? — проникновенно, но недостаточно убедительно промурлыкала она. — Я еще слишком зеленая, чтобы на глазах у всех совершить какую-нибудь пакость. Да и потом, это было бы слишком предсказуемо. Полиция глаз с меня не спускает: там, где я появляюсь, сразу тревога и повышенная готовность. Нет-нет, мне дадут что-то второстепенное, роль простой неизвестной служанки.

— Не надо, пожалуйста.

— Ты эгоист, — сказала Эльфаба. — И трус к тому же. Ты боишься за мою незначительную жизнь, а сам даже не разобрался, хорошо я поступаю или плохо. Не то чтобы это имело какое-то значение, но пойми, ты сам не знаешь, чего просишь. И хватит об этом. Через две недели возвращайся.

— И тогда это... событие уже произойдет? Кто решает, когда оно случится?

— Я даже не знаю, что это за событие, а ты мне такие вопросы задаешь.

— Фея... — Почему-то больше ему не нравилось ее тайное имя. — Эльфаба. Неужели ты и правда не знаешь, кто стоит за вашей организацией и дергает за веревочки? Как ты можешь быть уверена, что вами управляет не Гудвин?

— Ты хоть и князь, но в наших делах совсем ничего не понимаешь, — презрительно скривилась она. — Думаешь, если бы нами играл Гудвин, я бы не разобралась? Это после того, как еще в институте я насмотрелась на плутовские приемчики Кашмери? После того, как наслушалась столько недомолвок, что теперь по одному тону их раскушу. Поверь, Фьеро, я не вчера родилась.

— Но при этом не знаешь, кто вами руководит.

— Что с того? Папа тоже не знал, как зовут его Безымянного Бога. — Целомудренно отвернувшись от Фьеро, Эльфаба стала втирать масло в живот и бедра. — Главное — дело, а не личности.

— А откуда ты узнаешь, что надо делать?

— Это тебя не касается.

— Неужели нельзя рассказать?

Она повернулась.

— Лучше намажь мне грудь, пожалуйста.

— Перестань! Это что, отвлекающий маневр?

— Вот именно! — Она звонко рассмеялась. — Иди сюда.

Было светло. Снаружи выл ветер, сотрясая стены и половицы. Небо в окне было редкого сине-розового цвета. Эльфаба отбросила свою привычную стыдливость, словно ночную сорочку, и распахнула Фьеро объятия. Как будто в страхе перед будущим здесь, на старой походной постели, она вдруг осознала свою особую красоту.

Этот порыв вместо обычной сдержанности больше всего напугал Фьеро.

Он послушно зачерпнул немного кокосового масла, нагрел его в руках и опустил ладони, словно двух мягких зверьков, на ее маленькую упругую грудь. Он чувствовал, как под пальцами набухают ее соски, видел румянец на ее щеках. Он был уже одет, но, поддавшись страсти, прижался к ней. Его рука скользнула по обнаженной спине, и Эльфаба, прогнувшись с легким стоном, приникла к нему в ответ. Фьеро спустился ниже, к ягодицам, обогнул их и продолжил на ощупь путь мимо курчавых волосков к сокровенному месту, которое притягивало его как магнит.

— У меня четверо соратников, — сказала Эльфаба, слегка отодвинувшись и давая понять, что он и так уже зашел слишком далеко. — Но никто из них не знает, кто руководит нашей ячейкой. Мы встречаемся по ночам, прикрытые маскировочными заклинаниями, которые искажают нашу внешность и голос. Ведь иначе, знай я больше, штурмовики выпытали бы из меня все. Неужели не понятно?

— Чего вы добиваетесь? — шепотом спросил он между поцелуями, стягивая штаны и ведя языком по завиткам ее уха.

— Смерти Гудвина, — ответила она, обвивая его ногами. — Но не бойся, если наше движение — стрела, то я — не наконечник, а всего лишь перышко из оперения. Ниточка из колчана.

Эльфаба зачерпнула масло и стала растирать его так, что, когда они упали на кровать, солнечные лучи заиграли на блестящей коже.

— А между прочим, ты, — сказала она после незабываемых минут сладострастия, — все равно можешь быть агентом дворцовой службы.

— Да нет же, — прошептал он в ответ. — Я хороший.

В первую неделю разлуки выпал снег, в следующую — еще. Приближалась Лурлиниада. Унионистские церкви, бесстыдно позаимствовавшие древнюю языческую символику, были украшены в зеленый и золотой цвета и продавали зеленые свечи и позолоченные колокольчики, зеленые ветки и золотистые фрукты. Прилавки, соревнующиеся друг с другом (и с церквями) в декоре, ломились от модной одежды и дорогих безделушек. Куклы на витринах изображали королеву фей Лурлину в крылатой колеснице и ее спутницу, юную Принеллу, достающую, долгожданные подарки из бездонной волшебной корзины.

Снова и снова Фьеро спрашивал себя, любит ли он Эльфабу.

И еще он спрашивал себя, почему так поздно, после двух месяцев бурного романа, задался этим вопросом? Знает ли он, что такое любовь, и имеет ли это какое-нибудь значение? Он накопил еще подарков для детей и тучной Саримы, этого ходячего недовольства, этого чудовища. И все-таки Фьеро немного по ней скучал: чувства к Эльфабе не вытесняли чувств к жене, а дополняли их. Вряд ли нашлись бы две женщины, более непохожие. В Эльфабе была та свойственная арджиканцам гордая независимость, которая так и не выработалась у Саримы, девочкой выданной замуж. Фьеро стал вспоминать последнюю встречу и, опомнившись от небывалой эрекции, нырнул к стойке с женскими платками дожидаться, пока она спадет.

Он выбрал три, четыре, шесть платков для супруги, которая их не носила, а потом еще шесть для Эльфабы и подошел к кассе. Там на стульчике стояла коротышка-манчунья.

— Одну минуту, мэм, — сказала она кому-то позади него.

Он отодвинулся, чтобы освободить место следующей покупательнице.

— Фьеро! — раздался возглас. — Неужто ты?

— Глинда! — изумленно воскликнул он. — Вот так встреча!

— Да ты, я погляжу, большой любитель платков! Иди сюда, Кроп, смотри, кого я встретила!

Здесь же оказался и Кроп. Слегка обрюзглый (в свои — сколько? — лет двадцать пять, не больше), он виновато оторвался от витрины с дорогими платьями.

— Это непременно нужно отметить, — затараторила Глинда. — Давай быстренько расплатись с нашей очаровательной продавщицей, и пошли.

В своем оживлении она шуршала юбками, как целая балетная труппа. Фьеро не помнил, чтобы раньше Глинда была такой суетливой. Возможно, это последствия замужества. Позади нее Кроп театрально закатил глаза.

— Запишите, пожалуйста, на счет сэра Чаффри это, это и еще вот это, — говорила Глинда, нагромоздив покупки на прилавок. — И пошлите их в наши номера во Флорентвейском клубе. Мне они понадобятся к сегодняшнему ужину, поэтому, пожалуйста, отправьте с ними кого-нибудь прямо сейчас, если можно. Хорошо? Ах, какая вы прелесть! Да-да! А теперь идемте, мальчики, идемте.

Она вцепилась в руку Фьеро и поволокла его за собой. Кроп покорно, как собачка на поводке, плелся сзади. Флорентвейс-кий клуб был в какой-то паре улиц от магазина, и Фьеро не понимал, почему нельзя было самим донести покупки. Глинда едва ли не вприпрыжку спустилась по парадной лестнице в Дубовый зал, привлекая шумом всеобщее внимание.

— Ты садись сюда, Кроп: будешь за нами ухаживать, когда принесут заказ. А ты, дорогой Фьеро, сюда, рядом со мной, если, конечно, не боишься ревнивой супруги.

Они заказали чаю. Глинда по привычке к Фьеро и немного успокоилась.

— Кто бы подумал! — воскликнула она, в восьмой раз взяв печенье и положив его обратно. — Вся наша дружная компания собирается. Нет, ну правда, разве был в Шизе кто-нибудь лучше нас? А ты-то, Фьеро, ты ведь самый настоящий принц, да? Ну или князь? К тебе теперь надо обращаться «ваше высочество»? Или светлость? Вечно забываю. Ты все еще женат на той маленькой девочке?

— Она уже выросла, — осторожно поправил Фьеро. — У нас трое детей.

— И она, конечно, приехала с тобой? Я непременно должна с ней встретиться!

— Нет, Сарима осталась в нашем замке в Кельских горах.

— Значит, у тебя здесь роман, — решила Глинда. — Вид у тебя слишком счастливый. С кем же? Я ее знаю?

— Вид оттого счастливый, что я рад вас видеть, — обезоруживающе улыбнулся Фьеро.

И это было правдой. Выглядела Глинда чудесно. Она слегка округлилась, но это не портило ее, а наоборот: прежняя неземная красота стала более женственной и зрелой. На голове с коротко, по-мальчишески подстриженными волосами (что ей очень шло) сверкала диадема.

— А ты теперь, значит, волшебница? — спросил он.

— Едва ли! Моего волшебства хватит, чтобы одним росчерком пера подмахнуть сотню поздравительных открыток, но я даже не могу заставить эту чертову официантку принести нам наконец олады с вареньем. Людям свойственно преувеличивать возможности магии. Если бы все было так просто, Гудвин давно бы разделался со своими противниками. Нет, с меня довольно быть хорошей женой моему Чафри. Он сегодня на бирже, ворочает деньгами. Кстати, знаешь, кого мы видели? Ты даже не представляешь! Расскажи ему, Кроп!

От неожиданности, что ему позволили говорить, Кроп поперхнулся чаем, и Глинда тут же продолжила:

— Нессарозу! Представляешь? Живет здесь в особнячке на Нижней Меннипинской улице. Где мы ее видели, Кроп? В «Кофейном мире»?

— Или в «Ледовом саду»?

— Нет, вспомнила: в «Кабаре Спренглтаун». Мы ходили слушать Силлипиду — ты знаешь ее? По лицу вижу, что нет. Это певица, выступавшая на Всеозовском фестивале песни и пляски, когда Гудвин спустился с небес на воздушном шаре и устроил дворцовый переворот. С тех пор она не раз уходила со сцены, но всякий раз возвращалась. По-моему, Силлипида уже выдохлась, но это не важно, все равно было весело. Так вот там, даже за лучшим столиком, чем у нас, сидела Несса со своим дедом. Или кто он ей, прадед? Герцог Тропп который. Ему уже небось за сотню. Я прямо глазам своим не поверила: Несса? На концерте? Только потом поняла, что она просто сопровождает старика. Ей все это страшно не нравилось: она сидела надутая и шевелила губами — молилась. И няня тоже там была. Нет, ну кто бы мог подумать! Ты князь, она вот-вот станет герцогиней, Эврик — маркграф, а я — скромная жена сэра Чафри, обладателя самого бесполезного титула и самого крупного состояния во всех Пертских холмах. — Глинда едва не остановилась, но тут же щедро добавила: — Да, и Кроп, конечно, наш дорогой Кроп. Расскажи Фьеро, чем ты занимаешься; ему, должно быть, до смерти интересно.

Фьеро бы действительно с удовольствием послушал Кропа, хотя бы для того, чтобы отдохнуть от трещащей Глинды.

— Стесняется, — продолжала Глинда, не успев Кроп открыть рот. — Как всегда.

Фьеро и Кроп переглянулись и постарались сдержать улыбки.

— Кроп устроил себе роскошную квартиру, настоящие хоромы, над кабинетом какого-то врача. Только представь себе! А какие виды из окна! Лучшие во всем городе, особенно сейчас, в это время года. Он балуется живописью, правда, лапусик? Пишет декорации к опереттам. Ах, а мы-то по молодости думали, что весь мир — это Шиз! Знаешь, здесь ведь уже появился театр. И вообще Гудвин значительно облагородил город, ты не находишь?

— Я рад тебя видеть, Фьеро, — улучил момент Кроп. — Расскажи о себе что-нибудь, только быстро, пока Глинду опять не прорвало.

— Ах ты негодник! — воскликнула та. — Все-то твои злые шуточки! Вот как расскажу Фьеро, какие шашни ты тут завел. А, ладно, не бойся, я не такая вредная, как некоторые.

— Но мне действительно нечего рассказывать, — сказал Фьеро, чувствуя себя еще большим чужаком, чем когда он впервые приехал в Шиз. — У меня спокойная, счастливая жизнь. Я руковожу своим народом, когда он в этом нуждается, что бывает нечасто. Мои дети здоровы, жена... не знаю даже...

— Плодовита, — подсказала Глинда.

— Вот именно. — Фьеро улыбнулся. — И я ее люблю. А теперь вы должны меня извинить, но мне пора: опаздываю на деловую встречу в другом конце города.

— Нам непременно нужно снова увидеться, — как-то жалобно, сиротливо сказала Глинда. — Фьеро, голубчик, мы с тобой старые друзья, хоть и молоды. Извини, что я тараторила без умолку, это от радости. Все-таки чудесное было время, несмотря на все странности и печали. Сейчас уже другое. Тоже чудесное, но не так.

— Я понимаю, — сказал он. — Но вряд ли мы скоро встретимся. Мне столько всего нужно сделать, а времени в обрез. Меня уже дома заждались, я с лета там не был.

— Смотри, мы все здесь: я, Чафри, Кроп, Несса, ты. Может, Эврик тоже в городе, мы и его позовем. Собрались бы вместе, поужинали в наших номерах наверху. Я обещаю быть потише. Пожалуйста, Фьеро, пожалуйста, ваша светлость. Это составило бы для меня такую честь!

Глинда склонила голову набок и прижала палец к подбородку, пытаясь найти в лексиконе своего класса слова, способные выразить истинное чувство.

— Если удастся, то, конечно, приду, — сказал Фьеро. — Но особо на меня не рассчитывай. Будут и другие встречи. Я обычно не задерживаюсь в городе до зимы, в первый раз так. Меня дома дети ждут. У тебя есть дети. Глинда?

— Нет. Такое чувство, что у Чафри не яйца, а два пустых ореха, — невинно сказала она.

Кроп снова поперхнулся.

— Да, прежде чем ты уйдешь — я вижу, ты уже собираешься, — скажи, не слышал ли ты чего-нибудь об Эльфабе?

Фьеро был готов к этому вопросу и позаботился, чтобы ни один мускул на его лице не дрогнул.

— Об Эльфабе? Нет, ничего. А что, она нашлась? Разве Несса не говорила?

— Несса говорит, что если когда-нибудь встретит сестру, то плюнет ей в лицо. Нам остается только молиться, чтобы она сохранила доброту и терпимость, которым учит ее религия, иначе она просто убьет Эльфабу. Оно и понятно: остаться одной, когда нужно присматривать и за сумасбродным отцом, и за дряхлым дедом, и за младшим братом, и за имением, и за работниками — и даже не скажешь, что собственноручно: рук-то у нее нет.

— По-моему, я видел Эльфабу, — сказал Кроп.

— Да? — в один голос спросили Глинда и Фьеро.

— И даже не обмолвился, — укоризненно добавила Глинда.

— Не знаю — может, это была и не она. Я ехал на конке мимо Зеркального пруда возле дворца. Шел дождь, и я обратил внимание на девушку, которая боролась с зонтом. Ветер вырывал его из рук, и казалось, что вот-вот подхватит и ее. Вдруг очередной порыв вывернул зонт наизнанку, и я заметил зеленоватое лицо, которое тут же спряталось под капюшоном. Помнишь, как Эльфаба боялась воды?

— До смерти боялась, — поддержала Глинда. — До сих пор не понимаю, как она ухитрялась держать себя в чистоте. И это при том, что я ее соседка!

— Маслом, — сказал Фьеро.

Они удивленно посмотрели на него.

— У... у нас в стране старики очищаются именно так... Вместо того чтобы мыться водой... — пробормотал смущенный Фьеро. — Вот я и подумал... Но я не знаю, конечно... Если получится снова с вами встретиться, то в какое время будет удобнее?

Глинда полезла в сумочку за календарем. Кроп, пользуясь удобным случаем, придвинулся к старому приятелю и с чувством сказал:

— Рад был тебя повидать.

— Взаимно. — Фьеро был тронут. — Будешь в Кельских горах, заезжай погостить к нам в Киамо-Ко. Только предупреди заранее, а то мы там только половину года проводим.

— Вот это как раз для тебя, Кроп, — подключилась Глинда. — Дикая горы, хищные звери. Мода опять-таки на твой вкус: все эти варвары в набедренных повязках. Только ты вряд ли вступишь в пейзаж.

— Что правда, то правда. Мне вообще любой пейзаж, где не на всяком углу найдешь кафе или ресторан, кажется непригодным для человеческого существования.

Фьеро пожал Кропу руку и обнял, вспомнив о Тиббете. Потом прижал к себе Глинду. Повиснув на его руке, она проводила его к выходу из зала.

— Давай я отделаюсь от Кропа, и мы поговорим по душам, — тихим, неожиданно серьезным голосом предложила она. — Милый Фьеро, ты даже не представляешь. Наше прошлое... Теперь, когда ты появился здесь, многое встало на свои места. Однако кое-что остается загадкой. Если б мы поговорили, я уверена, что разобрались бы. Я ведь не такая дурушка, какой кажусь. — Глинда схватила его обеими руками. — Что-то очень важное происходит в твоей жизни. Я чувствую. И хорошее, и плохое одновременно. Вдруг я смогу помочь?

— Спасибо за предложение, это очень мило с твоей стороны, — сказал Фьеро, делая знак швейцару, чтобы тот подозвал извозчика. — Жаль, что мне не довелось встретиться с сэром Чафри.

Фьеро вышел на мраморное крыльцо, обернулся и приподнял шляпу. В дверях, которые держал открытыми услужливый швейцар, стояла спокойная, гордая, сильная женщина, исполненная грации и благородства.

— Встретишь Эльфабу, передай, что я все еще по ней скучаю, — с мягкой улыбкой сказала она.

Больше Фьеро Глинду не видел. Во Флорентвейский клуб он не возвращался, мимо дома Троппов на Нижней Меннипинской улице, несмотря на большой соблазн, не ходил, билетов на концерты Силлипиды у барышников не покупал. Зато он часто заглядывал в церковь на площади Святой Глинды и задумчиво сидел перед знакомым образом, слушая иногда песнопения или шушуканья монашек-монтий из пристроенной к церкви обители.

Когда наконец прошли условленные две недели и город забурлил перед Лурлиниадой, Фьеро пошел к заключенному амбару. Он боялся застать его пустым, но Эльфаба была на месте, готовила для него пирог с овощами. Ее драгоценный Малки с любопытством совался в муку, а потом оставлял белые следы по всей

комнате. Разговор никак не клеился, пока кот-исследователь не свалился со стола вместе с миской овощей, чем рассмешил их обоих.

Фьеро решил не рассказывать о встрече с Глиндой и Кропом. У него не хватило духу. Эльфаба так старалась отгородиться от прежних друзей, что сейчас, когда после пяти лет самоотверженной работы она приблизилась к чему-то очень важному, казалось жестоким напоминать ей о них. Сам Фьеро сомневался в пользе анархии (как, впрочем, и во всем: сомневаться было легче, чем верить). К тому же, несмотря на случай с Медвежонком, надо было сохранять хорошие отношения с властями — ради своего народа.

Не рассказал он и про то, что Нессароза с няней были в городе («Они вполне могли уехать», — убеждал он себя). Эгоистичное желание не усложнять себе жизнь пересилило потребность поделиться новостями.

— Знаешь, — сказала Эльфаба ночью, когда сквозь причудливые морозные узоры на окне пробивался звездный свет. — Уехал бы ты из города до Лурлиниады.

— А что, грядет конец света?

— Я же тебе говорила: не знаю, не должна знать. Но чему-то конец точно настанет. Лучше бы ты уехал.

— Никуда я не поеду, даже не проси.

— Я, между прочим, окончила заочные курсы магии. Будешь себя плохо вести — превращу тебя в камень.

— Ты и так уже кое-что превратила у меня в камень. Твердый-твердый.

— Хватит! Перестань!

— Безжалостная женщина! Смотри, ты опять меня околдовала. У него теперь одно на уме...

— Прекрати, Фьеро! Перестань, говорю! Я серьезно. Я хочу знать, где ты собираешься встречать Лурлиниаду. Чтобы быть за тебя спокойной. Скажи, где?

— То есть? Разве мы не вместе ее встречаем?

— Я работаю. — Эльфаба скривила лицо. — Приду только утром.

— Тогда я тебя здесь подожду.

— Исключено. Хоть я и заметала следы, сюда в любую минуту может нагрянуть облава. Нет, слушай меня, ты останешься в гостинице и примешь ванну. Долгую приятную ванну. На улицу не выходи. Обещают снег.

— Да ты что! Чтобы в канун Лурлиниады я сидел в ванной один-одинешенек?

— Можешь нанять себе компанию. Какая мне разница!

— Неужели никакой?

— Главное — держись подальше от людных мест. От театров, ресторанов, от любой толпы. Обещаешь?

— Если бы ты сказала, чего именно избегать, было бы проще.

— Проще всего тебе вообще уехать из города.

— Нет, проще всего тебе сказать, куда именно...

— Все, хватит! По большому счету не важно, куда ты пойдешь, главное — будь осторожен. Хоть это ты

можешь пообещать? Оставайся внутри, в приличных местах, не суйся в пьяные толпы.

— А можно зайти в церковь и помолиться за тебя?

— Нет! — рывкнула Эльфаба таким тоном, что он перестал подшучивать над ней.

— И чего ты за меня так боишься? — спросил он Эльфабу, хотя вопрос был к самому себе. — Что ценного в моей жизни? Жена в горах, знакомая, но не любимая, чье сердце высушено многолетним страхом перед будущей свадьбой. Трое детей, до того робеющие перед своим отцом, арджиканским князем, что почти никогда не подойдут к нему. Измученный кочевьями народ с теми же стадами, молитвами и бедами, что и пятьсот лет назад. И я, со своим скудным умишкой, без явных целей, талантов и доброты к миру. Что ценного в моей жизни?

— Я тебя люблю, — просто сказала Эльфаба.

— Тогда решено, — ответил Фьеро и ей и себе. — Я тоже тебя люблю и обещаю быть осторожным.

«За нас обоих», — добавил он про себя.

Пришлось ему опять следить за ней. Любовь всякого превратит в охотника. Эльфаба шла по улицам в длинном темном платье, похожем на монашескую рясу, и остроконечной широкополой шляпе, под которую заправила волосы. Вокруг шеи и подбородка был повязан фиолетовый платок с золотистой вышивкой, хотя длинный крючковатый нос таким платком, конечно, не скроешь. На руках у нее сидели элегантные перчатки, необычайно хорошенькие, но надетые, видно, не за красоту, а для ловкости пальцев. На ногах — большие ботинки с железными мысками вроде тех, которые носят шахтеры-марраны.

Если не знать заранее, что у нее зеленая кожа, то таким темным вечером под снегопадом ни за что не догадаешься.

Эльфаба шла не оглядываясь: возможно, не хотела привлекать к себе внимание, а может, ей было все равно, следят за ней или нет. Ее путь лежал мимо главных площадей города. На площади Святой Глинды она зашла в ту же самую церковь, где Фьеро впервые ее встретил. Зачем? Чтобы получить окончательные инструкции или (боже упаси!) помолиться перед заданием? Ответа он так и не узнал. Через минуту Эльфаба уже выпорхнула наружу.

Она перешла Судебный мост, прошла по набережной Озмы и свернула на Королевскую аллею, уставленную ныне пустующими розариями. Снег не давал ей покоя: она все плотнее куталась в плащ. Потом ее тонкая фигурка в непомерно больших ботинках свернула в запорошенный снегом Олений парк (где, надо ли говорить, не осталось ни Оленей, ни даже оленей). Пригнув голову, Эльфаба шагала мимо памятников героям прежних эпох. Само время, казалось, смотрело глазами каменных истуканов и не замечало, как предвестница революции идет на зов судьбы.

Кого бы ни назначили мишенью Эльфабе, это явно был не Гудвин. Она не обманывала: она была недостаточно проверенной и слишком заметной, чтобы ее выбрали для покушения на Волшебника. Тем вечером Гудвин должен был открывать антироялистскую «Выставку праведной борьбы» в Народной академии искусства и механики недалеко от дворца, однако у конца Шизской улицы Эльфаба свернула в другую от дворца сторону, в фешенебельный район Золотая Гавань. Значит, она участвует в какой-то диверсии или пытается устранить возможного наследника или союзника Гудвина. Она шла мимо роскошнейших домов города, мимо суровых охранников и дворников, расчищающих мостовую, шла уверенно, не оглядываясь ни назад, ни по сторонам. Фьеро чувствовал, что в выходном плаще привлекает к себе больше внимания, чем Эльфаба.

На другом конце Золотой Гавани располагался известный театр «Мистерия». Маленькая симпатичная площадь перед ним была залита белым светом и обвешана зелеными и желтыми гирляндами. Видимо, ожидалось какое-то праздничное выступление. Все билеты были уже раскуплены, о чем честно предупреждала табличка у входа. Внутри еще не пускали, и около театра начата собираться толпа. Торговцы продавали горячий шоколад в высоких стаканах. Группа ребят распевала озорные песни на мотив лурлинианских гимнов к заметному неодобрению стариков. Кругом — на фонари, на театр, на людей, на горячий шоколад и грязь под ногами — падал снег.

Поддавшись какому-то отчаянному порыву, Фьеро взобрался на ступеньки библиотеки, чтобы оттуда лучше видеть происходящее. Эльфаба растворилась в толпе. Неужели здесь замышлялось убийство? Или поджог, чтобы испечь несчастных жизнелюбов, как каштаны? Какова цель мятежников? Устранить отдельного человека или устроить страшную трагедию?

Фьеро пока не знал, зачем он здесь: остановить Эльфабу, спасти кого можно или просто стать свидетелем предстоящего и больше узнать о возлюбленной. И разобраться наконец в своих чувствах к ней.

Эльфаба ходила среди толпы, явно кого-то выискивая. Фьеро был почти уверен, что она не подозревает о его присутствии. Неужели она так сосредоточилась на поиске мишени, что не замечает очевидного? Неужели не чувствует, что ее любимый находится здесь же, на заснеженной площади? Неужели она не ощущает на себе его взгляда?

К театру подошел отряд штурмовиков и расположился возле стеклянных входных дверей. Эльфаба взбежала на ступеньки магазинчика и с высоты своего наблюдательного пункта стала оглядывать толпу. Что-то выпирало у нее из-под плаща, но что? Взрывчатка? Волшебное оружие?

Были ли у нее сообщники на площади? Вместе они действуют или порознь? Толпа все прибывала; время представления приближалось. Внутри за стеклянными дверями копошились швейцары, обозначали проход стойками с растянутыми между ними красными лентами, чтобы предотвратить давку. Никто так не прет, как богачи, — это Фьеро хорошо знал.

Из-за угла на дальний конец площади выехал экипаж. Подъехать к самым дверям театра ему не позволяла толпа, но он приблизился, насколько было возможно. Чувствуя, что прибыла важная особа, люди притихли. Не сам ли таинственный Гудвин нанес неожиданный визит? Кучер в меховой шапке соскочил с козел, распахнул дверцу и помог пассажиру выйти.

Фьеро затаил дыхание, Эльфаба застыла, буравя карету взглядом. Вот она, мишень!

Волной черного шелка и серебристых блесток из кареты на снежную площадь выплеснулась грузная величественная женщина. Фьеро видел ее только однажды, но тут же узнал в ней мадам Кашмери.

Так вот, значит, кого должна убить Эльфаба! Все вмиг встало на свои места. Мотив Эльфабы очевиден. Если ее поймут, то увидят в ней всего лишь сумасшедшую студентку из Крейг-холла, затаившую смертельную обиду на директрису. Bravo!

Но разве мадам Кашмери связана с Гудвином? Или это тактический ход, чтобы отвлечь внимание властей от чего-то более важного?

Эльфаба двигала руками под плащом, словно что-то заряжая. Мадам Кашмери приветствовала собравшихся. Те, оробев перед важной гостьей, преданно смотрели ей в глаза.

Глава Крейг-холла сделала несколько шагов к дверям театра, ведомая механическим слугой, и Эльфаба, словно почуявший дичь пойнтер, потянулась к ней. Ее острый подбородок торчал над платком, нос нацелился вперед; казалось, она готова одним своим острым лицом разрезать директрису на части. А руки тем временем продолжали копошиться под плащом.

Нотут распахнулись двери, мимо которых шла мадам Кашмери — двери не театра, а школы, Женской семинарии мадам Тистан, — и оттуда высыпал и девочки, дочки обеспеченных родителей. Что они делали в школе в канун Лурлиниады? На Эльфабином лице застыло изумление. Девочкам было лет по шесть-семь: маленькие, бежевые, женственные комочки в меховых муфточках, шерстяных шарфиках, сапожках с опушкой. Они пели и смеялись, как властительницы мира, которыми им суждено стать. Среди них была ряженая фея Принелла: по традиции, ее изображал мужчина в нелепом гриме, с болтающейся накладной грудью, в парике, ярких юбках, соломенной шляпке и с большой корзиной игрушек.

— Ого! Какие люди! — проголосил он. — Ну-ка, кто хочет подарочков?

На мгновение Фьеро был уверен, что сейчас ряженный выхватит нож и заколет мадам Кашмери на глазах у детей, — но нет, Сопротивление было не настолько организованным; такого поворота событий никто не ожидал. Заговорщики не учли ни праздничного вечера в школе, ни ватагу девчушек, жадно тянущихся к фее.

Фьеро бросил взгляд на Эльфабу. На ее лице читалось отчаяние. Дети носились между ней и Кашмери, прыгали на Принеллу, выхватывали у нее (то есть у него) приготовленные подарки. Случайные жертвы — невинные дочери тех самых деспотов, угнетателей и мясников.

Руки Эльфабы все так же двигались под плащом, будто колеблясь: убить или нет? Мадам Кашмери плавно, как транспарант на параде, двигалась вперед, важно взойшла по лестнице и скрылась за распахнутыми для нее дверями. Толпа повалила следом. Эльфаба скорчилась, прислонилась к столбу и в приступе отвращения к себе затряслась такой крупной дрожью, что даже Фьеро было видно. Плюнув на конспирацию, он начал пробираться к возлюбленной, но когда добрался до ступеней магазина, она уже исчезла.

Площадь быстро пустела. Откуда-то с улицы доносились веселые детские голоса. Карета, в которой прибыла мадам Кашмери, подъехала на освободившееся место возле входа в театр, Фьеро медлил, ожидая, что сработает какой-нибудь запасной план и театр взлетит на воздух.

Но ничего не происходило, и Фьеро начал волноваться, как бы за те несколько минут, что он не видел Эльфабу, пока пробирался через толпу, ее не схватили штурмовики. Возможно ли это? Способны ли они действовать так быстро и незаметно? И что он будет делать, если Эльфаба сгинет в застенках тайной полиции?

Испуганный Фьеро быстро зашагал обратно. К счастью, ему быстро подвернулся извозчик, который мигом домчал его к заколоченному амбару, где жила Эльфаба.

В полном отчаянии Фьеро бросился наверх. Пока он мчался по лестнице, живот его вдруг скрутило, и он едва добежал до ночного горшка. Комната была пуста, только Малки глазел на него со шкафа. Облегчившись, умывшись и застегнувшись, Фьеро налил коту молока и позвал его. Тот не шелохнулся.

Фьеро отыскал пару печений, задумчиво их пожевал, потом открыл окно, чтобы проветрить комнату. На пол посыпался снег и лежал не тая, до того было холодно.

Фьеро пошел к печке разводить огонь. От чиркнувшей спички в комнате ожили тени, отделились от стены и, не успев Фьеро опомниться, двинулись на него. Их было трое, или четверо, или пятеро. На них была черная одежда, лица вымазаны сажей, а головы обернуты такими же платками, какие он покупал для Саримы и Эльфабы. На плече у одного сверкнул золотой эполет — знак командира штурмового отряда. Взметнулась дубинка и опустилась на голову Фьеро, как лошадиное копыто, как сук падающего дерева.

Наверное, должно было быть больно, но от удивления Фьеро ничего не почувствовал. Наверное, это его кровь брызнула вокруг и оставила красное пятно на белой шерсти кота. Кот вздрогнул, два золотисто-зеленых — прямо под цвет праздника — глаза вспыхнули, он молнией сиганул в открытое окно и исчез в снежной пыли.

Обязанностью младшей послушницы было открывать дверь, если кто-то стучался в монастырь во время трапезы. Однако колокольчик звонил, когда ужин уже кончился, она убирала со столов остатки тыквенного супа и ржаных лепешек, а остальные монтии степенно поднимались в часовню. Послушница заколебалась. Еще какие-нибудь три минуты, и она бы молилась вместе с остальными; тогда можно было бы не отворять. А пока замочила бы посуду. Но в праздник хотелось делать добрые дела.

За дверью, в темном углу каменного крыльца, как мартышка, сжалась женская фигурка. Густой снегопад размывал очертания церкви Святой Глинды. Улицы были пусты. Из освещенных свечами окон доносились песнопения.

— Что такое? — спросила послушница и, вспомнив, добавила: — Счастливой Лурлиниады вам.

Увидев на необычных зеленых руках кровь, а в глазах загнанный взгляд, послушница поняла, что дело серьезное. Милосердие требовало пригласить бедняжку внутрь и помочь ей, но воображение подсказывало, что монахини уже собрались наверху и настоятельница бархатным голосом начинает читать нараспев молитвы. Для послушницы это была первая большая служба, и она не хотела пропустить ни минуты.

— Пойдем, дитя мое, следуй за мной, — сказала она.

Незнакомка, молодая девушка, всего на год-два старше послушницы, на негнущихся ногах, какие бывают у истощенных до крайности людей, направилась за своей провожатой.

Послушница остановилась возле умывальни — смыть кровь с рук незнакомки и убедиться, что эта кровь осталась от какой-нибудь обезглавленной к празднику курицы, а не от попытки вскрыть себе вены, но при виде воды та попятилась в таком ужасе, что послушница только вытерла ей руки сухим полотенцем.

Сверху уже лилась многоголосица песнопений. До чего обидно! Послушница выбрала самый простой путь: она затащила полуживую девушку в зимний зал, где дряхлые монтии доживали свой век в тумане амнезии. Здесь росли маргинии, чей сладкий аромат заглушал запахи старости и мочи. Старухи жили в собственном времени: вряд ли они понимали, что сейчас Лурлиниада, да и потом, невозможно же было, поднять их всех в часовню.

— Посиди пока здесь, — сказала послушница. — Не знаю, что ты ищешь: убежище, еду, ванну или прощение. Здесь тебе помогут. Тут сухо, тепло и спокойно. А я пойду — у нас сегодня всенощная. После полуночи я спущусь.

Она усадила измученную девушку на мягкий стул и накрыла одеялом. Старухи дружно похрапывали, уронив голову на грудь и капая слюной на фартучки, расшитые зелеными и золотистыми узорами. Только некоторые не спали и механически перебирали четки. Через большие стеклянные двери было видно, как на церковный двор падает снег. Эта картина всегда действовала на бабушек успокаивающе.

— Смотри, какой снег — белый-белый, как божья благодать, — сказала послушница, вспомнив свой долг — утешать страждущих. — Подумай об этом, пока отдыхаешь, и поспи. Вот тебе подушка и скамеечка под ноги. А мы пока будем петь и славить Господа, Я помолюсь за тебя.

— Не надо, — выдавила незнакомка и, обессиленная, уронила голову на подушку.

— Мне не трудно, — заверила ее послушница и убежала, чтобы успеть к входному гимну.

Какое-то время в зимнем зале было тихо, как в аквариуме, куда бросили новую рыбку. За стеклянными дверями мерно, завораживающе, как будто из машины, падал снег. Бутоны маргинии закрылись от холода. Масляные лампадки коптили траурно-черным дымком. Далеко в саду, едва различимая за двумя окнами и метелью, дряхлая монтия, не потерявшая еще счет времени, затянула пошлый языческий гимн Лурлине.

Одна из старух подъехала на кресле-каталке к дрожащей девушке. Она нагнулась вперед и потянула носом воздух, потом выпростала из-под пледа свои костлявые руки и дотронулась до нее.

— Плохо деточке, устала, — прошамкала старуха и, как прежде послушница, ощупала запястья девушки. — Целехонька, а все болит, — будто с одобрением сказала она и высунула из-под пледа облезлую голову. — Ослабла деточка, — продолжала она, потом покачалась и накрыла ее руки своими, будто собираясь согреть их собственной холодной кровью. — Жизнь деточки — сплошное разочарование. А еще говорят, праздник. Ну-ну, моя хорошая, иди сюда, иди к матушке-настоятельнице.

Но она не могла вывести девушку из горестного оцепенения. Старухе оставалось только держать ее руки, как чашечка цветка охватывает молодые лепестки.

— Ну-ну-ну, дорогая, все образуется. Матушка Якль не даст тебя в обиду. Матушка Якль проводит тебя домой.

Часть четвертая

ВИНКУС

ПУТЕШЕСТВИЕ

В тот день, когда монтия покидала монастырь, где прожила вот уже семь лет, сестра-казначей выудила из-под лифа большой железный ключ и открыла кладовую.

— Входи, — скомандовала она.

Сестра-казначей вынула три черных платья, шесть сорочек, перчатки и шаль. Передала молодой монтии метлу. Наскоро собрала аптечку: травы, корни, листья, настойки, мази, кремы.

Достала она и бумаги, правда, немного, с десятков листов разной толщины и размера. В последнее время бумаги в Озе становилось все меньше.

— Пользуйся экономно, по пустякам не пиши, — наставляла сестра-казначей. — Ну, при всей своей молчаливости ты девушка умная. Как-нибудь разберешься.

Вместе с бумагой она протянула ей перо феникса, известное своей твердостью и прочностью, и три запечатанных пузырька чернил.

В монастырском дворе вместе с матерью-настоятельницей ждала Отси Цепкорукая. Монастырь хорошо платил за ее услуги, а деньги ей сейчас были особенно нужны. Но та понурая монтия, которую вела за собой сестра-казначей, Отси не понравилась.

— Вот ваша спутница, — сказала сестра-казначей. — Ее зовут сестра Эль-Фааба. Она много лет провела в обители, ухаживала за больными, но теперь ей подошло время двигаться дальше, и она нас покидает. У вас не будет с ней никаких трудностей.

Отси придирчиво осмотрела монахиню.

— Я не могу ручаться за жизнь всех путешественников, мать-настоятельница. Я вожу караваны вот уже десять лет и потеряла за это время столько людей, что даже стыдно признаться.

— Эль-Фааба едет по собственному желанию, — сказала настоятельница. — Если захочет вернуться, мы примем ее назад. Она одна из нас.

На взгляд Отси, понурая монахиня не могла быть одной из кого бы то ни было. Ни рыба ни мясо, ни умная, ни дура — сестра Эль-Фааба стояла и безмолвно смотрела в пол. Отси дала бы ей на вид лет тридцать, хотя в монтии чувствовалось что-то еще не вполне взрослое.

— Да, и еще багаж — справитесь?

Настоятельница показала на вещи, уложенные перед входом в обитель, и обернулась к отбывающей монахине.

— Благословенное дитя Безымянного Бога. Ты уходишь от нас в поисках успокоения. Ты чувствуешь, что должна искупить какую-то вину, прежде чем обрешь успокоение. Тебя не утешает больше всепрощающая тишина обители. Ты возвращаешься в мир. Мы отпускаем тебя — с любовью и пожеланием удачи. Бог тебе в помощь, дочь моя.

Монахиня все так же молча смотрела в землю. Мать-настоятельница вздохнула.

— Ну, нам пора.

Она вынула из складок одежды тугую пачку денег, отсчитала несколько бумажек и передала их Отси Цепкоруклой.

— Думаю, этого хватит на дорогу и еще останется.

Сумма была внушительная. За сопровождение одной бессловесной монахини Отси получила больше, чем со всего остального каравана.

— Вы слишком добры, мать-настоятельница, — сказала она, сжимая деньги в цепкой здоровой ладони и прижимая больную руку к груди.

— Слишком добрых не бывает, — улыбнулась настоятельница и с удивительной проворностью скрылась за монастырскими дверями.

— Ну, теперь ты сама себе хозяйка, Эльфи, — сказала сестра-казначей и юркнула вслед за настоятельницей.

Отси пошла грузить вещи в повозку. В обнимку с чемоданом спал толстый чумазый мальчуган.

— Иди гуляй, — сказала Отси.

— Меня тоже обещали взять, — сонно отозвался мальчик.

Когда сестра Эль-Фааба не подтвердила и не опровергла его слов, Отси начала понимать, почему ей так щедро заплатили за то, чтобы увезти зеленокожую монтию.

Обитель Святой Глинды находилась в двенадцати милях к юго-западу от Изумрудного города и подчинялась городскому монастырю. Со слов настоятельницы, сестра Эль-Фааба провела два года в городе и пять лет здесь.

— Вне святой темницы тебя все равно сестрой называть? — спросила Отси.

— Можно просто Эльфабой.

— А мальчика?

Монтия пожала плечами.

Проехав несколько миль, они присоединились к каравану. Всего в нем было четыре фургона и пятнадцать путешественников. Эльфаба с ребенком подошли последними. Отси описала предстоящий путь: на юг вокруг Мертвого озера, потом на запад через Кембрийское ущелье, далее на северо-запад через Тысячелетние степи, затем остановка в Киамо-Ко — и дальше на северо-запад. Она предупредила, что Винкус — дикая земля, где живут воинственные племена: юнаматы, скроуляне и арджиканцы. А еще хищники. И духи. Поэтому нужно держаться вместе и полностью доверять друг другу.

Эльфаба рисовала фениксовым пером картинки на земле и, казалось, не слушала объяснений Отси. Мальчик боязливо присел на корточки в нескольких шагах от нее. Он был чем-то вроде пажа и прислуживал ей, но при этом они не разговаривали и почти не смотрели друг на друга. Отси удивленно поглядывала на них и боялась, как бы не вышло чего-нибудь недоброго.

Караван двинулся к вечеру и преодолел лишь несколько миль до первой остановки у реки. Путешественники, в основном гилликинцы, безудержно болтали, поражаясь своей смелости пуститься в опасное странствие. Причины у всех были разные: дела, семья, долги, сведение счетов. Для храбрости они затянули песню. Отси тоже было присоединилась, но скоро бросила. Ей стало ясно, что каждый из попутчиков много отдал бы, лишь бы не ехать в пугающую даль. Кроме, разве, Эльфабы, но та сидела

особняком и все больше молчала.

Богатый Гилликин остался позади. Винкус встретил путников галькой, разбросанной по влажной земле. Ночами ориентировались по небу. На юге светила Ящерова звезда; туда, к опасному Кембрийскому ущелью, и двигались путники. По сторонам от дороги темнели сосны и звездолеты. Днями они манили странников в свою тень, а ночами изрыгали из себя сов и летучих мышей.

Ночами Эльфаба подолгу лежала без сна. Теперь, под открытым небом, где перемигивались звезды, изредка покрикивали птицы и чертили тайные знаки метеоры, к ней возвращались прежние думы. Временами она хваталась за перо и записывала пришедшие в голову мысли, а иногда просто обдумывала их, обсасывая со всех сторон.

Ее путешествие только началось, а семь лет монастырской жизни уже сглаживались из памяти. Все то тягучее, монотонное время. Коричнево-красные полы, которые она мыла часами, стараясь не замочить рук, но которые едва ли становились чище; виноделие, помощь в монастырской больнице, напоминавшей лазарет Крейг-холла. Надевая на себя монашеское облачение, принимая всеобщее равенство, не нужно было больше бороться за свою неповторимость: ну сколько, на самом деле, неповторимых существ может создать природа или Безымянный Бог? Погрузившись в будничные заботы, монтия сама собой вставала на праведный путь. Время текло незаметно. Прилетала и спускалась на окно красная птичка — значит пришла весна. Надо было сметать с крыльца пожухлые листья — наступила осень. Три года прошли в полном молчании, следующие два ей разрешили говорить шепотом, а потом еще на два, по решению настоятельницы, перевели в монастырскую больницу, в палату для безнадежных больных. Такова была лестница, ведущая вверх. Или вширь.

Девять месяцев, вспоминала теперь, лежа под звездами, Эльфаба, как будто рассказывала кому-то свою историю. Девять месяцев она ходила за умирающими и за теми, кто даже умереть толком не мог. Она настолько свыклась со смертью, что начала даже видеть в ней особую красоту. Человек — как лист, умирает сразу, целиком, если, конечно, в нем что-то не нарушается и не отмирает сначала одна его часть, потом другая, третья и так далее. Эльфаба могла хоть всю жизнь, быть сестрой милосердия: поправлять одеяла в накрахмаленных пододеяльниках, укладывать обездвиженные руки, читать вслух бессмысленные, но приносящие успокоение слова из Писания. Со всем этим она справлялась хорошо.

Но потом, год назад, в их приют привезли беспомощного Тиббета. Он еще был не настолько плох, чтобы не узнать бывшую подругу, несмотря на прошедшие годы и молчаливость Эльфабы. Слабый, не способный самостоятельно сходить по нужде, весь в пролежнях Тиббет все равно был живее, чем она, и без устали пытался пробудить Эльфабу ото сна: звал по имени, шутил, вспоминал институтские истории, ругал старых приятелей за то, что бросили его, подмечал мельчайшие перемены в ее движениях и мыслях. Он напомнил ей, что значит думать. Против ее воли этот изнуренный, умирающий человек возродил в ней личность.

А потом он умер, и настоятельница сказала, что пришла пора Эльфабе вернуться в мир и исправить свои ошибки, хотя даже настоятельница не знала, какие именно. Ну а когда исправит? Тогда будет видно. Ты, сестра, еще молода, можешь и семьей обзавестись. Бери свою метлу и помни, чему тебя здесь научили.

— Не спится? — Отси подсела к Эльфабе.

Хотя в голове крутились бесчисленные запутанные мысли, ни одна из них не желала оформиться в слова, и Эльфаба только утвердительно хмыкнула. Отси рассказала несколько шуток, которым Эльфаба

вяло улыбнулась, зато сама проводница смеялась за двоих. Громкий раскатистый смех действовал на нервы.

— Просто беда с этим поваром, — говорила Отси и, хихикая, начала рассказывать про него какую-то дурацкую историю. Эльфаба пыталась улыбаться, пыталась следить за рассказом, но звезды на небе разгорались все ярче — теперь из крупниц соли они превратились в светящиеся икринки. Мерцая, они вращались на своих стебельках с тихим шуршанием и скрежетом. Если бы только можно было его услышать! Но Отси смеялась слишком громко.

Как много в этом мире того, что хочется ненавидеть. И насколько больше того, что хочется любить!

Скоро они достигли Мертвого озера — пугающе неподвижной водной глади, серой, словно опустившаяся на землю туча. Лучи света не отражались от нее.

— Вот почему ни лошади, ни люди отсюда не пьют, и никто никогда не пытался провести отсюда водопровод в Изумрудный город. Это мертвая вода. Нечасто такое встретишь.

И все-таки здесь было что-то величественное, поражавшее путников своей красотой. Далеко-далеко на западе что-то большое и синевато-розовое начало отделяться от неба — это и были Великие Кельские горы, за которыми лежал Винкус.

Отси показала, как использовать туманные амулеты, если на караван нападут охотники-юнаматы.

— Пусть только попробуют, — воинственно заявил мальчик, прислуживающий Эльфабе. — Я им покажу!

— Обычно до нападений не доходит, — успокоила Отси занервничавших путешественников. — Если мы никого не трогаем, то и нас вряд ли тронут. Но надо быть начеку.

Днем караван растягивался по дороге: четыре фургона, девять лошадей, молодая телица, две коровы постарше, бык да разная птица. Еще у повара была собака по кличке Килиджой, совершенно неподходящей, по мнению Эльфабы, для этого игривого, пыхтящего шерстяного комка. Про себя она переименовала его в Задорку. Он успел так расположить к себе путешественников, что уже поговаривали, не Собака ли он и не бежитли из Изумрудного города, притворяясь обычным псом, но Эльфаба сразу высмеяла эти догадки.

— Ха! — сказала она. — Неужели вы так мало разговаривали со Зверями, что уже забыли, чем они отличаются от зверей.

Нет, конечно, Килиджой был обыкновенной собакой, преданной и отважной дворнягой, помесью линстерского колли с ленским терьером, а может, и с волком. Он всегда был настороже, то и дело принюхивался, вострил уши. Охотник был страстный. По вечерам, когда фургоны ставили квадратом и, оставив скотину снаружи, разводили внутри костер, Килиджой прятался между колес.

Он крепко сдружился с мальчиком. Однажды Отси случайно услышала, как ребенок открывает ему свое имя.

— Меня зовут Лир, — говорил он. — Хочешь быть моей собакой?

Отси не удержалась от улыбки. У толстого мальчика не было друзей, а одинокие дети всегда хотят

собаку.

Мертвое озеро осталось позади, и кое-кто из путешественников вздохнул свободнее. Впереди час от часу росли Великие Кельские горы. Прежде синевато-розовые, они теперь побурели до цвета зрелого ореха. По правую сторону от петлявшей дороги текла река Мигунья, отделявшая путников от гор. Отси знала несколько удобных мест для переправы, но они были не помечены, и поиски затянулись. Килиджой сильно заболел, отказывался от пищи, лежал пластом и жалобно поскуливал. Его лечили от отравления. Лир вез его на руках, чем разбудил в Эльфабе легкую ревность. Это ее удивило: она и забыла, когда в последний раз испытывала похожее чувство.

Ревновала не только Эльфаба. Повар злился, что его собака предпочитает чужую компанию, и размахивал половником, будто призывая в свидетели всех небесных кашеваров. Эльфаба осуждала его за то, что он убивал кроликов и готовил из них жаркое.

— Откуда вы знаете, что это не Кролики? — говорила она, не притронувшись к мясу.

— Но-но, тише у меня, не то мальчишку зажарю, — огрызнулся повар.

Эльфаба не раз жаловалась Отси и просила, чтобы повара уволили, но проводница не слушала.

— Мы приближаемся к Кембрийскому ущелью, — говорила она. — У меня сейчас голова совсем другим занята.

Было что-то волнующе-эротичное в этом месте. Горы раздвигались, будто женские ноги, и приглашали путников внутрь.

Впереди, заслоняя солнце, высились сосны. Словно в борьбе сплели ветви дикие груши. Повеяло сыростью, и особый для Винкуса воздух, тяжелый и прелый как влажное полотенце, опустился на кожу. Углубившись в лес, путешественники потеряли из виду отдельные горы. Здесь пахло папоротниками и хвоей. На берегу лесного озера на высохшем дереве висел улей, в котором деловито жужжали пчелы.

— Давайте возьмем пчел с собой, — предложила Эльфаба. — Я поговорю с ними, я умею. Вдруг они согласятся.

Эти трудолюбивые насекомые давно интересовали Эльфабу: и в Крейг-холле, и в монастыре Святой Глинды была своя пасека. Но Лир их боялся, а раздраженный повар, осознавший свое кулинарное бессилие в таких диких местах, стал грозить, что все бросит и уйдет. Разгорелся спор. Старичок, который ехал на запад умирать, подчиняясь увиденному во сне, сказал, что немного меда пришлось бы кстати к безвкусному чаю из воробьиного листа. Его поддержала марранская невеста по переписке, направлявшаяся на встречу со своим женихом. Растроганная Отси совершенно неожиданно тоже согласилась. После чего Эльфаба полезла на дерево, побеседовала с пчелами и спустила улей в один из фургонов. Правда, остальные путешественники, даже проголосовавшие за мед, попрятались по другим фургонам и еще долго вздрагивали, когда даже мельчайшая песчинка попадала им на кожу.

С помощью костра и барабанов они стали зазывать ближайшего проводника, без которого ехать дальше было нельзя. Только местный житель мог выторговать у винков разрешение на проезд. В один из таких скучных вечеров, когда проводник еще не появился, путешественники разговорились о легенде про Кембрийскую ведьму. Кто был раньше: она или королева фей Лурлина?

Иго, тот самый больной старичок, который хотел меда к чаю, напомнил, как это описывает «Озиада». Дракон времени сотворил солнце и луну, потом Лурлина наслала проклятие, сказав, что их дети забудут

своих родителей, а потом пришла Кембрийская ведьма, произошел потоп, затем битва, и зло рассеялось по миру.

— При чем здесь «Озиада»? — возразила Отси. — «Озиада» — это всего лишь красочная поэма, романтический перепев более древних и жестоких преданий. Народная память гораздо вернее передает события, чем какой-то там рифмоплет. А в народной памяти зло всегда предшествовало добру.

— Правда? — заинтересовался Иго.

— Конечно, — оживилась Отси, довольная, что может показать свою образованность. — Взять, например, детские сказки, которые начинаются так: «В одном темном, дремучем лесу жила-была злая колдунья» или «Пошел однажды черт на прогулку и встретился с мальчиком». Для народа, который слагает и передает эти сказки из поколения в поколение, никогда не возникает вопрос: откуда берется зло? Оно было всегда. Из сказок мы не узнаем, как колдунья стала злой, что подтолкнуло ее на дурной путь и была ли она когда-нибудь доброй. Мучается ли черт оттого, что зол, или тогда бы он не был чертом? Это по меньшей мере вопрос понятий.

— Если так рассуждать, то народ действительно помнит о Кембрийской ведьме, — согласился Иго. — Все другие ведьмы были лишь ее бледной тенью: дочерьми, сестрами, дальними родственниками. Куда ни обратиться, сколь древним бы ни был источник, везде найдутся упоминания именно об этой колдунье.

Эльфаба вспомнила о странном рисунке, который ей когда-то показывал Бок: Кембрийская ведьма (если это была она) стоит, твердо упершись в землю ногами в блестящих башмачках, и то ли выкармливает, то ли убивает неведомого зверька.

— А я вот не верю в Кембрийскую ведьму, — похвастался повар.

— Ты и в Кроликов не веришь! — язвительно заметила Эльфаба. — Вопрос в другом: верит ли Кембрийская ведьма в тебя?

— Тише! — оборвала их Отси.

Эльфаба поднялась и пошла прочь от костра. Слишком это напоминало ее детство, споры с отцом и Нессарозой о происхождении зла. Можно подумать, кто-нибудь знает наверняка. Отец собирал доказательства о природе зла как инструмент для обращения неверующих. В университете Эльфаба убедилась, что как женщинам для уверенности в себе нужны украшения, так мужчинам — доказательства. Но зло точно так же было за пределами логики, как Кембрийская ведьма — за границами истории.

Прибыл проводник — сухощавый, лысоватый мужчина, весь в боевых шрамах. В этом году, предупредил он, могут возникнуть сложности с юнатами.

— До вас здесь устраивала набеги конница Гудвина, — вздохнул он.

Отси решила не уточнять, были ли это набеги на местные пивные или на мирных винков.

Путники снялись с лагеря и, оставив позади лесное озеро, полдня ехали по молчаливому лесу. Сквозь кроны деревьев пробивался чахлый свет, но падал почему-то вбок, а не на дорогу, по которой они двигались. Было жутковато: казалось, что кто-то невидимый неотрывно следит за ними, перебегает от дерева к дереву, от камня к камню, выглядывает и прислушивается из темноты. Большой старичок постанывал и молился, чтобы скорее кончился этот колдовской лес, причитал, что если он здесь умрет, то его душа никогда не найдет выход на волю. Лир хныкал, как девчонка. Повар нервно свернул голову курице.

Даже пчелы притихли.

Посреди ночи повар исчез. Путешественники запаниковали. Только Эльфаба, открыто враждовавшая с ним, осталась спокойна. Что это было? Бегство? Похищение? Убийство? Дело рук юнамов или мести Кембрийской ведьмы, в существовании которой повар посмел усомниться? За завтраком из недоваренных яиц высказывались самые разные догадки.

Килиджой не заметил исчезновения хозяина. Прижавшись к Лиру, он спал крепким сном.

Пчелы в улье будто замерли. Килиджой, еще не окрепший после болезни, почти все время спал. Путешественники молчали, боясь навлечь на себя беду. В результате караван двигался в зловещей тишине.

Наконец к вечеру сосны начали редеть, уступая место оленям а вы м дубам, чьи широкие ветви оставляли просвет для желтоватого, облачного, но все-таки неба. Потом закончилась и дубрава, и путники вышли к крутому спуску. Отсюда как на ладони была видна оставшаяся часть Кембрийского ущелья — дорога еще на четыре-пять дней, за которой начинались Тысячелетние степи.

Открывшееся взору небо приободрило путников. Даже у Эльфабы, которую меньше других тяготил путь через зловещий лес, потеплело на душе.

Ночью появились юнаматы. Они привезли сушеные фрукты в знак дружбы, запели песни, устроили пляски у костра. Неожиданное гостеприимство испугало путников еще больше, чем предполагаемое нападение.

На взгляд Эльфабы, юнаматы были тихими и покладистыми, не страшнее и не храбрее школьниц. Простодушные, иногда капризные, они напоминали ей квадлинов, среди которых она выросла. Возможно, это были родственные народы. Те же длинные ресницы и гибкие худые руки, слегка вытянутые головы, тонкие поджатые губы. Несмотря на чужой язык, Эльфаба чувствовала себя совсем как дома.

Утром юнаматы уехали, громко жалуясь на полусырые яйца. Проводник обещал, что они не причинят путникам никакого беспокойства. Он даже огорчился, что все так просто обошлось и его помощь почти не понадобилась.

О поваре не было слышно ни слова. Юнаматы ничего о нем не знали.

Чем дальше спускался караван, тем чаще показывалось небо: яркое, осеннее и такое широкое, что дух захватывало. По сравнению с высокими горами ущелье, по которому они двигались, казалось ровным, как водная гладь. Иногда налетал ветер, и по видневшейся внизу долине пробегали волны, вычерчивая на траве тайные знаки. Диких зверей отсюда не было видно, зато то тут, то там горели костры винков. Скоро странники должны были выйти из ущелья.

Их догнал скороход-юнамат и сообщил, что на вершине нашли мертвеца — не их ли это пропавший повар. Мертвец был мужчиной, но опухший и обезображенный до неузнаваемости.

— Это все пчелы, — прошипел кто-то. — Они его искусили.

— Неужели? — насмешливо откликнулась Эльфаба. — А мне казалось, что они спят. Разве, если бы они напали на повара, он не перебудил бы нас своими воплями? Или они сначала дружно накинулись на его шею, чтобы лишить голоса? Очень умные пчелы.

— Точно они, — пробежал среди путников ропот. «А раз пчелы — значит ты!» — был негласный вердикт.

— Ах, я и забыла, до чего богатая бывает у людей фантазия, — раздраженно воскликнула Эльфаба.

Ее почти не тронула ни загадочная смерть повара, ни растущее недоверие попутчиков. Килиджой наконец поправился, проснулись и пчелы, видимо, усыпленные высотой перевала, а другого общества Эльфаба и не искала. Глядя на разбуженных пчел, она чувствовала, как в ней пробуждаются незнакомые силы.

Проводник показал собиравшиеся на горизонте облачка. Путешественники заволновались: уж не гроза ли надвигается. Но Отси успокоила их — и тут же напугала еще сильнее. Нет, это не гроза — это вечерние костры большого лагеря. Скроуляне. Начался осенний охотничий сезон, хотя путники не видели никого крупнее зайца или травяной лисы, которая махнула золотым пушистым хвостом и сверкнула черными, будто в чулках, лапками. Килиджой с нетерпением ожидал встречу: он едва мог уgomониться ночью и даже во сне перебирал лапами, точно настигая добычу.

Путники боялись встречи со скроулянами даже больше, чем с юнаматами. Провожатый не пытался рассеять их страхи. Он был хитрее, чем могло показаться на первый взгляд: возможно, постоянное общение с разными, не всегда дружелюбными народами наложило на него свой отпечаток. Прошло всего несколько дней, а Лир его уже обожал. «До чего они глупые, эти дети, — думала Эльфаба, глядя на мальчика. — Все-то им хочется кому-то подражать, добиваться внимания. То ли дело звери: они принимают себя такими, как есть, и даже не задумываются о том, чтобы стать другими. Насколько спокойнее им живется!»

Эльфаба призналась себе, что предвкушает встречу со скроулянами. Как давно она не испытывала этого чувства! Надвигалась ночь; среди путников нарастало беспокойство. Насыщенно-синее небо пестрело звездами, чей тусклый свет серебром отражался на кончике каждой из бесчисленных травинки, будто тысячи церковных свечей догорали по всем Тысячелетним степям.

«Жаль, что нельзя утонуть в траве, — думала Эльфаба. — Это была бы самая лучшая смерть».

К полудню караван достиг лагеря скроулян. Навстречу путникам, туда, где начинались песочно-желтые шатры, собралась делегация из семи-восьми конных мужчин и женщин в синих головных повязках и с браслетами из слоновой кости. Принесли паланкин, увешанный позвякивающими бубенцами и амулетами и закрытый полупрозрачной тканью, за которой виднелась фигура толстой старухи, видно, здешней хозяйки. Пока проводник и скроуляне обменивались на своем языке приветствиями (или проклятиями, кто их разберет?), она сидела тихо, потом буркнула команду, и занавески раздвинули. У старухи была огромная нижняя губа, оттопыренная настолько, что загибалась вниз, как изогнутый носик чайника. Веки ее чернели от сурьмы. На плечах сидели две хмурые вороны, прикованные золотой цепочкой к узорчатому воротнику, заляпанному фруктовым соком. Птицы успели изрядно обгадить хозяйку.

— Княгиня Настоя! — вымолвил провожатый.

Это была самая неряшливая княгиня, которую только можно себе представить, но все же в ней чувствовались царственные манеры. Поэтому даже самые гордые из путников преклонили колени. Она хрипло рассмеялась и жестом приказала носильщикам унести себя куда-нибудь поспокойнее.

Лагерь скроулян располагался расходящимися кругами, в центре которых стоял шатер княгини Настояи, расширенный во все стороны выцветшими полосатыми балдахинами, — маленький воздушный дворец из шелков и кисеи. Ближайшим к нему кругом выстроились палатки ее министров и мужей (тощих и плюгавеньких, по мнению Эльфабы; но может, их специально выбирали за худобу и невзрачность, чтобы на их фоне княгиня выглядела еще внушительнее). Всего в лагере было несколько сотен шатров, а значит, около тысячи человек. Тысяча скроулян и скроулянок с лососево-розовой кожей, большими и влажными, но нерешительными глазами, гордым носом, полными ягодницами и широкими округлыми бедрами.

Путешественники почти не вылезали из фургонов, но Эльфаба не могла сидеть сиднем, когда вокруг было столько нового. Увидев ее разгуливающей по лагерю, скроуляне с приглушенными возгласами жались по сторонам, но не прошло и десяти минут, как вокруг нее собралась шумная детская толпа, которая, точно рой мошкеры, преследовала ее по пятам. Проводник посоветовал соблюдать осторожность и вернуться в фургон, но без толку. Детство, проведенное среди болот Квадлинии, воспитало в Эльфабе храбрость, любопытство и свободолюбие; научило, что вовсе не обязательно слушаться старших.

После ужина к каравану приблизилась делегация важных пожилых скроулян, которые вступили в длительный разговор с проводником. Суть разговора, как он потом передал, сводилась к тому, что нескольких путешественников приглашали (или требовали?) в святилище, в часе верховой езды отсюда. За необычный цвет кожи или дерзость, с которой она в одиночку разгуливала по чужому лагерю, выбрали Эльфабу; вместе с ней позвали Отси как главу каравана, проводника-винка, старика Иго за его почтенный возраст и купца с забавным не то именем, не то прозвищем Колючка.

При факельном свете процессия на верблюдах в поблескивающих пополах двинулась по пыльной дороге. Эльфаба, покачиваясь, восседала над безбрежной серебрящейся травой и размышляла об Океане — этой мифической водной громаде, которую никто никогда не видел. Наверное, здесь, в Тысячелетних

степях, его выдумал неизвестный поэт. Вот травяные зубатки выпрыгивают за светлячками, совсем как рыбы из воды, зависают на мгновение в воздухе и потом с сухим всплеском ныряют обратно. Как ветер, шумят крыльями летучие мыши. Сама серебристая гладь постоянно переливается разными цветами: то она светло-лиловая, то серовато-зеленая, то коричневатая с красным оттенком, то снова серебряная. Взошла луна, ночная богиня, льющая нежный свет со своего острого серпа. Казалось, больше ничего не было нужно — Эльфабе хватило и этого, чтобы почувствовать необыкновенную восторженность от этих мягких тонов и бесконечных просторов. Но чудеса продолжались...

Эльфаба заметила рощицу, видимо, специально посаженную посреди бескрайней пустоты. Вначале карликовые елки, изогнутые ветром в уродливые, ошетиненные колючками и пахнущие смолой фигуры, потом деревца повыше и еще выше. Деревья росли все возвышающимися кругами, точь-в-точь как лагерь скроулян. Путники молча, лавируя между стволами, пробирались вдоль изогнутых шелестящих коридоров к центру.

Там их уже ждала княгиня Настояя, облаченная в дикарские одеяния из кожи и травы и нелепую синюю накидку в белую полоску, выкроенную из материи, которую наверняка выменяли у каких-нибудь путешественников. Тяжело дыша, она стояла, опираясь на толстые палки, и думала о чем-то своем. Вокруг нее, словно зубы из гигантской пасти, скалились каменные глыбы, выложенные таким плотным рядом, что непонятно было, как княгиня, со своей огромной тушей, пробралась между ними.

Гости с хозяевами принялись за угощения и напитки, потом пустили по кругу трубку, изображавшую ворону. Живые вороны сидели на вершине каждого валуна. Сколько их — двадцать, тридцать, сорок? У Эльфабы уже кружилась голова: качалась луна, плыла невидимая из-за древесного лабиринта, но запечатленная в воображении травяная гладь. Казалось, еще чуть-чуть, и она услышит звук этого кружения. Старейшины-скроуляне затянули долгую заунывную песню.

Когда пение стихло, княгиня Настояя подняла голову.

Мясистые складки под ее подбородком всколыхнулись. Накидка вместе с остальной одеждой полетела на землю. Княгиня была все такая же толстая и старая, но теперь то, что раньше казалось в ней скукой, обернулось терпением, дряхлость — мудростью, грубость — силой. Она встряхнулась, и волосы осыпались у нее с головы. Грузно двинула ногами, выбирая лучшую опору, опустилась на четвереньки, изогнув дугой спину. Глаза ее сверкнули, нос шевельнулся. Княгиня была Слонихой!

Слонобогиней, подумала Эльфаба со смесью ужаса и восторга, но княгиня, будто читая ее мысли, покачала головой и сказала: «Нет». Она все еще говорила на непонятном наречии, и проводник переводил ее заплетающимся языком — скорее от выпитого вина, чем от страха. Он-то наверняка видел это прежде.

Княгиня по очереди спросила путников, зачем они прибыли в Винкус.

— За деньгами, — сознался ошарашенный Колючка. — За богатством всеми правдами и неправдами.

— Найти место, где я смогу спокойно умереть, — сказал Иго.

— Чтобы держаться подальше от греха, — гордо сказала Отси, подразумевая, видимо, «подальше от мужчин».

Переводчик вопросительно кивнул Эльфабе.

Она не могла скрывать правду от величественного Зверя, поэтому честно ответила:

— Чтобы встретиться с семьей моего любимого, но погибшего мужчины. Чтобы убедиться в их безопасности, попросить прощения у его вдовы Саримы и затем оставить этот жестокий мир.

Слониха приказала всем, кроме Эльфабы и переводчика, удалиться. Потом подняла хобот,

принюхалась, медленно мигнула своими старыми воспаленными глазами, пошевелила ушами. Равнодушно, без всякой застенчивости, не сводя глаз с Эльфабы, обильно помочилась мощной струей.

Наконец сказала через переводчика:

— Дочь дракона, я тоже заколдована. Я могла бы разрушить чары, но решила жить оборотнем. Слишком жестоко охотятся сейчас на Слонов. Скроуляне любят меня. С давних пор они поклоняются слонам и знают, что я не богиня, а Зверь, который предпочел заточение в человеческом теле опасной свободе в своем истинном обличье. Что делать, в смутные времена те, кто верны себе, становятся первыми жертвами.

Эльфаба зачарованно слушала Слониху.

— Но иногда спасение бывает хуже смерти, — сказала княгиня.

Эльфаба кивнула и на мгновение отвернулась.

— Я дам тебе в спутницы трех ворон, — продолжила Настояя. — Будешь ведьмой. В новом облике проще скрываться.

Она что-то сказала мрачным птицам, и три из них подлетели и уселись поблизости от Эльфабы.

— Ведьмой? — переспросила Эльфаба, представляя, чтобы на это сказал отец. — От кого мне скрываться?

— У нас общий враг, — ответила княгиня. — Понадобится моя помощь, пошли ворон — и если я буду жива, то как предводительница скроулян или как свободная Слониха приду к тебе на выручку.

— Но почему?

— Потому что сколько от мира ни хоронись, по твоему лицу все видно, — сказала Слониха.

Сколько лет прошло с тех пор, как Эльфаба в последний раз говорила со Зверями? Больше десяти, наверное. Теперь ей не терпелось наверстать упущенное. Она спросила княгиню, кто ее заколдовал, но та не захотела называть имени, отчасти из предусмотрительности, потому что смерть волшебника иногда прекращает действие заклинаний. Для нее же человеческое тело было и проклятием, и благословением.

— Но разве это жизнь — в чужом теле? — спросила Эльфаба.

— Душа-то не меняется. Если, конечно, сама не пожелаешь.

— Нет у меня души.

— Кто-то ведь приказал пчелам убить повара, — сказала Слониха, насмешливо блеснув глазами.

Эльфаба почувствовала, как краска отливает от лица.

— Это не я! Я бы не смогла! Откуда вы вообще это знаете?

— Ты, ты. Как-то у тебя это получилось. Я ведь тоже слышу пчел. Слух у меня пока острый.

— Позвольте тогда остаться здесь, с вами, — взмолилась Эльфаба. — Жизнь была ко мне так жестока. Если вы чуете во мне то, о чем я сама не подозреваю — и чего не видела даже мать-настоятельница, — вы могли бы помочь мне не причинить больше зла в этом мире. Другого я и не прошу. Лишь бы не наслать новых бед.

— Ты сама призналась, что у тебя еще есть работа, — сказала княгиня и провела хоботом по лицу Эльфабы, словно на ощупь проверяя правду. — Ступай же и выполни ее.

— А потом? Я смогу вернуться?

Княгиня не отвечала. Она погрузилась в раздумья. Все-таки она была очень стара даже для Слонихи. Она мерно, как маятником, покачивала хоботом, потом подняла его и опустила Эльфабе на плечо.

— Послушай меня, сестра, — сказала она. — И хорошенько запомни. Ничья судьба не записана на небесах — ни на этих, ни на других. Никто не руководит твоей жизнью, кроме тебя самой.

От удивления Эльфаба даже не нашлась, что ответить. Она отступила, когда Слониха подняла хобот, и плохо помнила, что было дальше.

А дальше был обратный путь через играющую ночными цветами траву — завораживающий и грустный. Но несмотря на грусть, была в этой ночи какая-то благодать, которую, как и столько всего другого, так давно не испытывала Эльфаба.

4

Оставив лагерь скроулян и княгиню Настояю позади, караван продолжил движение на север, описывая дугу вокруг Великих Кельских гор.

Иго умер, и его похоронили на песчаном холме. «Да обретет твоя душа свободу», — напутствовала его Эльфаба на похоронной церемонии.

Позже проводник признался, что скроуляне часто приносят кого-нибудь из приглашенных путешественников в жертву. Княгиня презирала тот облик, в котором была вынуждена проводить свои дни, и время от времени давала выход обиде. Видимо, Колючку спасла его честность, а так он был самым подходящим кандидатом. Или, может, на Иго уже лежата печать смерти, и Слониха, увидев ее, сжалась над путниками?

С воронами пришлось нелегко: они гадили в фургоне, досаждали пчелам, дразнили Килиджоя. Марранскую невесту Рарайни на очередной остановке у колодца забрал ее будущий муж — пожилой беззубый винк с шестью осиротевшими детьми, которые выглядывали из-за него, как утята из-за дворняги. В караване осталось десять человек.

— Въезжаем на арджиканскую территорию, — объявил проводник.

Через несколько дней встретились и первые арджиканцы. Это были простые пастухи, гнавшие овец с западного подножия Великих Кельских гор на восток для переписи и, видимо, продажи. Ни у кого из них не было таких восхитительных татуировок, как у Фьеро, — но все равно их дикая красота и знакомая странность как ножом резанули Эльфабу по сердцу. «Вот какое наказание ждет меня на смертном одре», — подумала она.

Караван сократился до двух фургонов. В одном ехали проводник, Отси, Лир, Колючка и механик-гилликинец по имени Коуп. Во втором — Эльфаба, пчелы, вороны и Килиджой. Похоже, ее всерьез считали ведьмой и старались держаться подальше. Хорошее же прикрытие придумала ей Слониха!

До Киамо-Ко оставалась всего неделя пути.

Караван повернул на восток, на серые горные тропы. Приближалась зима, но снег, на счастье путников, еще не выпал. Отси собиралась переждать зиму возле Киамо-Ко, а как сойдет снег, продолжить путь на север и через Угабу и Пертские холмы вернуться в Страйу рудокопов, а дальше — в Изумрудный город.

Эльфаба подумывала было послать с Отси письмо Глинде — если, конечно, та все еще живет в Пергских холмах, — но потом так и не решилась.

— Завтра, — сказала Отси, — мы прибываем в Киамо-Ко. В горную крепость правящих арджиканцев. Ты готова, сестра Эльфаба?

Бывшей монахине не понравился ее веселый тон.

— Я больше не сестра, я ведьма, — сказала она и попыталась направить на Отси ядовитую мысль, но та была, видать, сильнее характером, чем повар. Провожатая только усмехнулась и отошла.

Караван остановился на берегу маленького горного озера. Путники умывались, фыркая от ледяной свежести. Эльфаба равнодушно посматривала со стороны. Ее больше заинтересовал островок посреди водной глади — крохотный, с одним голым деревцем, выглядевшим как драный зонтик.

Что-то пошевелилось на этом островке. Прежде чем Эльфаба успела приглядеться — а темнело в эту пору рано, особенно в горах, — Килиджой, привлеченный движением или необычным запахом, бултыхнулся в воду и поплыл к острову. Там он уткнулся мордой в траву и своими страшными волчьими зубами поднял за голову какого-то зверька.

Или ребенка.

Отси ахнула. Лир вскрикнул. Килиджой разжал клыки, но только чтобы поудобнее перехватить добычу.

Не соображая, что делает (для нее плыть означало верную смерть), Эльфаба прыгнула в озеро. Ее ноги ударили по воде, но вода ударила чем-то снизу. Чем-то твердым. Льдом! Вода замерзала под ногами с каждым шагом. Серебристый ледяной мост стремительно мчался к острову...

...Туда, где можно отругать Килиджоя и вытащить из его пасти младенца, хотя Эльфаба и не надеялась успеть. Но успела, разжала челюсти пса и подхватила малютку. Малыш дрожал от холода и страха и смотрел на нее большими черными глазами, готовыми к осуждению, обиде или любви.

Спасенный малыш удивил путников едва ли не больше, чем ледяной мост (видимо, какой-то путешествующий волшебник или колдунья наложили на озеро чары). Это была маленькая обезьянка, брошенная матерью и всем своим племенем или, может, разлученная с ними несчастным случаем.

Килиджой малышу не понравился, зато теплый фургон пришелся по душе.

Они разбили лагерь, немного не доехав до Киамо-Ко. Вверху, между черными скалами, возвышался мрачный угловатый замок, словно орел в гнезде. Его башенки, зубчатая стена с амбразурами и опускные решетки не могли скрыть прежнего здания Водного совета, которым был когда-то Киамо-Ко. Внизу тянулся широкий приток реки Мигуны. Когда-то, в период жестоких засух, регент Пасгориус собирался перегородить ее и направить воду в Манчурiju. Потом арджиканский князь взял Водный совет штурмом, превратил его в крепость, а после смерти завещал своему единственному сыну Фьеро. Так по крайней мере помнила Эльфаба.

Эльфаба собрала свои скромные пожитки. Пчелы жужжали (чем больше она к ним прислушивалась, тем интереснее становились их песни); Килиджой недовольно поглядывал на отнятую добычу; вороны, почувствовав перемены, отказывались от пищи, а обезьяныш, названный за попискивания Чистри, разомлел от тепла и безопасности и трещал без остановки.

За ужином у костра говорились слова прощания, поднимались тосты и даже высказывались сожаления из-за предстоящей разлуки. Вечернее небо было чернее прежнего: возможно, из-за снежных пиков вокруг. Из фургона вылез Лир с сумкой и каким-то музыкальным инструментом и тоже стал прощаться с Отси.

— И ты идешь в Киамо-Ко? — спросила Эльфаба.

— Да, я с тобой.

— Со мной? — переспросила Эльфаба. — С воронами, обезьяной, пчелами, собакой и ведьмой?

— Куда же мне еще деваться?

— Понятия не имею.

— Я могу заботиться о собаке, — предложил Лир. — И собирать для тебя мед.

— Как хочешь, — безразлично ответила она.

— Хорошо.

И мальчик начал готовиться к тому, чтобы идти в Киамо-Ко. В дом своего отца.

1

— Сарима, — позвала младшая сестра. — Просыпайся. К нам гости, а я не знаю, готовить на ужин курицу или нет. У нас их так мало осталось. Если теперь приготовить, потом яиц может не хватить. Ты как считаешь?

Вдовствующая арджиканская княгиня застонала.

— И стоило меня будить ради такой мелочи? Неужели сама решить не могла?

— Я-то могла, — сварливо отозвалась сестра. — А вот когда кончатся яйца, без завтрака останешься ты.

— Ах, Шестая, голубушка, не слушай меня, я еще не проснулась, — сказала Сарима. — Ну, что за гости? Опять какой-нибудь старик с гнилым ртом и рассказами об охоте пятидесятилетней давности? Зачем мы их только пускаем?

— Нет, это женщина. В некотором роде.

— В некотором роде? — Сарима села в кровати. В зеркале отразилось все еще красивое лицо, белое, как молочный пудинг, но уже заплывающее жиром, который, подчиняясь закону тяготения, тут же обвис дряблыми складками. — Не ожидала от тебя, Шестая. Пусть мы уже не стыдливые девицы, как раньше. Но то, что ты младшая из нас и все еще можешь найти у себя талию, не повод издеваться над другими.

Сестра надулась.

— Ну хорошо, просто женщина. Так готовить курицу или нет? Если да, то пойду скажу Четвертой, и начнем готовить. А то ведь так до ночи без ужина просидим.

— Нет, пусть лучше будут сыр, фрукты, хлеб и рыба. У нас ведь она еще в колодце не перевелась?

Рыба не перевелась. Шестая повернулась было идти, но тут вспомнила.

— Я тебе чашку чая принесла. Вон там, на тумбочке.

— Спасибо. Ну а теперь скажи, только без шуток, — какая она собой, наша гостья?

— Зеленая, худая и страшная, старше нас всех. В черном платье, как старая монтия, только все-таки помоложе. На вид ей лет тридцать, может, чуть больше. Она не представилась.

— Зеленая, говоришь? Какая прелесть!

— Прелесть — не совсем то слово, которое приходит на ум.

— Так она что, на самом деле зеленая? Не зеленая от ревности или, там, от злости?

— Уж не знаю, от чего она позеленела, может, и от ревности, но только зеленая — это точно. Как трава.

— Надо же! Ну раз она в черном платье, то надену-ка я белое. Для разнообразия. Она одна?

— Она приехала с караваном, который мы видели вчера в долине, и привела с собой звериную компанию: овчарку, рой пчел, нескольких ворон и маленькую обезьянку. И с ней еще какой-то мальчишка.

— И что она собирается со всем этим делать зимой в горах?

— Сама спроси. — Шестая сморщила носик. — У меня от нее мурашки по коже.

— Да у тебя от всего мурашки по коже. Когда будет ужин?

— В полвосьмого. Эта страшила мне весь аппетит отбила. Исчерпав слова отвращения, Шестая ушла, а Сарима еще долго пила чай, лежа в постели. Перед сном сестра развела ей огонь в камине и задернула занавески, но теперь Сарима раздвинула их и выглянула во двор. С тех пор как арджиканцы разогнали Водный совет и укрепили замок, планировка Киамо-Ко почти не изменилась. По форме он напоминал букву «П»: центральный зал, от которого вдоль круто спускавшегося дворика тянулись вперед два боковых крыла. По углам замка, опираясь на естественные возвышения горы, высились башни. Когда шел дождь, вода бежала по мощенному камнем двору, вытекала из-под резных дубовых ворот, покрытых яшмовыми плитами, и струилась вниз мимо деревенских домиков, уютившихся вблизи крепостных стен. Сейчас, вечером, двор был сер, холоден и усыпан пучками соломы и опавшими листьями. Светились окна в мастерской старого сапожника, и из трубы, отчаянно нуждавшейся в ремонте, как и Все в этом ветхом замке, шел дым. Сарима предвкушала, как проведет гостью в главный дом. Только ей, арджиканской княгине, принадлежала честь приглашать гостей в свои покои.

Помывшись, Сарима надела белое платье со сборками и то прелестное ожерелье, подарок мужа, которое, как послание с того света, прибыло через несколько месяцев после Трагедии. Восхищаясь, как удачно сидят на ней инкрустированные драгоценными камнями пластинки ожерелья, Сарима по привычке уронила несколько слезинок. Если окажется, что она слишком хорошо одета для этой бродяжки, можно будет прикрыть ожерелье платком. Главное — чувствовать его на себе. Не успели высохнуть слезы, как Сарима уже напевала песенку, готовясь встретить нежданную гостью.

Прежде чем спуститься, она заглянула в комнаты к детям. Они были взбудоражены незнакомыми лицами. Сыновьям-погодкам Иржи и Манеку было двенадцать и одиннадцать лет; они уже почти доросли до того возраста, когда начнут рваться прочь из этого гнезда ядовитых голубок. Иржи был слабохарактерным плаксой, зато Манек — настоящий разбойник. Отпустить их вместе с племенем на летнее кочевье значило обречь детей на верную погибель: слишком много было других претендентов на престол. Поэтому Сарима держала сыновей при себе.

Девятилетняя длинноногая дочурка Нор еще не избавилась от привычки сосать большой палец и просилась посидеть у мамы на коленках перед сном. Одетая в вечернее платье Сарима хотела было ее пристыдить, но сжалилась и опустила на край кровати. Нор смешно картавила — говорила «игять в пьятки» вместо «играть в прятки» — и заводила дружбу с камешками, свечками, даже травинками, которые против всякой логики росли из трещин между камнями вокруг окна. Вздохнув и потеревшись об ожерелье, Нор доверительно сказала:

— Знаешь, мама, а там мальчик приехал. Мы с ним играли около мельницы.

— Он тоже зеленый?

— Нет, обыкновенный. Только очень толстый. И сильный. Манек стал кидать в него камни, чтобы посмотреть, далеко ли они отскочат, а он даже не заплакал. Может, толстым не так больно?

— Вряд ли. Как его зовут?

— Лир. Странное имя, правда?

— Да, не здешнее. А как зовут его маму?

— Не знаю, и, по-моему, она ему не мама. Иржи назвал его приبلудным, но Лир сказал, что ему все равно. Он хороший.

Нор потянулась пальцем ко рту, а другой рукой стала ощупывать нарядное платье Сари мы.

— Манек заставил его снять штаны, чтобы доказать, что он под ними не зеленый.

— Фу, как стыдно! — сказала Сарима, но не смогла удержаться от вопроса: — И что?

— Ничего особенного. — Нор зарылась лицом в материнскую шею и тут же чихнула от пудры, которой Сарима посылала складки под подбородком, чтобы они не терлись друг о друга. — Обычная висюлька, как у всех мальчишек. Меньше, чем у Манека и Иржи. Не зеленая. Мне было так скучно, что я почти не смотрела.

— И правильно. Вы очень грубо поступили.

— Это же не я заставила его спустить штаны, а Манек.

— Ладно, хватит об этом. Давай я лучше расскажу тебе сказку на ночь. Только короткую, учти: мне скоро спускаться. Про что ты хочешь послушать?

— Про лисят и ведьму.

Сарима в меньших подробностях, чем обычно, отбарабанила историю о том, как злая колдунья похитила трех лисят, посадила их в клетку и стала откармливать, чтобы запечь с сыром; как пошла доставать огонь с солнца, а когда, уставшая, вернулась с огнем, лисята придумали хитрость: стали петь колыбельную и усыпили ее. Когда же рука ведьмы разжалась, солнечный огонь растопил дверь клетки, и лисята выбежали из пещеры. Они стали плакать и жаловаться матушке-луне. Тогда луна разозлилась на ведьму, спустилась и закрыла собой вход в пещеру.

— Там злая ведьма навсегда и осталась, — закончила Сарима обычной присказкой.

— И не вылезла? — сквозь сон задала Нор свой обычный вопрос.

— Пока что нет, — сказала Сарима, поцеловала дочурку, слегка укусила ее за руку, от чего обе захихикали, и погасила свет.

От княжеских покоев в главный зал вела витая лестница без перил, прижимавшаяся то к одной стене, то, за поворотом, к другой. Сарима спускалась с достоинством и самообладанием: белое платье плавно покачивалось, ожерелье переливалось мягкими цветами, на лице застыла осторожная приветливая улыбка...

...Пока, дойдя до лестничной площадки, она не увидела гостью, сидевшую на скамье в углу и внимательно смотревшую на нее.

Спускаясь под изучающим взглядом по последнему пролету, Сарима вдруг ощутила и ту неискренность, с которой носила траур по Фьеро, и свою утраченную красоту, и выступающую челюсть, и полноту, и глупость своего положения, где с ней считались только собственные дети и, нехотя, младшие сестры, и призрачную власть, которой она прикрывала свой страх перед настоящим, будущим и даже прошлым.

— Добрый вечер, — вымученно произнесла она.

— Сарима — это вы? — сказала женщина, поднимаясь и выпятив острый подбородок.

— Говорят, я. — Сарима мысленно похвалила себя, что надела ожерелье: оно стало щитом, защищавшим сердце от этого острого подбородка. — Да, я Сарима, хозяйка Киамо-Ко. Добро пожаловать в мою обитель. Откуда вы и как вас величать?

— Оттуда, откуда ветер дует, а имен у меня столько, что всех не перечислишь.

— Что ж, мое почтение, — как можно спокойнее сказала Сарима. — Но ведь нам все равно нужно как-то вас звать, так что, если не хотите сказать своего имени, будем звать вас тетушкой. Не хотите ли отужинать с нами? Еду скоро подадут.

— Я не сяду за стол, пока мы не поговорим. Я ни минуты не хочу обманом оставаться под вашей крышей — уж лучше мне лежать на дне морском. Мы учились вместе с вашим мужем. Я знаю о вас лет двенадцать, наверное.

— Ах да, конечно! — Все вдруг встало на свои места, и старые, драгоценные подробности из жизни покойного супруга закрутились в голове. — Фьеро рассказывал о вас и вашей сестре. Нессароза, да? Так ее зовут. И о восхитительной Глинде, в которую, кажется, он был немножко влюблен, и о тех двух странных шаловливых мальчишках, и об Эврике, и о храбром маленьком Боке. Жаль, что я была далеко от Фьеро в те счастливые дни. Знаете, я ведь и сама мечтала учиться в Шизском университете, но на стипендию мне не хватило бы ума, а семья не могла позволить себе платить за обучение. Как мило с вашей стороны к нам заглянуть! Наверное, я бы догадалась, кто вы. Цвет вашей кожи... Ведь больше в целом мире ни у кого такой нет, правда? Или я слишком отстала от жизни.

— Только у меня, — подтвердила гостя. — Но прежде чем мы продолжим обмен бессмысленными вежливостями, я бы хотела вам кое-что сказать. Сарима, это я виновата в смерти вашего мужа.

— О, вы не единственная, — перебила княгиня. — У нас тут каждый норовит обвинить себя в смерти принца. Это что-то вроде национального спорта. Возможность вместе погоревать — люди в этом что-то находят.

Гостя судорожно сжала пальцы, как будто пытаясь пробраться сквозь предубеждения Саримы.

— Я могу рассказать вам подробности, я затем и пришла...

— Только если я захочу их выслушать, а уж слушать или нет — мое право. Это мой дом, и здесь я решаю, что мне слушать.

— Вы должны меня выслушать, должны... чтобы простить, — взмолилась женщина, поворачиваясь то так, то эдак, как будто невидимая ноша лежала у нее на плечах.

Сарима почувствовала, что ее загоняют в угол в собственном доме. Еще будет время обдумать эти неожиданные признания. Когда она захочет. Не раньше. Княгиня напомнила себе, кто здесь хозяйка. А хозяйкам приличествует радушие.

— Если я правильно помню, — сказала Сарима, лихорадочно роясь в памяти, — вы та самая... ну конечно, Фьеро рассказывал... та самая Эльфаба, которая не верит в душу. А раз так, то зачем вам мое прошение? Я вижу, вы устали — сюда нельзя добраться, не выбившись из сил. Вам нужно поесть и выспаться, а потом, где-нибудь на следующей недельке, поговорим.

Она взяла Эльфабу за руку и повела через высокие покосившиеся дубовые двери в обеденный зал.

— Я сохраню ваше имя в тайне, если хотите, — сказала Сарима и воскликнула: — Смотрите, кто к нам приехал! Тетушка гостя!

Сестры уже собрались у стола, голодные и любопытные. Четвертая помешивала половником суп,

Шестая блистала воинственно-красным платьем, близнецы Вторая и Третья набожно смотрели в молитвенные карточки, Пятая курила и пускала кольца дыма к блюду с желтой безглазой рыбой, которую они выловили из колодца.

— Радуйтесь, сестры, давняя подруга Фьеро прибыла к нам, чтобы порадовать своими воспоминаниями. Прошу любить и жаловать так же, как меня.

Не слишком удачные слова — сестры не то что не любили, а открыто презирали Сариму. И надо было ей выйти замуж за того, кто погиб молодым и обрек их всех на тяготы и забвение?

Эльфаба ела жадно. Она не проронила ни слова во время еды и даже не подняла взгляд от тарелки. Видимо, догадалась Сарима, ее приучили не разговаривать за столом. Так что когда впоследствии Эльфаба рассказала про монастырь, она ничуть не удивилась.

Потом они прошли в музыкальную комнату, где пили дорогой херес под звуки неуверенного ноктурна, который играла Шестая. Гостя совсем раскисла, а сестры, наоборот, приободрились. Сарима вздохнула. Единственное, что пока можно было определенно сказать о Эльфабе, — это что та старше ее. Возможно, прожив здесь немного, Эльфаба выйдет из апатии и согласится выслушать, насколько тяжела жизнь вдовствующей княгини. Как чудесно было бы пообщаться с ней вместо надоевших сестер.

2

Прошла неделя. Решив, что пора бы Эльфабе уже и пообвыкнуться, Сарима поручила Третьей:

— Передай, пожалуйста, тетушке гостье, что завтра я хотела бы поговорить с ней за чаем, часиков в одиннадцать, в Солнечной комнате.

Всю неделю Эльфаба не находила себе покоя. Днями она расхаживала по двору, стуча каблуками по камням; руки ее были вечно согнуты, пальцы сжимались и разжимались. Сариме приезд сверстницы явно пошел на пользу: теперь она чувствовала себя сильнее, чем прежде. Сестры осуждали ее гостеприимство, но горные тропы уже занесло снегом, и нельзя же было в такое время выставить гостью за порог. Собираясь в диванной, где они вязали ненавистные серые варежки в подарок какому-нибудь несчастному на Лурлиниаду, сестры только и делали, что перемывали косточки Эльфабе. Она больна, говорили старые девы, скучна, неполноценна (хуже нас, добавляли они про себя, теща самолюбие), проклята. А этот толстый увалень — сын он ей, родственник или просто слуга? За спиной Саримы сестры называли эту непонятную женщину, поселившуюся в каменном сарае, тетушкой ведьмой и вспоминали древние байки про Кембрийскую ведьму, которые особенно любили в Кельских горах.

Но еще любопытнее сестер был Манек, младший сын Саримы. Однажды утром, когда трое мальчиков писали с крепостной стены (а бедняжка Нор притворялась, что эта игра совершенно ее не интересует), Манек спросил:

— А что будет, если пописать на тетушку? Она закричит?

— И превратит тебя в жабу, — сказал Лир.

— Нет, я в смысле — ей будет больно? Такое впечатление, что она до смерти боится воды. Она хоть пьет ее?

— По-моему, нет, — предположил Лир, который никогда особо не присматривался. — А когда стирает, то трет одежду щетками. Нет, лучше не надо на нее писать.

— А зачем ей пчелы и мартышка? Они что, волшебные?

— Ага.

— И в чем их волшебство?

— Не знаю.

Мальчики отступили от края стены, и к ним подбежала Нор.

— А у меня волшебный прутик, — похвасталась она и показала коричневую веточку. — Из ведьминой метлы.

— Метла тоже волшебная? — спросил Манек у Лира. — А то! Пол вмиг подметает.

— Может, она и разговаривать умеет? Что она тебе говорит?

Ребята смотрели на Лира с таким любопытством, что тот покраснел от смущения.

— Это секрет.

— А если мы тебя сейчас со стены сбросим — все равно секрет?

— Как это сбросите? — оторопел Лир.

— А вот так. Или ты рассказываешь, или мы тебя сбрасываем, выбирай.

— Вы что, сдурели? Не надо меня сбрасывать!

— Если метла и правда волшебная, она прилетит и спасет тебя. И потом, ты такой толстый, что даже не ушибешься. Отскочишь и запрыгаешь, как мячик.

Иржи и Нор невольно захихикали, живо представив себе эту картину.

— Мы всего-то хотим знать, что тебе говорит метла, — с широкой улыбкой продолжал Манек. — Так что лучше скажи. А то ведь сбросим.

— Ты ведешь себя невежливо, он же гость, — важно сказала Нор. — Пойдемте лучше в кладовую к мышкам, будем с ними дружить.

— Пошли. Только сначала его спихнем.

— Не на-а-адо, — захныкала Нор. — Какие вы все-таки злюки. Может, метла и не волшебная вовсе, а. Лир?

Но Лир уже потерял охоту разговаривать.

Манек скинул ногой со стены камушек. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем он упал.

Лир побледнел и вытянул руки по швам, как обвиняемый на трибунале.

— Она вам так просто это не спустит! Она вам покажет!

— Вряд ли, — сказал Манек и шагнул к нему. — Ей все равно. Она свою мартышку больше любит, чем тебя. Она даже не заметит, что ты разбился.

Лир всхлипнул. Хотя он только что вместе с остальными писал со стены, на его мешковатых штанах расплылось темное пятно.

— Глянь, Иржи, — окликнул Манек старшего брата. — Даже разговаривать с нами и то нормально не может. Сбросим — не много потеряем. Ну-ка признавайся. Что тебе наболтала метла?

— Она... — шепотом выдавил Лир. — Сказала... Что вы все умрете.

— Всего-то? — беззаботно спросил Манек. — Эка удивил! Все когда-нибудь умрут. Это мы и без нее знали.

— Правда? — недоверчиво спросил Лир, для которого это стало открытием.

— Да ладно, оставь его, — сказал брату Иржи. — Пойдем лучше поймем мышей в кладовой, отрежем им хвост и выколем глаза волшебным прутиком Нор.

— Нет! — взвизгнула Нор, но Иржи уже выхватил у нее прутик и вместе с Манеком вразвалку пошел вниз по лестнице. Лир тяжело вздохнул, оправил на себе одежду и, как обреченный гном на изумрудных приисках, поплелся за своими мучителями. Нор постояла в оскорбленной позе с гордо сложенными на груди руками и подрагивающим от возмущения подбородком, потом плюнула через парапет и, почувствовав себя отмщенной, побежала догонять мальчишек.

Поздним утром Шестая привела гостью в Солнечную комнату и с ехидной ухмылкой поставила на стол, покрытый выцветшей скатертью, блюдо с маленькими и твердыми, как камень, печеньями. Сарима уже сидела здесь, готовая к разговору.

— Вы прожили с нами уже неделю и, надеюсь, останетесь еще, — сказала княгиня, пока Шестая наливала им кофе, сваренный из горького корешка. — Дорогу на север замело снегом, путь в долину закрыт. Зимы у нас суровые, а мы, хоть и справляемся своими силами, всегда рады новым людям. Добавить молока? Я ведь даже не знаю ваших... м-м... дальнейших планов. После того как вы решите, что пробыли здесь достаточно.

— Говорят, в горах есть пещеры, — тихо сказала Эльфаба, будто беседовала сама с собой. — Я несколько лет прожила в монастыре неподалеку от Изумрудного города. Иногда к нам приезжали важные гости, и хоть многие из нас были связаны обетом молчания, новости все равно просачивались. Кто-то рассказывал об отшельнических кельях. Вот я и подумала тогда, что, покончив с делами, облюбую себе какую-нибудь пещеру и...

— ...И устроитесь в ней жить, — подхватила Сарима, словно для здешних женщин это было таким же обычным занятием, как выходить замуж и рожать детей. — Некоторые действительно так поступают. Например, на западном склоне Разбитой Бутыли — это одна из вершин неподалеку — вот уже несколько лет обитает один отшельник, пытаюсь приблизиться к самой простой форме существования.

— Жизнь без слов, — сказала Эльфаба, рассматривая чашку с кофе, но не притрагиваясь к нему.

— Говорят, он совершенно забыл об элементарной гигиене, — сказала Сарима. — Учитывая, как пахнут мальчишки, если пару недель не помоются, это должно здорово отпугивать хищников.

— Я не рассчитывала надолго здесь задержаться, — сказала Эльфаба, по-птичьи склонив голову и пристально взглянув на Сариму.

«Берегись, — предупредила себя Сарима, хотя ей скорее нравилась эта странная женщина. — Она переводит разговор на свою тему. Так не пойдет».

Тем временем Эльфаба продолжала:

— Я думала, что проведу здесь ночь или две, от силы три, а потом найду себе пристанище где-нибудь поблизости и там перезимую. Я строила планы не по тому календарю. Мне казалось, что зима здесь начинается тогда же, как в Шизе и Изумрудном городе, но оказывается, у вас тут все на полтора месяца раньше.

— Осень — да, а весна, увы, позже, — сказала Сарима. Она сняла ноги со скамеечки и твердо поставила их на пол, показывая, что переходит к серьезному разговору. — Ну а теперь, дорогая моя Эльфаба, я должна вам кое-что сказать.

— И я вам, — начала гостя, но хозяйка ее опередила.

— Вы, наверное, сочтете меня дикаркой, невежей — и будете правы. Да, выбрав меня еще девочкой на роль будущей княгини, мне наняли воспитательницу из Гилликина, чтобы она учила нас с сестрами правильно пользоваться пером, чернилами и столовыми приборами. Да, позже я стала читать. Но все мои представления об этикете ограничены тем, чему научил меня Фьеро, вернувшись из университета. Наверняка я поступаю неуклюже. У вас есть все основания смеяться за моей спиной...

— Я не из смешливых, — отрезала Эльфаба.

— Возможно. Но даже при всем своем невежестве и ограниченности, при том, что растили меня, выдав замуж семилетней девочкой, я умею мыслить и наблюдать и привыкла доверять своим суждениям. Так что позвольте сперва высказаться мне. Времени у нас предостаточно, а здесь так светло и приятно — сиди себе да разговаривай, не правда ли? Мое любимое местечко. Ну так вот. У меня сложилось впечатление, что вы приехали сюда, чтобы... как бы это сказать... покончить с каким-то неприятным делом. Не смотрите на меня с таким удивлением — у вас очень характерный вид, вид человека, которого гнетет тяжелая ноша. Он мне очень хорошо знаком, вот уже сколько лет я наблюдаю его у сестер, когда те любезно объясняют все причины, по которым ненавидят меня. — Сарима улыбнулась собственной шутке. — Вы хотите сбросить свой груз, кинуть его к моим ногам или даже взвалить на мои плечи. Всплакнете чуток, попрощаетесь и уйдете. После чего оставите этот мир.

— Вовсе нет! — попыталась возразить Эльфаба.

— Нет-нет, именно так, даже если вы сами пока этого не понимаете. Вас ничего не будет связывать с жизнью. Но я знаю, что готова выслушать, а чего нет, и вы, тетушка гостя, сами сказали, о чем собираетесь мне поведать. При первой встрече вы заявили, что считаете себя повинной в гибели Фьеро.

— Я...

— Пожалуйста, помолчите. Это мой дом, а в доме у себя я привыкла слушать только то, что хочу.

— Но я...

— Даже не пытайтесь.

— Да не хочу я ничего на вас взваливать, Сарима! Наоборот, я пытаюсь снять груз с вашей души. Вы больше и выше меня, поэтому вправе простить, а прощение — оно ведь помогает не только прощенному, но и прощающему.

— Я прошу вас замечание о моем размере, так и быть, — сказала Сарима. — Но больше я не желаю ничего об этом слышать. Такое чувство, будто вы специально хотите сделать мне больно — может, вы даже не отдаете себе в этом отчет. Вы как будто пытаетесь за что-то наказать меня. Вероятно, за то, что я была не лучшей женой для Фьеро. Вы хотите сделать мне больно и обманываете себя, будто мне это как-то поможет.

— Знаете ли вы хотя бы, как он погиб?

— Я знаю, что его убили, а тело так и не нашли, — выпалила Сарима, на миг поддавшись напору Эльфабы. — Я знаю, что это случилось в любовном гнездышке. Не знаю и знать не хочу имени убийцы, но я столько слышала про подлого сэра Чафри, что почти уверена...

— Про сэра Чафри?!

— Довольно! Ни слова больше! У меня есть для вас предложение, тетушка гостья, от которого вы вряд ли откажетесь. Вы с мальчиком можете поселиться в юго-восточной башне. Там есть пара просторных круглых комнат с высокими потолками и хорошим освещением. Из главного зала наверх ведет отдельная лестница: вы не будете беспокоить моих сестер, а они не будут донимать вас. Все равно вам нельзя зимовать в холодном сарае. Я видела вашего мальчика: он такой бледный и съезженный — наверняка постоянно мерзнет. Я пущу вас в башню, но на одном условии — чтобы ни слова больше от вас не слышала ни о моем муже, ни о том, как он умер. Эльфаба в ужасе смотрела на княгиню.

— Я вынуждена принять ваши условия, — смирилась она. — По крайней мере пока. Но потом, вот увидите, мы станем такими близкими подругами, что вы передумаете. Я уверена, вам нужно это выслушать и обсудить. Я не могу уйти и оставить вас, пока не получу...

— Достаточно. Попросите привратника перенести ваши вещи в башню. Идемте, я покажу. Но вы совсем не притронулись к кофе!

Сарима подозрительно посмотрела на Эльфабу и после неловкого молчания ласково продолжила:

— Пойдемте. Тепло-то вам точно нужно. Мы знаем по себе.

3

Предложенная комната сразу приглянулась Эльфабе. Подобно жилищу всякой порядочной ведьмы из детской сказки, стены здесь суживались кверху, повторяя изнутри форму башни. Единственное широкое окно смотрело на восток, прочь от ветра, поэтому его можно было открывать без страха оказаться тут же занесенной снегом. Из окна строем часовых виднелась гряда горных вершин, фиолетово-черных на рассвете, белевших по мере того, как солнце поднималось, и становившихся золотисто-розовыми к закату. Иногда с них, гулко потрясая замок, сходили лавины.

Зима уже полностью вступила в свои права. Эльфаба вскоре уяснила, что выходить из башни стоит только по особой нужде и то лишь туда, где лучше натоплено. Помимо Саримы никто из обитателей замка ее не интересовал. Княгиня стремя детьми жила в западном крыле, а ее пятеро сестер — в восточном. Сестер звали только по номерам — со Второй по Шестую, — если у них когда-то и были имена, то теперь об этом никто и не вспоминал. По праву обиженных (брак Саримы с арджиканеком князем запрещал сестрам выходить замуж) они заняли лучшие спальни в замке, оставив, правда, Сариме Солнечную комнату. Где

проводил ночь Лир, Эльфаба не знала, но каждое утро мальчик появлялся у нее, чтобы сменить свои лохмотья. Он же приносил ей горячий шоколад.

Близилась Лурлиниада, и из чуланов были извлечены старые украшения, с которых почти полностью облезла позолота. Дети весь день развешивали под потолком игрушки, достаточно низко, чтобы неосторожный взрослый стукнулся о них головой. Манек и Иржи раздобыли пилу и без разрешения отправились за ворота разыскивать подходящую ель. Нор осталась вместе с Лиром и принялась обследовать пустовавшую комнату тетушки ведьмы. Она нашла листы бумаги, на которых тут же намалевала сцены из местной жизни. Лир сказал, — что не умеет рисовать, и куда-то ушел — видимо, чтобы не попадаться на глаза Манеку и Иржи. Все было тихо в замке, пока вдруг внизу, на кухне, не загромыхали медные кастрюли. Нор побежала смотреть. Вскоре из своего убежища появился и Лир.

Виновником переполоха оказался Чистри. Он как полоумный носился по кухне и забрался на висющую над столом вешалку для посуды, а сестры, пекшие имбирное печенье, кидали в него кусками теста.

— Как он сюда попал? — удивилась Нор.

— Заберите его отсюда! Лир, позови его! — крикнула Вторая, хотя у Лира было не больше влияния на обезьянку, чем у сестер.

Чистри перескочил на шкаф, оттуда — на другой, с сухофруктами, где, открыв верхний ящик, нашел драгоценный запас изюма и начал пригоршнями запихивать его себе в рот.

— Несите скорее лестницу из коридора, — крикнула Шестая двум сестрам. Когда стремянку притащили, проказник уже снова качался на вешалке над столом, кружась на ней, как на карусели.

Тогда решили пойти на хитрость. Четвертая отрезала кусок дыни и положила его в миску на столе, а Третья и Пятая сняли фартуки, приготовившись прыгнуть на обезьянку, когда та спустится. Чистри, свесившись с вешалки, жадно рассматривал новое лакомство, когда дверь распахнулась, и в кухню ворвалась Эльфаба.

— Что происходит, что за шум? — воскликнула она. — Вы свои мысли-то слышите?

И тут же увидела Чистри, внезапно понурого и виноватого, и сестер, изготовившихся ловить его белыми от муки фартуками.

— Это еще что такое?! — вскричала она.

— Не надо кричать, — холодно заметила Вторая, но фартук опустила.

— Что здесь происходит? — уже спокойнее повторила Эльфаба. — Что вам сделал несчастный зверек? У вас вид как у моего Килиджоя — будто вы его растерзать готовы. Аж побелели от злости.

— Скорее от муки, — сказала Пятая, и сестры захихикали.

— Бездушные дикарки! Чистри, иди сюда. Иди, кому говорят! Хорошо, что вы не замужем, а то нарожали бы на свет новых варваров. Не смейте трогать обезьянку, слышите? Как он вообще выбрался из моей комнаты? Дверь была закрыта, я разговаривала с вашей сестрой в Солнечной комнате.

— Ой. — Нор вдруг вспомнила. — Тетушка, простите, пожалуйста. Это мы, наверное...

— Вы? — Эльфаба обернулась и пристально посмотрела на девочку, как будто впервые ее заметила. — Зачем вы влезли в мою спальню?

От ее взгляда Нор отпрянула и вжалась в дверь погреба.

— За бумагой, — пролепетала она и в отчаянной попытке исправить добавила: — Я нарисовала всем картинки — хотите покажу? Пойдемте.

Эльфаба с обезьянкой на руках проследовала за девочкой в коридор, где гуляли сквозняки и кружили листьями бумаги, раскиданными по каменному полу. Сестры тоже вышли, держась на безопасном расстоянии.

— Это моя бумага, — очень тихо сказала Эльфаба после долгого молчания. — Я не разрешала тебе ее брать. Видишь, здесь даже слова написаны. Ты хоть знаешь, что такое слова?

— Конечно, знаю! — презрительно сказала Нор. — Что ж я, по-вашему, совсем дурочка?

— Не трогай больше мои вещи, — сказала Эльфаба и, подобрав листки, взбежала по лестнице. Было слышно, как за ней хлопнула дверь.

— Ну, пострелята, кто хочет помочь нам лепить печенья? — спросила Вторая, довольная, что все обошлось. — А коридор-то как наряжен! Вот Принелла с Лурлиной обрадуются!

Лир и Нор вернулись на кухню и стали лепить из теста человечков, ворон, обезьянок и собак. Вот только пчелы не получались, они были слишком маленькие. Потом пришли Иржи и Манек, запорошенные снегом и усыпанные зелеными иголками. Мальчики присоединились клепке, но стали делать неприличные фигурки, над которыми громко смеялись, но младшим не показывали, а прямо сырыми засовывали в рот, чем всем надоели.

Как только дети проснулись, то первым делом побежали вниз проверять, приходили ли ночью Лурлина с Принеллой. В главном зале стояла плетеная корзина с золотисто-зеленой ленточкой (эту корзину и эту ленточку они видели вот уже много лет), а в корзине лежали три цветные коробочки. В каждой были апельсин, кукла, несколько мраморных шариков и печенье в виде мышки.

— А где моя? — спросил Лир.

— Не знаю, твоего имени нигде нет, — сказал Иржи. — Вот видишь, написано «Иржи», «Манек», «Нор». Твою Принелла, наверное, оставила в твоём прежнем доме. Где у тебя дом?

— Не зна-аю, — захныкал Лир.

— Хочешь я дам тебе хвостик моей мышки, — щедро предложила Нор. — Но только хвостик. Для этого ты должен сказать: «Дай мне, пожалуйста, хвостик своей мышки».

— Дай мне, пожалуйста, хвостик своей мышки, — сквозь всхлипывания невнятно произнес Лир.

— ...И я обещаю во всем тебя слушаться.

Лир повторил. Наконец вручение хвостика состоялось. От стыда Лир не упомянул никому из взрослых, что Принелла его забыла, а Сарима с сестрами этого даже не заметили.

Эльфаба не показывалась на глаза, передав через Лира, что болеет, хочет несколько дней провести в одиночестве и просит не беспокоить ее ни посещениями, ни едой, ни шумом.

Поэтому когда Сарима ушла в часовню помянуть мужа, сестры и дети принялись горланить праздничные песни во весь голос.

Через несколько недель, когда дети сражались в снежки на улице, а Сарима готовила на кухне какую-то лекарственную настойку, Эльфаба покинула наконец свою спальню, тихо спустилась по лестнице и постучалась в диванную, где сидели сестры. С плохо скрываемой неприязнью они сделали вид, что рады видеть гостью. Серебряный поднос с бутылками спиртного на столе, дорогой самоцвет, который привезли аж из Гилликина, лучший красный ковер на полу, два пылающих камина по обеим сторонам комнаты — если бы их предупредили, они бы встретили Эльфабу хоть чуточку скромнее. Теперь же Четвертая едва успела спрятать под подушками кожаную книгу, которую читала вслух, — откровенный роман о бедной девушке, окруженной толпой красавцев-ухажеров. Книга досталась им в подарок от Фьеро — его лучший и единственный подарок свояченицам.

— Не хотите ли ячменной воды с лимоном? — спросила Шестая, вечная слуга до самой смерти или, если повезет, до упокоения остальных сестер.

— Пожалуй, — сказала Эльфаба.

— Да вы садитесь — вон туда, там очень уютненько.

Эльфаба явно не заботилась о том, чтобы ей было «уютненько», но села, куда показали, прямая и чужая в этой увешанной коврами комнате. Она отпила крохотный глоток из предложенного стакана, как будто подозревала в нем подмешанную отраву.

— Хочу извиниться за то, что наговорила вам во время того происшествия с Чистри, — сказала она. — Я вела себя непростительно. На меня будто какое-то помрачение нашло.

— Вот-вот, оно самое... — начала Пятая, но остальные перебили ее.

— Ах, да что вы, не волнуйтесь, ничего страшного, иногда и не такое находит...

— Все это очень сложно, — сказала Эльфаба с заметным усилием. — Я не один год прожила в безмолвии и все еще не привыкла к тому, как... громко иногда бывает вокруг. К тому же у вас совсем другая страна, другая культура.

— Мы, арджиканцы, издревле славимся тем, что легко находим общий язык с другими народами, — похвасталась Вторая. — Мы одинаково свободно чувствуем себя и с нашими южными соседями, голодранцами-скроулянами, и с утонченными жителями Изумрудного города.

При этом она, правда, забыла упомянуть, что ни одна из сестер еще ни разу не покидала Винкуса.

— Угощайтесь, — предложила Третья, подвинув Эльфабе блюдо с фруктами из марципанов.

— Нет, спасибо, — ответила та. — Я хотела кое о чем вас расспросить. Это касается Саримы.

Они насторожились.

— Мы с ней много беседуем, но я заметила, что всякий раз, когда разговор заходит о ее покойном муже, которого, как вы понимаете, я тоже знала, она отказывается меня слушать.

— Ах, все это было так ужасно, — сказала Вторая.

— Настоящая трагедия, — поддакнула Третья.

— Для Саримы, — добавила Четвертая.

— Для нас, — поправила Пятая.

— Тетушка гостя, не хотите ли добавить немного апельсинового ликера к ячменной воде? Большая редкость — его привезли с солнечных склонов Малых Кельских гор.

— Разве что капельку, — сказала Эльфаба, но не притронулась к стакану. Опершись локтями о колени, она нагнулась вперед, ближе к сестрам, и попросила: — Расскажите, пожалуйста, как она узнала о смерти Фьеро?

Наступило молчание. Сестры, не решаясь взглянуть ни на Эльфабу, ни друг на дружку, разглаживали складки на своих платьях. Наконец Вторая произнесла:

— О, этот страшный день! Как больно его вспоминать...

Остальные сестры устроились поудобнее, слегка повернувшись к госте. Эльфаба пару раз мигнула, как одна из своих ворон.

Вторая рассказывала просто, отстраненно, без всяких эмоций. Как только сошел зимний снег, в Киамо-Ко приехал арджиканский купец, деловой партнер Фьеро. Он попросил встречи с Саримой и настоял, чтобы сестры на ней присутствовали и поддержали княгиню, потому что он привез горестное известие. Купец поведал, что, когда он в клубе встречал с друзьями Лурлиниаду, ему принесли анонимную записку, в которой сообщалось, что Фьеро убит. Там же прилагался адрес — сомнительный район города, вдали отжилыхдомов. Купец нанял пару громил и вместе с ними выбил дверь какого-то склада. Вверху, под крышей, была потайная комнатка — очевидно, место убийства (купец рассказывал об этом спокойно, видимо, чтобы передать Сариме хоть сколько-то мужества). Повсюду были следы борьбы и большие пятна местами еще не засохшей крови. Тела нигде не было. Так его потом и не нашли.

Эльфаба печально кивнула.

— Около года, — продолжала Вторая, — наша дорогая сестра отказывалась верить, что Фьеро убит. Мы бы не удивились письму с требованиями выкупа. Но время шло, к следующей Лурлиниаде от него по-прежнему не было никаких известий. Пришлось смириться с неизбежным. К тому же народ устал от неопределенности и требовал правителя. Предложили нового вожака, и до сих пор он хорошо справляется. Когда Иржи достигнет совершеннолетия, он может потребовать власть по праву наследника, если осмелится, но пока он смелостью не блещет. Манек — тот бы точно поборолся, но он второй по старшинству.

— А как, по мнению Саримы, погиб Фьеро? — спросила Эльфаба.

Теперь, когда самая тяжелая часть истории была рассказана, сестры оживились и заговорили наперебой. Оказалось, Сарима давно подозревала, что Фьеро крутит роман со старой университетской подругой Глиндой, гилликинской девушкой небывалой красоты.

— Прямо уж небывалой? — хмыкнула Эльфаба.

— Он нам все уши прожужжал о том, как она мила, очаровательна и необыкновенна...

— Разве Фьеро стал бы так ее расхваливать, тем более жене, будь Глинда его любовницей?

— Мужчины, — назидательно сказала Вторая, — хитры и жестоки, как все мы прекрасно знаем. Разве есть уловка лучше, чем открыто восхищаться красотой другой женщины. Сариме не в чем было его упрекнуть: Фьеро оставался образцовым мужем...

— Холодным, невнимательным и раздраженным, —插вила Третья.

— Совсем не похожим на героев романа, — добавила Четвертая.

— Если, конечно, читать романы, — сказала Пятая.

— Чего мы не делаем, — завершила Шестая и откусила кусок от марципановой груши.

— И Сарима полагает, что ее муж встречался с этой... этой...

— Обольстительницей, — подсказала Вторая. — Вы ведь ее знали, не правда ли? Вы ведь вместе учились в Шизе?

— Да, мы были знакомы, — сказала Эльфаба прежде, чем успела себя остановить. Ей было сложно уследить за всеми этими голосами с разных сторон. — Мы уже много лет не виделись.

— Так что Сариме все ясно как божий день. Глинда эта была и, насколько я знаю, остается замужем за богатым стариком, сэром Чафри. Он, видно, заподозрил что-то неладное, начал следить за ней и выяснил, что происходит. После чего нанял бандитов и приказал им прикончить ублюдка. В смысле, несчастного Фьеро. Разве не логично?

— Очень даже, — медленно проговорила Эльфаба. — Но есть ли какие-нибудь доказательства?

— Ровным счетом никаких, — сказала Четвертая. — Если бы они нашлись, семейная честь потребовала бы кровной мести, то есть убийства сэра Чафри, а на его жизнь, насколько нам известно, еще никто не посягал. Нет, это всего лишь догадка, но догадка, в которую твердо верит Сарима.

— И не хочет слышать никаких других, — сказала Шестая.

— Имеет право, — добавила Пятая.

— Безусловно, — подтвердила Третья.

— Как и на все остальное, — грустно заметила Вторая. — Сами посудите: если бы вашего мужа убили, разве не легче вам было бы думать, что он сам это заслужил? Хотя бы немножко?

— Нет, — сказала Эльфаба.

— Вот и мы так считаем, — согласилась Вторая, — но Сарима рассуждает иначе.

— Ну а вы? — спросила Эльфаба, опустив глаза и рассматривая узоры на ковре: кроваво-красные ромбы с колючими краями, диковинных зверей и листья аканта. — Вы-то что думаете?

— Мы-то? Вряд ли мы думаем одинаково, — сказала Вторая. — Разумно предположить, что Фьеро тайком от нас был вовлечен в какую-то опасную политическую игру в Изумрудном городе.

— Он уезжал туда на месяц, а остался на четыре, — поддакнула Четвертая.

— А что, он интересовался политикой? — спросила Эльфаба.

— Он был арджиканским князем, — напомнила Пятая. — У князей свои мотивы, нам непонятные. Само положение обязывало его иметь собственное мнение о множестве вещей, которые не должны были нас волновать.

— Поддерживал ли он Гудвина? — спросила Эльфаба.

— То есть участвовал ли в его программах? В... погромах? Сначала против квадлинов, потом против Зверей? — уточнила Третья. — Вы, кажется, удивлены, что мы в курсе событий. Вы думали, мы совсем изолированы от остальной страны?

— Наш край далек, это правда, — сказала Вторая. — Но земля слухами полнится. Иной раз к нам наведываются путники, мы их кормим и расспрашиваем. Мы знаем, что жизнь в Озе не сахар.

— Гудвин — тиран, — сказала Четвертая.

— Наш дом — наша крепость, — в один голос с ней сказала Пятая. — Хорошо, что мы от всего этого в стороне. Хотя бы здесь можно оставаться человеком.

Обе сестры улыбнулись.

— Да, но как, по-вашему, Фьеро относился к Гудвину? — настойчивее спросила Эльфаба.

— Он нам не докладывал, — отрезала Вторая. — Пресвятая Лурлина, он же был князь, я уж не говорю мужчина, а мы — молоденькие, сидящие у него на шее свояченицы. Неужели вы всерьез полагаете, тетушка, что он бы стал поверять нам свои тайны? Может, они с Гудвином были закадычными друзьями, откуда нам знать? Фьеро регулярно бывал во дворце — как без этого? Он представлял пусть маленький, но народ. Что он там во дворце делал, нам неизвестно. Однако мы не считаем, что Фьеро пал жертвой ревнивого мужа, что бы там Сарима ни говорила. Мы думаем, его вовлекли в политическую борьбу или, может, он кого-нибудь предал. Он был красавец, — вздохнула Вторая. — Мы никогда этого не отрицали. Но еще он всегда был слишком замкнут и увлечен делом. Вряд ли он завел с кем-нибудь роман.

Едва заметным жестом — приосанившись и расправив плечи, — Вторая показала, на чем основано ее мнение. Как Фьеро мог поддаться на чары какой-то там Глинды, когда он устоял перед сестрами своей жены?

— Но, — тихо спросила Эльфаба, — неужели вы и вправду думаете, что он вмешался в политическую игру? Что он кого-то предал?

— А иначе почему тело до сих пор не нашли? — спросила в ответ Вторая. — Если его убили из ревности, то какой был резон скрывать труп? Может, он и не умер на самом деле? Может, его схватили и пытали? Нет, наш опыт подсказывает, что здесь пахнет не любовным, а политическим вероломством. Но вы так побледнели. Шестая, скорее воды!

— Нет-нет, не надо, — натужно сказала Эльфаба. — Все дело в том, что... Никогда не разберешь... Хотите я расскажу вам то немногое, что мне известно? А вы, может, потом передадите это Сариме? — Она заторопилась. — Я увидела Фьеро...

Но вдруг неожиданно-негаданно в сестрах проснулась семейная солидарность.

— Дорогая тетушка гостя, — важно сказала Вторая. — Сестра строго-настрого наказала нам следить, чтобы вы не расстраивали себя рассказами о Фьеро и о трагических обстоятельствах его гибели. — Вторая говорила с очевидным трудом, ей явно не терпелось услышать историю Эльфабы; животы у сестер буквально урчали от голода, но долг — или страх — перед Саримой взяли верх. — Нет, — повторила Вторая. — Боюсь, нам непозволительно проявлять излишний интерес. Мы не станем слушать и передавать княгине ваши слова.

Пришлось Эльфабе смириться.

— Ладно, ладно, — повторяла она, понурившись. — В другой раз. Когда вы все будете готовы. Понимаете, ей это необходимо, это избавит ее от столького горя...

— Прощайте, до следующей встречи, — хором сказали сестры и выпроводили Эльфабу за дверь, исполнив свой долг по отношению к старшей сестре, чтоб ей пусто было.

Лед коростой выступил на крышах, зарылся под черепицы, и теперь со всех потолков в замке капала вода. Эльфаба стала носить островерхую шляпу, чтобы уберечься от случайных сосуллек. От сырости у ворон на клювах и лапах образовался какой-то грибок. Сестры закончили читать роман, дружно вздохнули — вот ведь жизнь! — и принялись читать его сначала, как делали вот уже восемь лет. Снизу, из долины, дул сильный ветер, и временами казалось, будто снег не падает, а поднимается. Это приводило детей в восторг.

Одним таким хмурым днем Сарима завернулась в шерстяные кофты и, чтобы развеять скуку, пошла бродить по пустым пыльным комнатам. В одной из них она нашла узкую лестницу, ведущую наверх — видимо, в какой-то чулан на чердаке — Сарима плохо представляла себе пространственное устройство замка. Она поднялась и сквозь грубую решетку увидела знакомую фигуру, которая согнулась над огромной книгой, раскрытой на плотницком столе. Эльфабу.

Сарима кашлянула, чтобы не испугать ее. Эльфаба обернулась, удивленная, но не слишком.

— Вот и вас что-то сюда привлекло, — сказала она. — Странно, правда?

— А, это книги. Я совсем про них забыла. — Сарима плохо читала, и книги всегда вызывали у нее чувство неполноценности. — Я даже не знаю, о чем они. Столько всяких слов... И не лень кому-то было их писать.

— Вот это — древняя география, — сказала Эльфаба. — А тут — сборник договоров между арджиканскими родами — наверняка найдутся вожди, которые многое бы отдали, чтоб их заполучить. Если они, конечно, не устарели. Вот несколько учебников из Шиза, я тоже по ним училась. По этой «Биологии», например.

— А вон та огромная, с багряными листьями, исписанными серебряными чернилами? Дорогая, должно быть...

— Эта? Я нашла ее на самом дне шкафа. По-моему, это «Гримуатика».

Эльфаба провела рукой вдоль страницы — зеленая волна по пурпурному пергаменту.

— Красивое слово для красивой книги. Но что оно значит?

— Насколько я понимаю, — сказала Эльфаба, — это что-то вроде энциклопедии обо всем: о магии и мире духов, о видимом и невидимом, о прошлом и будущем. Ее почти невозможно читать: я выхватываю по одной строчке то тут, то там. Смотрите: она не дается глазу.

Эльфаба показала на абзац рукописного текста. Сарима пригляделась и ахнула. Буквы, словно живые, поплыли, меняя форму. Страница будто хотела что-то показать, но потом передумала, и буквы сползли в одну серебристую кучу, точно в муравейник.

Эльфаба перевернула страницу.

— Вот этот раздел — бестиарий, свод знаний обо всех живых существах.

На странице были аккуратные рисунки Кого-то, фигурой и крыльями отдаленно напоминающего ангела. Вокруг располагались подробные примечания, повествующие убористым почерком об аэродинамических аспектах святости. Рисунки показывали, как движутся крылья у ангела, улыбающегося похотливой улыбкой.

— Тут еще приведен какой-то рецепт, — сказала Эльфаба и прочитала: — «О черных яблоках, возбуждающих жадность смертельную».

— Ах да, теперь вспомнила! Я ведь сама положила эту книгу в шкаф, — сказала Сарима. — И как только я могла забыть? Хотя книги — они такие, о них так быстро забываешь, правда же?

Глаза Эльфабы вспыхнули.

— Как, Сарима? Как она сюда попала? Пожалуйста, расскажите.

Хозяйка Киамо-Ко смутилась, покраснела, попыталась открыть окно и, убедившись, что оно намертво вмерзло в раму, грузно села на ящик. Давным-давно, начала она, еще в те времена, когда все были молоды и стройны, Фьеро с соплеменниками ушли на охоту в Тысячелетние степи, а Сарима, сославшись на головную боль, осталась одна-одинешенька в замке. Тут раздался звонок у ворот.

— Кто же это был? — не выдержала Эльфаба. — Мадам Кашмери? Кембрийская ведьма?

— Нет, никакая не мадам. Это пришел старик в рваном плаще и представился волшебником, хотя по виду — обычный сумасшедший. Он попросил поесть и помыться, а потом сказал, что хочет подарить мне в награду вот эту книгу. Я пыталась объяснить, что мне как хозяйке замка некогда читать всякие там книжки, но он настоял.

Сарима плотнее завернулась в кофты и провела пальцем по стопке пыльных книг.

— Он рассказал мне удивительную историю и уговорил принять подарок. Он сказал, это книга знаний из другого мира, но там за ней охотятся, поэтому он принес ее сюда в надежде хорошенько спрятать.

— Глупости, — возразила Эльфаба. — Если бы это и правда была книга из другого мира, я не разобрала бы ни слова, а так я кое-что понимаю.

— Ну, это волшебная книга, — сказала Сарима. — Я ведь, знаете, поверила старику. Он сказал, между нашими мирами гораздо больше общего, чем кажется, и что в нашем мире есть отголоски его мира, а в его — нашего; что они как будто выплескиваются друг в друга. Старичок был с виду добрый и немного рассеянный, с длинной, косматой, совсем почти белой бородой, и пахло от него чесноком и сметаной.

— Что неоспоримо доказывает его прибытие из другого мира.

— Не смейтесь, — сухо сказала Сарима. — Вы спросили, я и отвечаю. Он сказал, эта книга слишком сильна, чтобы ее уничтожить, но слишком опасна для того, другого, мира, чтобы ее хранить. Так что он каким-то волшебным способом проник к нам и принес книгу сюда.

— Почему именно сюда? Киамо-Ко воззвал к нему своей прелестью, и он не смог устоять?

— С одной стороны, Киамо-Ко — это крепость, с другой — одно из самых отдаленных мест в стране. Так рассуждал старик, и я с ним полностью согласна. И какая мне разница: одной книгой больше, одной меньше. Он хотел ее оставить, я и исполнила его желание. Мы затащили книгу сюда и положили вместе с остальными, потом он благословил меня и ушел по Хромой тропе. Я никому и не говорила про это.

— Вы действительно думаете, что старик был волшебником? — спросила Эльфаба. — И что книга написана... в Ином мире? Вы вообще верите в другие миры?

— Я и в этот мир не очень-то верю, — сказала Сарима, — а он существует. Так какая разница другим

мирам, верю я в них или нет? Вы вот разве не верите?

— Пыталась, когда была маленькой, в невнятный, бесформенный мир спасения, в Иную землю — но сколько ни старалась я ее себе представить, все впустую. Теперь мне кажется, что другой мир — это мы сами, живущие неведомой нам жизнью, как отражение в зеркале. От одной мысли голова идет кругом.

— В общем, кем бы он ни был — волшебником из другого мира, сумасшедшим из этого или кем-то еще, — а человек он хороший.

— Может, кто из роялистов? — предположила Эльфаба. — Давний последователь регента Пасториуса, мечтающий о дворцовом перевороте и пробуждении Озмы Типпетариус, принес сюда древний лурлинистский трактат, чтобы, когда придет время, забрать его обратно?

— Вам везде мерещатся заговоры, — сказала Сарима. — Я знаю только, что это был очень древний старик, наверняка странствующий волшебник, пришедший, судя по акценту, издалека. И если он хотел сберечь свою драгоценную книгу, то выбрал самое подходящее место. Книга лежала здесь уже лет десять, не меньше, и никто ничего о ней не знал.

— Можно я возьму ее почитать?

— Да пожалуйста! Старик не запрещал ее читать, а я тогда и не умела. Но вы только посмотрите на этого изумительного, ангела. Неужели один его вид не пробуждает в вас веру в Иную землю? В загробный мир?

— Загробного мира нам только не хватает, — фыркнула Эльфаба, захлопнув книгу. — Из нашей юдоли скорби в новую.

6

Как-то утром, когда Шестая в очередной раз начала и тут же бросила чему-то учить детей, Иржи предложил играть в прятки. Стали тянуть жребий, кому водить, и он пал на Нор, так что пришлось ей закрыть глаза и считать. Когда ей наскучило, она громко выкрикнула: «Сто!» и пошла искать.

Первым она осалила Лира. Он мог часами пропадать невесть где, но специально прятаться не умел. Вместе они пошли искать остальных и обнаружили Иржи в Солнечной комнате, где он притаился на корточках за бархатным пологом, свешивающимся с перекладины, на которой сидело чучело грифона.

Но Манека, чемпиона по пряткам, они нигде не могли найти: ни в кухне, ни в музыкальной комнате, ни в башнях. Искерпав все возможности, дети осмелились даже спуститься в сырой подвал.

— Здесь есть подземные ходы, которые ведут напрямик в ад, — сказал Иржи.

— Как? Где? Зачем? — наперебой стали спрашивать Нор и Лир.

— Не знаю, они ведь тайные. Можете сами спросить у тети Шестой. Демонам в аду хотелось пить, а

здесь когда-то размещался Водный совет, вот они и прорыли сюда ходы за водой.

— Смотри, Лир, колодец! — сказала Нор.

Посреди низкой подвальной комнаты, поблескивая капельками воды на камнях, стоял невысокий колодец с деревянной крышкой и простым механизмом с грузом и цепью, чтобы сдвигать крышку в сторону. Дети без труда открыли его.

— Здесь, — сказал Иржи, — ловят рыбу. Никто толком не знает, что внизу: подземное озеро или путь прямиком в ад.

Он посветил в колодец свечой, и холодные белые отблески заиграли на поверхности черной воды.

— Тетя Шестая говорит, здесь водится золотой карп, — сказала Нор. — Она его один раз видела. Огромная такая рыбина. Тетя сначала подумала, что это всплыл какой-то медный чайник, пока не заметила глаза.

— Может, это и был медный чайник, — сказал Лир. — У чайников нет глаз, — резонно возразила Нор.

— Манека-то хоть здесь нет? — спросил Иржи. — Эй, Манек, — крикнул он в колодец, но только эхо ответило ему из мокрой черноты.

— Может, он нашел тайный ход в ад? — предположил Лир.

Иржи задвинул крышку.

— Сами его там ищите, — сказал он. — Мне надоело.

Как это часто бывает, на детей ни с того ни с сего напал страх, и они стремглав понеслись к выходу из темного подвала. Четвертая отчитала их за шум.

Наконец Манека нашли возле двери в комнату тетушки гости. Он смотрел в щель между досками.

— Тс-с, — сказал он, оглянувшись.

Нор подбежала и осалила его.

— Попался!

— Тс-с! — настойчивее повторил брат.

Они стали по очереди смотреть в щель. Тетушка, водя пальцем по странице, что-то неразборчиво бормотала. На тумбочке рядом с ней с заметным беспокойством сидел Чистри.

— Что происходит? — спросила Нор.

— Обезьяну учат разговаривать, — сказал Манек.

— Покажите! — попросил Лир.

— Скажи «дух», — говорила тетушка обезьяне. — Ну, скажи: «дух».

Чистри скривил рот, будто обдумывая предложение.

— На свете все едино, — сказала тетушка обезьяне, а может быть, себе. — Стихии одинаковы, связи те же. Камень помнит, вода память держит, воздух хранит прошлое, а в огне оно возрождается, как птица феникс. Звери и звери состоят из одинаковых начал. Вспомни, как надо разговаривать, Чистри! Да, ты зверь, но Звери — твои ближайшие родственники, черт тебя дери. Скажи «дух»!

Обезьянка поковырялась в шерсти, выловила блоху и отправила ее в рот.

— Ду-ух, — пропела тетушка. — Скажи «дух». В тебе есть Дух, я знаю. Ну! «Дух»!

— Ух, — выдавил Чистри.

Дети чуть не проломили дверь, пытаясь разглядеть, как смеется, пляшет и поет тетушка, прижимая к себе обезьянку.

— Дух, ну, Чистри, дух! У тебя почти получилось. Дух! Скажи «дух»!

— Ух, ух, ух, — продолжал ухать Чистри, не особо удивившийся своей новой способности. — Фух.

Килиджой восторженно отзвучив незнакомый голос.

— Дух, — повторила тетушка.

— Хух, — терпеливо ответил Чистри. — Тух. Пух. Ух-ух-ух. Пух фух ух ух нюх.

— Дух, — сказала тетушка. — Ах, дорогой мой Чистри, мы на практике докажем правоту профессора Дилламонда. Все мы устроены одинаково, надо только пристально взглянуть, чтобы увидеть. Его труды не прошли напрасно. Дух, мой дружок, дух!

— Плюх, — сказал Чистри.

Дети не выдержали. С громким хохотом они побежали вниз по ступеням, потом к себе в комнату и еще долго смеялись в подушки.

Ни матери, ни тетям они не стали рассказывать об увиденном, боясь, как бы те не запретили тетушке госте учиться обезьянку разговаривать. Чем умнее станет Чистри, решили они, тем интереснее будет с ним играть.

В один погожий зимний день, когда казалось, что если они не выберутся из замка, то умрут со скуки, Сарима предложила пойти на каток. Сестры согласились, достали ржавеющие коньки, которые привез им Фьеро из Изумрудного города, напекли карамельных печений, налили в термосы горячий шоколад и даже украсили одежду зелеными и желтыми ленточками, как будто пришла вторая Лурлиниада. Сарима надела теплое коричневое платье с пушистым воротником, а детей облачила в дополнительные штаны и свитера. Даже Эльфаба, в толстом фиолетовом плаще, арджиканских сапогах на козьем меху и варежках, с метлой под мышкой присоединилась к остальным. Вслед за ней, волоча корзину, с сушеными абрикосами, шел Чистри. Процессию замыкали сестры в скромных мужских шубах.

Они спустились к замерзшему пруду рядом с замком. Крестьяне расчистили его и превратили в серебристую гладь, изрезанную причудливой коньковой вязью и окруженную мягкой снежной подушкой для тех, кто вдруг забудет притормозить или развернуться. В ярком солнечном свете на фоне синего неба снежными аистами и ледяными грифонами вырисовывались величественные горные вершины. Каток был уже заполнен визжащей детворой и мечущимися подростками, которые поминутно врезались друг в дружку и падали в неприличных позах. Медленно и важно двигались по льду взрослые. Завидев владельцев замка, деревенская толпа притихла — но дети есть дети, и тишина надолго не задержалась.

Отчаянно боясь упасть, Сарима грузно ступила на лед, но вскоре в ней проснулись прежние навыки: сначала один размашистый шаг, потом другой — и вот она уже катилась среди крестьян и их детей. Рядом, держась за руки, гурьбой ехали сестры. Эльфаба напоминала своих ворон: колени вывернуты, руки шумно машут темными складками плаща, хватаясь за воздух.

Когда взрослые накатились (а дети еще только разогревались), Эльфаба, Сарима и сестры уселись на медвежьих шкурах, заботливо расстеленных для них крестьянами.

— Летом, прежде чем мужчинам уходить на охоту, а мальчишкам — в горы пасти коз и овец, мы разводим огромный костер, жарим свиней, выставляем пиво и приглашаем здешних жителей на праздник. Ну и конечно, ворота замка открыты для них, если в округе появится какой-нибудь горный лев или злой медведь: народ пережидает у нас, пока охотники выследят и убьют зверя или он сам уберется восвояси. — Сарима самодовольно улыбнулась, потом фыркнула. — Ну и видок у вас был, тетушка, в этом плаще с метлой под мышкой.

— Лир говорит, это волшебная метла, — сказала подъехавшая Нор и бросила в Сариму пригоршню сухого рассыпчатого снега. Эльфаба дернулась и подняла воротник, защищаясь от разлетевшихся морозных брызг. Нор злорадно захихикала и укатила прочь.

— Ну-ка расскажите, что это еще за волшебная метла, — сказала Сарима.

— Я не говорила, что она волшебная. Мне дала ее старая настоятельница, матушка Якль. Она взяла меня под свое крыло и, когда приходила в себя, давала мне наставления.

— Наставления? — переспросила Сарима.

— Она говорила, что метла — ключ к моей судьбе. Видно, имела в виду участь домохозяйки.

— Нашего полку прибыло, — зевнула Сарима.

— За все время в монастыре я так и не смогла понять матушку Якль, — сказала Эльфаба. — Кто она: выжившая из ума старуха или мудрая пророчица.

Увидев, что ее уже не слушают, она замолчала.

Скоро вернулась Нор и плюхнулась матери на колени.

— Эти мальчишки такие гадкие, — пожаловалась она. — Расскажи мне сказку, мама.

— Да, с ними бывает сложно, — согласилась Сарима. — О чем же тебе рассказать? Может, о том, как ты родилась?

— Фу, не надо! — Нор соорудила гримасу. — Лучше настоящую сказку. Про лисят и ведьму.

Сарима стала было возражать, зная, что дети считают ведьмой Эльфабу, но дочь заупрямилась, и пришлось уступить. Эльфаба прислушалась. Отец объяснял ей нравственные законы, няня сплетничала, Несса хныкала, но никто и никогда не рассказывал ей сказок. Она пододвинулась к Сариме, чтобы лучше слышать.

Сарима рассказывала без особого артистизма, но у Эльфабы все равно мороз прошел по коже, когда она услышала заключительное: «Там злая ведьма навсегда и осталась».

— И не вылезла? — с лукавым блеском в глазах задала Нор ритуальный вопрос.

— Пока что нет, — сказала Сарима и подалась вперед, делая вид, что хочет укунить дочку за шею. Нор взвизгнула, вскочила и побежала к мальчишкам.

— По-моему, вредно, пусть даже в сказках, предполагать, будто злу тоже уготована загробная жизнь, — сказала Эльфаба. — Сама идея глупая. А уж угрожать адом за зло и обещать счастливую Иную землю за добро — просто стыдно.

— Не надо об этом, — сказала Сарима. — Там меня ждет Фьеро.

— На том свете? — недоверчиво переспросила Эльфаба.

— Вам лишь бы высмеять все и обругать, — продолжала княгиня. — Мне жаль ту загробную страну, в которую вы попадете. Сразу нагоните на всех тоску, как вы умеете.

— Она ненормальная, — авторитетно сказал Манек. — Любой дурак знает, что животных нельзя научить разговаривать.

Они играли в пустующей летней конюшне, прыгая из-под крыши в сено и поднимая брызги снега, который искрился в тусклом свете.

— Тогда что она, по-твоему, делает с Чистри? — спросил Иржи. — Раз ты такой умный.

— Учит повторять слова, как попугая, — сказал Манек.

— А по-моему, она волшебница, — сказала Нор.

— У тебя все кругом волшебное, — презрительно фыркнул Манек. — Одно слово, девчонка.

— Потому что правда волшебное, — ответила Нор и обиженно отодвинулась от брата.

— Ты тоже думаешь, что она волшебница? — спросил Манек Лира. — Она все-таки твоя мама.

— Неправда, она моя тетя, — поправил Лир.

— Это нам она тетя, а тебе мама, — не уступал Манек.

— Знаю! — сказал Иржи, пытаясь отвлечь остальных разговором, лишь бы больше не прыгать. — Лир — брат Чистри. Он был таким же, а потом тетушка научила его разговаривать. Ты — заколдованная обезьяна, Лир!

— Никакая я не обезьяна, — возмутился Лир. — И вовсе я не заколдованный.

— Вот мы сейчас и проверим, — сказал Манек. — Сегодня ведь тетушка пьет кофе с мамой? Тогда пойдемте и спросим Чистри. Заодно посмотрим, чему он научился.

Они взбежали по винтовой лестнице к комнате ведьмы. Ее действительно не было. Чистри грыз орехи, Килиджой спал у камина, ворча во сне, пчелы без усталости пели. Ни насекомые, ни пес детей не занимали: даже Лир потерял интерес к собаке, когда оказался в компании ребят, — зато Чистри был всеобщим любимцем.

— Ма-аленький, хоро-ошенький, — принялась звать его Нор. — Иди сюда. Иди к тете Нор.

Чистри недоверчиво поглядел на нее, но потом, помогая себе руками, перебежал через комнату и прыгнул ей на руки, проверил ее уши — нет ли в них угощения — и из-за плеча посмотрел на мальчиков.

— Скажи-ка, Чистри, правда ли, что тетушка ведьма — волшебница? — спросила Нор. — Расскажи нам про нее.

— Ее нее? — вопросительно отозвался Чистри и наморщил лоб.

— Тебя заколдовали? — спросил Манек.

— Вали брали крали, — ответила обезьянка.

— Кто брал? Что крал? Как тебя в мальчика превратить? — спросил Иржи. — Есть какой-нибудь способ?

— Способ носом, — объяснил Чистри. — Сосен возим лосем. Осень просим.

— Что же нам делать-то? — огорчилась Нор, поглаживая обезьянку. — Как перехитрить ведьму?

— Дьму тьму, — рассудил Чистри.

— Очень интересно, — сказал Иржи. — То есть помочь мы тебе не можем?

— Да он сам не понимает, что говорит, — послышался сзади Эльфабин голос. — Ба, какие гости! И без приглашения.

— Здравствуйте, тетушка, — заискивающе сказали дети. — Смотрите, Чистри разговаривает. Он заколдован, да?

— Просто повторяет чужие слова, — сказала Эльфаба и приблизилась к детям. — Не лезьте к нему. И вообще вам сюда нельзя.

— Простите, — сказали они и вышли.

Потом, в детской, они катались по кроватям и хохотали, пока слезы не потекли из глаз. Они и не сами не знали почему. Видимо, от сознания, что легко отделались. Надрывая животы, дети решили, что больше не боятся тетушку ведьму.

8

Наступила весна, и на смену снегу пришел дождь. Дети подолгу играли в прятки в ожидании, когда можно будет пойти погулять. Одним утром водила Нор. Она легко находила Манека: всякий раз его выдавал прятавшийся рядом Лир. Наконец Манеку это надоело.

— Слушай, ты или прячься нормально, или води, — сказал он Лиру.

— Как же я спрячусь в воде? — не расслышал тот.

Глаза у Манека озорно сверкнули.

— Я покажу.

Начали играть заново, и Манек повел Лира за собой в подвал. Там было еще сырее обычного: подземная влага сочилась сквозь стены. Подняв крышку колодца, мальчики увидели, как резко поднялся уровень воды. И все равно до нее было еще футов двенадцать — четырнадцать.

— Вот смотри, что я придумал, — начал Манек. — Мы перекинем веревку через этот крючок — она должна тебя удержать, — ты сядешь в ведро, и я медленно спущу тебя в колодец. Не бойся, не до воды. Потом задвину крышку, а дальше пусть Нор ищет, сколько хочет, — все равно никогда не найдет.

Лир боязливо заглянул в мокрую черноту.

— А вдруг там пауки?

— Они боятся воды. Не волнуйся, — деловито сказал Манек.

— Почему тогда ты сам не залезешь?

— Потому что у тебя не хватит сил меня вытащить, неужели не понятно?

— Только ты далеко не уходи, — попросил Лир. — И слишком глубоко меня не опускай. И крышку до конца не закрывай, оставь щелочку. Я темноты боюсь.

— Вечно ты жалуешься, — сказал Манек, подсаживая Лира. — Поэтому тебя никто и не любит.

— Злые вы потому что.

— Ну что, залез? Теперь садись и крепко держись за веревки. Если ведро будет царапать по стенке колодца, оттолкнись от нее рукой. Я тебя сейчас спущу.

— А сам где спрячешься? — спросил Лир. — Здесь больше негде.

— Под лестницей. Нор туда не полезет, она пауков боится.

— Ты же сказал, их здесь нет.

— Она-то не знает. Ну, раз, два, три. План превосходный. Молодец, что согласился.

Манек взялся за рукоятку и крикнул от напряжения: Лир оказался тяжелее, чем он думал. Рукоятка завертелась, вырываясь у него из рук, но, по счастью, веревку зажало, и ведро остановилось, гулко ударившись о стенку колодца.

— Слишком быстро, я так не играю, — донесся из темноты замогильный голос Лира.

— Да ладно тебе, не будь девчонкой, — ответил Манек. — А теперь тихо, не шуми, я привалю крышку, чтобы Нор не догадалась.

— По-моему, там внизу рыба.

— Конечно, рыба. Это же рыбный колодец.

— А она не прыгнет? Вода совсем близко.

— Обязательно прыгнет и вопьется острыми зубами. Такие жирдяи, как ты, — их любимая еда. Да не дрейфь, я шучу. Не будут они прыгать. Неужели я бы тебя туда опустил, если бы они прыгали и кусались? Честное слово, ты мне совсем не доверяешь!

Со вздохом разочарования Манек закрыл колодец крышкой, но не наполовину, как обещал, а полностью. К его удивлению, Лир даже не стал жаловаться. Наверное, обиделся, подумал Манек.

Он посидел чуть-чуть под лестницей, но потом подумал, что лучше спрятаться за алтарем в старой часовне.

— Я скоро вернусь, — шепнул он.

Лир не ответил, и, решив, что он все еще дует, Манек шмыгнул наверх.

В кои-то веки Сарима готовила ужин, а сестры разучивали новый танец в музыкальной комнате над кухней.

— Топают, как слонихи, — сказала Сарима вошедшей Эльфабе и кивнула на потолок.

— А, это вы, не ожидала вас здесь увидеть, — сказала Эльфаба, выискивая, чем бы перекусить. — Кстати, я хочу пожаловаться на ваших детей.

— На этих маленьких разбойников? — спросила хозяйка, помешивая тушившиеся в кастрюле овощи. — Опять подложили вам пауков в постель?

— Если бы пауков — можно хотя бы скормить их воронам. Нет, они роются в моих вещах, бесконечно дразнят Чистри и не слушаются. Разве нельзя с ними что-нибудь сделать?

— Что, например? Попробуйте лучше брюкву — она совсем псу под хвост?

— Хуже, — поморщилась Эльфаба. — Даже Килиджой ее есть не станет. Пусть лучше будет морковь. Но дети, Сарима, — они совсем неуправляемые. Разве им не нужно ходить в школу?

— Нужно, конечно, но как их отправишь? — терпеливо принялась объяснять Сарима. — Они заветная мишень для честолубивых арджиканцев. Мне и так страшно, когда они летом убегают за ворота — никогда не знаешь, вернутся домой живыми или их найдут в какой-нибудь канаве со вспоротым животом. Такова доля вдовствующей княгини, тетушка.

— Я в свое время была примерным ребенком, — гордо сказала Эльфаба. — Заботилась о больной сестренке, слушалась родителей. Я путешествовала с отцом как божья посланница, хотя не верила ни в какого бога. Я верила в дочернее послушание, и это мне не повредило.

— Что же тогда повредило? — хитро спросила ее Сарима.

— Я бы рассказала, да вы отказываетесь слушать. Но я не о том. Ваши дети неуправляемые. Вы их совсем распустили.

— Ах, дети-дети, — вздохнула Сарима, взявшись за терку. — Они добрые: если что и выкинут, так ведь не со зла. Они такие веселые и счастливые. До чего радостно смотреть, когда они носятся по замку со своими играми. Скоро пролетят эти драгоценные дни, тетушка, и тогда останется только с горечью вспоминать, как когда-то здесь звенел детский смех.

— Дьявольский смех.

— В детях есть искра божья, — убежденно сказала Сарима. — Вы, конечно, слышали о маленькой Озме, которую Гудвин лишил трона? Говорят, он усыпил ее и заточил в какой-то пещере. Возможно, даже в наших горах. У Волшебника не поднялась рука убить девочку. Когда-нибудь Озма вернется на престол и станет самой лучшей и мудрой королевой — и все благодаря своей юности.

— Не верю я что-то в детей-спасителей, — сказала Эльфаба. — Их самих вечно надо спасать.

— Признайтесь, вам просто завидно, что ребята веселятся.

— Скорее бесятся, — фыркнула Эльфаба. — Злые чертенята.

— Мои дети не злые, — ледяным тоном произнесла княгиня. — Как и мы с сестрами не были злыми в детстве.

— Но уж точно не добрые.

— Что вы тогда скажете о Лире?

Эльфаба поморщилась и отмахнулась. Сарима хотела было поднажать — ее давно интересовали отношения между гостьей и толстым мальчиком, — но тут в кухню вбежала Третья.

— Снег сошел, дороги открыты, — провозгласила она. — С севера по Хромой тропе к нам движется караван. К завтрашнему дню он сюда доберется.

— Надо же! — всплеснула руками Сарима. — А у нас такой кавардак! Как всегда. Когда только мы чему-нибудь научимся? Зови скорей ребят, начнем уборку. Вдруг это важные гости?

Прибежали Манек, Нор и Иржи. Третья рассказала им о приближающихся гостях, и они тут же помчались на самую высокую башню рассматривать их сквозь морозящий дождь и махать платками и фартуками. К замку медленно, борясь со снегом, грязью и текущими с гор ручьями талой воды, приближался караван из пяти-шести вьючных скарков и небольшого фургона. Он то и дело останавливался: то починить треснувшее колесо, то покормить животных. За ужином, хлебая овощной суп, дети только и говорили о том, какие сюрпризы готовит им караван.

— Они все еще думают об отце, — сказала Сарима на ухо Эльфабе. — Их возбуждение — от надежды, что когда-нибудь он вернется.

— А где Лир? — спросила Четвертая. — Такой суп пропадает. Пусть не жалуется потом, что ему не досталось. Где он?

— Он играл с нами, а потом куда-то пропал, — сказал Иржи. — Может, уснул где-нибудь?

— Пойдемте разожжем костер и дымом поприветствуем гостей, — сказал Манек и выскочил из-за стола.

Близилось время обеда, когда караван начал последний крутой подъем к яшмовым воротам замка. Из лачуг высыпали добронравные крестьяне и стали помогать фургону подняться через лед и грязь, пока наконец он не взобрался наверх и не проехал по подъемному мосту. Эльфаба, чье любопытство было также растравлено, как у остальных, стояла вместе с вдовствующей арджиканской княгиней и ее сестрами на балкончике над парадным входом. Дети собрались во дворе — все, кроме Лира.

Вожак каравана, молодой винк, чьи волосы уже посеребрила седина, едва заметно поклонился Сариме. Скарки начали испражняться на мостовую, чем ужасно развеселили детей, еще не видевших скарков за этим деликатным занятием. Покончив с формальностями, вожак забрался в фургон, откуда послышался его голос — громкий, как будто он говорил с кем-то тугим на ухо.

Небо было ярко-голубое, совсем уже весеннее. С карнизов острыми кинжалами свешивались сосульки и таяли прямо на глазах, заливая двор капелью. Сестры подобрали животы, проклиная каждое лишнее печенье и ложку сливок с медом в горьком кофе и обещая себе исправиться. Лишь бы только гость

оказался мужчиной. Пожалуйста, всеблагая Лурлина, пусть он будет мужчиной!

Но вот вожак вылез, протянул руку и помог спуститься скрюченной старухе в унылом темном платье и чепчике, жутко устаревшем даже для провинции.

Сестры сразу поскучнели. Только Эльфаба перегнулась через перила, рассекая воздух орлиным носом и острым подбородком и по-звериному принюхиваясь. Посетительница повернулась, и солнце осветило ее лицо.

— Не может быть! — выдохнула Эльфаба. — Это же моя старая няня!

И, выбежав с балкона и слетев по лестнице, она заключила старуху в объятия.

— Надо же, — ехидно усмехнулась Четвертая, глядя, как Эльфаба чуть не плачет от радости. — Вы только посмотрите на нее. Человеческие чувства. Вот уж не думала, что она на них способна!

Проводник каравана не захотел остаться на обед, зато няня, выгрузив свои сумки и чемоданы, явно не собиралась ехать дальше. Ее поселили в пыльной комнатухе прямо под Эльфабиной комнатой, где няня по-старчески долго приводила себя в порядок. К тому времени, когда она предстала перед обществом, уже подали обед. На серебряном блюде лежала тощая курица, в которой остались одни жилы вместо мяса. Детей одели в лучшие наряды — им впервые разрешили присутствовать на торжественном обеде. Эльфаба ввела няню под руку в зал и посадила по правую руку от себя. Поскольку старуха приехала к ней, сестры великодушно отвели Эльфабе почетное место в конце стола напротив Саримы — место, которое всегда оставалось свободным в память о Фьеро. Впоследствии им не раз придется раскаться в своей доброте, потому что теперь уже Эльфаба никому не уступит это место, но пока хозяйки замка были самогостеприимство и доброжелательность. Единственное, что омрачало обед (не считая того, что вместо молодого неженатого принца к ним приехала старая няня), было отсутствие Лира. Никто из детей не знал, где он пропадает.

Няня заметно подряхла. Ее кожа огрубела и потрескалась, как сухое мыло, седые с желтизной волосы поредели, на руках выступили вены, толстые, как веревки вокруг доброго круга арджиканского козлиного сыра. С частыми паузами, чтобы собраться с мыслями и перевести свистящее дыхание, она рассказала, как в Изумрудном городе услышала от какого-то Крона, что ее воспитанница Эльфаба ухаживала за неким умирающим Тиббетом в расположенном неподалеку монастыре Святой Глинды. Родные уже долгие годы не слышали об Эльфабе, и няня решила ее разыскать. Сперва монтини упорно молчали, но няня выпытала из них, куда делась Эльфаба, и как только наступила весна, с очередным караваном поехала вслед. Так она здесь и оказалась.

— А что происходит в мире? — спросила Вторая. Пусть о своих родственниках болтают где-нибудь в другом месте.

— В каком смысле? — не поняла няня.

— Ну, в политике, в науке, в моде, в искусстве. Какие последние новости?

— А. Ну вот хотя бы наш Гудвин, великий и ужасный, Гудвин провозгласил себя императором. Слыхали?

Сестры дружно покачали головами.

— Зачем? — поморщилась Пятая. — И какой империей он собирается управлять?

— Разве он станет объяснять? Он ежегодно раздает новые титулы, вот и себя не обделил.

Поговаривают, это пахнет будущими завоеваниями. Только что ему завоевывать, не пойму. Через пустыню, что ли, потащатся — в Квокс, Иксию или Флиан?

— Может, Гудвин планирует крепче взяться за земли, которые подчиняются ему лишь формально? — спросила Эльфаба, и в груди у нее все заныло, как растревоженная рана. — Например, за Винкус?

— В общем, никого не радуют происходящие перемены, — сказала няня. — Гудвин ввел обязательную воинскую повинность, и его штурмовиков скоро станет больше, чем солдат в королевской армии. Видно, заговоров против себя боится — не знаю. Да и откуда нам, старухам, такое знать?

Она простодушно подмигнула, приглашая Сариму с сестрами в свой старушечий клуб. Те сдержанно улыбнулись в ответ.

10

Утро следующего дня выдалось хмурым из-за дождя и затянувших небо бесформенных туч.

Ожидая, когда спустится няня и продолжит развлекать их новыми историями, Сарима с сестрами обсуждали новости о своей тетушке гостье.

— Эльфаба, — размышляла вслух Вторая. — Красивое имя. Откуда оно, интересно?

— Я, кажется, знаю, — сказала Пятая. Когда-то, впервые осознав, что замуж ей не выйти, она увлеклась религией. — Была такая святая Эль-Фааба с водопада. Я читала о ней в «Житиях». Манчунья-мистик, жившая то ли шесть, то ли семь веков назад. Она хотела провести жизнь в молитвах, но из-за удивительной красоты ее беспрестанно домогались все окрестные мужчины.

Сестры хором вздохнули.

— Чтобы сохранить свою невинность, она отправилась в путь, взяв с собой только Писание и одну веточку винограда. Хищные звери и похотливые мужчины угрожали ей, но Эль-Фааба неизменно избегала опасности. Наконец она пришла к водопаду, свергавшемуся с высокой скалы. «Здесь и будет мое жилище», — решила она, сняла одежду и прошла сквозь стену падающей воды. Там оказалась пещера, которую вода выточила в скале. Эль-Фааба села на камень, раскрыла Писание и стала читать. Иногда она съедала по виноградинке. Когда ягоды закончились, она вышла из грота. Оказалось, что минули столетия. На берегу реки выросла деревня; неподалеку виднелась мельничная плотина. Заметив вышедшую из водопада обнаженную деву, крестьяне в ужасе отпрянули. Они знали про пещеру. Там играли дети, встречались любовники, разбойники проворачивали свои темные дела: хоронили мертвецов и закапывали клады. Но никто никогда не видел этой красавицы. Стоило Эль-Фаабе раскрыть рот и заговорить на древнем наречии, как жители упали перед ней на колени. Она благословила стариков и детей, выслушала исповеди, исцелила больных, накормила голодных — в общем, сделала все, что полагается святой, после чего снова ушла в водопад с новой кистью винограда. Видимо, на этот раз кисть была побольше, потому

что с тех пор никто деву не видел.

— Значит, случается, что люди исчезают, но не умирают, — задумчиво глядя в окно, в дождливую даль, сказала Сарима.

— Только если они святые, — напомнила Вторая.

— И если вообще этому верить, — сказала Эльфаба, заставшая конец рассказа. — Вышедшая из водопада красавица могла быть девчонкой из соседней деревни, решившей подшутить над суеверными крестьянами.

— Вот так рушатся надежды, — вздохнула Сарима. — Честное слово, тетушка, иногда вы меня убиваете.

— А давайте будем звать вас Эльфабой? — предложила Шестая. — Имя такое красивое, и связанная с ним история тоже.

— Только попробуйте. Няне можно — она стара, ее не переучишь, — но вам я так себя звать запрещаю.

Шестая сжала губы, будто собираясь что-то возразить, но внизу слышались чьи-то шаги, и в комнату ворвались Нор с Иржи.

— Мы нашли Лира! — закричали они. — Пойдемте скорее. Он упал в колодец и утонул!

Все сразу бросились в подвал. Лира, как выяснилось, нашел Чистри. Когда, играя с обезьянкой, Нор и Иржи спустились в подвал, Чистри начал бешено повизгивать и прыгать вокруг колодца. Ребята решили спустить его вниз, но, сдвинув крышку, к своему ужасу увидели мертвенно-бледное тело Лира.

На общий шум прибежал Манек. Лира вытащили — благо после дождей и таяния снегов вода сильно поднялась. Он весь раздулся, как утопленник.

— Так вот где он был! — странным голосом сказал Манек. — А ведь говорил когда-то, что хочет залезть в колодец.

— Идите к себе, дети, вам тут не место, — вдруг опомнилась Сарима, заметив, что стоявшие поодаль Иржи и Нор испуганно жмутся друг к другу. — Ступайте, ступайте наверх!

— Ах, это ужасно! — трагически воскликнул Манек.

Эльфаба бросила на него испепеляющий взгляд.

— Делай, что мать велела, — цыкнула она.

Мальчишка состроил гримасу, но вместе с Иржи и Нор нехотя поднялся по лестнице. Дети сгрудились возле открытой двери смотреть и слушать, что происходит внизу.

— Вы ведь умеете врачевать, тетушка? — спросила Сарима. — Раз вы изучали биологию. Помогите ему скорей. Вдруг еще не поздно!

— Иржи! — крикнула Эльфаба. — Беги зови няню. Скажи, что дело срочное! А мы пока перенесем его на кухню. Осторожно — раз, взяли. Нет, Сарима, я плохо умею врачевать.

— Тогда наколдуйте! — воскликнула Пятая, и остальные сестры подхватили.

— Оживите его! — просила Шестая.

— Вам ведь раз плюнуть! — добавляла Третья.

— Не могу я его оживить, как вы не поймете! — воскликнула Эльфаба. — Я и колдовать-то не умею, это лишь дурацкое предложение мадам Кашмери, которое я отвергла!

Сестры недоверчиво смотрели на нее.

Иржи привел на кухню няню, Нор принесла метлу, Манек притащил «Гримуатику», а Сарима с сестрами внесли мокрое, раздутое тело Лира и положили его на стол для разделки мяса.

— Это еще кто? — промурлыкала старуха и тут же взялась за дело. Принялась растирать Лиру руки и ноги, а Сариме показала, как давить на живот.

Эльфаба раскрыла «Гримуатику», перевернула несколько страниц, всмотрелась в слова и со стоном отчаяния стукнула себя по голове.

— Я никогда не видела души! — воскликнула она. — Как я ее найду, если не знаю, как она выглядит?

— Он теперь даже толще, чем был, — заметил Иржи.

— Попробуйте выколоть ему глаза прутиком из волшебной метлы, — посоветовал Манек. — Душа сразу вернется.

— Зачем он, интересно, полез в колодец? — спросила Нор. — Я бы ни за что туда не спустилась.

— Пресвятая Лурлина, смилуйся над нами! — воскликнула Сарима, а сестры начали вполголоса читать заупокойную молитву, прося Безымянного Бога призреть отбывшую к нему душу.

— Что мне, одной все делать? — раздраженно сказала няня. — Эльфаба, ты прямо как покойная матушка в трудную минуту. Не стой ты там, глупая, иди сюда, приложи губы к его рту и вдыхай в него воздух. Давай!

Эльфаба обтерла мокрое, опухшее лицо мальчика краем рукава. Голова повернулась набок. Она поморщилась, борясь с тошнотой, плюнула на пол, а потом прижалась губами к его губам и выдохнула что было силы, наполняя легкие мальчика своим дыханием. Ее пальцы сжались, царапая край стола, будто в любовном экстазе. Завороженный Чистри пыхтел вместе с хозяйкой.

— От него рыбой воняет, — тихо сказала Нор, сморщив носик.

— Вот, значит, как выглядят утопленники, — добавил Иржи. — Я бы лучше заживо сгорел, чем вот так.

— А я вообще не умру, — заявил Манек. — И никто меня не заставит.

Тело Лира содрогнулось. Все удивленно уставились на мальчика, не веря своим глазам. Может, это Эльфабино дыхание что-то разорвало внутри? Но вот тело дернулось еще раз, изо рта потекла желтоватая жидкость, веки задрожали, пальцы пошевелились.

— Чудо! — выдохнула Сарима. — Настоящее чудо. Спасибо тебе, Лурлина!

— Рано радоваться, — сказала няня. — Его жизнь все еще в опасности. Ну-ка разденьте его!

Дети удивленно наблюдали, как взрослые тетki срываю́т с Лира рубашку и штаны. Они растерли его салом, что насмешило ребят, а у Иржи впервые возникло какое-то странное ощущение внизу живота. Потом Лира завернули в шерстяное одеяло и собрались уложить в кровать.

— А где он спит? — спросила Сарима.

Все переглянулись. Сестры посмотрели на Эльфабу, а та на детей.

— Да когда как, — сказал Манек. — Иногда на полу в нашей комнате, а иногда — в спальне Нор.

— Он еще хотел лечь в моей кроватке, — пожаловалась девочка, — только я его спихнула. Он такой толстый, что куклам места не оставалось.

— Это что же получается, у него даже кровати своей нет? — ледяным голосом осведомилась Сарима у Эльфабы.

— Я-то тут при чем? Замок ваш, кровати тоже.

Лир пошевелился и пробормотал:

— Золотая рыба. Я разговаривал с ней. Она сказала, что...

— Тс-с, тихо, маленький, потом, — шепнула няня и сверкнула глазами на собравшихся в кухне. — Не мне, конечно, судить. Но если мальчику так и не найдут кровать, я положу его на свою, а сама буду спать на полу!

— Да что вы, что вы, как можно, — начала Сарима, поспешив из кухни.

— Тьфу, дикари паршивые! — плюнула няня.

За что в Киамо-Ко ее так и не простили.

Сарима завела с Эльфабой воспитательную беседу о Лире, но та ее не слушала.

— Это все мальчишки и их дурацкие игры, — говорила она.

Устав от споров, они перевели разговор на характеры мальчиков и девочек. Сарима рассказала про то, как арджиканских подростков посвящают в мужчин.

— Их выводят в степь и оставляют на ночь одних, в набедренной повязке и с музыкальным инструментом на выбор. Своей игрой они должны вызвать зверей и духов, поговорить с ними, поучиться у них, успокоить их, если нужно, и сразиться с ними, если придется. Если ребенок не доживет до утра, значит, ему не хватило смекалки, чтобы остановить, или сил, чтобы победить врага. Лучше, если он погибнет молодым и не станет обузой для племени.

— А что они потом рассказывают про ночных духов?

— Мальчики вообще неохотно делятся переживаниями, а уж такими тем более, — ответила Сарима. — Так по крохе из них и вытягиваешь. Духи бывают разные. Попадаются упрямые и настырные. Считается, что должна быть вражда, ссора или схватка, но мне кажется, в противостоянии таким духам мальчику просто нужно побольше холодной злобы.

— Чего-чего?

— Нуда, разве вы не знаете об этом различии? У нас исстари говорят, что злоба бывает пламенной и холодной. У детей есть и та, и другая, но с возрастом одна начинает преобладать. Чтобы выжить, мальчикам нужна пламенная злоба: готовность драться, желание вонзить нож в чужую плоть, опьянение яростью. Все это пригодится на охоте, в бою и даже в любви.

— Да, это правда, — задумчиво сказала Эльфаба.

Сарима вспыхнула, потупилась и продолжала.

— А девочкам нужна холодная злоба — расчетливая ненависть, позволяющая избегать компромиссов и не давать прощения. Если они что-нибудь скажут, то уже никогда не отступятся от своих слов. Такова их природа. Встань на пути у мужчины — и будет открытая схватка: один победит, а другой падет. Встань на пути у женщины и не сомневайся: она не забудет обиды и будет вынашивать месть хоть вечно, если это понадобится.

Она буравила Эльфабу взглядом, в котором читался немой вопрос о Фьеро и Лире.

Эльфаба еще долго думала об этом. О пламенной и холодной злобе, о разнице между мужчинами и

женщинами и о том, какая именно злоба присуща ей самой. Она вспоминала рано умершую мать и полоумного отца, размышляла о злобе профессора Дилламонда, толкавшей его на исследования, и о плохо скрываемой злобе мадам Кашмери, предлагавшей студенткам тайную государственную службу.

Она думала об этом и на следующее утро, глядя, как набирающее силу солнце расчищает покатые крыши от снега, превращая его в сосульки. Холод и жар, действуя вместе, образуют лед. Холод и жар заостряют лед, превращая его в смертельное оружие.

Копаясь в себе, Эльфаба решила, что злится так же яростно, как мужчины. Но чем больше она думала, тем больше склонялась к мысли, что для успеха нужно сочетать в себе оба рода злобы...

Лир выжил, а Манек погиб. Сосулька, на которую так долго смотрела Эльфаба, ища оружие для борьбы притеснением, сорвалась с карниза и копьем вонзилась в темя Манеку, когда тот выходил из замка, придумывая новые издевательства над Лиром.

ВОЛНЕНИЯ

1

— Тебя тут ведьмой считают, знаешь? — спросила няня. — Отчего бы?

— От глупости. Пока я жила в монастыре, меня звали сестрой Эль-Фаабой. «Эльфаба» казалось мне именем из далекого прошлого, поэтому когда я приехала сюда, то предпочла, чтобы меня звали тетушкой. Хотя я вовсе не чувствовала себя ничьей родней и вообще не знаю, каково это. У меня ведь ни дядей, ни тетей не было.

— Хм-м-м, — протянула старуха. — По-моему, никакая ты не ведьма. Но как возмутилась бы твоя мама! А уж отец!..

Они гуляли по цветущему яблоневому саду, вдыхая цветочный аромат. Пчелы с прилежным жужжанием ползали по цветкам; у стены возле Манекова надгробия, лениво помахивая хвостом, сидел

Килиджой; вороны носились туда-сюда, распугивая всех птиц, кроме орлов. Детей по настоянию няни отдали в Деревенскую школу, и в Киамо-Ко воцарилась блаженная тишина.

Няне было семьдесят восемь лет. Она ходила, опираясь на клюку, и, как прежде, пыталась приукраситься, хотя попытки эти портили ее еще больше. Слой пудры был слишком толст, помада размазывалась и ложилась криво, а тонкая кружевная шаль беспомощно болталась под порывами ветра из долины. Саму няню, впрочем, больше волновало, что Эльфаба совсем не следит за собой. Бледная, скучная, убирает свои роскошные волосы под уродливую шляпу и ходит все в одном и том же черном плаще, который давно пора стирать.

Они остановились у покосившейся стены. Неподалеку сестры собирали горные цветы, а между ними круглым шаром болталась Сарима. В траурном платье она напоминала большой мрачный кокон, из которого неизвестно кто вылезет. Приятно было снова слышать ее смех. Такое странное, жизнеутверждающее действие оказывала весна на всех, даже на Эльфабу и на убитую горем Сариму.

Няня рассказала Эльфабе о семье. Прадед наконец преставился, и в отсутствие Эльфабы, которую считают погибшей, герцогский титул передали Нессарозе. Так что младшая сестра теперь сидит в Кольвенском замке и пишет указы о том, во что можно и нельзя верить. Фрекс живет с дочерью и почти не проповедует, от чего значительно успокоился и образумился. Панци? Он то появляется, то исчезает. Поговаривают, будто он агитирует за отделение Манчурии. Ему немногим за двадцать: он вырос, возмужал и, на взгляд старой няни, стал жених хоть куда. Красив, речист и смел.

— А что моя дорогая сестрица думает об отделении? — спросила Эльфаба. — К ее мнению прислушаются; она ведь герцогиня.

Но Нессароза оказалась гораздо хитрее, чем кто-либо предполагал. Она никогда не раскрывала свои карты и время от времени выступала с речами о достижениях революции — речами, которые можно было толковать как угодно. По мнению няни, Нессароза мечтала создать особое церковное государство, добавив новые законы, отражающие ее представления об унионизме.

— Даже твой святоша-отец пока не решил, согласен он с ней или нет, и все больше молчит. Правда, Фрекс никогда не интересовался политикой.

Среди местных, добавила няня, нашлось немало последователей Нессы, но она тщательно следит за своими словами и не дает солдатам Гудвина, расквартированным неподалеку, повода для ее ареста.

— Хитра, спасу нет, — заключила старуха. — Шиз хорошо ее воспитал. Она теперь крепко стоит на своих ногах.

От слова «воспитал» холодок пробежал по спине Эльфабы. Возможно ли, что Нессароза все еще подчиняется чарам мадам Кашмери, наложенным еще тогда, в Крейг-холле? Не пешка ли она в руках Гудвина или этой мерзкой интриганки? Понимает ли, что и зачем делает? И уж если на то пошло, не стала ли сама Эльфаба игрушкой в руках высшего зла?

Воспоминания о директрисе и ее страшных предложениях вернулись к Эльфабе сразу после спасения Лира. Когда мальчик пришел в себя и его стали расспрашивать, как он попал в колодец, Лир отвечал только: «Меня позвала рыба». В глубине души Эльфаба знала, что виноват злодей Манек, всю зиму открыто тиранивший нового приятеля. Она не жалела о смерти Манека, хоть тот и был сыном ее любимого. Мучителям одна дорога. Но от следующих слов Лира она чуть не задохнулась.

— Это была волшебная рыба. Она сказала, что Фьеро мой отец, Иржи и Манек мои братья, а Нор — сестра.

— Милый мальчик, рыбы не разговаривают, — поспешила вмешаться Сарима. — Тебе просто

почудилось. Ты слишком долго пробыл под водой.

Эльфаба с грустной нежностью посмотрела на Лира. Кто он такой, этот мальчуган? Нет, откуда он взялся, она худо-бедно знала, но вот кто он, как-то раньше не задумывалась. Тетушка гостя нагнулась и положила руку ему на плечо. Непривычный к ласкам, он вздрогнул и отвернулся. Эльфабе стало горько.

— Хочешь посмотреть на мою ручную мышку? — спросила Нор, которая особенно сблизилась с Лиром во время его выздоровления. Мальчик предпочитал компанию сверстников расспросам взрослых, и больше от него так и не удалось ничего добиться. Лир почти не изменился после своего чудесного спасения, разве что со смертью Манека беззаботнее бегал по замку.

А Сарима пристально посмотрела на Эльфабу. Казалось, час освобождения близок. Но княгиня только тряхнула головой и сказала:

— Какая нелепая мысль — вообразить, будто Фьеро его отец. У моего мужа не было ни грамма лишнего жира — а посмотрите на этого тюфяка.

Поставленные перед Эльфабой условия запрещали ей возвращаться к разговору о Фьеро, поэтому она только молча смотрела на Сариму, мысленно внушая ей смириться с фактами. Но арджиканская княгиня не желала.

— И кто тогда его мать? — продолжала она, теребя воротник. — Нет, это немыслимо.

Эльфаба впервые пожалела, что кожа у Лира хоть чуточку не зеленая.

Сарима ушла оплакивать мужа и младшего сына. А Эльфаба осталась все той же: невольной предательницей, изгнанной монтией, беспомощной матерью и неудачливой революционеркой.

Вот тогда она и начала размышлять, могла ли в колодце жить говорящая Рыба, которая рассказала бы Лиру всю правду. Или это ненавистная мадам Кашмери обернулась золотым карпом, заплывла в ледяное горное озеро и шпионит за ней? Много раз Эльфаба спускалась в подвал и заглядывала в колодец, но таинственная Рыба так и не показалась.

— Крепко стоит на ногах, значит? — повторила Эльфаба, вернувшись из воспоминаний в сад к няне, обсасывающей конфету.

— Вот-вот, — прошамкала «няня. — И теперь ее не нужно поддерживать — ни в прямом, ни в переносном смысле: Она сама стоит, встает, садится.

— Без рук-то? — удивилась Эльфаба. — Поверить не могу.

— Честное слово. Помнишь те красивые башмачки, которые подарил ей Фрекс?

Еще бы! Изумительные башмачки. Знак отцовской любви к младшей дочери, желание подчеркнуть ее красоту и отвлечь внимание от уродства.

— Ну так вот. Глинда Ардуэнская — ее-то не забыла? Кстати, она вышла за сэра Чафри и прилично подурнела. В общем, приехала она пару лет назад к нам в Кольвенский замок. Ну, понятное дело, стали они с Нессой вспоминать былые дни. Так Глинда возьми, да и заколдуй башмачки. Уж не знаю как — в колдовстве я не сильна, — только теперь Несса и садится, и встает, и ходит — и все сама. С башмачками не расстанется ни на минуту; говорит, они придают ей добродетели, хотя уж чего у нее и так хоть отбавляй... — Няня вздохнула. — Поэтому я и поехала тебя искать. Волшебные башмачки лишили меня работы.

— Пора бы уж, — сказала Эльфаба. — Ты давно заслужила отдых, чтобы сидеть где-нибудь в саду да смотреть на солнышко. Хочешь, оставайся здесь со мной.

— Будто это твой дом, — проворчала старуха.

— Так и есть. Пока меня отсюда не отпустят — это и мой дом тоже.

Няня, заслонившись рукой от солнца, всматривалась вдаль, в горы, которые в полуденном свете походили на отполированные рога.

— Просто удивительно, во что вы с сестрой превратились. Одна — ведьма, вторая будто святая во плоти. Кто бы мог подумать в те давние грязные годы, когда мы шастали по болотам? Но я еще вот что у тебя не спросила. Кем тебе приходится Лир? Сыном?

Эльфаба вздрогнула, как от холода.

— На этот вопрос, няня, я не могу ответить.

— Что толку скрывать, душенька? Я ведь и маму твою нянчила — а уж та была порядочная вертихвостка.

— Знаешь, я как-то не расположена об этом слушать.

— Тогда расскажи мне про Лира. Что значит «не могу ответить»? Либо ты его выносила и родила, либо нет. Насколько я знаю, ничего другого на этом свете пока не придумали.

— Хорошо, я расскажу, но больше чур к этому не возвращаться. Когда я только пришла в монастырь, под крыло матушки Якль, я была сама не своя и не знала, что со мной происходит. Целый год я провела в беспробудном сне; не исключено, что за этот год я кого-то и родила. Потом я долго восстанавливала силы. Когда же достаточно поправилась, меня отправили ухаживать за больными и умирающими, а также за брошенными детьми. Одним из них был Лир — ему я уделяла не больше внимания, чем дюжинам других голодранцев. Когда я покидала монастырь, условием было, что я заберу с собой Лира. Я подчинилась — нас учили не перечить старшим. У меня нет к нему материнских чувств, — на всякий случай добавила Эльфаба, словно опасаясь, что это уже не так. — Я не чувствую по себе, что когда-то рожала, и не думаю, что способна на это. Хотя кто его знает? Ну вот и все. Мне больше нечего сказать, можешь даже не спрашивать.

— Но даже если неизвестно, кто на самом деле мать Лира, не должна ли ты ее заменить?

— Все, что я должна, няня, я решаю сама.

— Строга, матушка, строга. Чувствую, злишься ты, а на что — не пойму. Но если ты думаешь, что я приехала сюда выращивать новое поколение Троппов, даже не надейся. Няня ушла на покой, как ты сама советовала.

Но в последовавшие недели Эльфаба заметила, что старуха уделяет Лиру больше внимания, чем Нору и Иржи. Заметила со стыдом, потому что увидела, как охотно Лир откликается на нянину заботу.

В своих рассказах о дерзких проделках Панци (до того волнительных, что у старушки едва не выпрыгивало сердце из груди) няня подробно описывала новые ухищрения Гудвина. Этим она вконец разбредила душу Эльфабы, которая мечтала забыть о том, что в мире творятся несправедные дела.

А старуха без умолку трещала за обеденным столом про то, как Волшебник создал детскую организацию с подходящим названием «Цветы Империи». Как всех ребят-манчиков с четырех до десяти лет обязательно в нее записывали и летом отправляли на месячные лагерные слеты, где те клялись хранить услышанное втайне. Настоящая шпионская игра для мальчишек! Как Панци притворялся крестьянином, везущим картошку, и пробирался через охраняемые ворота. О-ля-ля, сколько приключений! Appetитная дочка лагерного начальника — конфетка в летнем платье, ухаживания, выдумки, враки.

Опасения, что их застукают, и кто — дети! Вот смеху-то!

«Какая же ты все-таки деревенщина, — думала Эльфаба, слушая няню. — Не понимаешь, что рассказываешь о пропаганде, промывке мозгов с малых лет, вовлечении детей в своеобразную войну». Теперь, когда в ее собственной жизни появился ребенок, Лир, Эльфаба с особенным отвращением слушала, какими грубыми методами действуют на восприимчивые детские умы.

Она ушла к себе, перевернула тяжелую кожаную, с золотыми застешками и серебряным узором обложку «Гримуатики» и погрузилась в чтение, выискивая, откуда в человеке берется такая жажда власти. Неужели такова человеческая природа? Неужели внутри каждого человека скрывается хищный зверь?

Эльфаба стала искать рекомендации по свержению правителя. Нашлось множество рецептов, но общей тактики не было. Рассказывалось, как отравить края чаши, заговорить ступеньки, чтобы с них соскользнула нога, заставить любимую собачку впиться в хозяина смертельной хваткой. Да много чего! Описывалось, например, дьявольское изобретение — длинная и тонкая нить, наполовину червь, наполовину огненный шнур, которая вползает в человека ночью через любое естественное отверстие и вызывает особенно мучительную смерть. Сплошной карнавал жестокости и хитрости! Но особенно привлек Эльфабу небольшой рисунок в разделе «Коварные подробности». Рисунок этот, сделанный искусным художником, изображал дьяволицу, вокруг которой красовалась изящная надпись: «Оскал Якаль».

Эльфаба протерла глаза и снова посмотрела. Нарисованное существо было отчасти женщиной, отчасти степным шакалом. Ее рот был раскрыт в хищном оскале, а полурукой-полулапой она тянулась к запутавшемуся в паутине человеческому сердцу. При этом чудовище поразительно напоминало матушку Якль из монастыря.

Эльфаба потрянула головой. Права была Сарима: ей повсюду мерещатся заговоры. Она перевернула страницу и продолжила чтение, но так и не нашла полезных советов о том, как сбросить тирана. Ничего, что объяснило бы ей, как люди могут быть такими подлыми. Или добродетельными — если такие все еще бывают.

2

Гибель Манека пришлась сокрушительным ударом по всей княжеской семье. Казалось, будто его жизнью пришлось заплатить за спасение Лира. Сестры видели в Манеке будущего Фьеро и мечтали, что он вернет Киаммо-Ко былую славу. И действительно, если не он, то кто? Трусливый Иржи бесполезен, как, впрочем, и Нор, которая мало того что девочка, так еще и вечно витает в облаках.

Прикрываясь словами смирения, повторяя «бог дал, бог и взял», Сарима еще больше отдалилась от сестер и ела теперь одна в Солнечной комнате. Иржи и Нор, прежде объединявшие усилия против проказника-брата, теперь реже играли вместе. Иржи пристрастился к чтению и стал ходить в старую часовенку изучать псалтыри и молитвенники. Нор побаивалась этого места: она была там, когда отпевали

Манека, и считала, что там бродит его призрак. Из попытки подружиться с тетушкой ведьмой тоже ничего не вышло.

— Опять Чистри дразнить собралась? — набросилась на девочку Эльфаба. — Не видишь, я занята? Иди к другим приставай.

Она сопровождала свои слова пинком, и Нор с визгом и плачем, как будто тетушка ведьма сделала ей больно, в страхе ретировалась.

Теперь, когда близилось лето, она уходила гулять: спускалась в горную долину, вдоль которой тянулся ручеек, а потом поднималась на склоны гор, где овцы лакомились сочной весенней травой, самой вкусной за год. Раньше ей ни за что не разрешили бы так далеко забираться одной; теперь же до нее никому не было дела. Уж лучше бы запрещали и ругали, чем так, когда совсем не обращают внимания. Нор было страшно одиноко!

Как-то раз она ушла особенно далеко. Ее выносливые, крепкие ноги готовы были, казалось, шагать без усталости. Нор было всего десять лет, зато каких! Свою зеленую юбку она подоткнула за пояс, чтобы не путалась, а рубашку сняла из-за палящего солнца и обернула вокруг головы вместо платка. Все равно на ее груди еще только намечались те выпуклости, которыми можно кого-нибудь смутить. Да и кого тут смущать, кроме овец? Разве что пастуха. Так она его еще издалека увидит.

«И как это я здесь очутилась, — размышляла Нор, впервые открыв путь к саморефлексии. — Одинокaя девочка на пустынной горе, где только ветер, овцы да травка, зеленая, как изумруд, как ленточки на праздник Лурлиниады, мягкая, когда вер дует в сторону замка, и шершавая, когда дуете гор. Одна. И никого вокруг: только солнце, камни... да еще вон те солдаты, вышедшие из-за горы».

Солдаты?!

Нор нырнула в траву, надела рубашку и, приподнявшись на локтях, осторожно выглянула.

Таких солдат она еще не видела. Арджиканцы были бы в парадных латах и шлемах, со щитами и копьями, а эти носили коричневую форму с фуражкой, а за плечами у них болтались мушкеты или что-то вроде того. На ногах были тяжелые сапоги, плохо приспособленные для ходьбы по горам, такие высокие, что, когда один из солдат остановился, снял сапог и запустил туда руку — видимо, вытащить закатившийся камешек, — рука погрузилась по самый локоть. Спереди на куртках военных были крестом пришиты две зеленые полосы: одна шла вертикально от воротника до подола, вторая пересекала ее на уровне подмышек.

Нехорошее, тревожное чувство холодком пронеслось по спине, но в то же время Нор страстно желала, чтобы ее заметили. «Что бы сделал Манек? — пыталась сообразить она. — Иржи бы убежал, Лир сидел бы тут, дрожа от страха, но Манек? Манек вышел бы к солдатам и выяснил, что происходит».

Значит, так она и поступит. Нор проверила, все ли пуговицы застегнуты, встала во весь рост и пошла к отряду. К тому времени, когда ее заметили и солдат, ковырявшийся в сапоге, надел его назад, девочка начала сомневаться, правильно ли поступила. Но бежать было уже поздно.

— Приветствую вас, чужестранцы! — обратилась она к ним, старательно заменяя арджиканское просторечье официальными восточными словами. — Я арджиканская княжна, и это мою долину вы топчете своими черными сапожищами.

Было уже за полдень, когда Нор привела солдат к замку. На стук сапог выбежали сестры, раскрасневшиеся и грязные, с платками на головах («е доверяя местным прачкам, они сами выбивали ковры на заднем дворе»). Эльфаба тоже услышала топот и высунулась из окна.

— Ни шагу дальше! — крикнула она. — Ни шагу, пока я не спущусь, или вмиг превратитесь в мышей!

Нор, отойди от них! Все, все от них отойдите!

— Пойду позову вдовствующую княгиню, — промурлыкала Вторая. — Если вы не возражаете, господа.

К тому времени, как заспанная Сарима спустилась, Эльфаба с метлой наперевес уже неистовствовала перед солдатами.

— Кто вас сюда звал? — возмущалась она, в своем черном платье как никогда раньше похожая на ведьму. — Чего явились? Кто у вас главный? Ты? Или ты? Где начальник?

— С вашего позволения, — сказал крепкий гилликинец лет тридцати, — этим отрядом команду я, капитан Вишнекост. Мы составляем карты Тысячелетних степей и именем государя императора имеем право требовать приюта у любых жителей Кельских гор.

Он вытащил из-за пазухи пропитанную потом грамоту и показал Эльфабе.

— Это я их нашла, тетушка ведьма, — похвалилась Нор.

— А ты ступай домой, — распорядилась Эльфаба и снова обратилась к капитану: — Вам здесь не место. Девочка пригласила вас по ошибке. Забирайте своих солдат и уматывайте отсюда. Кругом марш!

— Но у меня приказ... — начал капитан.

— Предупреждаю, — угрожающе прошипела Эльфаба. — Не уберетесь — хуже будет.

Здесь в спор вмешалась Сарима.

— Тетушка гостя, вы забываете наш горный обычай, благодаря которому вы с няней здесь живете. У нас не принято выставлять гостей за порог. Прошу вас, капитан, простите нашу вспыльчивую гостью. Мы тут слегка одичали. Давно уже не видели военных.

Сестры радушно улыбнулись, кое-как приводя себя в порядок.

— Нет, я не потерплю! — не уступала Эльфаба. — Вы даже не представляете, на что способны эти люди! Я не позволю им здесь поселиться, слышите?!

— Вот чудачка, — сказала Сарима, обращаясь к солдатам. Она дорожила Эльфабиной компанией, но на этот раз тетушка зашла слишком далеко. — Не обращайтесь внимания, она безобидная. Сюда, пожалуйста. Я покажу, где можно умыться с дороги.

* * *

Иржи побаивался военных и предпочитал держаться от них подальше. Он даже перетащил подушку с одеялом в часовню и спал теперь там, благо весна выдалась теплая. По мнению няни, мальчик становился странным.

— Поверь мне, я достаточно насмотрелась на твоего папашу, а потом на Нессу, и чокнутых на вере сразу вижу, — говорила она Эльфабе. — Ему бы, дурню, поучиться у солдат, как быть мужчиной, а он, вишь ты, прячется от них.

Зато Лир был на седьмом небе от счастья. Он неотступно следовал за капитаном Вишнекостом, пока его не прогоняли, носил солдатам воду, чистил сапоги — словом, был в них влюблен и не скрывал этого. Таскаясь за ними по пятам, пока они исследовали местные долины и помечали места, где можно перейти реки вброд и где лучше поставить маяки, Лир набегался и надышался свежим воздухом, как никогда раньше. Прежде сутулый, он стал держаться прямее. Солдаты почти не обращали на него внимания, но и

не гнали, что мальчик принял за дружбу.

Сестры, пожиравшие новых гостей голодными взглядами, остужали себя рассуждениями о том, какого рода люди идут на военную службу. Но это было непросто.

Изменилась и жизнь Саримы. Она попросила у крестьян еды для солдат. Те с ощутимым недовольством, скорее из страха, чем из гостеприимства, стали носить в замок молоко, яйца, сыр и овощи. Почти каждый вечер на столе появлялась рыба из колодца, ну и конечно, дичь: куропатки, горные фениксы, детеныши птицы рухх. Военные проявили себя искусными охотниками и никогда не возвращались с пустыми руками. Видимо, они-то и помогли Сариме отвлечься от горя, по крайней мере вернули хозяйку к столу. Глядя на это, няня одобрительно качала головой.

Одна Эльфаба оставалась неумолимой. Каждый день она бранилась с капитаном: запрещала ему брать с собой Лира, а тому — крутиться возле отряда. Безрезультатно. Первые материнские чувства, которое она познала, — беспомощность и бесполезность. Эльфаба не представляла, как человечеству вообще удалось выжить больше одного поколения: она готова была задушить Лира, лишь бы уберечь его от влияния солдат, которым он стремился подражать.

Чем больше Эльфаба пыталась выпытать истинные цели отряда, тем вежливее и сдержаннее был с ней капитан. Она никогда не была сильна в светских манерах, а этот вояка — кто бы мог подумать? — владел ими в совершенстве. В разговорах с ним Эльфаба чувствовала себя такой неотесанной деревенщиной, будто снова оказалась среди студенток Крейг-холла.

— Да не расстраивайся ты так, уйдут они, куда денутся, — внушала няня, которой в ее годы все действительно казалось если не страшной катастрофой, то ничтожной мелочью.

— Сарима говорит, что прежде не видела людей Гудвина в Винкусе, этими краями раньше никто не интересовался. Если и забредал сюда какой-нибудь редкий географ, то надолго не задерживался. А теперь появился целый отряд. Думаешь, почему? Тебе не кажется, что Гудвин обращает свой жадный взор на здешние земли?

— Посмотри, какими измотанными возвращаются эти ребята из своих вылазок. Они простые исследователи: выяснят, что им надо, и уйдут. И потом, все постоянно твердят, что две трети года здешние места совершенно непроходимы. Так чего нам бояться? Кому мы нужны? Вечно ты паникуешь. В детстве цеплялась за квадлинов, будто они твои куклы! Сколько ныла — мол, мучают их, переселяют. Только мать расстраивала.

— Квадлинов действительно истребляли, — не терпящим возражений тоном сказала Эльфаба. — Мы там были и видели это собственными глазами. Ты тоже, между прочим.

— Я волнуюсь о близких, а не о целом мире, — проворчала няня, почесывая нос Килиджою. — Я забочусь о Лире. Ты же и этого не делаешь.

Решив, что дальнейшие препирательства со старухой бесполезны, Эльфаба снова погрузилась в «Гримуатику», желая найти какое-нибудь заклинание, чтобы закрыть ворота от солдат. Теперь она ругала себя за то, что не ходила хотя бы на уроки мисс Грейлин в Крейг-холле.

— А уж как твоя бедная матушка извелась из-за тебя, — продолжала няня. — Конечно, ты была такой странной, такой необычной. Сколько ей пришлось перенести! Ты мне теперь ее напоминаешь, только она была помягче. У нее были такие длинные волосы. Знаешь, как она расстроилась, что ты девочка, — она-то была уверена, что родится мальчик. Даже послала меня потом в Изумрудный город найти средство, чтобы... Или это было средство, чтобы следующий ребенок не был зеленым? Да, да, именно так.

— Зачем ей, чтобы я была мальчиком? — проворчала Эльфаба, оторвавшись от чтения. — Меня

нехудо было бы спросить. Мне ведь и самой обидно, что я ее сразу так огорчила.

— Ты на нее не сердись, — сказала няня, спихнув клюкой туфли с опухших ног. — У нее были свои причины. Она ведь, знаешь, терпеть не могла жизни в Кольвенском замке, потому и решила выйти за Фрекса и удрать оттуда. Дед ясно давал понять, что метит ее в герцогини. У манчиков ведь как: титулы передаются по женской линии, а мужчины наследуют, только если нет сестер. После смерти старика замок переходил госпоже Партре, потом Мелене, а затем ее первой дочери. Потому она и надеялась, что родит только сыновей, и им не придется возвращаться в семейное гнездо.

— Не может быть! — изумилась Эльфаба. — Она всегда так тепло отзывалась о родительском замке.

— Ха, с возрастом начинаешь ценить, что потерял, — усмехнулась няня. — Но тогда, молодой девушкой, воспитанной в богатстве под гнетом ответственности, Мелена мечтала только о свободе. Бунтуя против судьбы, она рано пристрастилась к любовным играм и меняла ухажеров как перчатки. Фрекс был первым, кто полюбил ее не за титул и наследство, а просто так, — с ним она и сбежала. Она думала, что ее дочерям жизнь в замке тоже покажется адом, поэтому мечтала рожать только сыновей.

— Но это же глупо! Вместо дочери наследником замка стал бы старший сын. То есть, будь я мальчиком и не будь у меня сестер, я все равно попала бы в тот же переплет.

— Вовсе необязательно, — поправила ее старушка. — У твоей матери была старшая сестра, не совсем здоровая головой, так что ее растили в специальном доме вне замка. Если бы она родила дочку первой, то та унаследовала бы и титул, и состояние, и все заботы.

— Вот те на! Значит, у меня есть безумная тетушка? Может, безумство — вообще наша семейная черта? Где же она?

— Умерла бездетной от гриппа, когда ты была еще маленькой девочкой. Тем самым разбила надежды Мелены. Вот о чем думала твоя матушка во времена своей отчаянной молодости.

Эльфаба помнила мать плохо, смутными теплыми обрывками.

— А что ты там говорила про лекарство, которое будто бы принимала мама, чтобы Несса не родилась зеленой?

— Я привезла его из Изумрудного города от одной старой знахарки. Мерзкая такая карга. Я рассказала ей, что случилось: про твой странный цвет кожи и жуткие зубы — слава Лурлине, они у тебя потом сменились на более приличные, — и старуха ляпнула какое-то дурацкое пророчество про двух сестер, которые сыграют важную роль в судьбе страны Оз. Потом дала мне сильные таблетки. Я все спрашивала себя: не они ли причина Несенной болезни? Ни за что не пойду теперь по знахаркам. Научена, благодарю покорно.

Она тонко улыбнулась, давно уже простив себе всякую вину.

— Нессина болезнь, — повторила Эльфаба. — Значит, мама выпила народное снадобье и родила девочку без рук. Одна зеленая, другая безрукая. Не везло маме с дочками.

— Зато сынок вышел просто загляденье, — проворковала няня. — И потом, кто говорит, что это все ее вина? Тут много всего намешано. Во-первых, неизвестно, кто Нессин отец, во-вторых, таблетки от старухи Якль, в-третьих...

— Старухи Якль? — встrepенулась Эльфаба. — Какой еще старухи Якль? И кто мог быть отцом Нессы, если не папа?

— Ого! — сказала старушка. — А ты не знаешь? Налей-ка мне еще чаю, и я все объясню. Ты уже достаточно взрослая, а Мелены давно нет в живых.

И она пустилась в подробный рассказ о стеклодуве Черепашье Сердце, о неуверенности Мелены в том, от кого ребенок, о посещении знахарки Якль, о которой в няниной памяти остались только имя, пилюли и пророчество. О том, каким горем стало для Мелены рождение Эльфабы, она деликатно умолчала.

Эльфаба слушала со всевозрастающим нетерпением. С одной стороны, это было дело прошлого, а потому несущественно, но с другой — многое теперь приобрело иной смысл. А старуха Якль — неужели просто совпадение? Эльфаба хотела даже показать няне рисунок из «Гримуатики» с «Оскалом Якаль», но переборолась. Чего попусту пугать старушку?

Чай допивали молча. Эльфаба беспокоилась о Нессарозе. Вдруг хотела герцогского титула и была в Кольвенском замке в таком же заточении, как ее сестра здесь? Может, Эльфаба должна освободить ее? Вот ведь — всем должна! Неужели этому конца-края не будет?

3

Нор была в отчаянии. Жизнь менялась так быстро, так разительно, мир становился еще волшебнее, теперь чудеса происходили внутри нее. Ее тело расцветало, а никто даже не замечал.

Лир был для солдат мальчиком на побегушках. Иржи слагал стихи во славу Лурлины. Сестры, не зная, как вести себя с солдатами, оставались на своей половине. Традиция запрещала им встречаться с мужчинами, пока старшая из них не выйдет замуж, а все попытки сблизить Сариму с капитаном Вишнекостом так и не принесли успеха. Сестры не сдавались. Третья даже ходила к тетушке ведьме, чтобы узнать рецепт приворотного зелья из волшебной книги. «Ха! — только и сказала ей Эльфаба. — Еще чего». На этом все и кончилось.

Со скуки Нор стала крутиться возле солдатской спальни, добиваясь от мужчин всяких мелких поручений, какие еще не успел выполнить Лир. Она вывешивала проветривать их плащи, чистила пуговицы до блеска, собирала букеты горных цветов. Приносила им блюда с ягодами, фруктами и сырами, что очень понравилось воякам, особенно когда девочка сама их угощала. Одному молодому черненькому, но уже лысеющему солдатику с очаровательной улыбкой Нор клала апельсиновые дольки прямо в рот, на смех и зависть остальным. «Сядь ко мне на коленки, — говорил он. — Давай теперь я тебя покормлю». Он предложил ей клубничку, но девочка отказалась — и отказывать ей понравилось.

Однажды Нор решила сделать сюрприз и убраться в их спальне. Солдаты как раз ушли обследовать виноградники на нижних склонах гор и должны были вернуться только к вечеру. Девочка вооружилась ведрами и тряпками, прихватила метлу тетушки ведьмы и отправилась в солдатскую комнату.

Читала Нор плохо, поэтому оставила без внимания записки и карты, высыпавшиеся из повешенных на стул кожаных мешков. Она вытерла чемоданы, подмела пол, подняла тучу пыли и разгорячилась от работы. Чтобы не было так жарко, Нор сняла рубашку, потом подумала и накинула на бронзовые от загара

плечи грубый солдатский плащ. Даже проветренный на солнце, он ударил в нос таким пьянящим мужским ароматом, что у девочки поплыло перед глазами. Она плюхнулась на чей-то тюфяк, и полы плаща распахнулись. Вот так бы заснуть и пролежать, пока не придут солдаты — пусть полюбуются ее нежной кожей и восхитительной ложбинкой между растущих грудей. Но нет, нельзя. Нор недовольно села и потянулась за чем-нибудь, что первым попадется под руку, чтобы ударить, бросить, разбить...

Под руку попала метла. Вернее, прыгнула сама собой. Так, значит, она и вправду волшебная!

Нор ощупала метлу — осторожно, с опаской, боясь обидеть, но метла тетушки ведьмы ничем не отличалась от любой другой. Вот только двигалась, как будто ею управляла чья-то незримая рука.

— Из какого же дерева тебя сделали? На каком поле вырастили? — робко спросила Нор, не надеясь на ответ. Метла молчала, только подрагивала в руках, слегка приподнявшись над полом, словно в ожидании.

Девочка запахнула плащ, накинула капюшон и, задрав юбку до колен, перекинула ногу через метлу, как через игрушечную лошадку.

Метла приподнялась — медленно, чтобы Нор не упала и могла, стоя на цыпочках, удерживать равновесие. До чего, оказывается, неудобно сидеть, когда центр тяжести высок, а палка такая узкая. Метла задрала рукоятку, так что Нор съехала до самого венника, который пришелся вместо седла. Она крепко вцепилась в метлу и огляделась.

В конце комнаты было открыто большое окно. Метла медленно поплыла к нему, а достигнув подоконника, слегка поднялась и плавно выскользнула наружу.

У Нор душа ушла в пятки. Хорошо еще окно выходило не во двор, где ее наверняка увидели бы, а на противоположную сторону. Нор всхлипнула от необыкновенного, переполнявшего ее чувства страха и восторга. Полы плаща заиграли на ветру и обнажили грудь — неужели она так недавно мечтала, чтобы ее увидели без рубашки? «Ой-ой-ой!» — вскричала она, сжавшись от ужаса и стыда, но метла упрямо поднималась все выше и выше, пока не достигла самого верхнего окошка в ведьминой башне.

Из окна, застыв от изумления с чашками чая в руках, выглядывали Эльфаба и няня.

— А ну спускайся немедленно, — прикрикнула Эльфаба. Нор так и не поняла, к кому обращалась ведьма: к ней или к метле. Если к ней, то бесполезно: ведь у нее не было ни поводьев, ни волшебных слов, чтобы управлять метлой. Но команда подействовала: пристыженная метла развернулась, спикировала в окно и неуклюже приземлилась на полу солдатской спальни. Нор соскочила с нее и, плача, стала одеваться. Нехотя, осторожно подняла она уgomонившуюся метлу и отнесла ее ведьме, ожидая сурового выговора.

— Зачем тебе понадобилась моя метла? — рявкнула Эльфаба.

— Я хотела прибраться у солдат, — отвечала Нор. — Там такой беспорядок: бумаги, одежда, мешки — все разбросано.

— Не смей больше трогать мои вещи, ясно? — пригрозила ведьма. — Какие еще бумаги?

— Карты, планы, письма... Откуда я знаю? — ответила Нор, храбрясь. — Вам интересно — сходите и проверьте, а я на них внимания не обращала.

Ведьма взяла метлу и посмотрела на девочку так, будто собиралась ударить.

— Не будь дурой, держись подальше от солдат, — процедила она ледяным тоном. — Забудь о них. Им ничего не стоит сделать такое, о чем ты всю жизнь будешь жалеть. Не лезь к ним, слышишь? И ко мне тоже!

И она взмахнула метлой, как дубинкой.

Прогнав Нор, Эльфаба задумалась. Метла досталась ей от матушки Якль. Тогда дряхлая монтия казалась молодой послушнице обездвиженной и выжившей из ума старухой, но что, если Эльфаба многого не разглядела в ней? Сама ли старуха заколдовала метлу или у Нор откуда-то взялась магическая сила и как-то на нее передалась? Нор ведь всегда верила в волшебные сказки: вдруг метла только и ждала того, чтобы в нее поверили? Но полетит ли метла для Эльфабы?

Ночью, когда все уснули, ведьма вышла с метлой во двор и, чувствуя себя идиоткой, обхватила ее ногами, как ребенок, скачущий верхом на палочке.

— Ну ты, как тебя, метелка. Лети давай! — пробормотала она.

Метла непристойно потерлась о бедра хозяйки.

— А ну прекрати, — приказала Эльфаба. — Я тебе не институтка.

Метла слегка приподнялась и внезапно уронила хвост, так что ведьма шлепнулась наземь.

— Шутить со мной вздумала? — прошипела Эльфаба, поднимаясь. — Вот спалю тебя, будешь знать.

Понадобилось пять или шесть ночей, чтобы подняться на высоту человеческого роста. Эльфаба ругала себя на чем свет стоит. Она никогда не отличалась успехами в волшебстве. Неужели у нее так ничего и не выйдет?

Наконец упорные тренировки принесли плоды. Эльфаба летала вокруг замка, распугивая сов и летучих мышей и наслаждаясь чувством обретенной свободы. Потом, набравшись смелости, сгоняла к остаткам плотины, которую так и не достроил регент Пасториус. Там она передохнула, надеясь, что не придется обратно идти пешком. Так и вышло: метла капризничала, но всегда исправлялась, когда ей грозили огнем.

Эльфаба чувствовала себя ночным демоном.

В разгар лета приехал арджиканский купец и вместе с товаром — горшками, ложками, мотками шерсти — привез письма с почтовой станции. Одно из них было от Фрекса. Видно, няня рассказала ему о первых плодах своих поисков, потому что послание было адресовано в монастырь Святой Глинды и уже оттуда перенаправлено в Киаммо-Ко. Фрекс писал, что младшая дочь организовала восстание, в результате которого Манчурия откололась от Оза, а саму Нессарозу как единственную герцогиню поставили во главе независимого государства. По-видимому, Фрекс считал, что это место по праву принадлежит Эльфабе, и уговаривал старшую дочь отобрать его у сестры. «Я опасаюсь, не наделала бы она беды», — писал Фрекс. Это удивило Эльфабу. Разве не Несса была его любимой, глубоко духовной «лапочкой», какой Эльфабе никогда не стать?

Сама Эльфаба не испытывала никакого желания ни править манчиками, ни ссориться ради этого с сестрой. Но теперь, когда у нее была волшебная метла, она подумала, а не слетать ли действительно в Кольвенский замок и повидаться с родными. Все-таки двенадцать лет минуло с тех пор, как она оставила в Шизе Нессарозу, пьяную и заплаканную после поминок мисс Ключч.

Манчурия, освобожденная от гнета Гудвина, — да на одно это стоило посмотреть. Эльфаба грустно улыбнулась своим мыслям: как мало было нужно, чтобы в ней снова вспыхнуло презрение к давнему врагу. А еще говорят, время лечит.

На всякий случай перед отлетом она наведлась в пустую солдатскую комнату и просмотрела бумаги. Ничего особенного: карты, описания местности и записи о составе почвы. Никакой явной угрозы для арджиканцев или других винков.

Рассудив, что чем раньше она улетит, тем скорее вернется, и что лучше никому не знать о ее путешествии, Эльфаба сказала сестрам, что хочет несколько дней побыть одна и просит не отвлекать ее ни посещениями, ни пищей. Когда пробило полночь, она вылетела в окно и направилась к титулованной сестре в Кольвенский замок.

4

Днями Эльфаба спала в сараях, под навесами или просто в тени одиноких деревенских домиков. Ночами она летела. Сумеречные пейзажи сменялись, как театральные декорации. Сложнее всего было преодолеть крутые склоны гор, зато потом перед ней раскинулась ровная долина реки Гилликин. Эльфаба полетела вниз по течению, над островками и торговыми судами, пока не достигла Тихого озера, крупнейшего водоема, в стране. Целая ночь ушла на то, чтобы облететь его вдоль южного берега. Казалось, темной маслянистой воде, мягко плескавшейся о болотистый, поросший осокой берег, не будет конца. Эльфаба долго искала устье реки Манч, впадавшей в Тихое озеро с востока. От нее найти Дорогу из желтого кирпича уже не составляло труда. Картины сельской жизни становились все радостнее; от последствий страшных засух, столь обычных в ее детстве, не осталось и следа. Молочные фермы и деревеньки, окруженные вспаханymi полями, процветали, и все в них было хорошо, как в игрушечном городке.

Правда, дальше на восток дорога была изрядно попорчена: то тут, то там изрыта, перегорожена поваленными деревьями, кое-где мелькали сломанные мосты. Видимо, манчики готовились защищать свою свободу от армии Гудвина.

На седьмую ночь после вылета из Киамо-Ко Эльфаба спустилась около городка Кольвен и прилегла отдохнуть под зеленым дубом. Проснувшись, она спросила у встречного торговца дорогу в замок. Тот съежился от страха, будто встретил самого дьявола, но путь указал. «Значит, зеленую кожу здесь все так же боятся», — отметила про себя Эльфаба и, пройдя оставшиеся пару миль пешком, добралась до родового имения, когда уже должен был закончиться завтрак.

Эльфаба помнила, с какой любовью мать рассказывала о Кольвенском замке, когда они шлепали в резиновых сапогах по болотной жиже. Теперь, насмотревшись на шизские древности и пышность Изумрудного города, Эльфаба была, казалось, подготовлена к любому зрелищу. И все-таки она не удержалась от возгласа удивления, когда увидела размах семейного гнезда Троппов.

Ворота позолочены, двор вылизан так, что ни одной лошадиной кучи, ни одной соломинки не было видно, балкон над тяжелыми входными дверями заставлен глиняными вазами с кустиками,

выстриженными в форме святых. Придворные в ленточках, означавших, видимо, их высокое положение в Свободной Манчурии, стояли кружком с чашками дымящегося кофе в руках. «Наверное, только что с утреннего совета», — подумала Эльфаба и шагнула внутрь. Дорогу ей тут же перегородили два невесть откуда взявшихся стражника с мечами. Видя, что ее уже с первого взгляда принимают за опасную ненормальную, Эльфаба начала препираться, и неизвестно, чем бы кончилось дело, если бы из-за павильона не вышел мужчина и не приказал им остановиться.

— Фабала! — воскликнул он.

— Да, папа, это я, — с дочерней почтительностью ответила она.

Вельможи принялись оборачиваться, но, сообразив, что глазеть на встречу родственников было бы верхом неприличия, вернулись к своему разговору. Стражники расступились перед Фрексом. Его жидкие длинные волосы были перехвачены все той же заколкой из кости и сыромятной кожи, а желтовато-белая борода спускалась почти до пояса.

— Эта женщина — моя старшая дочь и сестра вашей хозяйки, — объявил Фрекс привратникам. — Никогда больше не смейте ее задерживать.

Он взял Эльфабу за руку и по-птичь поворачивая голову набок, оглядывая дочь одним глазом. Второй глаз, вдруг отчетливо осознала Эльфаба, был слеп.

— Пойдем побеседуем наедине, вдали от чужих ушей, — сказал Фрекс. — Ну и ну, Фабала, ты теперь просто вылитая мать.

Он взял ее под руку и ввел через боковую дверь в маленькую залу, обитую шафранными шелками, где стоял диван с синими бархатными подушками. Медленно, покряхтывая, Фрекс опустился на диван и похлопал по месту рядом с собой. Эльфаба осторожно села, поражаясь собственным чувствам к старику — так ей хотелось его обнять. «Прекрати, ты уже взрослая женщина!» — напомнила она себе.

— Я знал, что ты вернешься, стоит только написать — сказал Фрекс и стиснул ее в объятиях. — Я всегда это знал. — Он всхлипнул. — Прости старику слезы, это скоро пройдет.

Наконец отпустив Эльфабу, он стал спрашивать, где она была, что делала и почему не возвращалась домой.

— А куда мне было возвращаться? — спросила она, ощущая горькую правду своих слов. — Разве я когда-нибудь знала, где у нас дом? Когда ты обращал в свою веру один город, то тут же перебирался в другой. Твоим жилищем был дом пастыря для чужих душ, а мой дом не таков. К тому же у меня и своих дел хватало. — Она помолчала и добавила уже тише: — Так мне казалось.

Она сказала, что жила в Изумрудном городе, хотя и умолчала о том, чем занималась.

— Так что няня не ошиблась? Ты действительно была монтией? Странно, очень странно. Сколько смирения и послушания для этого нужно. Я тебя помню совсем другой.

— Я была такой же монтией, как прежде унионисткой, — усмехнулась Эльфаба. — Но я жила среди сестер, это правда. При всех своих убеждениях — верных или ошибочных — они делают доброе дело. Они помогли мне пройти через тяжелый этап в моей жизни. А в прошлом году я ушла из монастыря и отправилась в Винкус. Там теперь мой дом, хотя не знаю, надолго ли.

— А чем ты занимаешься? Ты замужем?

— Я ведьма, — просто ответила она.

Фрекс отшатнулся и уставился на дочь зрячим глазом — проверить, не шутит ли она.

— Расскажи мне про Нессу, — попросила Эльфаба. — Хочется знать, что с ней стало, прежде чем мы встретимся. И про Панци.

Фрекс рассказал, как его младшая дочь стала герцогиней, а весной провозгласила независимость Манчурии.

— Да, да, это я уже слышала. Но как так получилось? Почему? Фрекс описал, как солдаты сожгли ферму, где собирались недовольные режимом Гудвина, как расположившиеся возле Драконовой чащи штурмовики после кутежа изнасиловали несколько местных девушек, как устроили бойню в Дальнеябловке, как повысили налоги на продажу зерна...

— Но последней каплей для Нессы стало осквернение деревенских церквей, которое совершили солдаты Гудвина.

— Странная капля, — сказала Эльфаба. — Разве Писание не учит нас, что любое место одинаково священо для молитв — будь то хоть церковь, хоть угольная шахта.

— А, Писание... — Фрекс пожал плечами, эти тонкости были уже не для него. — В общем, Несса решительно осудила солдат и послала гневное письмо не кому-нибудь, а императору Гудвину, что само по себе было уже на грани измены. И представь, ее поступок стал искрой, из которой мгновенно вспыхнуло пламя. Вдруг вокруг Нессы появились единомышленники, и Кольвен залихорадило революцией. Как это было великолепно — казалось, будто Нессу с детства готовили возглавить восстание. Она обратилась к народу, к старостам окрестных и дальних деревень с просьбой поддержки и даже не затронула привычных для себя вопросов веры — весьма разумно, на мой взгляд. Ответ на ее обращение был ошеломительный. Все как один выступили за независимость.

Эльфаба с удивлением отметила про себя, что к старости отец стал прагматиком.

— Но как ты пробралась через пограничные патрули? — спросил Фрекс. — Говорят, там сейчас жарко.

— Да так, прошмыгнула, как черная птичка в ночи, — улыбнулась Эльфаба, взяв отца за руку, всю в старческих пятнах. — Вот только я не поняла, папа, зачем ты меня позвал. Что, по-твоему, я должна сделать?

— Я подумал, может, ты разделишь власть с сестрой? — сказал он с наивностью человека, чья семья давно распалась. — Я ведь хорошо тебя знаю, Фабала; вряд ли ты сильно изменилась за прошедшие годы. Ты умна и верна своим убеждениям. А Нессой руководит только вера, и если она оступится, поскользнется, то перечеркнет все хорошее, что сейчас создает. И тогда ей придется худо.

«Так ты хочешь сделать меня нянькой для сестры? Мне, значит, вечно быть на подхвате?» Хорошее настроение Эльфабы мигом улетучилось.

— И не только ей, — продолжал Фрекс, широким взмахом руки показав всю Манчурию. Лицо его погрузнело. Видимо, холодно отметила Эльфаба, все это время отец улыбался через силу. Плечи старика поникли. — Фермеры, целое поколение которых выросло под властью мошенника-диктатора, явно недооценивают опасность возмездия. Панци выведал из надежных источников, что запасы зерна в Изумрудном городе огромны. Гудвину незачем спешить с ответным ударом. А мы опьянены успехом: как же, самый бескровный переворот за всю историю страны! И Несса опьянена вместе со всеми. Ты — совсем другое дело. Ты всегда была холодной и рассудительной. Ты бы помогла ей подготовиться, стала бы для сестры поддержкой и опорой.

— Я только этим и занималась, папа. И в детстве, и в университете. Теперь, я слышала, Несса твердо стоит на собственных ногах.

— Это все мои башмачки. Я купил их когда-то у дряхлой старухи и украсил, как когда-то научил меня

Черепашье Сердце. Я хотел, чтобы в них Несса чувствовала себя красивой, но и подумать не мог, что их кто-то заколдует. Нет, я не против, заколдовали и ладно. Но Несса теперь считает, что ей не нужна ничья помощь — ни чтобы вставать, ни чтобы управлять страной. Она совсем перестала меня слушать. Мне даже кажется, что эти башмачки опасны.

— Почему ты не подарил их мне? — прошептала Эльфаба.

— Зачем они тебе? У тебя было свое оружие: твой голос, твое упрямство, даже твоя жестокость.

— Жестокость? — вскричала она.

— Ода, вдетствы была сущим дьяволенком. Сейчас это, конечно, не важно — люди меняются, — но тогда тебя страшно было подпускать к другим детям. Ты успокоилась лишь тогда, когда мы начали путешествовать и тебе пришлось нести малютку Нессу. Она тебя уgomонила, скажи ей спасибо. Нессароза с детства была настоящей святой и очаровывала всех, даже тебя, своей беззащитностью. Ты-то, конечно, забыла.

Эльфаба действительно забыла и не хотела вспоминать. Даже мысль о том, что ее считали жестокой, уже забывалась. Она копалась в себе, выискивая любовь к отцу, несмотря на то, что он опять пытался сделать ее прислугой для младшей дочери, и остановилась на его заботе о манчиках. Вечный пастырь, пекущийся о своей пастве. Что ж, хотя бы за эту преданность народу его можно любить.

— Мы еще потом поговорим, и я поспрашиваю тебя о Черепашьем Сердце, а пока пойду проведу сестрицу. Я подумаю над твоим предложением, папа. Не представляю себя в правительстве вместе с тобой и Нессой — а то и с Панци, если и он туда войдет, — но обещаю не спешить с выводами. Кстати, как поживает Панци? — спросила Эльфаба, поднимаясь.

— В тылу врага, как это говорится. Своенравный мальчишка. Ох, пропадет он, когда заварится настоящая каша. Знаешь, он стал похож на тебя.

— Неужели позеленел?

— Упрям стал очень. Не меньше твоего.

* * *

Пока Нессароза совершала утреннюю молитву в часовне наверху, Фрекс представил Эльфабу охранникам, распорядившись, чтобы ее пропускали и в доме, и в окрестных владениях. В конце концов, Эльфаба могла еще стать правительницей Свободной Манчурии. Пока он смотрел вслед зеленой дочери, которая уходила по мраморным коридорам, волоча за собой метлу, как служанка, и оглядываясь на золоченые фигуры, атласные занавески, вазы с живыми цветами, слуг в ливреях и портреты, Фрекса глубоко в груди кольнуло привычное чувство вины за то, что он неправильно ее воспитал. Зато она хотя бы вернулась.

Эльфаба нашла часовенку наверху, в конце очередного коридора, отделанного не так, как остальной замок: изысканнее, но вместе с тем и строже. Здесь все еще шел ремонт: видимо, Нессароза приказала заштукатурить стены с фресками, чтобы они не отвлекали от духовных раздумий. Эльфаба села на скамеечку между лестницами, кистями и ведрами с побелкой. Она даже не стала делать вид, что молится, — просто сосредоточилась на незакрашенной части стены. Там было изображено несколько довольно пухлых ангелов, вернее, ангелиц, парящих на внушительных крыльях. Одежда их, видимо, специального ангельского покроя, даже не оттопыривалась на месте крыльев, а сами крылья, ровные,

аккуратные, без вздутых вен, легко держали их весьма корпулентные тела. Художник явно задумывался, каких размеров должны быть крылья, чтобы поднять столь пышных дам. По его представлениям выходило примерно втрое длиннее рук, с небольшой поправкой на пышность форм. Интересно, если ангелы добираются до Иной земли на крыльях, можно ли долететь туда на метле?

Тут Эльфаба поняла, что страшно устала: обычно она сразу отсекала всякий унионистский бред вроде загробного мира, того света, Иной земли. «Пора вспомнить биологию, — решила она. — Все те открытия, которые сделал профессор Дилламонд, — какие-то из них я ведь почти поняла. Пришью, например, Чистри крылья, пусть летает вместе со мной. Будет веселее».

Она поднялась и пошла искать герцогиню.

* * *

Нессароза почти не удивилась появлению сестры. Наверное, привыкла быть в центре внимания, решила Эльфаба. Хотя, если подумать, она всегда там находилась.

— Эльфи, дорогая, — только и сказала Нессароза, оторвав взгляд от двух одинаковых книг, раскрытых перед ней специально для того, чтобы она могла прочесть сразу четыре страницы, прежде чем звать кого-нибудь их перевернуть. — Иди сюда, давай поцелуемся.

— Здравствуй, Несси. — Эльфаба чмокнула сестру в щеку. — Хорошо выглядишь. Как дела?

Нессароза встала, сверкнув серебряными башмачками, и широко улыбнулась.

— Слава богу, не жалуюсь. Господь дает мне силы.

Эльфаба не рискнула с ней спорить.

— Вижу, ты поднялась — и не только на ноги. Ты приняла важную роль, которую отвела тебе история. Я горжусь тобой.

— Не стоит гордиться, это грех, — нравоучительно произнесла Нессароза. — Но спасибо на добром слове. Я так и думала, что ты приедешь. Тебя отец сюда вытащил? За мной присматривать?

— Никто меня не вытаскивал, но папа действительно писал.

— Непривычно, наверное, попасть в самое пекло после стольких лет одиночества? Где ты пропадала?

— Да так: то тут, то там.

— Знаешь, а мы ведь думали, что ты погибла. Будь другом, накинь мне на плечи шаль и застегни вот здесь, чтобы не звать служанку. Спасибо. Да, мы уж боялись, что тебя нет в живых. Взяла и бросила меня одну в Шизе. Это же ужас что такое! Кстати, только что вспомнила, я ведь до сих пор на тебя сержусь.

Нессароза мило улыбнулась. По крайней мере, отметила Эльфаба, чувство юмора у сестры еще осталось.

— Может, я и правда поступила нехорошо, но кто в молодости не ошибается? — сказала Эльфаба. — Тебе это, как я посмотрю, сильно не повредило.

— Мне целых два года пришлось одной терпеть кошмарную Кашмери. Глинда выпустилась и уехала, няня мне помогала, но уже тогда была стара. Кстати, ты ее видела? Она поехала тебя разыскивать. Меня спасла вера.

— Да, вера — она такая, она может. Когда есть.

— Ты говоришь так, словно все еще живешь в тени сомнения.

— Давай не будем отвлекаться: у нас есть более важные темы для разговора. В твоих руках — ой, прости, я стала забывать... От тебя зависит судьба революции и целого народа. Поздравляю.

— Ах, мирская суета... Посмотри лучше, какая погода хорошая. Пойдем прогуляемся по саду, подышим свежим воздухом, а то ты уже совсем позеленела...

— Один-один.

— ...А потом поговорим о политике. У меня скоро встреча, но время для небольшой прогулки еще осталось. Все равно тебе нужно познакомиться со здешними местами. Пошли, я покажу.

5

Эльфаба ненадолго заполучила внимание сестры. При внешней беспечности Несса ни на секунду не забывала о своем насыщенном расписании и часами готовилась к разным встречам.

Они говорили о пустяках, вспоминали детство, университет, друзей. Эльфаба пыталась перевести разговор на что-нибудь более серьезное, но Нессароза всегда ее останавливала. Иногда она разрешала старшей сестре присутствовать на приеме просителей. Впечатление, которое они произвели на Эльфабу, было не из лучших.

Один раз явилась старуха из деревеньки в Зерновом краю. Она подобострастно раскланялась, и Нессароза одарила ее лучезарной улыбкой. Посетительница пожаловалась на племянницу, которая, влюбившись в местного дровосека, Ника Востра, собирается бросить ее и выйти замуж. Придется старухе, чьих трех сыновей забрали в ополчение, одной убирать урожай. Старуха заверяла, что не справится, зерно пропадет, и она разорится.

— А все из-за какой-то свободы, — сварливо закончила она.

— Чего же вы хотите от меня? — спросила правительница Манчурии.

— Сделайте что-нибудь с этим дровосеком, а я вам дам двух Овец и Корову.

— У меня и так их довольно, — сказала Нессароза, но Эльфаба перебила ее:

— Овец, вы сказали? И Корову? То есть Зверей?

— Именно, — важно сказала старуха. — Моих собственных Зверей.

— Собственных? — прошипела Эльфаба. — Это что же получается — у вас теперь Зверей за скот считают?

— Эльфи, перестань, — вполголоса сказала ей Нессароза.

— Что вы за них хотите? — не утихала Эльфаба.

— Я же говорю: сделайте что-нибудь с этим дровосеком.

— А именно? — спросила Нессароза, раздраженная тем, что сестра отнимает у нее роль вершительницы правосудия.

— У меня с собой его топор. Может, вы его заколдуете, и он убьет дровосека?

— Фу! — воскликнула Эльфаба.

— Как-то это не очень красиво, — заметила Нессароза.

— Не очень красиво? — вскричала Эльфаба. — Да уж, Несси, прямо скажем, совсем некрасиво!

— Ну, здесь вы судья, госпожа, вам и решать, — сказала старуха. — Что вы посоветуете?

— Я действительно могла бы заколдовать его топор, чтобы он отскочил от дерева и отрубил ему... ну, скажем, руку, — задумчиво произнесла Нессароза. — Калеки не так желанны для противоположного пола — это я точно знаю.

— Годится, — охотно согласилась старуха. — Только если это не сработает, обещайте, что поможет мне снова за прежнюю плату. Корова с Овцами — это все-таки немаленькая цена.

— Ты что, колдуешь? — изумилась Эльфаба. — Это ты-то? Поверить не могу!

— Ничто не возбраняет праведнику творить чудеса во славу Господа, — невозмутимо ответила Нессароза. — Покажите мне топор, раз уж принесли.

Старуха положила топор на пол, и Нессароза опустилась возле него на колени. Странно, даже жутко было смотреть, как ее узкое безрукое тело, не теряя равновесия, нагнулось над топором, а потом, когда заклятие было наложено, самостоятельно выпрямилось. «Ничего себе башмачки! — с завистью подумала Эльфаба. — Сколько же силы должно быть у Глинды, чтобы так их заколдовать? А ведь когда-то она казалась всего лишь разодетой куклой. Или сила в башмачках взялась от отцовской любви к Нессе? Или от сочетания того и другого? А Несса-то хороша! Навешала папе лапшу на уши, а сама колдует, как бы она это ни называла!

— Нуты и ведьма! — не удержалась Эльфаба, когда старуха стала благодарить Нессарозу.

— Теперь пойду за Зверями, — говорила ошарашенная бабка. — Они у меня привязаны в городе.

— Звери? Привязаны?! — гневно воскликнула Эльфаба.

— Благодарю вас, достопочтенная правительница Востока, — продолжала старуха, не обращая внимания на Эльфабу. — Или, может, прикажете звать вас Восточной ведьмой?

Она улыбнулась во весь зубастый рот и, закинув топор на плечо, точно заправский лесоруб, зашагала к выходу.

Нессарозу ждали новые дела, и Эльфаба отправилась разыскивать Зверей. Она ходила по скотному двору, пока не нашла работника, который указал ей на двух овец и корову. Они стояли, отвернувшись к разным стенам аккуратного загона, и жевали солому, глядя перед собой бессмысленными глазами.

— Это вас только что привела старая карга? — спросила Эльфаба.

Корова оглянулась, удивленная, что к ней обращаются. Овцы, казалось, даже не поняли, о чем их спрашивают.

— Мясо выбираете? — мрачно спросила Корова.

— Я недавно из Винкуса, где почти нет Зверей, — объяснила Эльфаба. — А раньше я боролась за пересмотр Звериных прав. Я совсем не знаю, каково вам сейчас среди манчиков. Не расскажете?

— Занимайтесь-ка вы лучше своим делом, вот что я вам скажу, — ответила Корова.

— А вы, Овцы, что скажете?

— Ничего они не скажут. Они разучились говорить.

— Они что — стали овцами? Такое бывает?

— Разве когда вы слышите, что кто-то из людей превратился в свинью или ведет растительное существование, вы это воспринимаете буквально? Овцы не превращаются в овец — они становятся немymi Овцами. И вообще мы их обсуждаем, а они даже не понимают. Нехорошо.

— Да, конечно. Прошу прощения, — сказала она Овцам, и одна из них печально моргнула. — Я бы предпочла называть вас по имени, если позволите, — обратилась она к Корове.

— Зачем? — вздохнула Корова. — Какая мне теперь от него польза? Нет уж, лучше обойдемся без имени.

— Понимаю, — кивнула Эльфаба. — Я тоже оставила прежнее имя и зовусь теперь просто.

— Ваша светлость? Это вы? — Из-под губы у коровы потянулась вязкая слюна. — Какая честь! Так вы сами зовете себя ведьмой? Я-то думала, вам придумали злое прозвище: Восточная ведьма.

— М-м... нет, не совсем. Я не герцогиня, а ее сестра. Западная ведьма, получается. — Эльфаба усмехнулась. — Вот, оказывается, как Нессу здесь любят.

— Простите, я не хотела никого обидеть, — поспешила исправиться Корова. — Надо было мне не языком трепать, а жевать свое сено. Я сегодня сама не своя: нас продали в обмен на колдовское заклятие. Да-да, я все слышала, я пока еще понимаю человеческую речь. Подумать только, меня использовали, чтобы навлечь беду на добродушного парня, который и мухи не обидит! Можно ли пасть ниже?

— Я пришла вас освободить, — сказала Эльфаба.

— С чьего это разрешения? — недоверчиво мыкнула Корова.

— Я же говорю: я сестра здешней правительницы. Восточной ведьмы. У меня есть полное право вернуть вам свободу.

— И куда мы пойдем? — поинтересовалась Корова. — Что будем делать? Нас тут же изловят и опять посадят на веревку. От мерзких вездесущих двуногих разве скроешься? Кто нас защитит? Гудвин превратил нас в рабов, а ваша сиятельная сестра проповедует нам смирение и послушание.

— Вы совсем раскисли, — сказала Эльфаба.

— Раскиснешь тут. — Корова усмехнулась. — Мое вымя болит от ежедневного дерганья, меня доят по нескольку раз на день. А уж когда на тебя залазит огромный... а, ладно, чего там. Но самое страшное — это то, что моих теляток откармливали молоком, а потом убивали на мясо. Я слышала их предсмертные крики, никто не считал нужным хотя бы куда-нибудь меня увести.

Ее голос сорвался, и она отвернулась. Овцы подошли и молча прижались к ней с обеих сторон.

— Вы даже представить себе не можете, как мне стыдно и как мне вас жаль. Давно еще, когда я училась в Ш изском университете, я работала с профессором Дилламондом — вы о нем слышали? Я тогда ездила к самому Гудвину и требовала, чтобы он относился к Зверям по-человечески.

— Гудвин! — презрительно сказала Корова, совладав с собой. — Где ему до нас снизойти! И знаете, я

устала от разговоров. Все вы добрые, пока вам ничего от нас не надо. Подозреваю, что герцогиня Тропп собирается включить нас в какое-нибудь религиозное шествие. Повязать на нас ленточки или что-то в этом духе. А чем это кончится, мы все хорошо знаем.

— Вы ошибаетесь! Я вас уверяю. Несса — строгая унионистка, а унионисты не приносят кровавых жертв.

— Времена меняются, — сказала Корова. — К тому же ей надо успокаивать полуграмотный народ. Что может быть лучше ритуального убийства?

— Но как вообще дошло до всего этого? — спросила Эльфаба. — Манчурия — аграрная страна. Вас должны по крайней мере уважать.

— О, объяснений масса. В неволе появляется столько времени для размышлений. Немало я слышала теорий, связывающих распространение идолопоклонства с механизацией производства и уменьшением роли Зверей как рабочей силы. Может, мы и не могли свернуть горы, но всегда были трудолюбивыми работниками. А когда отпала нужда в нашем труде, тогда постепенно мы перестали быть нужны обществу. Вот вам логичное объяснение. Мне, правда, кажется, что все страшнее, что в нашей земле поселилось истинное зло. Гудвин подает пример, а народ следует за ним, как стадо овец. Простите, мои хорошие, — она повернулась к соседкам по загому. — Оговорила.

Эльфаба распахнула калитку.

— Выходите, вы свободны! Можете распоряжаться свободой, как хотите. Но если останетесь, пеняйте на себя.

— А если выйдем, на кого нам пенять? Думаете, если ведьма заколдовала топор, чтобы разделаться с человеком, то она остановится перед парой Овец и старой надоедливой Коровой?

— Но может, это ваша последняя возможность! — вскричала Эльфаба.

Корова нехотя вышла; Овцы тоже.

— Нас вернут, вот увидите, и пусть это будет вам уроком. Попомните мои слова: года не пройдет, как вам преподнесут мое мясо на лучшем гилликинском фарфоре. Чтоб вы подавились, — промычала она и, разгоня мух хвостом, поплелась прочь.

— Ах, Эльфи, не могу, у меня посол из Маррании, — отвечала Нессароза, когда Эльфаба пришла переговорить с ней. — Нельзя же ей отказать. Она приехала обсудить договор о взаимопомощи, если их страна отделится следующей, но боится за семью, поэтому сегодня же уезжает. Давай лучше поужинаем вместе, как в старые добрые времена. Ты, я и моя служанка.

Пришлось Эльфабе коротать еще один день. Она нашла Фрекса и уговорила его прогуляться с ней мимо ухоженных лужаек и декоративных прудов туда, где кончалось имение и начинался лес. Отец шагал так скованно и медленно, что для Эльфабы, привыкшей к быстрой ходьбе, это была настоящая пытка.

— Как тебе сестра? — спросил Фрекс. — Сильно изменилась за прошедшие годы?

— Она всегда была самоуверенной. Осталась и теперь, — сдержанно ответила Эльфаба.

— Не сказал бы. Но держится она действительно хорошо.

— Зачем ты все-таки меня позвал, папа? Только честно, мое время на исходе.

— Ты бы лучше сестры правила страной, — сказал Фрекс. — И это твое право по старшинству, хоть Мелена и выступала против традиций наследования. Я уверен, нашему народу жилось бы с тобой спокойнее. Несса слишком... набожна, если так можно сказать. По крайней мере для главы государства.

— Я, может, мало похожа на маму, но обычаи меня тоже не интересуют. Какая разница, что герцогский титул должен был достаться мне? Я давно отказалась от своих прав, и Несса может сделать то же самое — тогда Панци заступит на ее место. Или еще лучше — вообще отказаться от глупого обычая, и пусть манчики живут как хотят.

— Возможно, так когда-нибудь и будет. Но сейчас я говорю не о титулах и почестях, а о власти и руководстве страной. О нашем беспокойном времени и о тех делах, которые необходимо совершить. Ты всегда была способнее сестры и брата. Панци — озорник и шалопай, играет сейчас в шпионов, а Несса — все такая же несчастная, обиженная жизнью девочка...

— Ай, перестань, — поморщилась Эльфаба. — Она уже давно повзрослела.

— Разве по ней скажешь? — возразил Фрекс. — Где ее муж, дети? Есть ли в ее жизни какой-то смысл? Нет, она прячется за религией так же, как террорист прячется за своими идеями... — Тут он заметил, что Эльфаба вздрогнула, и остановился.

— Я знала террористов, способных любить, — ровным голосом сказала она. — И еще я знала добрых монашек, незамужних и бездетных, но помогавших страждущим.

— Думаешь, Несса любила кого-нибудь, кроме Бога?

— А чему ты удивляешься. У тебя вон тоже жена и дети отступали на второй план, когда ты обращал квадлинов в истинную веру.

— Я делал то, что было нужно, — твердо сказал Фрекс. — Не хватало еще, чтобы дочь читала мне мораль!

— Тогда хватит меня мучить сестринским долгом. Я и так отдала Нессе все детство. Я помогала ей в Шизе. Она устроила свою жизнь, как хотела, и если ей что-то не нравится, пусть меняет. Как и несчастные манчики: если молитвы вконец станут им поперек горла, они могут свергнуть ее и отрубить ей голову.

— Она властная женщина, — печально сказал Фрекс. Эльфаба сбоку посмотрела на отца и впервые увидела в нем слабого, беспомощного старика, каким когда-нибудь станет Иржи, если, конечно, доживет до старости. Не деятель, а созерцатель, опасющийся попасть в гущу событий, скорбящий по прошлому и молящийся о будущем, вместо того чтобы жить настоящим.

— Как же она такой стала? При добродетельных-то родителях? — спросила Эльфаба, пытаясь польстить самолюбию старика.

Фрекс не ответил.

Лес кончился, и они вышли на окраину поля. Двое крестьян ремонтировали ограду и насаживали на

кол огородное пугано.

— День добрый, отец Фрекспар, — поздоровались они, сняв шапки и подозрительно поглядев на Эльфабу.

— Ты заметил на их рубашках какой-то амулет? — сказала Эльфаба отцу, когда они отошли. — Вроде соломенного человечка.

— Да, это страшила, — вздохнул Фрекс. — Еще один языческий обычай, который совсем было исчез, но вернулся после Великой засухи. Суеверные крестьяне носят его, чтобы он защищал урожай от всяких напастей: ворон, саранчи, болезней. Когда-то ему даже приносили человеческие жертвы. — Фрекс перевел дыхание и вытер пот с лица. — Так погиб друг нашей семьи, квадлин Черепашье Сердце, прямо здесь, в Кольвене, в тот день, когда родилась Несса. Тогда по стране путешествовал гном с бродячим кукольным театром и пробуждал в людях самые низменные и уродливые чувства. Только мы сюда приехали, как квадлина схватили, а нас погнали из города. Я тогда плохо соображал, пытался помочь Мелене. Никогда себя не прощу.

— Ты любил его, да? — спросила Эльфаба, чтобы проверить свою догадку.

— Мы оба его любили: и я, и твоя мать. Не знаю, за что. Даже тогда, наверное, не знал, а ведь с тех пор прошло столько времени. После смерти Мелены я уже никого не любил, кроме вас, конечно.

— До чего мерзкая история с этими жертвоприношениями. Вот и Корова, с которой я только сегодня говорила, тоже боится, что ее принесут в жертву. Разве это возможно?

— Чем образованнее человек, тем ужаснее его развлечения, — сказал Фрекс.

— Неужели ничего не изменится? Помню, наша директриса, мадам Кашмери, рассказывала на лекции о происхождении слова «Оз». Большинство ученых сходятся на том, что оно возникло из старого гилликинского корня «ус», означавшего рост, развитие, силу, власть. Современные слова «ось» и «усы» — производные оттого же корня. Но сюда же относятся «уськать» и «науськивать». И знаешь, чем старше я становлюсь, тем больше соглашаюсь с этой версией.

— А между тем поэт когда-то написал: «Земля лугов бескрайних, зеленая земля...»

— Поэты не меньше виновны в построении империй, чем грязные политиканы.

— Иногда кажется, бросил бы все и пошел отсюда куда глаза глядят. Но как пройти через смертельные пески?

— Да это же сказки, папа! Ты ведь сам говорил, что пески эти не опаснее здешних полей. Это, кстати, напомнило мне о другой теории, будто слово «Оз» связано со словом «оазис». Так северные кочевники думали о Гилликине, когда только поселились там в незапамятные времена. Только тебе вовсе не нужно идти через пустыню, папа. Поехали со мной в Винкус. Эта земля совсем не похожа на остальную страну.

— Я бы с радостью, дочка, но разве я могу оставить Нессу? Нет, это невозможно.

— Даже если она дочь Черепашьего Сердца? — со злой обидой спросила Эльфаба.

— Особенно если так.

Только тут Эльфаба поняла. Не зная наверняка, кто отец Нессарозы, Фрекс, следуя своей непостижимой логике, стал считать ее общей дочерью. Она была живой памятью об их непродолжительном союзе — ну и о Мелене, конечно. Какой бы калекой Несса ни была, она всегда будет значить для отца больше, чем Эльфаба. Она всегда будет для него важнее.

Ужинали сестры в комнате у Нессарозы. Давали говяжий суп, но Эльфаба, обычно непритязательная в еде, вдруг почувствовала, что не может взять в рот ни ложки. Напротив нее служанка аккуратно кормила сестру.

— Перейдем сразу к делу, — начала герцогиня. — Я хочу, чтобы ты осталась со мной, стала первым министром и управляла страной, если мне придется уехать.

— Мне здесь не нравится, — искренне ответила Эльфаба. — Народ жесток и глуп, двор слишком пышен, а ты, по-моему, сидишь на пороховой бочке.

— Тем больше причин, чтобы остаться и помочь. Разве нас не затем растили, чтобы мы принесли людям пользу?

— Зачем тебе я? Ведь есть башмачки. Ты с ними стала совсем самостоятельная, я даже не ожидала. Главное — смотри не потеряй.

«Ты с ними совсем как змея, которая стоит на хвосте, — подумала про себя Эльфаба. — Даже смотреть жутко».

— Разве ты их не помнишь?

— Помню, конечно, но я слышала, Глинда наделила их волшебными свойствами.

— Ах, эта Глинда! Удивительное создание. — Нессароза проглотила суп и улыбнулась. — Хочешь, я тебе их оставлю? Только после смерти. Впишу в завещание. Не знаю, правда, чем они тебе помогут: мне они новых рук не отрастили, и тебе цвет кожи вряд ли исправят. Разве что сделают тебя такой неотразимой, что на кожу уже никто не будет смотреть?

— Стара я уже, чтобы быть неотразимой.

— Перестань! — рассмеялась Нессароза. — Мы с тобой еще в самом расцвете лет. Признайся: тебя наверняка дожидается какой-нибудь симпатичный винк в своем шалаше, юрте, вигваме или как это у них называется?

— Скажи мне лучше вот что. Я с утра все хотела тебя спросить. По поводу заколдованного топора.

— Да? Картофелину, пожалуйста, вон ту, спасибо.

— Помнишь тот день в университете, когда мадам Кашмери оставила нас в своем кабинете и заворожила?

— Что-то припоминаю. Мерзкая была тетка, да? Настоящий деспот.

— Она тогда сказала, что выбрала нас — тебя, меня и Глинду, — чтобы посвятить в Наместницы и сделать агентами какой-то важной особы. Волшебницами и, не знаю, сообщницами. Обещала, что мы займем высокие посты и сможем на многое влиять. И заставила нас поверить, будто мы никогда не сможем обсуждать этот разговор друг с другом.

— Ах, это! Да, конечно, я помню. Ну и ведьма она была!

— И что ты об этом думаешь? Неужели она действительно могла сделать из нас могущественных волшебниц и заставить молчать?

— Напугать она нас могла, это точно. Но мы были молодыми и глупыми.

— Мне тогда казалось, что она в сговоре с Гудвином и что это она приказала Громметику — странно, как сейчас помню его имя, странное дело память, — приказала ему убить профессора Дилламонда.

— Сколько тебя помню, тебе всегда мерещились заговоры! Нет, я сомневаюсь, чтобы мадам Кашмери была столь влиятельна. Она строила козни и пыталась управлять, кем могла, — это да, но настоящей власти у нее не было. Мы только по наивности считали эту напыщенную курицу страшной злодейкой.

— Не знаю. Я ведь потом пыталась что-то сказать, и мы едва не упали в обморок.

— Мы были тогда страшно внушаемы, Эльфи.

— А Глинда вышла за богача, как Кашмери и говорила. Сэр Чафри-то все еще жив?

— Если это считать жизнью, то да. И Глинда стала волшебницей, тут тоже никто не спорит. Только вовсе не обязательно, что мадам Кашмери была тому причиной. Она всего лишь предсказывала очевидное: разглядела наши способности, как разглядел бы любой опытный учитель, и посоветовала воспользоваться ими. Что же здесь странного?

— Она предлагала нам стать тайными слугами верховного правителя. Я хорошо это помню.

— Это она тебе, значит, отдельно предлагала, зная твою тягу к заговорам. Меня она ничем подобным не завлекала.

Эльфаба замолчала. Может, Нессароза и права. А с другой стороны, вот прошло десять лет, даже чуть больше, — и взгляните на них! Две ведьмы и одна добрая волшебница — Глинда. От одной мысли Эльфабе захотелось поскорее вернуться в Киамо-Ко и сжечь «Гримуатику» вместе с метлой.

— Глинда всегда побаивалась Кашмери и говорила, что она напоминает ей карпа, — сказала Нессароза. — Это всегда меня удивляло: разве можно бояться рыбу?

— Я видела в одной книге рисунок водного чудовища. Не знаю, есть ли такие чудища на самом деле, но уж лучше оставаться в неведении, чем узнать наверняка, когда с ним столкнешься.

— То же самое ты когда-то говорила про Безымянного Бога, — тихо сказала Нессароза.

— Ай, давай про него не будем.

— Человеческая душа слишком важна, чтобы не обращать на нее внимание.

— Вот и хорошо. А раз у меня ее нет, то и внимание обращать не на что.

— У всех она есть.

— А как насчет той Коровы, которую ты сегодня выменяла на заклинание? Или Овец?

— Это низшие существа, не о них речь.

— Обидно такое слышать. Я их освободила, между прочим.

Герцогиня пожала плечами.

— Освободила, и ладно. Если тебе от этого легче. Не могу же я повсюду ходить за тобой и останавливать.

— Они рассказали мне, как с ними обходятся. Я почему-то думала, что над Зверями издеваются только в Гилликине и Изумрудном городе. Мне казалось, у крестьян-манчигов хватит ума обращаться с ними по-человечески.

Нессароза задумчиво пожевала.

— Знаешь, — сказала она и кивнула служанке, чтобы та вытерла ей рот, — однажды в церкви я встретила солдата. Он потерял руку во время квадлинского бунта — и вот что он придумал. Он решил отрастить себе руку заново. Каждое утро он похлопывал себя по культе, чтобы к ней приливалась кровь и начиналось покалывание. Со временем он начал ощущать потерянную руку: сначала локоть, потом все

ниже и ниже и так до самых пальцев. Это была, конечно, воображаемая, фантомная рука, но, как он говорит, с ней ему стало легче, и он уже мог смириться со своим уродством. Кроме того, он стал увереннее двигаться.

Эльфаба смотрела на сестру и пыталась понять, к чему она клонит.

— Тогда я тоже решила попробовать. Каждый день я просила няню растирать мои культияпки, и где-то через несколько месяцев почувствовала слабый намек на то, что значит родиться с руками. Дальше этого никак не шло, но потом приехала Глинда и заколдовала мои башмачки. Теперь не сразу, не знаю почему, может, культи слишком узкие и кровь не успевает прокачаться, но где-то через час после пробуждения я чувствую фантомные руки. Впервые в жизни. Вот только пальцы все никак не могу ощутить.

— Фантомные руки, — повторила Эльфаба. — Поздравляю, я рада за тебя.

— Я к чему говорю: если бы ты себя вот так же мысленно похлопывала, глядишь, и развила бы фантомную душу. Душа — она хороший советчик. А там бы со временем убедились, что она вовсе не фантомная, а настоящая.

— Хватит, Несса! Сколько можно об одном и том же?

— Оставайся, присоединяйся ко мне, и мы смоём с тебя безбожие.

— Ага, как же. Ты ведь знаешь, что вода для меня — погибель. Да и не могу я верить ни во что безымянное. Это притворство.

— Ты обрекаешь себя на тяжелую жизнь.

— Я к ней привыкла. — Эльфаба бросила салфетку на стол. — Я не могу здесь оставаться, Несса, и помочь тебе тоже не могу. У меня свои дела в Винкусе, ты о них даже не спросила. Я понимаю: тут революция, и ты теперь новая королева, или президент, или премьер-министр — тебе простительно. Ты можешь править манчиками или отказаться от этого, главное — действуй по собственному выбору, а не иди на поводу у судьбы. Я беспокоюсь за тебя, но быть на побегушках не желаю.

Эльфаба поднялась.

— Я тебя чем-то обидела? — спохватилась Нессароза. — Прости, я совсем заболталась и не следила за языком. А что ты хочешь? Нелегко снова быть сестрой после долгого перерыва.

— У тебя был Панци для тренировок, — строго сказала Эльфаба.

— То есть все, ты уже уезжаешь? — Нессароза по-змеиному поднялась. — После двенадцатилетней разлуки побыла с нами три-четыре дня и отчаливаешь?

— Счастливо оставаться. — Эльфаба поцеловала сестру в обе щеки. — Ты справишься, я в тебя верю.

— Я буду молиться за твою душу, — пообещала Нессароза.

— А я — ждать твои башмачки.

* * *

Направляясь к выходу, Эльфаба хотела было зайти попрощаться с отцом, но потом передумала. Все, что могла, она уже ему сказала. Они с Нессой и так слишком насели на нее. Хватит!

Обратно Эльфаба решила лететь напрямую, через Мадленовы горы. Она даже удивилась, почувствовав, как рада обратной дороге. Где-то на полпути она сообразила, что летит над озером Хордж, куда приезжала когда-то с Боком, Эвриком и Громметиком выручать Глинду. Эльфаба спустилась и побрела вдоль берега, высматривая дачу «Сосновый каприз», но так и не нашла его среди отстроенных за последние годы курортных домиков.

Хотя... Не так уж тщательно она его искала. Идя по берегу с метлой в руках, она думала о своем и внутренним взором видела не дома, а целый мир. Насколько он многообразен. И как может верить Нессароза в какого-то там Безымянного Бога, в Иную землю? Здесь, в нашем мире, куда ни взглядишь, везде откроется новая грань. Разве нетак рассуждал профессор Дилламонд, когда пытался отыскать научную основу основ, которую можно было бы проверить в экспериментах и логически обосновать? Эльфаба с радостью продолжила бы его труд, но куда ей до профессора! Глядя на синеву озера и голубизну неба, она не видела за ними никаких сокровенных тайн.

А сколько неизмеримо более сложного есть в мире. Например, какие мышцы двигают крылья у ангелов? Какова оптика загадочного взгляда? Что происходит в поднебесье? Что такое добро? И что такое зло?

И кто кем управляет — можно ли вообще это узнать? Кругом столько сил, одновременно дружественных и противоборствующих, как снежный холод и солнечное тепло, образующие смертельно острую ледяную сосульку... Кто такой Гудвин — великий волшебник или обманщик, дорвавшийся до власти шарлатан? Командовал ли он своими Наместницами — Глиндой, Нессарозой и кем-то третьей (но точно не Эльфабой), — или мадам Кашмери только внушила ему, что он командует, чтобы потешить самолюбие и удовлетворить жажду власти?

А сама мадам Кашмери? А Якль? Есть ли связь между ними? Не проявления ли они одного и того же демона, не воплощения ли тьмы, не две ли капли яда, упавшие с тела Кембрийской ведьмы? Не сама ли Кембрийская ведьма, дожившая с эпохи легенд до сегодняшних жалких времен? Что, если они дергают за ниточки, а Гудвин танцует, как безвольная марионетка?

Кто все-таки кем управляет?

И пока тянешь время, чтобы разобраться, где гарантия, что на голову не свалится очередная сосулька, сформированная под действием противоборствующих сил?

Раздразнив себя до крайности, Эльфаба взмыла в воздух и помчалась прочь от озера. Разочаровавшись в беспочвенных рассуждениях о политике и религии, она хотела теперь поднять записи Дилламонда, которые забрала после убийства. Взять в руки что-то конкретное: скальпель, увеличительное стекло, стерильную иглу. Быть может, она уже доросла до того, чтобы понять ход его рассуждений. У них разные философские взгляды — профессор был верующим, она атеистка, — но это не столь важно. Главное — факты.

Ветер сопровождал ее до самого подножия Великих Кельских гор. Дальше стало сложнее отыскивать путь и держаться на метле. Время от времени приходилось спускаться и идти пешком. К счастью, было не слишком холодно, а в защищенных от ветров долинах попадались группы кочевников, которые подсказывали Эльфабе правильный путь. И все равно даже на метле обратная дорога заняла почти две недели.

Уже вечерело, когда она взбиралась по последним склонам, а Киам-Ко возносил над ней свой острый темный профиль. Глядя на него, Эльфаба чувствовала себя маленькой девочкой, которая смотрит на шляпу очень высокого дяденьки. Чтобы не отвлекаться на формальности, она обогнула деревню, благо метла позволяла. Подлетев к саду, она увидела, что задняя дверь открыта. Значит, сестры все еще где-то ходят: либо цветы собирают, либо занимаются какой-нибудь другой ерундой.

В замке царила тишина. Проходя мимо столика, Эльфаба машинально взяла уже подпорченное яблоко и устало побрела вверх по лестнице. Возле няниной двери она остановилась и подергала ручку. Комната была заперта.

— Няня? — позвала она.

— Ой! — раздался возглас из-за двери. — Эльфи? Как ты меня напугала!

— Можно войти?

— Сейчас, сейчас. — Послышался звук отодвигаемой мебели. — Хороша же ты, нечего сказать. Исчезла и оставила нас на заклание в собственных постелях!

— Да о чем ты? Открой наконец!

— И никого не предупредила. А мы тут с ума сходили от беспокойства. — Мебель за дверью скрипнула последний раз, и старуха распахнула дверь. — Ах ты, безжалостная, неблагодарная женщина.

И с рыданиями она бросилась Эльфабе на грудь.

— Успокойся, пожалуйста, — сказала Эльфаба. — Я уже столько сцен видела — на всю жизнь хватит. Лучше объясни толком, что стряслось.

Успокаивалась няня долго. Все еще всхлипывая, она принялась рыться в сумочке в поисках нюхательных солей и извлекла на поверхность столько склянок и пузырьков, что в пору было открывать собственную аптеку. Тут были и синие бутылочки с какими-то жидкостями, и прозрачные баночки для пилюль, и кожаные мешочки для порошков и таблеток, и красивый зеленый стеклянный флакон со старой надорванной этикеткой, на которой виднелась надпись «Волшебный эли...».

Отыскав наконец успокоительное и переведя дух, старушка сказала:

— Разве ты не заметила, что все куда-то исчезли?

Эльфаба вопросительно наморщила лоб. Ей вдруг стало страшно.

Няня шумно вздохнула.

— Только не стоит пенять на няню, няниной вины тут нет. Эти солдаты вдруг решили, что карты свои они уже нарисовали и им пора уходить. Подозреваю, Нор шепнула им, что тебя нет. Нам она сказала, что искала твою метлу, заглянула к тебе в спальню, а там пусто. Ну и им, наверное, обмолвилась. Сама знаешь, как она постоянно возле них крутилась. Солдаты вышли к передней двери и заявили, что отведут всю княжескую семью — Сариму, ее сестер и детей — в свой основной лагерь непонятно где. Я им была не

нужна, так они и сказали, нуда я им выдала все, что о них думаю. Сарима спросила зачем, и этот любезный капитан ответил, что для их собственной безопасности. На тот случай, если придет боевой батальон: чтобы, мол, не было кровавого столкновения.

— Сюда? Боевой батальон? — Эльфаба стукнула ладонью по подоконнику. — Когда?

— Я же объясняю. Капитан сказал, не скоро; это, мол, еще в планах. Но он настаивал. Солдаты разогнали деревенских жителей. Слава Лурлине, никого не убили, все было достаточно прилично, если не считать наручников. Потом они ушли. Сариму с семьей увели, а меня оставили. И Лира тоже. По-моему, он им понравился. А через несколько дней Лир тоже исчез. Соскучился, наверное, и побежал догонять.

— И что, все сразу подчинились? — взвизгнула Эльфаба.

— Не кричи на меня. Конечно, нет. Сарима, правда, тут же плюхнулась в обморок, а Иржи и Нор кинулись ее отхаживать, зато сестры, уж на что, казалось, тихони, забаррикадировались в гостиной и подожгли часовню, пытаюсь вызвать помощь. Третья шарахнула точильным камнем Вишнекоста по руке — надеюсь, она ему все кости перебила. Пятая и Шестая стали звонить в колокола, чтобы привлечь внимание пастухов. Вторая написала записки и привязала их лапкам твоих ворон, а те не захотели улетать, лентяйки. Четвертая придумала лить на солдат кипящее масло, но сестры не успели развести достаточный огонь. Да, день-два они продержались, но потом солдаты победили. Мужчины всегда побеждают.

Няня пожевала губами и обиженным тоном продолжила:

— А мы-то думали, это они тебя похитили, чтобы ты не мешалась. Все ведь понимают, ты единственная, кто мог бы их остановить. Тебя считают здесь ведьмой. Крестьяне просили, если вернешься, спуститься к ним в деревню Красная Мельница — около плотины, ну, ты знаешь. Они думают, что ты спасешь княжескую семью. Я сказала, чтобы не обольщались и что ты вряд ли согласишься, но обещала передать. Что и делаю.

Эльфаба шагала взад и вперед. Она запустила руку в волосы, развязала ставший привычным узел и потрянула головой, словно пытаясь сбросить с себя услышанные новости.

— А где Чистри? — спросила она наконец.

— Небось за пианино прячется в музыкальной комнате, где ему еще быть?

Эльфаба села, потерла подбородок, разбила пинком нянин ночной горшок.

— Что у меня есть? — бормотала она. — Метла — раз. Пчелы — два. Обезьяна — три. Килиджой — Килиджой-то цел? А, вон он. Тогда четыре. Вороны — пять. Няня. Крестьяне, если с ними ничего не случилось. «Гримуатика», от которой помощи не дождешься. Немного.

— Ой, немного, — подхватила няня. — Беда, ой беда.

— Ничего, мы их спасем, — сказала Эльфаба. — Непременно спасем.

— Тогда и я с тобой, — сказала няня. — Хотя я никогда не любила этих сестер.

Эльфаба сжала кулаки и с видимым усилием удержалась, чтобы не ударить себя.

— И Лир пропал, — сказала она. — Я приехала сюда извиниться перед Саримой, а вместо этого потеряла Лира. Неужели я совсем ни на что не гожусь?

Ей никто не ответил. Замок хранил зловещее молчание, только няня посапывала, задремав в кресле-качалке, да Килиджой стучал хвостом по полу, довольный возвращением хозяйки. Небо за окном было серым и безрадостным. Эльфаба и сама устала, но не могла заснуть. Стоило ей сомкнуть глаза, как слышался плеск воды в рыбном колодце, как будто подземное озеро поднималось и готовилось их

затопить.

Часть пятая

УБИЙСТВО И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

1

Впоследствии долго спорили, что это было. Что за грохот гремел отовсюду с небес.

Журналисты, вооружившись словарями и апокалиптическими писаниями, упоенно строчили статьи о: «...безумных атмосферных завихрениях...», «...незримом вулкане, сотворенном рукой тьмы...»

Язычники, почитающие механических идолов, утверждали, что слышали бой гигантских часов Вселенной.

Ученые узрели знак того, что мир переполнен жизнью: мириадами делящихся клеток, распадающихся молекул, вибрирующих атомов.

Фанатики кричали, что грядет конец света. Что все мирское зло собралось в единый сумрачный кулак и готовится нанести окончательный удар.

Унионисты ждали прибытия ангельских полчищ, грозно трубящих имя Господа к ужасу, грешников.

Кое-кто поговаривал, что отряды летучих драконов сотрясали небо хлопаньем огромных крыльев.

После страшных разрушений, которые он за собой принес, никто не осмеливался признать его обычным природным явлением — воздушным вихрем исключительной силы, сметающим все на своем пути.

Словом, ураганом.

* * *

Ураган унес жизни многих манчиков, поднял с пашен плодородную почву, обрушил горы песка на несколько восточных деревень и заживо похоронил их жителей. Вертась и громохвая, словно оживший ночной кошмар, воздушный вихрь ворвался в страну Оз из восточной пустыни, в тридцати милях севернее Сланцовки. Затем осторожно обогнул Кольвен, не сорвав там ни единого листика, ни единого розового лепестка, основательно прошелся по Зерновому краю, подрубив экономическую основу молодой страны, завернул и как по команде обессилел ровно над городком Среднеманчинском, где возле местной церкви Нессароза награждала примерных учеников воскресной школы. Из воронки вывалился домик и упал прямо на голову колдунье.

Ни один ребенок на церемонии не пострадал, и все пришли потом помолиться за упокой Несенной души. Никогда еще церковь не была так полна.

Не обошлось, конечно, без шуток и анекдотов. «Боженька посылочку послал». «Такая проповедь была, такая проповедь, что домик заслушался и упал». «Все мы вырастаем и покидаем старый дом, но некоторым домам это не нравится». «В чем разница между падающей звездой и падающим домом?» — «Падающие звезды выслушивают желания, а падающие дома их исполняют». «Что такое: большой, толстый, крутит землю и кидает дома с небес?» — «Не знаю, но готов познакомиться».

Такого переполоха страна Оз еще не знала. Когда пошли слухи о смерти Восточной ведьмы (или герцогини Тропп, в зависимости от политических взглядов слушателей), объявились разные террористические группы, утверждавшие, будто они ее и убили. Никто сперва даже не задумался, что в домике кто-то был. Когда жилища невиданной формы падают прямехонько на правителей, да еще и не разваливаются, это само по себе невероятно. А чтобы кто-то внутри выжил после такого — нет, это либо откровенная ложь, либо прямое вмешательство свыше. Оно конечно, кое-кто из слепых вдруг прозрел, а хромой Боров вдруг вскочил и пустился в пляс (после чего его тут же увели на бойню), да ведь так всегда бывает. Чужеземную девочку, вышедшую из домика — она назвалась Дороти, — за одно то, что выжила, возвели в ранг святых. До ее собачонки уже никому не было дела.

Когда почтовый голубь принес в Киамо-Ко весть о гибели Нессарозы, Эльфаба была погружена в работу: она пересаживала крылья от птенца белохохлой птицы рухх на спину новорожденной снежной обезьянки. После многих неудач, когда оставалось только убить несчастных животных, чтоб не мучились,

ведьма довела технику операции до совершенства. Кое-какие подсказки она нашла в учебниках по биологии за авторством профессора Никидика, а в «Гримуатике» отыскивала заклинания, чтобы подмышечные нервы вращались в крылья и инстинкт лазанья по деревьям сменился стремлением к полету. И когда она разобралась что к чему, из-под ее ножа стали выходить летучие обезьяны, с виду вполне довольные своей участью. Правда, ни одна самка не родила еще крылатого детеныша, но Эльфаба не теряла надежды.

По крайней мере летали обезьяны лучше, чем разговаривали. Чистри, теперь уже важный патриарх нового племени, не продвинулся дальше двусложных слов и, похоже, все еще понятия не имел, о чем лепетал.

Чистри и принес Эльфабе письмо в операционный зал. Она передала ему скальпель и распечатала конверт. Письмо было от Панци: он сообщал про ураган и похороны, которые отложили на несколько недель, чтобы Эльфаба на них успела.

Ведьма отложила письмо и вернулась к работе, не позволяя себе поддаться горю. Вживление крыльев — сложная операция, а действие наркоза скоро закончится.

— Чистри, помоги няне спуститься. И еще, если найдешь — Пира, скажи, что мне надо с ним поговорить, — сказала Эльфаба и сверилась с записями: правильно ли сшивает мышцы.

Если няня теперь спускалась в обеденный зал раз в день, это уже было достижение. «Еда и сон — вот и вся моя нынешняя работа, и пока что я очень хорошо с ней справляюсь», — говорила она всякий раз, когда, усталая и голодная после спуска по лестнице, усаживалась за стол. Лир доставал хлеб, сыр, иногда копченый окорок, и они втроем молча жевали, а потом разбредались каждый по своим делам.

Лиру уже исполнилось четырнадцать, и он заявил Эльфабе, что поедет в Кольвен вместе с ней.

— Я ничего здесь не вижу, — ныл он за столом. — Ты и так никуда меня не пускаешь.

— Должен же кто-то остаться и присмотреть за няней, — сказала Эльфаба. — Сейчас не время препираться.

— Пусть Чистри присматривает.

— Он не может. Он стареет и становится забывчивым. На пару с няней они мне весь замок спялят. Нет, Лир, дело решенное, ты остаешься здесь. Все равно я полечу на метле.

— Никогда ты мне ничего не разрешаешь!

— Можешь помыть посуду, если хочешь.

— Очень надо!

— О чем спорите-то? — громко спросила няня.

— Ни о чем, — сказала Эльфаба.

— Не слышу.

— Ни о чем!

— Ты что, даже не собираешься ей сказать? — спросил Лир. — Она ведь растила твою сестру.

— Старая она уже слишком, ей восемьдесят пять. Представляешь, каково в ее возрасте расстраиваться?

— Няня, — храбро сказал Лир, — Нессароза погибла.

— Цыц, щенок, прибью, — шикнула Эльфаба.

— Что ты там говоришь про Нессарозу? — прошамкала няня, прищулив на них свои красные глаза.

— Она погибла, — нерешительно ответил Лир.

— Гибло, гибло, гибло, — откликнулся Чистри.

— Что сделала?

— Погибла!

Няня всхлипнула.

— Это правда, Эльфи? — жалобно спросила она. — Твоя сестра умерла?

— У, попадись ты мне, — вполголоса сказала ведьма Лиру и продолжила громче для старушки: — Да, нянюшка, не буду ничего от тебя скрывать, это правда. Во время бури на нее упал дом. Говорят, она совсем не мучилась.

— Мой ангелочек, — зарыдала няня. — Должно быть, сама Лурлина на золотой колеснице забрала ее в рай. — Ни с того ни с сего она погладила кусок сыра на тарелке, намазала маслом салфетку и откусила кусок. — Когда мы едем на похороны?

— Тебе сейчас вредно путешествовать, — сказала Эльфаба. — Я отбываю через пару дней, а с тобой останется Лир.

— Не останусь! — вставил тот.

— Он хороший мальчик, — сказала няня. — Но Несса была лучше. Ужасный день! Я буду пить чай у себя. Не могу же я сидеть тут с вами, как будто ничего не произошло. — Она поднялась, опершись о голову преданного Чистри. — Знаешь, Эльфи, Лир еще слишком мал, чтобы оставлять нас одних. Вдруг на замок кто-нибудь нападет? Как в прошлый раз, когда ты исчезла.

Старуха сделала укоризненное лицо.

— Няня, милая, арджиканские отряды охраняют горы днем и ночью. Солдаты Гудвина не посмеют и носа сунуть дальше Красной Мельницы после того, что здесь натворили. Тебе нечего бояться, ты прекрасно это знаешь.

— Вот закуют меня в цепи и уведут, как бедную Сариму с семьей, — ныла няня. — Ты их так и не спасла.

— Все еще впереди, — сказала Эльфаба няне в ухо.

— Какое там! Семь лет прошло. Они давно гниют в общей могиле. Хвала Лурлине, что Лира с ними не было.

— Я пытался их спасти, — вмешался мальчишка. В рассказах о своих похождениях он отвел себе героическую роль. Он побежал догонять солдат вовсе не от скуки, а чтобы освободить княжескую семью. На самом же деле капитан Вишнекост из жалости велел связать Лира и оставить на сеновале, чтобы не заключать его вместе с остальными. Откуда капитану было знать, что он оставляет на свободе внебрачного сына Фьеро, — ведь Лир и сам этого не знал.

— Да, да, хороший мальчик, — повторила няня. Она уже забыла о только что услышанной трагедии и переключилась на ту, которая глубже засела в памяти. — Я тоже пыталась помочь, но что могла сделать старая няня? Как ты думаешь, Эльфи, они живы?

— Я не знаю, — в десятитысячный раз принялась объяснять Эльфаба. — Их могли тайно переправить в Изумрудный город или еще куда-нибудь. Я пыталась вывести их судьбу, подкупала чиновников, нанимала сыщиков, писала княгине Настояе, просила ее помощи. Целый год провела в бесплодных поисках. Сколько раз тебе повторять? Хватит меня мучить напоминаниями о моих неудачах.

— Это все я виновата, — затянула няня обычную песню, в которую она ни капли не верила. — Если бы я была моложе и сильнее, то показала бы этому капитану, он бы у меня поплясал. А теперь поздно. Саримы и ее сестер уже нет. А ты что — тебе нужно, ты и уехала. Кто ж тебя осудит?

Но образ умирающей Саримы, так и не простившей Эльфабу за смерть Фьеро, причинял колдунье такую же боль, как вода.

— Неужели и в собственном доме мне не будет покоя? — взывала она. — Хватит об этом. Ступай пить свой чай и помалкивай.

Оставшись одна, ведьма села и задумалась о Нессарозе и о том, чем обернется ее смерть. Политические перестановки в Манчурии повлекут за собой большие перемены — может, даже и к лучшему. Со стыдом она поняла, что не жалеет о гибели сестры.

Ведьма стала собираться. Перво-наперво, решила она, нужно взять с собой страницу из «Гримуатики». Она полистала толстую книгу и вырвала самую непонятную страницу, чьи буквы продолжали двигаться у нее на глазах, как семейка трудолюбивых муравьев. Ведьма уже привыкла, что на месте неразборчивых каракулей то и дело проступали понятные слова, а другие слова, наоборот, расплывались во время чтения. Покажет-ка она эту страницу отцу. Вдруг глаза священника лучше разглядят правду?

3

Кольвенский замок темнел траурными цветами. Встречать ведьму вышел ворчливый бородатый манчик Нипп, совмещавший обязанности слуги, привратника и премьер-министра.

— У вас больше нет привилегий в Свободной Манчурии, — объявил он. — Со смертью Нессарозы с герцогами покончено.

— Когда разрешу, тогда и покончите, — осадила его ведьма. Судьба титула была ей безразлична, но выслушивать условия от этого наглеца она не собиралась. Впрочем, все равно в последние годы титул почти не использовался. Как писал Фрекс в своих истерических письмах, Нессароза, услышав, что ее за глаза зовут Восточной ведьмой, решила потерпеть клевету и даже сама себя стала так величать.

Нипп провел Западную ведьму (как она представилась по примеру погибшей сестры) в спальню.

— Мне много не нужно, — сказала ему гостья. — Поживу здесь несколько дней, встречу с отцом, схожу на похороны, возьму кое-что из вещей — и до свидания. Не знаешь, мой брат Панци здесь?

— Нет, он уехал. Передавал вам наилучшие пожелания. Сказал, что у него срочные дела в Маррании. Кое-кто полагает, что он просто сбежал, боясь за свою шкуру после перемен в правительстве. И не без оснований, — холодно добавил Нипп. — У вас есть чистые полотенца?

— Они мне ни к чему, — сказала ведьма. На нее вдруг навалились усталость и страшная грусть. — Спасибо, вы можете идти.

Фрексу было шестьдесят три. Волосы его поредели и поседели еще больше, плечи ссутулились, как будто собирались встретиться посередине, голова провалилась на скрюченной шее. Он сидел на веранде, укрытый одеялом.

— Кто это? — спросил он, когда ведьма подошла и села рядом с ним.

Она поняла, что отец почти ослеп.

— Твоя дочка, папа, — сказала она. — Та, которая осталась.

— Фабала? — переспросил он. — Как я буду жить без красавицы Нессы? Что мне теперь делать без моей лапочки?

Ведьма взяла старика за руку и молча сидела с ним, пока он не уснул. Потом вытерла слезы с его лица, не обращая внимания, что они жгут ее кожу.

* * *

Освобожденные манчики ломали их дом. Ведьме он был не нужен, но ее все равно терзала обида. Какими же надо быть дураками, чтобы все крушить! Неужели они не понимают, что Кольвенский замок можно использовать с толком — хотя бы как здание парламента?

Она подолгу сидела с отцом, но разговаривали они мало. Одним утром, когда Фрекс был пободрее, он спросил, действительно ли его дочь ведьма.

— Ну, как тебе сказать, — замялась она. — Что значит ведьма? Разве мы когда-то придавали значение словам? Знаешь, пап, у меня к тебе просьба. Вот взгляни-ка. — Она достала вырванную из «Гримуатики» страницу и положила ему на колени, как большую салфетку. — Что ты здесь видишь? Про добро тут пишут или про зло?

Фрекс провел рукой по листку, будто впитывая смысл текста кончиками пальцев, поднес его близко к глазам и прищурился.

— Буквы крупные и отчетливые, — сказал он, перевернул страницу и снова всмотрелся в нее. — Но я не могу их разобрать, они из какого-то чужого алфавита. А ты — можешь?

— С переменным успехом: когда да, когда нет. То ли зрение подводит, то ли текст такой особенный.

— Глаза у тебя всегда были зоркие. Даже в детстве ты могла видеть то, чего никто не замечал.

— То есть как?

— У тебя был стеклянный круг, который сделал Черепашье Сердце, и ты смотрела в него, как будто видела другие миры.

— Ха! Наверное, всеголишь любовалась своим отражением.

Они оба знали, что это неправда, и Фрекс — в кои-то веки — так и сказал:

— Нет, на себя ты смотреть не любила. Ты терпеть не могла свою кожу, свои угловатые черты и странные глаза.

— Интересно почему.

— Не знаю. Ты такой родилась. Будто кто-то наложил на тебя проклятие, а через него погубил всю мою жизнь. — Он утешительно похлопал Эльфабу по руке. — Когда у тебя выпали жуткие молочные зубы и стали расти нормальные, мы вздохнули с облегчением, но все-таки первые несколько лет ты была маленьким уродцем. А потом родилась Несса, и по сравнению с ней оказалось, что ты совершенно здоровая девочка.

— За что мне с рождения такое проклятие? Ответь мне, святой человек.

— Это моя вина — ты была послана Богом за мои грехи, — сказал Фрекс. Ведьма чувствовала, что каким-то неуловимым образом он перекладывает груз ответственности на нее. — Ты родилась как вечное напоминание о том, чего мне не удалось достичь. Но не бери в голову. Это все в прошлом.

— А Несса? Ей за что досталась болезнь?

— В назидание матери — за распущенность.

— Поэтому ты так ее и любил? Не видел в ней упреков себе?

— Не кипятись! Какая ты! Нессы больше нет — какая теперь разница, кого я любил?

— Но ведь жизнь продолжается.

— Моя уже подходит к концу, — печально ответил Фрекс. Ведьма высвободила руку из-под его ладони, взяла у него с колен страницу из «Гримуатики», сложила, сунула в карман и заметила, что кто-то направляется к ним по лужайке. Сначала она подумала, что это слуга несет Фрексу чай (из-за возраста, покладистого характера и священного сана здесь к нему все еще относились с почтением), но, взглядевшись, поспешно поднялась и пригладила складки на своем простеньком черном платье.

— Глинда Ардуэнская! — радостно приветствовала она гостью.

— А я даже не сомневалась, что ты приедешь! Эльфаба Тропп, последняя герцогиня Тропп, что бы там ни говорили.

Глинда шла медленно: то ли из-за возраста, то ли из-за робости, то ли из-за нелепого пышного платья. Она выглядела как какое-то дерево: турнюр раздувал ей юбку, как церковный купол; платье сверкало блестками и пенилось кружевами; вышитые в несколько рядов рельефные узоры рассказывали целую историю страны Оз. Но лицо, несмотря на слой пудры и морщинки, появившиеся вокруг глаз и рта, оставалось все тем же милым личиком наивной институтки с Пертских холмов, какой она была когда-то.

— Ты ни капли не изменилась, — сказала Глинда. — Это твой отец?

Ведьма кивнула и прижала палец к губам: Фрекс снова задремал.

— Пойдем прогуляемся по саду, пока борцы за справедливость не вырвали последние розы. — Ведьма взяла Глинду за руку. — Ну и вид у тебя! Я-то думала, ты стала благоразумнее.

— А по-моему, ничего. Пусть провинциалы учатся высокой моде. Или все-таки рукава слегка чересчур?

— Не то слово! Ножницы мне, скорее!

Они рассмеялись.

— Ужас, во что превратили старинное имение, — сказала Глинда. — Вон над тем фронтоном явно должны быть статуи — и где они? Или вон смотри, такой изумительный бельведер — а весь исписан революционными лозунгами. Надеюсь, ты как-нибудь остановишь это безобразие. Такой бельведер еще поискать.

— Ты же знаешь, я никогда не увлекалась архитектурой, — ответила ведьма. — Я прочла эти лозунги. Например: «Туда тебе и дорога, кровопийца!» Почему бы, собственно, здешним жителям и не исписать стены? Если Нессароза действительно пила из них кровь?

— Тираны меняются, а бельведеры остаются, — рассудительно ответила Глинда. — Если понадобится, обращай: посоветую лучших реставраторов.

— Я слышала, ты одной из первых оказалась на месте гибели Нессарозы. Как так вышло?

— Сэр Чафри, мой благоверный, продает свинину, а Манчурия как раз пытается расширить свой рынок... В общем, сэр Чафри приехал сюда по делу. А у нас ведь как: там, где муж зарабатывает деньги, я их тут же раздаю. Правда, у нас все равно много остается. — Глинда схватила ведьму за руку и хихикнула. — Я и не представляла, что благотворительность так затягивает.

— То есть ты с супругом прибыла в Манчурию?

— Ну да. Посетила сиротский приют на берегу Зеленого озера — дай, думаю, заодно в зоопарк съезжу: там у них появились драконы, а я никогда не видела их живьем. Не доехали мы каких-то десяти миль, как налетел ураган. Нас даже там изрядно потрепало; не представляю, как Нессароза могла продолжать награждение. Некоторые части зоопарка закрыли от посетителей, опасаясь, что деревья повалятся и Звери убегут.

— Значит, в зоопарках теперь держат Зверей? — холодно осведомилась ведьма.

— Так ты там еще не была? Непременно сходи, получишь массу удовольствия. В общем, домик на Нессарозу как с неба свалился, прости за каламбур, ведь если б стало понятно, что ураган такой сильный, все бы сразу разбежались. Тут же забили тревогу — а связь здесь отменная, Несса постаралась: боялась внезапного нападения Гудвина. Я взяла Феникса и, пока местные разбирались, что к чему, прилетела в Среднеманчинск.

— И что ты увидела?

— Во-первых — может, тебя это утешит, — там совсем не было крови. Внутри у Нессы, наверное, все было всмятку, но крови — ни капли. Понятное дело, Нессины последователи — сколько их там осталось? — затаили, что она, мол, совсем не мучилась, а душа ее отправилась прямоком на небо. Отрадная мысль, правда? Мне вот тоже кажется, что она не мучилась — после такого-то удара по башке. Ее противники, которых было гораздо больше, провозгласили, что сама Лурлина избавила их от Несенного гнета. Когда я прилетела, там уже вовсю ликовали и прославляли какую-то странную девочку и ее собаку, которые жили в этом самом доме.

— Кто такие? — Эту часть истории ведьма еще не слышала.

— Ну, ты ведь знаешь манчиков. Они трусливые подлизы, несмотря на свои демократические лозунги. Только я прилетела, они бухнулись мне в ноги и залепетали что-то про ведьму. Я пыталась их поправить, что я волшебница, а не ведьма, но они не слушали. Это все наверняка из-за моего платья: я в тот день надела ярко-розовое, оно мне очень шло...

— Так про девочку-то что? — нетерпеливо перебила ведьма.

— Ах да. Она назвалась Дороти из Канзаса. Я никогда не слышала ни о каком Канзасе и так ей сразу и

сказала. У нее в ногах вертелась брехливая собачонка — Тата или Тото, что-то в этом роде. Тото, да. Эта Дороти сама была перепугана до полусмерти. Невзрачная такая девочка, безвкусно одетая, но это, наверное, приходит с возрастом. — Глинда искоса глянула на ведьму. — А у некоторых только к старости.

Подруги прыснули от смеха.

— Дороти стала проситься домой, но на географии они нашу страну не проходили, а я никогда не сталкивалась с местечком по имени Канзас, поэтому посоветовала ей спросить кого-нибудь еще. Лизоблюды-манчики уже готовы были провозгласить ее Несенной преемницей, к отчаянию Ниппа и остальных кольвенских министров, мечтавших захватить пост повыше. Да и кроме них, тут замешаны крупные интересы, а девчонка могла все испортить.

— Следишь за политикой, значит? И почему меня это не удивляет? — промурлыкала ведьма. — Как чувствовала, что ты не останешься в стороне.

— В общем, я решила убрать Дороти из Манчурии, чтобы не разразилась гражданская война. Здесь ведь, знаешь, есть партии, которые ратуют за присоединение Манчурии обратно к Озу. Для всех, в том числе и для девочки, было бы только хуже, если бы ее стали использовать в политической игре.

— А, так ее здесь нет, — протянула ведьма. — Я-то надеялась ее увидеть.

— Дороти? Уж не злишься ли ты на нее? Она же ребенок — рослый по манчиковским стандартам, но все равно сущее дитя. Она ни в чем не виновата, Эльфи. По глазам твоим вижу, что ты уже в чем-то ее подозреваешь. Ну не управляла же она этим домиком, сама посуди, — просто случайно в нем оказалась. Так что лучше оставь. Не заводись.

— Да, ты права, — вздохнула ведьма. — Знаешь, бывает, отлежишь во сне ногу — потом ни согнуть, ни разогнуть. Так и с желанием отомстить: иногда кажется, это как та же затекшая нога. Затекшая привычка. Хватит мне злости на Гудвина, от нее и так житья нет. Глупо, действительно, мстить за смерть сестры, с которой я не слишком-то ладила.

— Тем более если в этой смерти никто не виноват, — добавила Глинда.

— Скажи мне, ты помнишь Фьеро? — спросила ведьма. — Знаешь ли ты, что он погиб пятнадцать лет назад?

— Да, конечно. Я слышала, он погиб при каких-то загадочных обстоятельствах.

— Я была знакома с его женой и ее сестрами. Они подозревали, будто ты закрутила с ним интрижку в Изумрудном городе. Скажи, это правда?

Глинда залилась пунцовой краской.

— Дорогая моя, — с расстановкой сказала она. — Мне нравился Фьеро как человек и как политик. Но если помнишь, он помимо всего прочего, был темнокожим. Даже если бы я закрутила, как ты выражаешься, интрижку, что совершенно не в моем духе, то уж, разумеется, не с ним. Это же подумать только!

Тут ведьма окончательно убедилась: ничего у них с Фьеро не было и быть не могло — с возрастом к Глинде вернулась ее небывалая спесь. Сама же Глинда, оскорбленная вопросом, даже не подумала ни в чем заподозрить ведьму. Ей было неуютно с прежней подругой. И не потому, что они давно не виделись, а из-за необычного влияния ведьмы, которое отодвигало других на второй план. Сама не зная почему, Глинда волновалась, говорила скороговоркой, высоким девичьим голосом. Как будто снова стала робкой институткой и опять стояла перед великим и ужасным Гудвином. Странно, Глинда почти забыла о своей юности и о той страшной аудиенции, а вот дорогу в Изумрудный город, когда они с Эльфайбой спали в

одной кровати, помнила хорошо. Какой смелой она тогда себя считала, какие опасности ей чудились вокруг.

Подруги шли в беспокойном молчании.

— Может, оно и к лучшему, — спустя какое-то время сказала ведьма. — Конечно, каким бы ужасным ни был тиран, он все-таки поддерживает порядок, а после его свержения наступает анархия, часто не менее кровавая. Вдруг из всей этой неразберихи выйдет что-нибудь путное? Папа всегда говорил, что манчики — смысленный народ, и главное — им не мешать. Все равно Несса была здесь чужой, несмотря на наследственный титул. Выросла она среди квадлинов и сама, как выяснилось, могла быть наполовину квадлиншей. Кто знает, вдруг без нее дела пойдут на поправку?

— Упокой господи ее душу, — сказала Глинда. — Или ты все так же не веришь в душу?

— Про чужие души говорить не буду, не знаю.

Они снова шли молча. То и дело им попадались манчики с соломенными человечками на рубашках. Большие, в человеческий рост, пугала высились над полями.

— Жутковатые они какие-то, — кивнула ведьма на пугала. — Я вот еще о чем хотела тебя спросить — Нессу я уже спрашивала, — ты помнишь, как мадам Кашмери собрала нас у себя и предложила стать Наместницами, тремя самыми могущественными волшебницами в стране Оз? Чем-то вроде тайных жриц, чтобы влиять на общественное мнение, укреплять или, наоборот, расшатывать порядок по приказу некой высшей власти?

— Да, конечно, это представление, этот жалкий фарс! Как я могу забыть?

— Я все думаю: что, если она нас тогда околдовала? Помнишь, она запретила нам это обсуждать, и мы действительно не могли.

— Сейчас-то мы можем. Если и было какое-то колдовство, оно давно уже рассеялось.

— Но только посмотри, в кого мы превратились. Несса стала Восточной ведьмой — да-да, ее так звали, не делай круглые глаза. Я живу в замке на западе, окруженная арджиканцами, которые с тех пор, как их лишили княжеской семьи, видят во мне новую правительницу. И ты, могущественная волшебница, сидишь на севере и купаешься в роскоши.

— Да какая я могущественная? — отмахнулась Глинда. — Так, слово одно. Но если ты помнишь, Кашмери предлагала мне стать Наместницей в Гилликине, тебе — в Манчурии, а Нессе — в Квадлиннии. Про Винкус и слова не было. Так что если она предсказывала будущее, то все напутала. Вы с Нессой оказались совсем не там.

— Это все мелочи, — поморщилась ведьма. — Я говорю о гораздо более важных вещах. Вдруг всю нашу взрослую жизнь мы провели околдованными? Откуда нам знать, что мы не были пешками в чьей-то темной игре? Ты, вижу, хочешь опять сказать, что я повсюду ищу заговоры. Но мы ведь были там вместе. Ты слышала то же, что и я. Ты уверена, что не танцуешь под чью-то злую волшебную дудку?

— Я часто молюсь, — сказала Глинда. — Может, не слишком искренне, но все-таки. Мне кажется, если бы меня околдовали, Бог пожшл бы меня и снял заклятие. Ты так не думаешь? Или ты все такая же убежденная атеистка?

— Мне всегда казалось, будто я не властна над своей жизнью, — сказала ведьма. — Родилась непонятного цвета, все детство зачем-то протаскалась с родителями по болотам, в университете рванула защищать Зверей, мой любимый умер, а своего призвания я так и не нашла. Животноводство разве что, если это можно так назвать.

— Зато я сама себе хозяйка, — сказала Глинда. — И если делаю ошибки, то сама в них виновата. Эльфи, милая, да ведь вся жизнь — одно большое волшебство. Зато у нас всегда есть выбор.

— Не уверена, — пробормотала ведьма.

Они прошли мимо статуй, чьи постаменты были обезображены разноцветными надписями. «Что ты теперь скажешь, ведьма?» — кричала одна. Глинда неодобрительно цокнула языком.

Перешли через мостик. Птицы старательно выводили над ними трогательные песни.

— Я послала Дороти в Изумрудный город, — призналась Глинда. — Сказала, что никогда не видела Гудвина. Не смотри на меня так. Если бы я сказала ей правду, она бы ни за что туда не пошла. Я пообещала, что Гудвин пошлет ее домой. С его-то шпионами он наверняка знает, где находится этот Канзас. Если не он, то кто же?

— Жестоко с твоей стороны.

— Да ну, она такая безобидная малютка, кто ее тронет? — беззаботно сказала Глинда. — Вот если бы манчики сплотились вокруг нее, присоединить Манчурию было бы сложнее, чем мы надеемся. Гораздо больше крови бы пролилось.

— Ты, значит, за воссоединение? — поморщилась ведьма.

— К тому же, — продолжала щебетать Глинда, — я дала ей на всякий случай Нессины башмачки. Они ее защитят.

— Как?! — Ведьма молнией повернулась к Глинде. Злоба душила ее, мешала говорить. — Эта девчонка свалилась с неба, раздавила мою сестру, а ты ей — башмачки? По какому праву ты ими распоряжаешься? Папа сделал их специально для Нессы, а она завещала их мне.

— Да? — с напускным спокойствием спросила Глинда, насмешливо оглядывая ведьму с головы до ног. — И что бы ты с ними делала? Надевала бы вот с этим платьем? Чекан изящества, зеркало вкуса, как говорил поэт. Будет тебе, Эльфи. С каких пор ты носишь башмачки? Ты ж вон в солдатских сапогах ходишь.

— Это уж мое дело. Но как ты посмела раздавать чужие вещи? Сколько труда вложил папа в эти башмачки. А ты и раньше их без спросу заколдовала.

— Да они бы иначе рассыпались, вот я и залатала их моим специальным связывающим заклинанием. Вы-то с отцом даже этого не сделали для Нессы. Я помогала ей, когда ты бросила ее в Шизе. Бросила нас обеих. Да-да, не сверкай так глазами, это правда. Я была ей за сестру и как близкая подруга надела башмачки способностью ее поддерживать. Прости, если я тебя расстроила, но, по-моему, у меня было больше прав распоряжаться этими башмачками, чем у тебя.

— Мне надо их вернуть.

— Да брось, это всего лишь обувь, а не святые реликвии. Красивые, да, но если честно, такие башмачки уже не в моде. Пускай остаются у девочки. У нее же ничего больше нет.

— Всего лишь обувь, говоришь? Смотри, к чему они привели. — И ведьма показала на стену конюшни, вдоль которой огромными красными буквами было написано «Гори в аду, старая ведьма!».

— Ах, перестань, — вздохнула Глинда. — У меня голова разболится.

— Где эта девчонка? — прошипела ведьма. — Если ты не вернешь мне башмачки, я сама их у нее отберу.

— Знала бы я, что они тебе так дороги, специально сберегла бы их для тебя. Мне главное было удалить их из Манчурии, а то бестолковые манчики слишком верят в их магическую силу. И чего они в них

нашли? Волшебный меч — это я понимаю. Но башмачки?

— Так ты заодно с Гудвином? Никакой ты не благотворительностью занимаешься, а готовишь захват Манчжурии! Себя хоть не обманывай. Или ты и правда все еще во власти старого заклęcia мадам Кашмери?

— Не кричи на меня. Хочешь знать, где девочка? Она ушла по Дороге из желтого кирпича неделю назад. Она ласковая и добрая и очень расстроится, если узнает, что нечаянно взяла чужое. Вот только тебе эти башмачки без надобности.

— Как ты не поймешь, для Гудвина это оружие в борьбе с Манчурией. Слишком много они значат для манчиков. Нельзя, чтобы Гудвин ими завладел!

Глинда примирительно взяла ведьму за руку.

— Любовь отца ты за них все равно не купишь, — сказала она.

Ведьма отдернула руку. Они стояли, буравя друг друга взглядами. Слишком много объединяло женщин, они были как два башмачка пара, но именно башмачки пропастью пролегали теперь между ними. Ни одна из них не могла настоять на своем, ни одна не хотела отступить, и ведьме оставалось только обиженно повторить:

— Мне нужны эти башмачки.

4

Глинда и сэр Чафри отсидели панихиду на балкончике для почетных гостей. С ними же был посланник от Гудвина в восхитительном красном камзоле с изумрудным крестом на груди, окруженный отрядом телохранителей. Ведьма сидела внизу и упорно избегала взгляда Глинды. Фрекс рыдал, пока не начал задыхаться, и ведьма вывела его через боковую дверь, чтобы старик смог отдышаться.

После панихиды к ней подошел посол.

— Его императорское величество хочет переговорить с вами. Он прилетит сегодня вечером на фениксе, чтобы выразить свои соболезнования семье погибшей.

— Прилетит сюда? Это невозможно! Он не посмеет!

— Те, в чьей власти принимать решения, думают иначе. Его величество прибудет после захода солнца только для того, чтобы поговорить с вами и вашими близкими.

— Отец не станет принимать Гудвина. Я не позволю!

— Тогда его величество встретится с вами. Он настаивает. Он хочет сделать одно дипломатическое предложение. Только помните, об этой встрече никто не должен знать, иначе вашему отцу и брату не поздоровится. И вам, — добавил посол, как будто это не было само собой разумеющимся.

Ведьма прикинула, какую пользу можно будет извлечь из этой навязанной аудиенции. Сарима, безопасность Фрекса, судьба Фьеро.

— Хорошо, — согласилась она. — Я с ним встречусь.

И несмотря на свою обиду, она обрадовалась, что волшебные башмачки Нессарозы уже не в Кольвене.

Когда колокола забили к вечерне, за ведьмой пришли.

— Нам придется вас обыскать, — сказал посол перед закрытой дверью, к которой ее подвели. — Так требуется по протоколу.

Ведьма сосредоточилась на клокочущей внутри нее ярости, пока охранники ее ощупывали.

— Это что еще такое? — спросил один, вынув из кармана забытую страницу из «Гримуатики».

— Это? — переспросила она, лихорадочно соображая. — Я хотела показать это его величеству.

— С собой ничего брать не разрешается, — сказали они, пряча листок.

— Да вы понимаете, с кем говорите? Я могу завтра объявить себя правительницей Манчурии и бросить вас всех за решетку.

Угроза не произвела на охранников никакого действия. Они невозмутимо открыли дверь и пригласили ее в комнатенку, где стояли только два стула на цветастом ковре. По сторонам, на непокрытых половицах, сквозняк всколыхнул клубки пыли.

— Его императорское величество Гудвин великий и ужасный! — объявил посол и скрылся за дверью.

С минуту ведьма оставалась одна. Потом в комнату вошел неприметный старичок в рубашке со стоячим воротничком и пиджаке, из-под которого выглядывала цепочка карманных часов. На его лысой розовой голове виднелись бурые старческие пятна, над ушами кустились остатки волос. Гудвин. Он промокнул платком лоб и сел, указав ведьме на соседний стул. Она не двинулась с места.

— Добрый вечер, — сказал он.

— Что вы от меня хотите? — спросила ведьма.

— Обсудить с вами две вещи. Первая — это то, ради чего я, собственно, сюда прибыл, а второе — то, на что вы обратили мое внимание.

— Я вас слушаю.

— Буду говорить без обиняков. Я хотел узнать о ваших планах на наследование титула Нессарозы.

— Если бы они у меня и были, вас это совершенно не касается.

— Боюсь, вы ошибаетесь. Меня это очень даже касается, потому что я намереваюсь вернуть Манчурию Озу. Подготовка к этому идет уже полным ходом. Насколько я понимаю, леди Глинда благоразумно, хотя и несколько поспешно удалила из страны виновницу несчастья и почитаемые здесь башмачки, что, несомненно, облегчит мою задачу. Башмачки эти я еще раздобуду — на всякий случай, чтобы вы о себе слишком многого не возомнили. Так что, как видите, мне действительно необходимо знать ваши планы. Как я понимаю, вы не слишком одобряли религиозную тиранию, которую установила ваша сестра. Искренне надеюсь, что вы не пожелаете здесь обосноваться. Иначе нам нужно будет с вами кое о чем договориться, чего у меня никак не получалось с вашей сестрой.

— Зачем мне здесь обосновываться? И какая из меня правительница?

— К тому же не будем забывать о маленькой армии, которая стоит... под Красной Мельницей, если я правильно помню.

— Так вот зачем они там были нужны все эти годы!

— Чтобы вы не отвлекались на здешние дела. Накладно, конечно, зато эффективно.

— Надо бы мне, конечно, воспользоваться своим правом и возглавить манчиков, хотя бы назло вам. Но меня мало волнует судьба этого глупого народа. Пусть живут как хотят, лишь бы отцу не досаждали. Так что если вопрос исчерпан...

— То перейдем к другому. — Гудвин заметно оживился. — Откуда вы взяли ту страницу, которую, как говорят охранники, хотели мне показать?

— Хороший вопрос! По какому праву ваши охранники отобрали ее у меня?

— Речь сейчас не об этом. Где книга, из которой вы вырвали этот лист, — вот что я хочу узнать.

— Если я вам скажу; то что получу взамен?

— А что вы хотите?

«Вот оно! — мелькнула мысль. — Ради этого и стоило встречаться». Ведьма набрала полную грудь воздуха и выпалила:

— Узнать, жива ли еще Сарима, княгиня арджиканская, где ее найти и как выкупить ей свободу.

Гудвин улыбнулся.

— Просто удивительное совпадение. Как раз об этом я и подумал.

Он взмахнул рукой. Дверь открылась, и в комнату ввели гнома в белом. Вернее, нет, не гнома, приглядевшись, поняла ведьма, — сильно сгорбленную девушку. От ее ошейника до лодыжек тянулись короткие цепи, мешавшие ей распрямиться. Не сразу дошло до ведьмы, что это Нор. Сейчас ей должно быть лет шестнадцать-семнадцать. Столько лет было ведьме, когда она поступила в Крейг-холл.

— Нор? — позвала она. — Ты меня слышишь?

Пальцы девушки сжались вокруг цепей, грязные коленки вздрогнули. Она наклонила небрежно выбритую голову, как будто прислушиваясь к музыке, но так и не подняла глаза.

— Это тетушка ведьма. Я приехала, чтобы освободить тебя, — сказала она первое, что пришло в голову.

Тут Гудвин снова махнул рукой, и измученную девушку вывели из комнаты.

— Боюсь, это невозможно, — сказал он. — Она находится под моей защитой. От вас.

— А остальные? — спросила ведьма. — Что с ними?

— Документальных свидетельств не сохранилось, но насколько я понимаю, Сарима и все ее сестры мертвы.

У ведьмы перехватило дыхание. Плакали последние надежды на прощение.

— По недогляду, ей-богу, — развел руками Гудвин. — Какой-то безграмотный офицер решил устроить кровавую баню. Армия так ненадежна, разве за всеми уследишь?

— А Иржи? — спросила ведьма, впиваясь пальцами себе в локти.

— Ну, он просто должен был умереть, — огорчился Волшебник. — Он же был главным претендентом

на княжеский престол.

— Скажите хотя бы, что он не мучился, — взмолилась ведьма.

— Его казнили огненным ошейником, — признался Гудвин. — Казнь была публичная; надо было показать другим пример. Ну вот я и рассказал вам даже больше, чем следовало. Теперь ваш черед. Где находится книга, из которой вырвана эта страница? — Волшебник дрожащими руками разгладил ее на коленях. — Надо же, заклинание для вызова драконов, — удивленно произнес он.

— Вот оно что? — гулко откликнулась ведьма. — А я никак не могла разобрать.

— Ничего удивительного. Видите ли, эта страница, как и вся книга, попала сюда из другого мира. Из моего.

Еще один ненормальный. Городит про другие миры, как ее отец.

— Неправда, — сказала ведьма, надеясь, чтобы так оно и было.

— Правда, неправда — какое мне дело? — сказал Гудвин. — Как я говорю, так и есть.

— Но зачем вам эта книга? — спросила ведьма, соображая тем временем, как бы выторговать жизнь Нор. — Я даже не знаю, о чем она. И вы наверняка тоже.

— Я-то знаю. Это магический трактат, написанный в незапамятные времена. Книгу давно считали утраченной или вовсе не существовавшей. Какой-то волшебник, еще могущественнее меня, забрал ее из нашего мира и перенес сюда. За ней-то я и прибыл в страну Оз. — Глаза у Гудвина подернулись дымкой воспоминаний. Он будто говорил сам с собой, как это часто бывает со стариками. — Сорок лет назад госпожа Блаватская с помощью хрустального шара нашла книгу, я сделал соответствующие приготовления, принес нужные жертвы и отправился в путь. Я был тогда молод, полон сил, но — неудачлив. Я вовсе не собирался здесь править; лишь хотел найти книгу, вернуть ее в наш мир и уже там узнать тайны, которые она скрывает.

— Жертвы, говорите? Какие, интересно? Человекоубийство, как здесь?

— Убийство — ханжеское слово. Жалкие людишки клеймят им всякий смелый поступок, выходящий за рамки их понимания. То, что я делал и делаю, — не убийство, ибо я, пришелец из другого мира, выше глупых условностей вашей наивной цивилизации, этого детского сюсюканья о добре и зле.

Гудвин говорил спокойно и убежденно; в его глазах не горел дьявольский огонь — там синела бездна холодной отрешенности.

Если я отдам вам «Гримуатику», вы вернетесь в свой мир? Могу я рассчитывать, что вы выпустите Нор и освободите страну от тирании?

— Стар я уже, чтобы путешествовать. Да и с какой стати я брошу то, над чем работал столько лет?

— Иначе я воспользуюсь книгой и уничтожу вас.

— Да тебе в жизни ее не прочесть! Для уроженки Оза это невозможно.

— Я могу прочесть гораздо больше, чем вам кажется. Я читала о том, как высвобождать скрытую в материи энергию и поворачивать время вспять, как изготовить оружие, которое не каждый-то осмелится использовать, отравлять воду и превращать народ в покорных рабов. Я видела схемы орудий для пыток. Хотя я не все понимаю, хоть рисунки и слова иногда расплываются, я могу еще многому научиться. Потому что в отличие от вас я еще не старая.

— Все это очень интересно, — проговорил Гудвин, заметно удивленный успехами ведьмы.

— Но не для меня. Итак, если я отдам вам «Гримуатику», обещаете ли вы вернуть мне Нор и покинуть

стану Оз?

— Разве мне можно верить? — вздохнул Гудвин. — Честное слово, ты прямо как дитя. — Он любовно посмотрел на вырванную страницу. — Подумать только: армия из драконов, — промурлыкал он и перевернул, чтоб прочитать обратную сторону.

— Ну пожалуйста! Я еще никого ни о чем не просила, но вас умоляю. Не место вам здесь. Если допустить, что вы хоть иногда способны говорить правду, — уйдите, вернитесь в свой мир, оставьте нас в покое. Забирайте с собой книгу, делайте с ней что хотите, только освободите нас. Позвольте мне сделать хоть одно благое дело в своей жизни.

— У нас был другой уговор, — напомнил ей Гудвин. — Я говорю, что стало с семьей твоего дорогого Фьеро, а ты — где находится книга.

— Условия изменились. Вы возвращаете мне Нор, а я вам — «Гримуатику». Сами вы все равно ее никогда не найдете: слишком хорошо она спрятана.

Ведьма надеялась, что говорит убедительно.

Гудвин встал и сунул страницу в карман.

— Я не стану тебя убивать, — пообещал он. — По крайней мере сейчас. Книгу я все равно добуду рано или поздно. Я подумаю над твоим предложением, но пока девочка останется у меня в заложниках.

— Освободите ее! Сейчас же! Поступите хоть раз как мужчина, а не как последний подлец! Отпустите Нор, и клянусь, я пришлю вам книгу.

— Я не торгуюсь, — сказал Гудвин усталым голосом, как будто говорил сам с собой. — Посмотрим, как пройдет присоединение Манчурии. Если не будешь мешать, я, может, подумаю над твоими словами. Но я не торгуюсь.

Видя, что он уже собирается уходить, ведьма решила:

— А ведь мы с вами уже встречались. Вы приняли меня во дворце, когда я была еще студенткой из Шиза.

— Правда? — поднял брови Гудвин. — Так ты одна из Кашмеринных девиц? Ах, мадам Кашмери, мадам Кашмери, драгоценная моя помощница. Теперь она совсем выжила из ума, а ведь сколько научила меня об укрощении строптивых девчонок. Ты, конечно, ее обожала, как и остальные?

— Она предлагала мне служить какому-то неназванному властелину. Это были вы?

— Почему знать? Мы с ней вынашивали столько планов, что теперь и не упомнишь. Замечательная была женщина. Она бы никогда не стала действовать такими грубыми методами. — Гудвин кивнул на открытую дверь, за которой горбатилась Нор, что-то тихо себе напевая. — Ее способы были гораздо более утонченными.

Волшебник направился к двери, но, не дойдя до нее, обернулся:

— Вспомнил! Это она предупредила меня о тебе. Сказала, что ты отвергла ее предложение. Посоветовала следить за тобой. Благодаря ей мы и узнали о твоём княжеском ухажере.

— Не может быть!

— Значит, говоришь, мы встречались? Я забыл. В каком облике я тогда появился?

Ведьма усилием воли отогнала тошноту.

— Вы были светящимся скелетом, танцующим в буре.

— Ах да. Впечатляло, правда?

— По-моему, вы ничтожный волшебник.

— А ты, — обиженно отозвался он, — карикатура на ведьму.

Гудвин развернулся.

— Подождите! — крикнула она ему вслед. — Как я узнаю о вашем ответе?

— Я пошлю гонца до конца этого года, — отозвался он, не оборачиваясь.

Дверь за ним закрылась. Ведьма рухнула на колени, уронила голову на грудь, сжала кулаки. Никогда, никогда она не отдаст «Гримуатику» этому чудовищу. Она готова умереть, лишь бы книга не попала в его руки. Но каким обманом ей вызволить Нор?

Через несколько дней, убедившись, что отца не выселят из замка, ведьма оставила Кольвен. Фрекс отказался ехать с ней в Винкус, сослался на возраст и на то, что Панци может захотеть с ним повидаться. Покидая отца, ведьма чувствовала, что он долго не протянет и тоска по Нессарозе быстро сведет его в могилу. Она подавила в себе обиду и попрощалась с ним, как будто в последний раз.

Во дворе замка она увидела Глинду. Избегая смотреть друг на друга, волшебницы разошлись каждая своим путем.

— Эльфи! — не выдержала Глинда.

Ведьма не обернулась. Больше они так и не увиделись...

5

Времени на преследование девчонки у ведьмы не оставалось. По совести, искать башмачки должна была Глинда — со своими деньгами и связями. А то сама заваривала кашу, а другие расхлебывай.

Но все-таки ведьма периодически останавливалась на Дороге из желтого кирпича, заходила в придорожные таверны и спрашивала, не видел ли кто необычную девочку в клетчатом платье и с маленькой собачкой. Подвыпившие завсегдатаи одной из таверн принялись обсуждать, зачем зеленой ведьме понадобилась девочка (похоже, у Дороти был редкий дар очаровывать незнакомцев), но убедившись, что ничего плохого ей не грозит, все рассказали. Действительно, Дороти проходила здесь несколько дней назад и переночевала у хозяина дома в паре миль отсюда.

— Пойдете во-о-он туда, увидите красивый дом с круглой желтой крышей и высокой тонкой трубой, — сказал один. — Пропустить его невозможно.

Следуя указаниям, ведьма действительно нашла нужный дом, а во дворе — Бока, качавшего на коленях ребенка.

— Ба! — воскликнул он. — Какие люди! Мила, иди сюда, смотри скорей, кто к нам пришел! Эльфаба, с которой мы вместе учились. Собственной персоной!

Вышла Мила; за ней, цепляясь за ее передник, — несколько голых ребятишек. Раскрасневшаяся от стирки, она смахнула со лба влажную прядь волос.

— А одеты-то, одеты мы с тобой курам на смех, — ахнула она.

— Ты у меня и так красавица, — любовно сказал Бок.

По фигуре Милы совершенно не было заметно, что она выносила столько детей (ведьма насчитала четырех, и это наверняка были не все). Бок же заматерел, раздался в ширину, а рано поседевшие волосы придали ему новый, благородный вид.

— Мы слышали о гибели Нессы, — говорил он, — и слали соболезнования твоему отцу. Как найти тебя, мы не знали. Слышали, что ты появлялась тут вскоре после переворота, но куда Делась потом, нам так никто и не сказал. Хорошо, что ты вернулась.

Радость встречи загладила обиду от предательства подруги.

— Ну вы и смотрите, — улыбнулась ведьма.

— Рикла, слезь со стула, дай тете сесть, — сказала Мила девочке. — А ты, Рыжик, беги к дяде и попроси у него риса, лука и йогурта, чтобы приготовить обед.

— Подожди, Рыжик, не беги. Мила, я к вам на минутку. Я бы с удовольствием посидела и послушала, как у вас идут дела, но мне надо найти девочку из упавшего домика. Говорят, она у вас ночевала.

Бок засунул руки в карманы.

— Так и есть. Зачем она тебе?

— Я хочу вернуть Нессины башмачки, которые она забрала.

— Башмачки? — Бок был так же изумлен, как до него Глинда. — Раньше тебя модная обувь не интересовала.

— Может, я наконец решила показаться в свете и дать бал в Изумрудном городе. — Почувствовав колкость своих слов, ведьма поправилась: — Это семейное дело. Я хочу вернуть папин подарок, который Несса завещала мне, а Глинда без разрешения отдала этой девочке. И горе всей Манчурии, если башмачки попадут в руки Гудвина. Какая она, эта Дороти?

— Просто прелесть, — ответил Бок. — Честная, открытая, непосредственная. Она без труда доберется до Изумрудного города. Путь туда, конечно, неблизкий, но всякий, кто ее встретит, обязательно ей поможет. Мы с ней сидели, пока не взошла луна: говорили о ее доме, нашей стране и о том, с какими трудностями она может столкнуться по дороге. Она еще ни разу не путешествовала.

— Очаровательно, — угрюмо отозвалась ведьма.

— А что ты сейчас замышляешь? — неожиданно спросила Мила. — Знаешь, когда ты не вернулась с Глиндой из Изумрудного города, стали поговаривать, будто ты сошла с ума и подалась в террористки.

— Сплетники всегда найдутся, поэтому я теперь зову себя ведьмой. Западной ведьмой, если полностью. Раз меня все равно считают сумасшедшей, почему бы этим не воспользоваться? Ведьмы не подчиняются условиям.

— Какая же ты ведьма? — не поверил Бок. — Они ведь злые, а ты нет.

— Я-то? — Ведьма улыбнулась. — Откуда ты знаешь? Пока мы не виделись, я ведь и озлобиться

могла.

Бок покачал головой.

— Те, кто открыто зовут себя злыми, на самом деле не хуже остальных. — Он вздохнул. — Беда скорее с теми, кто всерьез считает себя добродетельнее других.

— Как Нессароза, — ехидно подсказала Мила.

Они печально кивнули.

Ведьма взяла у Бока ребенка, покачала его на колене, поцокала языком. Она не слишком любила детей, но после стольких лет общения с обезьянами начала понимать, как им угодить. Малыш от радости залепетал и намочил пеленки. Ведьма поспешно отдала его обратно.

— Если отвлечься от башмачков, — сказала она. — Вам не кажется жестоким послать девочку прямо в лапы Гудвину? Ее хоть кто-нибудь предупредил, какое он чудовище?

Бок замялся.

— Я... предпочитаю не обсуждать Гудвина: тут никогда не знаешь, кто тебя услышит. Я, конечно, надеюсь, что теперь у нас будет нормальное правительство, но если через пару месяцев нас захватят императорские войска — а между нами говоря, все к тому идет, — я бы не хотел, чтобы им доложили, будто я злословил о государе.

— Только не говори мне, что ты тоже за воссоединение!

— Я за мир и покой, Эльфи, и ни за что больше. Мне и так забот хватает. Попробуй собери урожай с наших бесплодных полей! Я ведь затем и поступал в университет — изучать агрономию. Теперь вот все силы вкладываю в землю, а мы все равно едва сводим концы с концами.

Сказал он это, правда, с нескрываемой гордостью. Мила тоже приосанилась.

— Вы, может, и пару Коров в хлеву держите?

— Как можно? Неужели ты думаешь, я забыл, над чем мы работали в университете: ты, Кроп с Тиббетом и я? То была самая яркая пора моей тихой жизни.

— Никто не заставлял тебя вести тихую жизнь.

— Только не надо меня учить. Я ничуть не жалею ни о нашей университетской борьбе за справедливость, ни о спокойной семейной жизни в деревне. Как думаешь, мы хоть что-нибудь полезное тогда сделали?

— По меньшей мере мы помогли профессору Дилламонду: он был очень одинок в своей работе. А между тем вся философия сопротивления выросла из его открытий.

Про свои эксперименты с летучими обезьянами, также основанные на работах профессора, ведьма решила не распространяться.

— Мы даже не подозревали тогда, что при нас закончится золотой век, — вздохнул Бок. — Когда ты в последний раз видела Зверей на ответственной должности?

— Лучше не заводь меня, — предупредила ведьма. От волнения она поднялась со стула.

— Помнишь, ты говорила, что успела забрать записи профессора после его смерти? Ты так и не рассказала мне, о чем они. Ты ими как-нибудь воспользовалась?

— Я узнала из них достаточно, чтобы ничего не принимать на веру, — ответила ведьма.

Собственные слова показались ей чересчур напыщенными, грустные воспоминания тяжким грузом

легли на сердце. Мила заметила это и пришла ей на выручку:

— Эти времена давно прошли, и слава богу. Мы тогда были наивными детьми с несбыточными мечтами, а теперь — теперь мы в расцвете сил, тянем за собой малышей, тащим на плечах престарелых родителей. Мир теперь наш, а те, кого мы раньше боялись и уважали, доживают последние дни.

— По Гудвину этого не скажешь, — заметила ведьма.

— Зато по мадам Кашмери — вполне. Так мне в последнем письме писала Шень-Шень.

— Правда?

— Да, — поддержал Бок. — Хотя она и из своей койки продолжает наушничать Гудвину. Даже странно, что Глинда послала Дороти в Изумрудный город, а не в Шиз, учиться у Кашмери.

Ведьма попыталась представить Дороти студенткой, но вместо этого перед глазами появилась согнутая фигурка Нор, а с ней и других девушек, тоже в ошейниках и цепях, которые закружились над мадам Кашмери.

— Эльфи, что с тобой? Тебе плохо? — встревожился Бок. — Сядь. Я понимаю, тебе сейчас нелегко. Помнится, ты не слишком ладила с Нессой?

Но ведьма не хотела ни говорить, ни думать о сестре.

— Дороти — некрасивое имя, тебе не кажется? — спросила она, опустившись на стул.

— Да вроде ничего, — пожал плечами Бок. — Вообще-то мы с ней даже говорили об этом. Оказывается, правителя ее земли зовут Теодором, что, как объяснила ей школьная учительница означает «дар богов». Дороти спросила, значит ли ее имя тоже «дар богов», ведь Дороти — почти то же самое, что Теодор, только наоборот. Учительница проверила и сказала, что нет, Дороти — переводится как «богиня даров».

— Очень кстати! Пусть вместо дара вернет мне башмачки. А ты что же, полагаешь, она на самом деле дар богов? Или богиня? Что это с тобой? Ты ведь никогда не был суеверным.

— Ничего я такого не думаю, просто обсуждаю происхождение слов, — примирительно сказал Бок. — Про богов пусть выясняют те, кто умнее меня. Но мне кажется любопытным, что имя девочки так похоже на имя их короля.

— А на мой взгляд, она святая, — вставила Мила. — Святая, как и любой ребенок. Рыжик, а ну кыш от лимонного пирога, а то так всыплю, что навек запомнишь! Дороти напомнила мне о маленькой Озме: та тоже могла бы такой стать, а может, еще и станет, если очнется от колдовского сна.

— Только послушайте ее! — фыркнула ведьма. — Озма, Дороти, дети-ангелочки, сюси-пуси.

— Знаешь, в чем тут дело? — задумчиво сказал Бок. — Помнишь тот древний рисунок, который я нашел в библиотеке, — женщина со зверьком на руках? В нем было одновременно что-то трогательное и жуткое. Так вот Дороги чем-то напоминала мне эту женщину на рисунке. Безымянную Богиню я бы сказал, если это не святотатство. Видела бы ты, с какой любовью она тискает свою омерзительную, воняющую псиной собаку. Один раз она взяла ее на руки и склонилась над ней точь-в-точь как на картинке. Дороти еще ребенок, но в ней есть серьезность и степенность взрослого. Это ей очень идет. Я ею просто очарован. — Бок расколол несколько орехов и предложил их ведьме и жене. — И тебя она очарует, вот увидишь.

— Я предпочла бы не видеть, — проворчала ведьма. — Меньше всего я расположена умиляться серьезными детьми. Но мне нужно вернуть башмачки.

— Они и правда волшебные, как говорят? — спросила Мила. — Или просто дороги тебе как память?

— Откуда мне знать, волшебные они или нет — я их ни разу не надевала! Но если я их раздобуду и они унесут меня от земных мук, жалеть не стану.

— В этих башмачках видели причину Нессиной тирании. По мне, так Глинда очень мудро поступила, что отдала их Дороти. Она вынесет их из Манчурии, даже не подозревая, какую услугу нам оказывает.

— Ага, и попадет прямо в лапы Гудвина. Глинда ведь послала девочку в Изумрудный город, забыла? А как только Гудвин их получит, так сразу беспрепятственно двинется на манников. И вы глупы, если этого не боитесь.

— Давайте лучше пить чай, — предложила Мила. — Кларинда как раз его заварила, а я пойду взобью сливки. Помнишь, как мы поминали мисс Ключч взбитыми сливками?

Ведьма с трудом переводила дыхание: злоба душила ее. Глинда! Прекрасно зная, что в смерти опекунши виновата мадам Кашмери, Глинда теперь не гнушается ее методов. Использует ничего не подозревающую Дороти, чтобы избавить Манчурию от проклятых башмачков. Или даже чтобы доставить их Гудвину.

— У меня нет времени сидеть и попусту болтать с вами! — Ведьма вскочила и уронила миску с орехами на землю. — Разве мы не наболтались в университете?

Она схватила свою метлу и остроконечную шляпу. Бок качнулся от изумления и едва не свалился со стула.

— Эльфи, ты что, обиделась? Из-за чего?

Но ведьме было не до объяснений. Она развернулась, словно маленький черный ураган из развевающихся плаща и юбки, и выбежала за ворота.

Как в забытьи шла она по дороге, а в голове вызревал план. О волшебной метле ведьма вспомнила, только когда, остановившись на отдых, оперлась на нее.

Бок, Глинда, даже Фрекс — каким разочарованием стали они для нее! Так ли они изменились за прошедшие годы, или это она по своей наивности раньше не замечала, кем они были на самом деле? Окончательно утратив веру в человечество, ведьма хотела теперь только одного — попасть домой. Чтобы ни на кого не сорваться, она не стала заходить в таверну. Ночь была теплая, и ведьма решила отдохнуть под открытым небом.

Она лежала без сна на краю ячменного поля. Взошла луна, огромная, как это бывает, когда она только поднимается из-за горизонта, и высветила воткнутый в землю шест с поперечной перекладиной, готовый стать крестом для распятия или опорой для пугала.

Почему ведьма не объединилась с сестрой и не повела вместе с ней армии против Гудвина? Почему, когда Нессароза попросила ее о помощи, она отказала и вернулась в Киамо-Ко, где просидела последние семь лет? У нее была возможность объединить силы с сестрой, а она не воспользовалась этим — почему? Неужели из-за жалких семейных обид?

За что бы она ни бралась, какое бы дело ни начинала — все оканчивалось неудачей. Почему?

Терзаемая мыслями о гибели сестры, раздавленной, как козявка, ведьма поднялась и взяла новый курс. Дороти никуда не денется: она будет идти по Дороге из желтого кирпича до самого Изумрудного города. Ее всегда удастся перехватить. А пока ведьма завершит дело, начатое пятнадцать лет назад. Мадам Кашмери все еще жива.

За прошедшие годы Шиз превратился в настоящую денежную машину. Расположенный в историческом центре университет почти не изменился, только кое-где появились новые корпуса. Зато город разросся вширь, подпитываемый лихорадящей предвоенной экономикой. Сам воздух здесь горячил и волновал кровь: Шиз деловито пыхтел и с каждым вздохом преумножал свое богатство. Посреди Вокзальной площади устремилась ввысь огромная, желтеющая медью мраморная колонна — памятник «Дух империи». Заводы выпускали в небо столбы черного дыма. Камни, прежде голубовато-серые, темнели от сажи. Серели чахлые деревья. И нигде не было ни одного Зверя.

Крейг-холл странным образом преобразился: одновременно постарел и помолодел. Ведьма решила не связываться с привратником и перелетела через стену в огород, куда когда-то чуть ли не на колени ей упал Бок. Овощные грядки с фруктовым садом остались, а вот прилегавшая к ним раньше лужайка исчезла — теперь на ее месте стояло каменное сооружение, над блестящими дверями которого виднелась надпись «Театр музыки и драмы сэра Чафри и леди Глинды».

На дорожку, о чем-то щебеча и прижимая к груди учебники, вышли три девушки, будто тени из прошлого, призраки Нессарозы, Глинды и ее самой. У ведьмы подогнулись колени; и она оперлась на метлу, чтобы не упасть. Как же, оказывается, она постарела!

— Как бы мне увидеть директора? — спросила она.

Студентки недоуменно посмотрели на нее, потом одна, самая бойкая, объяснила. Кабинет находился все там же, в главном здании.

— Там вы ее и найдете, — закончила девушка. — Она всегда в это время пьет чай.

«Странно, даже не спросили, откуда я взялась и что делаю в огороде, — подумала ведьма. — Видно, охрана здесь нестрогая, еще и не таких, как я, пропускает. Тем лучше — проще будет сбежать».

Директриса теперь обзавелась пухлым старичком-секретарем.

— Вы договаривались? — спросил он. — Нет? Тогда я проверю, свободна ли она.

Он заглянул в кабинет.

— Проходите, — сказал он, высунувшись. — Метлу можете оставить здесь, на стойке для зонтиков.

— Нет-нет, благодарю, — отказалась ведьма и вошла внутрь.

Директриса поднялась ей навстречу из кожаного кресла.

Это была не мадам Кашмери, а низенькая, розовощекая, энергичная женщина с медно-рыжими волосами.

— Простите, я не расслышала вашего имени, — извинилась она. — Вы ведь из стареньких, а я тут совсем новенькая. — Она рассмеялась собственной шутке. — Я даже не представляла, сколько прежних

выпускниц сюда возвращаются, чтобы вспомнить юность. Присоединяйтесь ко мне пить чай. Так как вас зовут?

— Когда я училась здесь, меня звали Эльфабой, — не без усилия произнесла ведьма. Только сейчас она поняла, как давно это было. — Спасибо за ваше приглашение, но боюсь, мне придется отказаться. Я спешу. Я думала, что здесь все еще руководит мадам Кашмери. Не знаете, где ее можно найти?

— Даже не знаю, как вам это сказать, — начала директриса — Д° последнего времени мадам Кашмери регулярно посещала Изумрудный город, вместе с самим императором занималась вопросами образования в Озе. Но недавно ее здоровье сильно пошатнулось, и теперь она лежит в дочернике — я хотела сказать, в Дочернем корпусе; он назван так, потому что построен на пожертвования дочерей Крейгхолла, наших выпускниц. Мне жаль вас огорчать, но боюсь, ее конец уже близок.

— Можно я загляну к ней поздороваться? — спросила ведьма. Она не умела притворяться, но директриса была еще слишком неопытна и наивна, чтобы заподозрить неладное. — Я была одной из ее любимых учениц, она мне очень обрадуется.

— Подождите, я позову Громметика, он вас проводит. И еще надо бы спросить сиделку, сможет ли мадам вас принять.

— Не надо, не зовите Громметика, я знаю дорогу. С сиделкой я все улажу, да и загляну всего на секундочку. А потом вернусь к вам, и мы поговорим о пожертвовании в университетский фонд.

На памяти ведьмы это была первая ложь в ее жизни.

Дочерни к оказался приземистой башенкой вроде силосной, примыкающей к часовне, в которой отпевали профессора Дилламонда. Уборщица объяснила, что покои мадам Кашмери находятся этажом выше, за дверью с императорским гербом.

Минутой позже ведьма остановилась перед указанной дверью. Императорский герб изображал воздушный шар, прославляя чудесное прибытие Гудвина в Изумрудный город, а под шаром — два скрещенных меча. Издали шар с висящей под ним корзиной напоминал оскаленный в улыбке череп, а мечи — зловещий крест. Ведьма приблизилась, повернула ручку и вошла внутрь.

Здесь было несколько комнат, все забитые почетными грамотами и памятными подарками от вельмож Изумрудного города, в том числе от самого императора. Ведьма прошла через гостиную, где, несмотря на теплую погоду, горел камин, миновала кухню с чуланом, забаррикадировала комодом дверь в ванную, откуда доносились чьи-то всхлипывания, и прошла в спальню.

На огромной кровати, выполненной в виде феникса, высоко на подушках покоилась мадам Кашмери. Золоченые голова и шея птицы поднимались над изголовьем, крылья распростерлись по сторонам, а лапы соединились у изножия. Куда приткнуть хвост, столяр, видно, так и не догадался. Поза у птицы получилась странной, как будто ее отбросило назад мощным выстрелом или как будто она по-человечески рожала то скопище плоти, которое давило ей на живот и опиралось на грудь.

На полу близ кровати лежала стопка газет и поверх нее старомодные очки. Но время чтения уже миновало. Жизнь покинула кошмарную Кашмери, оставив от нее только мертвенно-серое тело. Ее руки лежали сложенными на животе, открытые, слегка выпученные глаза были неподвижны. Она все так же напоминала гигантскую рыбу, только без рыбного запаха. Рядом горела недавно зажженная свеча, и в комнате все еще витал серный спичечный запах.

Из ванной послышался стук.

— Что, нет здесь детей, за которых можно спрятаться? — с ненавистью прошипела ведьма и замахнулась метлой. Но мертвому телу было уже все равно.

Не помня себя от ярости, ведьма ударила мадам Кашмери метлой по лицу, но прутья даже не оставили следа. Тогда она потянулась к каминной полке, ухватила почетный кубок потяжелее и обрушила его мраморной подставкой на голову бывшей директрисе. Проломленные кости треснули, как дрова в огне.

Ведьма оставила кубок в руках умершей, памятной надписью вверх, на обозрение всякого, кто зайдет в комнату. «За все, что вы для нас сделали», — гласила она.

7

Ведьма пятнадцать лет ждала возможности убить директрису — и опоздала на какие-то жалкие несколько минут. Неудивительно, что теперь ей хотелось хотя бы Громметика растерзать на части, но она удержалась. Быть пойманной и осужденной за надругательство над трупом заклятого врага еще куда ни шло, но за отмщение железке — нет уж!

Она перекусила и проглядела газеты в кафе, потом, борясь со скукой, прошлась по магазинам. Ей хотелось увидеть, как город воспримет смерть Кашмери, услышать, что об этом будут говорить, узнать, как работает новая государственная машина. Вряд ли ей когда-нибудь еще представится такой случай: она не собиралась возвращаться ни в Шиз, ни в столицу.

К вечеру ведьма забеспокоилась. Что, если новая директриса пытается замять скандал? Тем более что речь шла о покушении на особу, приближенную к императору. Так ведь о ведьмином поступке никто и не узнает! Она стала перебирать в голове, кому бы признаться. Кто побежит доносить властям? Кроп? Шень-Шень? Фэнни? Или хотя бы маркграф Десятилуговья, надменный Эврик?

Уже смеркалось, когда ведьма добралась до особняка, расположенного на краю Шиза, в глубине парка или, как это теперь называлось, Императорского сада. Подобно соседним домам, он был окружен стеной, вдоль которой валялись разбитые бутылки, и имел собственную охрану со злыми собаками. С собаками у ведьмы давно был общий язык, а стену она попросту перелетела и, опустившись на террасу под возглас перепуганной служанки, вошла в дом.

Эврик сидел в кабинете, подписывал бумаги элегантным пером и потягивал желтое, как мед, виски из хрустального бокала.

— Я же сказал, что на коктейль не выйду, разбирайся сама. Неужели не понятно? — начал он и осекся. — Как вы сюда попали? Кто вы, мы знакомы?

— Конечно, знакомы. Помнишь зеленую студентку из Крейг-холла?

— Ах да! Как бишь тебя зовут?

— Раньше звали Эльфабой.

Маркграф зажег лампу: в комнате уже заметно стемнело.

— Ну садись, раз пришла, — сказал он. — Выпьешь?

— Самую малость.

Из всей их университетской компании только Эврика красил возраст. Он и в студенческие годы был невероятно хорош собой, а теперь стал просто загляденье: крепкий, осанистый, свежий, с пышными платинового цвета волосами, зачесанными назад. Умеет же человек сохранить то, чем щедро одарила его природа, — подумала ведьма, сделав глоток из предложенного бокала.

— Чем обязан такой чести? — спросил Эврик, долив себе виски. — Или сегодня день такой особый, что все повторяется?

— В каком смысле?

— А вот в каком. Гуляю я сегодня, как обычно, по парку со своей охраной и вижу, устанавливают балаган для завтрашнего представления. Народу, конечно, сюда навалит, студентов, рабочих, праздных зевак и этих болтунов из Малого Гликкуса. Труппа из подростков, увязавшихся небось за циркачами. Но главное — заправляет всем вонючий гном!

— Вонючий?

— Ну, вонючий, отвратительный, не в этом дело. Штука в том, что это тот самый гном, которого я видел, когда еще был студентом.

— Оригинально.

— Я, конечно, удивился, но значения не придал. И тут, будто из того же времени, появляешься ты. Разве ты не ходила тогда с нами в «Приют философа»? Когда нас, вдрызг пьяных, затащили на оргию, и Тиббета так отделал Тигр, что... Да ты ходила, точно.

— Нет, вряд ли.

— Разве? Маленький пронырливый Бок ходил, и Фэнни, и Фьеро, по-моему, и кто-то еще... Неужели не помнишь? Там еще была такая гадкая старуха Якль и этот гном. Они впустили нас, и бр-р — аж сейчас в дрожь бросает.

— Не может быть! — вскричала ведьма, едва не уронив бокал. — Не может быть, чтобы старуху звали Якль! Это безумие, я, наверное, ослышалась. Нет, Эврик, я отказываюсь верить, чтобы через двадцать лет ты вот так сразу вспомнил имя какой-то старухи.

— Я даже помню, как она выглядела. Темная такая, лысеющая старуха в парике, с карими глазами. Они с гномом — не знаю, как его зовут, — были вместе. Почему бы мне не помнить ее имени?

— Да ты даже мое имя забыл!

— Ты — другое дело. Ты и близко меня не пугала так, как она. — Эврик ухмыльнулся. — Ты вообще меня не пугала. Я тогда грубияном был, да? Наглецом?

— Таким и остался.

— Ха, и ты не первая, кто это говорит. Похоже, с моим опытом я могу уже претендовать на звание заслуженного наглеца.

— Я пришла, чтобы сказать тебе, что убила сегодня мадам Кашмери. — Ведьма даже поразилась,

насколько правдиво звучат ее слова. — Я специально выбрала тебя как человека, которому поверят.

— Ух, зачем же ты ее убила?

— Да так, много причин. — Ведьма гордо выпрямилась. — Она это заслужила.

— Да ну? Ангел мщения никак позеленел?

— Ага. Чтоб никто не догадался.

Они обменялись улыбками.

— Кстати, раз уж речь зашла о мадам Кашмери. Когда выяснилось, что ты сбежала, она собрала нас, твоих друзей и приятелей, и прочла нам любопытную лекцию.

— Ты никогда не был моим другом.

— Меня это не спасло. Кашмери достала твою характеристику и зачитала нам отзывы разных учителей, что ты дерзкая, постоянно идешь на конфликт и противопоставляешь себя коллективу — что-то вроде этого. Точно не помню. Она даже предупредила, что ты можешь попытаться чуть ли не вовлечь нас в студенческое восстание. Что тебя всеми силами надо избегать. Нессароза была в ужасе.

— Немудрено, — хмуро проворчала ведьма.

— И Глинда тоже. Она едва не надломилась, как тогда, после того, как профессор Дилламонд упал на увеличительное стекло.

— Как? Кто-то еще верит в эту наглую ложь?

— Хорошо, хорошо, будь по-твоему — после того как его зарезали неизвестные разбойники. То есть мадам Кашмери — ты хочешь, чтобы я это сказал? Зачем ты все-таки ее убила?

— Она сделала свой выбор. У нее была возможность дать студенткам нормальное образование, а связавшись с Гудвином и занявшись промывкой мозгов, она предала всех, кто верит в свободомыслие. И потом, эта страшная женщина виновна в убийстве профессора Дилламонда, сколько бы ты над этим ни смеялся.

Ведьма осеклась. В своих словах она услышала отголосок того, что когда-то давно сказала княгиня Настояя. «Никто не определяет твою судьбу, кроме тебя самой, — внушала ей Слониха. — Выбирать тебе».

— А ты ее — убивать? — перехватил инициативу Эврик. — Кулаками-то махать каждый дурак мастер, как кричали мы в детстве, когда нас лупили те, кто посильнее. Злом ведь зла не исправишь. Слушай, оставайся-ка ты на ужин. У нас как раз гости.

— Чтобы ты успел вызвать полицию? Нет уж, спасибо.

— Делать мне больше нечего! Стану я опускаться до доносов.

Голос его звучал убедительно.

— Тогда ладно, — согласилась ведьма. — Кстати, на ком ты женат? На Фэнни, на Шень-Шень или на ком-то еще?

— Да какая разница? — ответил Эврик, плеснув себе еще виски. — Я никогда не мог удержать подобные мелочи в голове.

Кладовая у маркиграфа оказалась настоящим рогом изобилия, повар — гением, вина — сказкой. Были

здесь и улитки с чесноком, и жареные петушиные гребешки с кориандром и кисло-сладким апельсиновым соусом, и нежнейший лимонный торт со взбитыми сливками, от которого ведьма отхватила себе исполинский кусок. Хрустальные бокалы никогда не пустели, разговоры перескакивали с пятого на десятое, и когда маркиграфиня провела насытившихся гостей в залу и усадила в мягкие кресла, в глазах у ведьмы гипсовая лепнина на потолке кружилась, как сигаретный дым.

— Да ты пьяна, — заметил Эврик.

— Все твое красное вино.

— Тебе нельзя сейчас никуда идти. Оставайся. Я распоряжусь, чтобы служанка приготовила тебе комнату, замечательную спальню с очень красивым видом на остров, где стоит чудесная беседка.

— Меня не интересуют искусственные виды.

— Неужели ты не хочешь посмотреть, что напишут про Кашмери в завтрашних газетах? И напишут ли вообще?

— А ты мне их пошли. Нет, Эврик, мне правда надо идти,дохнуть свежего воздуха, — сказала ведьма, убеждая себя. — Маркиграфиня, господа, мне было очень приятно.

— Взаимно, — сухо произнесла хозяйка. — Правда, не стоило рассуждать про зло за едой. Это портит аппетит.

— Вы так меня и не переубедили, — оживился Эврик. — Я все еще считаю, что зло — это не сами дурные поступки, а то, как отвратительно после них себя чувствуешь. Абсолютных оценок для поступков не существует. Во-первых...

— ...Беспомощность властей — перебила ведьма. — Закоснелое мышление. И вообще, почему все так стремятся к абсолютной власти?

— Зло — это душевная болезнь, как жадность или тщеславие, — вмешался медный магнат. — А как мы знаем, жадность и тщеславие давно движут миром, и не всегда к худшему.

— Зло — это отсутствие добра, — рассудила его любовница, журналистка из шизского «Обозревателя». — Мир стремится к порядку, к процветанию жизни. Отсутствие этого порядка и есть зло.

— Ерунда, — распалялся Эврик. — Зло — признак низкого нравственного развития. Дети по природе своей — сущие дьяволята. А преступники среди нас — это те, кто так и не повзрослел.

— По-моему, зло — это присутствие, а не отсутствие, — сказал художник. — Это некая чуждая человеку демоническая сущность. Сами по себе люди не злы.

— Даже я? — спросила ведьма, увлекшись своей ролью. — Убийца?

— Да будет вам, — ответил ведьме художник. — Мы все стремимся выставить себя в самом выгодном свете. Обычное человеческое самолюбие. Вы не исключение.

— Зло — не сущность, не вещь — это свойство, как красота...

— Это сила, как ветер...

— Это зараза...

— Это одно из первоначал, несовершенство творения...

— Правильно, давайте все валить на Безымянного Бога.

— Но создал ли Бог зло нарочно или по ошибке?

— Ничего подобного, зло не предвечно, оно вполне земное и возникает из-за разобщенности тела и

души. Зло привнесено плотью, это животный инстинкт, заставляющий причинять другим боль, вот и все...

— А что, боль бывает очень даже приятной, особенно когда ты в узких кожаных сапожках, а руки связаны сзади...

— Нет-нет, вы ошибаетесь, зло по своей сути так же нравственно, как и добро; это торжество порока над добродетелью. Можно сколько угодно спорить и рассуждать, но в глубине души вы все равно понимаете...

— Зло — это не желание, а действие. Многие ли из вас, сев за один стол с невоспитанным хамом — которых здесь, конечно, нет, — не захотят перерезать ему глотку? А кто это сделает? Желание естественно, оно возникает у каждого, но только воплотившись в действие, оно становится злом.

— Да нет же! Подавлять такое желание — это действительно зло. Я вот никаких желаний не подавляю.

— Ах, перестаньте! — воскликнула маркизья. — Весь вечер вы ведете себя так, будто не слышали, что несчастную пожилую женщину убили в ее собственной постели. Разве она не человек? Разве у нее не было души?

— Дорогая, — сказал Эврик сквозь зевоту, — ты так чиста и наивна, что это даже трогательно, но иногда доходит до смешного.

Ведьма поднялась, не удержалась на ногах, упала в кресло и снова встала, уже опираясь на метлу.

— Зачем вы это сделали? — с чувством спросила ее хозяйка.

Ведьма пожала плечами.

— Да хотя бы для собственного удовольствия. Кто знает, может, зло — это род искусства?

Нетвердой походкой она двинулась к двери.

— Дураки, — заявила ведьма, обернувшись. — Вместо того чтобы позвать полицию, весь вечер меня развлекали.

— Ну что ты, это ты нас развлекала, — галантно возразил Эврик. — Думаю, это лучший вечер за целый год. Даже если окажется, что никого ты на самом деле не убивала. Браво!

Гости похлопали.

— На самом деле, — сказала ведьма у выхода, — вы все неправы. Вы смотрите на зло только с одной стороны. То вы рассуждаете о проявлении зла в человеке и забываете о вселенском зле, то наоборот. Это как в старой басне: как выглядит детеныш дракона в яйце? Неизвестно, потому что стоит разбить скорлупу, чтобы посмотреть на дракона, — и он уже не в яйце. Зло таится от глаз — в этом-то вся и беда.

На небе стояла луна, чуть ущербнее вчерашней. Не доверяя себе управлять метлой, ведьма нетвердой походкой побрела по парку. Она найдет удобное, сухое местечко под каким-нибудь деревом и переночует вдали от гнетущего общества.

Ведьма вышла к балагану, о котором рассказывал Эврик. Это было старое деревянное сооружение эпохи раннего тиктакианства, напоминающее куполом миниатюрный цирк и украшенное фигурками, слишком многочисленными и разнообразными для ведьмы в ее нынешнем состоянии. Быть может, здесь найдется ступенька, полочка хотя бы на несколько дюймов над мокрой землей, куда можно было бы притулиться? Ведьма двинулась вперед, всматриваясь в темноту.

— Куда это ты собралась?

Дорогу ей заступил манчик, вернее, гном. Он держал дубинку в одной руке и воинственно постукивал ею о ладонь другой.

— Спать я собралась, место выбираю, — ответила она. — Значит, ты и есть гном, а это — та самая штука, о которой говорил Эврик.

— Часы Дракона времени, — объявил он. — Представление начнется завтра вечером и никак не раньше.

— Завтра вечером меня уже не будет.

— Да будешь ты, куда денешься, — усмехнулся гном.

— Быть-то я, может, буду, — согласилась ведьма, — но уже не здесь. — Она оглядела Часы, потом вспомнила. — Откуда ты знаешь Якль?

— А, Якль, — протянул гном. — Кто ж ее не знает? Невелика заслуга.

— Ее сегодня случайно не убили? — поинтересовалась ведьма.

— Случайно нет.

— Кто ты? — спросила ведьма. На смену ненависти и жестокости внезапно пришел страх.

— Я-то? Так, ничтожнейший гном на свете.

— На кого ты работаешь?

— На кого я только не работал, — ответил гном. — Дьявол — великий ангел, но очень маленький человек. В этом мире у меня нет имени, так что не стоит и спрашивать.

— Довольно с меня загадок. Я пьяна и едва владею собой, — предупредила ведьма. — Я сегодня убила человека и тебя тоже могу отправить на тот свет.

— Ну, положим, никого ты не убивала, она уже была мертва, — невозмутимо заметил гном. — И меня тебе не убить, я бессмертен. Но за твои старания скажу тебе вот что. Я смотритель книги, и я попал в эту проклятую, богом забытую землю, чтобы за ней следить и не дать вернуться обратно. Я ни плох, ни хорош, но я заперт здесь, обречен на вечную жизнь, чтобы охранять книгу. Мне не важно, что будет с тобой или с другими. Главное для меня — уберечь книгу. В этом моя задача.

— Книгу? — силясь понять, спросила ведьма. Чем больше она слышала, тем пьянее себя чувствовала. — Какую?

— Ту, которую ты зовешь «Гримуатикой». У нее есть и другие имена, но это не важно.

— Так заberi ее и успокойся. Кто мешает-то?

— Нет, я действую иначе. Я наблюдатель, закулисный игрок: смотрю, как здешние создания проживают свои никчемные жизни, люблюсь причинно-следственными связями, но вмешиваюсь ровно настолько, насколько требует безопасность книги. Мне приоткрыта завеса будущего, поэтому-то я и знаю, куда направить пути человека и всякой твари. — Он подпрыгнул, как чертенок. — То я здесь, то я там. Предвидение — большое подспорье в нашем охранном деле.

— Вы с Якль заодно?

— Когда как. Иногда наши интересы совпадают, иногда расходятся. Они разные.

— Кто она? Что ей нужно? Почему вы суетесь в мою жизнь?

— В моем мире есть ангелы-хранители; в ее мире, по-видимому, тоже. Насколько я могу судить, Якль послана в этот мир со своей задачей, которая касается тебя.

— Меня? Да за что мне такое наказание? Кому понадобилось насылать ее на меня?

— Кто послал Якль и посылал ли ее кто-нибудь вообще, не входит в круг моих знаний и интересов, но почему она интересуется тобой, я отвечу, это тебе пригодится. Дело в том, что ты не отсюда и не оттуда, вернее, наоборот, и отсюда, и оттуда — из страны Оз и из иного мира. Твой отец ошибался: никакое ты не наказание за его грехи, а полукровка, представительница новой, а потому опасной породы. Поэтому тебя так и тянуло к Зверям, таким же промежуточным существам, как и ты. Неужели ты сама еще до этого не додумалась? Какой же скудоумной надо быть.

— Ничего не понимаю, — призналась ведьма. — Объясни подробно, что к чему.

— С удовольствием, — хихикнул гном. Он юркнул за ширму, и оттуда послышались скрежет металла, шум вращающихся колес, щелчок натянувшихся ремней, тиканье качающихся маятников. — Готовься встретить Дракона времени, — раздался его голос.

Механический зверь на крыше ожил, захлопал крыльями, закрутился в танце, жестами одновременно приветствуя зрительницу и запрещаая ей подходить ближе. Ведьма смотрела.

Дракон уgomонился. Над одной из сценок зажегся свет.

— Представление в трех действиях, — объявил гном из-за ширмы. — Действие первое: «Происхождение святости».

На сцене — впоследствии ведьма не могла себе объяснить, как она это поняла, — разыгралась краткая история святой Эль-Фаабы, добродетельной монахини, искавшей уединенное место для молитв и обретшей его в пещере под водопадом. С замиранием сердца ведьма смотрела, как фигурка непорочной девы скрылась под струями водопада (из крана над сценой лилась настоящая вода и утекала в скрытую трубу), и стала ждать, когда она выйдет обратно. Фигурка так и не появилась, и свет над сценой погас.

— Действие второе: «Колыбель зла».

— Эй, погоди, первое действие еще не закончилось. По легенде, Эль-Фааба вышла из пещеры.

— Действие второе: «Колыбель зла», — настойчиво повторил голос.

Осветилась новая сцена. На картонных декорациях был изображен вполне узнаваемый Кольвенский замок. Фигурка девушки — Мелены — попрощалась с родителями и отправилась в путь с красивым юношей с короткой черной бородой и угловатой походкой — Фрексом. Они остановились в маленькой хижине, Фрекс поцеловал Мелену и отправился проповедовать. Все оставшееся время он провел в углу сцены, втолковывая что-то крестьянам и крестьянкам, которые совокуплялись прямо перед ним, резали друг друга на части и тут же пожирали. Вместо крови из фигурок текла настоящая подливка-, и от сцены потянуло чесноком и жареными грибами. Между тем оставленная дома одна Мелена скучала. Она ждала,

зевала и поправляла свои красивые волосы. Вот к хижине подошел незнакомый мужчина с черным чемоданчиком. Он вынул оттуда зеленый флакон, протянул Мелене, и когда она выпила, то упала в его объятия, то ли послушная и пьяная, какой ведьма была сейчас, то ли освобожденная — не разобрать. Они задергались в таком же бешеном ритме, как прихожане Фрекса, и сам проповедник начал пританцовывать. Когда дело было сделано, незнакомец слёз с Мелены, щелкнул пальцами, и из-за кулис спустился воздушный шар. Незнакомец залез в корзину.

Это был Гудвин.

— Этого еще не хватало! — возмутилась ведьма. — Чепуха! Свет погас.

— Действие третье, — донесся голос гнома. — «Единение святости и зла».

Ведьма ждала, но ни одна сцена не осветилась, ни одна кукла не двинулась.

— Ну? — спросила она.

— Что «ну»?

— Где конец представления?

Гном высунулся из-за ширмы и подмигнул.

— Кто сказал, что конец написан? — ответил он и снова скрылся внутри.

Открылось окошко, и в него высунулся поднос, на котором лежало овальное зеркало, поцарапанное и треснутое с одной стороны. Оно было точь-в-точь как то стекло, в которое ведьма глядела с детства, воображая, что видит в нем Иную землю. Стекло, оставленное в Изумрудном городе после налета тайной полиции. Оно еще помнило отражения молодого, красивого Фьеро и юной, страстной Феи. Ведьма взяла зеркало, сунула его в карман фартука и побрела прочь.

В утренних газетах не было ни слова о смерти мадам Кашмери. Едва способная соображать от страшной головной боли ведьма решила, что больше ждать уже не будет. Либо Эврик и его гости распространят по городу слухи, либо нет. «Хоть бы они дошли до Гудвина, — думала ведьма. — Много бы я дала, чтобы увидеть его лицо после доноса. Пусть думает, что я на самом деле ее убила. Пусть все так думают».

Почти без сна, мучаясь от пульсирующей головной боли, но довольная собой ведьма возвращалась в Манчурiju. Она приземлилась во дворе у Бока и стала его звать, но ей сказали, что он работает в поле, и

послали за ним одного из ребят. Вскоре примчался запыхавшийся Бок с топором в руках.

— Прости... я тебя... не ждал... задержался... — отдуваясь, проговорил он.

— А ты б оставил топор, — посоветовала ведьма. — Бежать было бы легче.

Но Бок даже теперь не выпустил его из рук.

— Зачем ты вернулась, Эльфи? — спросил он.

— Рассказать, что я убила мадам Кашмери, так что теперь ее можно не опасаться. Я думала, ты обрадуешься.

Как бы не так.

— Ты убила немощную старуху? — ужаснулся Бок. — Зачем? Разве она еще могла кому-то навредить?

— И ты туда же? — разочарованно протянула ведьма. — Неужели не понятно, что, пока Кашмери жива, она может пакостить в любом состоянии?

— Помню, ты когда-то боролась с угнетателями Зверей. Но я не думал, что ты опустишься до их методов.

— Я ответила ударом на удар, как давно уже следовало. А ты просто нерешительный дурак.

— Дети, — скомандовал Бок, — идите в дом. Проверьте, что делает мама.

Он вдруг понял, что боится ведьму.

— Как ты можешь стараться всем угодить, когда твою драгоценную Манчурию вот-вот слопает Гудвин? — бушевала ведьма. — Как ты мог, понимая, что делает Глинда, отпустить девчонку в моих башмачках? Когда-то ты был готов бороться за справедливость. Как ты мог так... опуститься?

— Эльфи, посмотри на меня, — попросил Бок. — Ты не в себе. Пьяна, что ли? Успокойся. Дороти — всего лишь ребенок, а ты превращаешь ее в какую-то мегеру. Так нельзя.

Мила, услышав от детей, что взрослые во дворе ругаются, вышла из дома и встала рядом с Боком. В руке она держала кухонный нож. Дети, громко перешептываясь, выглядывали из окна.

— Это вы от меня топорами и ножами решили защищаться? — презрительно усмехнулась ведьма. — Будет вам позориться-то. Я только хотела рассказать про Кашмери. Думала, вы оцените.

— Да положил я, положил топор, — воскликнул Бок. — Ты вся дрожишь, ты расстроена, тебе тяжело смириться с гибелью сестры. Но возьми себя в руки, Эльфи! Оставь свою обиду на Дороти. Она одинока и ни в чем не виновата. Я тебя умоляю...

— Вот только не надо унижаться, не терплю. Тем более от тебя. — Ведьма сжала кулаки, заскрежетала зубами. — Ничего я тебе не обещаю, Бок.

Она вскочила на метлу, взмыла в воздух и помчалась прочь, со злости все набирая и набирая высоту, пока земля внизу не потеряла мучивших ее очертаний.

Она летела и думала, что уже давно пора вернуться в Киамо-Ко. Лир — трус, упрямец и дурак, а няня потихоньку выживает из ума; как бы они на пару не спалили замок, пока ее нет. Мысли о вчерашнем — о смерти мадам Кашмери, о гнусных намеках гнома-кукловода — ведьма от себя отгоняла. Она и так ненавидела Гудвина всем сердцем, а предположение о том что он — ее отец, только подливало масла в огонь ненависти. Надо будет обязательно расспросить няню после возвращения домой.

После возвращения домой... Только сейчас, впервые за тридцать восемь лет, ведьма начала чувствовать, что у нее есть дом. «Спасибо, Сарима», — мысленно поблагодарила она бывшую хозяйку Киамо-Ко. Может, дом и есть то место, где остаешься непрощенным, место, с которым тебя навсегда связывает твоя вина? И кто знает, может, за такую связь стоит и вину потерпеть?

К Киамо-Ко ведьма решила лететь по Дороге из желтого кирпича в последней отчаянной попытке нагнать Дороти и получить обратно вожделенные башмачки. Все равно терять уже нечего. Если башмачки попадут к Гудвину, он непременно использует их, чтобы обосновать свои притязания на Манчурию. Можно, конечно, пожать плечами и предоставить манчиков своей судьбе, пусть сами разбираются с Волшебником, но башмачки-то, черт возьми, все равно ее.

Ведьме повезло: она нашла бродячего торговца, который видел Дороти. Они разговорились. Торговец грыз морковку, делился ею с осликом и почесывал того за ухом.

— Она прошла тут несколько часов назад, — объяснял он. — Нет, не, одна, с ней шла очень необычная компания. Вроде как ее защитники.

— Бедная напуганная девочка, — покачала головой ведьма. — А что за защитники? Парочка крепких манчиков?

— Не совсем, — сказал торговец. — Соломенное чучело, железный дровосек и кто-то из кошачьих — не то леопард, не то кугуар; он так быстро сиганул в кусты, что я не разобрал.

— Соломенное чучело? — переспросила ведьма. — Любопытно. Красивая, должно быть, девочка, раз при взгляде на нее чучела оживают. Вы обратили внимание на ее башмачки?

— Не только обратил, я хотел купить их у нее.

— И как? Удалось?

— Говорит, не продаются. Говорит, это особенные башмачки; ей подарила их добрая волшебница.

— Брехня.

— Ну, брехня, не брехня — не моего ума дело. Могу я вам что-нибудь предложить?

— Да. Зонтик. Свой я забыла, а погода портится.

— Это точно, — поддержал торговец, выуживая из телеги потрепанный зонт. — В былые времена с неба месяцами капли не дожدهшься, не то что теперь. Вот, пожалуйста — ваш за медяк.

— Мой за бесплатно, — отрезала ведьма и выхватила у торговца зонт. — Вы ведь не откажете бедной нуждающейся женщине, правда?

— Дороже обойдется, — обиженно хмыкнул торговец, взобрался на телегу и продолжил свой путь.

— Никто, конечно, не спрашивает мнения у простого Осла, — услышала вдруг ведьма другой голос, когда телега проехала мимо нее, — но, по-моему, эта девочка — сама Озма, которая проснулась и теперь идет в Изумрудный город, чтобы занять свое место на престоле.

— Ненавижу роялистов, — процедил торговец и стегнул Осла кнутом. — Ненавижу болтливых Зверей.

Ведьма дернулась, но вмешаться не решилась. Она не смогла вызволить Нор, не договорилась с Гудвином, не успела убить мадам Кашмери — так стоит ли вообще браться за то, что она не в силах

изменить?

10

Ведьма покачивалась на гребне воздушного потока. Она никогда еще не поднималась так высоко; азарт боролся в ней с отчаянием. Ну, догонит она Дороти, сорвете нее башмачки — и что дальше? Зачем они ей? Схоронить их от Гудвина, как Глинда собиралась спрятать их от властолюбивых манчиков, — или вернуть с ними хоть чуточку отцовского внимания, не важно, заслуженного или нет?

Под метлой бежали облака, заслоняя части удивительной мозаики из холмов, равнин, кукурузных и тыквенных полей. Тонкие ленты белой полупрозрачной дымки словно ластиком затирали насыщенный красками пейзаж. Что, если направить метлу еще выше, и еще, и еще? Врежется ли она в небесную твердь?

И чего она старается? Можно забыть о Нор, прогнать Лира, оставить няню и махнуть рукой на Дороти и башмачки.

Слева налетел порыв сильного ветра. Ведьму понесло в сторону и вниз, пока вновь между лесами и полями не запетляла золотой змейкой Дорога из желтого кирпича. Надвигалась гроза: горизонт налился фиолетовыми тучами, помрачнел от сероватых полос дождя. Времени почти не оставалось. Тут-то ведьма и заметила кого-то на дороге и пустила метлу в крутое пике. Неужели они? И собираются отдохнуть под той черной ивой? Если так, то сейчас можно будет все и решить...

11

...Когда ведьма очнулась от тяжелого похмелья, гроза давно прошла, и не было никакой уверенности, тот ли это все еще день. Ведьма сомневалась даже, что действительно видела Дороти и ее спутников. Неужели она позволила бы им так легко ускользнуть? Но как бы то ни было, а преследовать девчонку дальше, в сам Изумрудный город, ведьма не осмеливалась. Слишком много влиятельных друзей было у мадам Кашмери при этом прогневшем режиме, а слухи о ее убийстве могли уже добраться и сюда. Кто

знает, может, ведьму уже ищут? Так что о Несенных башмачках, увы, пока надо забыть.

Всю обратную дорогу до Киамо-Ко ведьма почти не останавливалась, разве только спускалась иногда подкрепиться дикими ягодами, орехами и сладкими кореньями. Замок был цел; никто его не спалил. Вооруженные отряды Гудвина все так же скучали у Красной Мельницы. Няня вязала покрывало для своего будущего гроба и составляла список гостей (большинство из которых давно уже отправились в Иную землю) на собственные похороны.

— Да-да, няня, ты совершенно права, было бы замечательно снова увидеть мисс Ключ, — прокричала ведьма в ухо старушке, обнимая ее. — Она мне тоже нравилась. Она была добрее и честнее этой пустышки Глинды.

— Что это ты? — удивилась няня. — Вы ведь были лучшими подругами.

— Эта предательница мне больше не подруга, — заявила ведьма.

— От тебя кровью пахнет, иди помойся, — сказала няня. — У тебя что, время подошло?

— Ты же знаешь, я никогда не моюсь. Скажи лучше, где Лир.

— Кто? — Лир!

— Ах, Лир. Где-то тут. — Няня улыбнулась. — Проверь в колодце.

Теперь это была уже семейная шутка.

— Это что еще за новости? — строго спросила ведьма у Лира, отыскав его в музыкальной комнате.

— Все-таки они были правы — смотри, кого я поймал! Лир показал на золотого карпа, о котором Сарима с сестрами часто говорили, но которого никто толком не видел.

— Вернее, он был уже мертв, когда я его нашел, и я поднял его в ведре — но все равно. Как ты думаешь, мы сможем когда-нибудь рассказать сестрам, что наконец-то его выловили?

В последнее время Лир говорил о Сариме и ее семье, как будто они были призраками и прятались здесь же, в замке, едва сдерживаясь от смеха.

— Будем надеяться, — ответила ведьма, а сама подумала, не вредно ли давать детям несбыточную надежду, не труднее ли им будет потом свыкнуться с правдой? — Как вы тут без меня? Нормально?

— Прекрасно, — ответил Лир. — Но я рад, что ты вернулась.

Она хмыкнула и пошла здороваться с Чистри и его трескучими сородичами.

Ведьма повесила подаренное ей старое зеркало в своей комнате, но старалась не смотреть в него: ей казалось, что она увидит в нем Дороти. Кого-то напоминала ей эта девочка из Канзаса — своей прямоотой, искренностью и непосредственностью. «Неужели Нор?» — думала ведьма, роясь в воспоминаниях. Но с чего бы? Тогда, давно, ведьму совершенно не интересовала судьба Нор, несмотря на то, что мордашка девочки была словно уменьшенной копией лица Фьеро. Помимо Нессарозы и Панин, ведьма не испытывала теплых чувств ни к кому из детей. Это еще сильнее, чем цвет кожи, отчуждало ее от остальных.

«Нет, кого я обманываю, — призналась ведьма, когда ее взгляд помимо воли упал на зеркало. — Кто как не мы сами отражаемся в зеркалах? В этом и есть мое проклятие — Дороти напоминает меня саму в ее возрасте. Как давно это было...»

...Еще в Оввельсе. Вот по квадлинским болотам шагает робкая, неуклюжая зеленая девочка, одетая, чтобы не дай бог не намочить ноги, в кожаные штанишки и резиновые сапоги. Следом вперевалку идет ее мама, беременная третьим ребенком, идет и молится о том, чтобы родить наконец здорового малыша. Она то и дело бросает в грязь пустые бутылки или украдкой сплевывает пережеванные листья иглодольника.

Няня ухаживает за малышкой Нессой, носит ее в люльке на спине, ходит с ней ловить рыбешку, собирать мох и конские бобы. Несса все видит, но не может потрогать — что за пытка для ребенка! Неудивительно, что впоследствии она так твердо уверует в незримое: для нее ничто невозможно проверить на ощупь.

Для очистки совести папа берет с собой зеленокожую дочурку и идет повидать многочисленных родственников Черепашьего Сердца. Их соединенные мостиками шалаши висят на широких, преющих от болотного духа деревьях. Квадлины сидят на корточках, боязливо втягивают головы в плечи, с опаской смотрят на пришельцев. От них и от их жилищ воняет рыбой. Я забыла их лица, помню только одну старуху — беззубую, гордую и важную. Постепенно, поборов робость, они подходят, но не к священнику, а ко мне, зеленокожей девочке. Она уже не я, она осталась там, в далеком прошлом, она — это она, таинственная и непонятная. Она стоит так, как стояла Дороти; какая-то врожденная отвага выпрямляет ее спину, разводит плечи, держит открытыми глаза. Она терпеливо переносит прикосновения чужих пальцев к своему лицу. Держится ради отца и его работы.

Папа просит прощения за смерть Черепашьего Сердца, случившуюся лет пять назад. Он говорит, что виноват. Что он и его жена влюбились в квадлина-стеклодува. Простите меня, говорит отец. Девочка Эльфаба думает, что папа сошел с ума, ей кажется, что квадлины его не слушают, настолько зачарованы они его безумием. Как мне искупить свою вину, спрашивает он.

Только старуха реагирует на его слова; возможно, она здесь единственная, кто помнит Черепашьего Сердца. Она не стыдится своей неряшливости: этот народ еще не обременен правилами приличия. Старуха напряженно всматривается в папу, потом выкрикивает что-то похожее на: «Мы не прощаем, не прощаем!» — и хлещет его камышом по лицу. Я это видела и знаю: с тех пор он точно тронулся умом.

Отец поражен. Для него прежде не существовало непростительных грехов. Он бледнеет как полотно; только из ссадин на лице сочатся капельки крови. Возможно, у старухи были все основания для такого поступка, но для папы она злейшая ведьма.

Я помню ее, гордую и негодующую. Ее мораль не допускает прощения; она в таком же плену, как и папа, но не знает об этом. Старуха грозно скалит беззубый рот, помахивая надломленной камышинкой.

Папа показывает на меня и говорит — не мне, квадлинам: «Разве это не достаточное наказание?»

Маленькая Эльфаба не понимает, что отец — ничтожество и передает свою ничтожность ей. День за днем девочку калечат его презрение и самобичевание. День за днем она любит его в ответ, потому что не может иначе.

Я вспоминаю сейчас эту девочку, которую отец выставял живым свидетельством божьего гнева и любви. Какими круглыми от изумления глазами, прямо как Дороти, смотрит она на слишком жестокий для понимания мир и верит — верит всем своим неопытным и невинным сердцем, — что не всегда ей нести на себе стыд и вину, что есть более древний и могущественный договор, освобождающий от вечного позора. Что кто-то уже принес за нас искупительную жертву. Ни Дороти, ни маленькая Эльфаба, конечно, не смогли бы выразить эту веру словами, но она светится на их лицах...

Перед сном ведьма накапала в ложку содержимое старого зеленого пузырька со словами «Волшебный эли...» на этикетке и проглотила его, надеясь на чудо, на то, что увидит во сне ту сказочную землю, из которой прибыла Дороти. Землю необычную, иную, лежащую не просто за пустынями, а в некоем особом геофизическом — или даже метафизическом — плане. Вот и Гудвин говорит, что он оттуда, и если верить гному, то и для ведьмы этот мир не чужой. Во сне она старалась оглядеться, подметить каждую мелочь, скрывавшуюся по углам видений. Она как будто пыталась заглянуть за край зеркала — и ей это удавалось.

Что же она увидела? Картины мелькали, словно в дрожащем пламени свечи, только сильнее, резче. Люди двигались какими-то рывками. Они были пустыми, бесцветными, одурманенными, сумасшедшими. Монолитами высились, холодные и жестокие здания. Дули порывистые ветры. То и дело появлялся Гудвин, маленький человечек на общем фоне. На окне магазинчика, откуда он понуро вышел, ведьма разглядела какие-то слова. Невероятным усилием воли она заставила себя проснуться и записать их, пока не забыла, но вышла какая-то абракадабра: «Ирландцев не принимаем».

В другой раз ей приснился кошмар. Опять все началось с Гудвина. Он шел по песчаным холмам, поросшим высокой колючей травой, похожей на тот камыш, которым старая квадлинша хлестала Фрекса, — тысячи тысяч травинок, волнующихся на ветру. Вот он спустился с последнего холма и вышел на широкую песчаную гладь, разделся, глянул на карманные часы, словно запоминая этот исторический момент, и потом голый, сутулый пошел дальше. Когда ведьма поняла, куда он направляется, то с криком ужаса попыталась проснуться, но не смогла освободиться от сна. Это был бесконечный мифический океан, и Гудвин входил в него сначала по колено, потом по пояс, затем по грудь. Тут он задержался, поежился от холода, поплескался, а затем продолжил свой путь и скрылся под водой, как когда-то Эль-Фааба скрылась под струями водопада. Океан всколыхнулся, зароптал и с рокотом выплеснул Гудвина на берег. Раз за разом все тяжелее входил Гудвин в воду, и всякий раз океан отбрасывал его обратно. Сколько настойчивости и упорства было в этом старике — неудивительно, что он покориł целые народы. Сон закончился тем, что Гудвина снова выкинуло на берег, и он заплакал от собственного бессилия.

Ведьма проснулась в ужасе, хватая ртом воздух и ощущая соленый привкус во рту. С тех пор она перестала принимать волшебный эликсир, а вместо этого по няниным рецептам и записям в «Гримуатике» приготовила бодрящее снадобье. Если она заснет, то может опять увидеть эту зловещую необоримую водную стихию. Уж лучше совсем не спать.

— Твою маму тоже мучили кошмары, — сказала няня, выслушав ведьму. — Она жаловалась, что видит во сне жестокий город. Она так из-за тебя горевала — из-за твоей кожи, дорогая, не смотри на меня так, какой матери легко объяснять, почему у нее родилась зеленая дочка, — что глотала пилюли, как конфеты, когда ждала Нессарозу. Если бы твоя сестра была жива, она могла бы в какой-то степени винить и тебя за свое несчастье.

— Скажи лучше, няня, откуда у тебя этот пузырек? — спросила ведьма, наклонившись над ее здоровым ухом. — Посмотри на него повнимательнее и постарайся вспомнить.

— На базаре, наверное, купила, у старьевщика какого-нибудь, — невинно ответила няня. — У меня ведь тогда и денежки водились.

«Грешки за тобой водились, вот что, — злобно подумала ведьма и подавила в себе желание грохнуть пузырек об пол. — Как же крепко мы связаны семейными обидами — никак от них не избавиться!»

Прошло несколько недель, и вот как-то вечером Лир прибежал с прогулки весь взволнованный и покрасневший. Ведьма с недовольством услышала, что он продолжает бегать в Гудвинов гарнизон у Красной Мельницы.

— Привезли донесение из Изумрудного города, — захлеб рассказывал он. — К Гудвину пришла девочка по имени Дороти. Представляешь, говорят, она из Иной земли. Пришла вместе со своими друзьями. Гудвин уже много лет никого не принимал, все дела решаются через министров, и многие солдаты даже думают, что он давно умер, а приближенные это скрывают, боятся войны. Но тут вдруг принял, и Дороти с друзьями потом об этом рассказывали.

— Ну и ну, — покачала головой ведьма. — Вся страна только и говорит об этой Дороти. И что там дальше?

— Солдат сказал, они попросили у Гудвина исполнить самые заветные желания. Страшила — это соломенное пугало — попросил мозги, Ник Востр — это железный дровосек — попросил сердце, а Трусливый Лев — смелость.

— А Дороти небось попросила рожок для обуви?

— Дороти попросила, чтобы ее вернули домой.

— Надеюсь, ее желание исполнится. И?...

Тут Лир смутился.

— Нет уж, раз начал рассказывать, так выкладывай все до конца. Appetit мне эти сплетни не отобьют, не волнуйся.

Лир покраснел.

— Солдаты говорят, Гудвин отказал.

— Тебя это удивляет?

— Он сказал, что выполнит их желания, когда... к-когда...

— Это что еще за новости? С каких пор ты снова стал заикаться? Говори нормально, или я тебе всыплю!

— ...Когда Дороти с друзьями тебя убьют, — выдавил Лир. — Солдаты сказали, это за то, что ты умертвила одну престарелую даму в Шизе, очень известную. Они уверены, что ты убийца. И еще что ты сумасшедшая.

— Скорее я их убью, чем они меня, — усмехнулась ведьма. — Никчемные бродяги. Гудвин просто пытался от них избавиться. Не удивлюсь, если он поручил своим штурмовикам прирезать девчонку, как

только страсти о ней поулягутся.

И конечно же, Гудвин отобрал у нее башмачки. Вот досада! Зато до него дошли слухи о покушении на мадам Кашмери. Теперь уже ведьма сама верила в то, что ее убила. Иначе получалась бессмыслица.

Лир замотал головой.

— Солдаты говорят, штурмовики ее и пальцем не тронут, побоятся. Ее считают могущественной феей.

— Что твои солдаты здесь, у черта на рогах, понимают в политике?

Лир пожал плечами.

— Разве тебе не приятно, что сам Гудвин знает, кто ты такая? Ты что, и правда убийца?

— Не важно. Когда вырастешь — поймешь. Или так и не научишься понимать; тогда тем более не важно. Тебя я убивать не стану, если ты об этом. Но почему тебе так удивительно, что меня знают в Изумрудном городе? Только потому, что ты меня не слушаешься и мое мнение в грош не ставишь, весь мир должен относиться ко мне так же? — Но ведьма была польщена. — Знаешь, Лир, если во всех этих слухах есть хоть доля правды, то лучше тебе пока не соваться в Красную Мельницу. Тебя могут поймать и держать в заложниках, чтобы я добровольно сдалась девчонке и ее друзьям.

— Я хочу увидеть Дороти, — сказал Лир.

— Это что еще такое? Неужели гормоны в голову ударили? Надо было тебя подрезать, пока не созрел.

— И никто меня не похитит, не волнуйся. Да и не пойду я в Красную Мельницу, я хочу быть здесь, когда они придут.

— Я и не собиралась волноваться. Похитят — пеняй на себя. Мне же легче — одним ртом меньше.

— Да? А кто тебе будет дрова каждый день наверх приносить?

— Ника Востра найму. У него как раз топор подходящий.

— Как, ты его видела? — разинул рот Лир. — Не может быть!

— Может, может. Кто сказал, что я не вращаюсь в лучших кругах?

— Значит, ты и Дороти видела? — Лир оживился и заблестел глазами. — Какая она собой, расскажи, пожалуйста, тетушка ведьма!

— Сколько раз тебе говорить, чтобы ты не называл меня тетушкой. Ты же знаешь, что мне это не нравится.

Но Лир не отставал, пока ведьма не прошипела:

— Она красивая безмозглая кукла и верит всему, что ей говорят. Если она сюда доберется и ты скажешь, что любишь ее, она и этому поверит. А теперь проваливай, у меня дела!

Лир пошел, но остановился у дверей.

— Лев хочет смелость, Железный Дровосек — сердце, Страшила — мозги, Дороти — попасть домой. А чего хочешь ты?

— Чтобы меня оставили в покое.

— Нет, правда.

Ну как она могла сказать «прощения», да еще и Лиру? В насмешку над ним она начала говорить «душку сына», но осеклась на полуслове, осознав, что это может его обидеть. Результат удивил их обоих. Получилось:

— Душу.

Лир захлопал глазами.

— А ты? — уже тише спросила она. — Что бы ты попросил у Гудвина?

— Отца, — ответил он.

13

Всю ночь ведьма сидела в кресле, думала о том, что сорвалось у нее с языка, и спрашивала себя, не сходит ли она с ума. Разве если не веришь ни в бога, ни в черта, можно верить в душу?

Если вырвать из себя иглы религии, чтобы не жалили при каждом движении, и освободить свое сознание от религиозного меча, — можно ли вообще жить? Или религия нужна человеку, как, скажем, лошади — мельчайшие паразиты, которые живут у нее в желудке и помогают переваривать траву? Участь народов, отказавшихся от религии, не очень-то завидна. Может, религия — это (какая избитая и циничная фраза!) необходимое зло?

Вера помогала Нессарозе и Фрексу. Возможно, это все ложь, и нет на самом деле никакого города в облаках, но разве мечты о нем не вдохновляют?

Быть может, выбрав унионизм, провозгласивший Безымянного Бога, мы подписали себе смертный приговор? Быть может, пора наконец дать Безымянному Богу имя, приблизить его к нашему собственному порочному образу, сделать человечнее, чтобы хотя бы надеяться, что ему есть до нас дело?

Ведь убери из бога все мало-мальски человеческое, и что получится? Пустой ветер. Ветер, у которого есть сила, но нет чувств; ветер, из которого только на представлениях чревоушителей можно услышать голос.

Насколько привлекательнее и понятнее было древнее язычество. Лурлина, едущая по облакам на своей волшебной колеснице, готовая раз в тысячелетие-другое спуститься и вспомнить про нас. Безымянный же Бог из-за своей безымянности не может даже нанести нам визит.

Да и разве узнали бы мы его, постучись он в нашу дверь?

Несмотря на бодрящее снадобье, порой ведьма все-таки проваливалась в сон. Голова ее падала на грудь, а иногда и на стол, и от боли и зубовного лязга ведьма просыпалась. Теперь она подолгу стояла у окна и смотрела на дорогу, хотя и понимала, что Дороти не появится здесь раньше, чем через месяц. Если, конечно, ее еще не убили и не сожгли, как Сариму.

Из солдатской казармы прибежал заплаканный Лир. Сначала ведьма не хотела обращать на него внимания, но любопытство пересилило. Оказалось, один солдат предлагал другим, когда придет Дороти, перебить ее спутников, а саму девочку связать и хорошенько с ней позабавиться.

— Обычные мужские фантазии, не обращай внимания, — отмахнулась ведьма.

Но Лира расстроило другое. Кто-то из сослуживцев донес на этого солдата, его схватили, кастрировали и прибили гвоздями к крылу ветряной мельницы. Теперь его вертело кругами, и птицы клевали еще живое тело.

— Отвратительно, — поморщилась ведьма. — Придумают же люди такое. На добрые дела у них выдумки не хватает.

Жестокость расправы поразила ее. Похоже, Дороти все-таки жива и охраняется чьим-то строжайшим приказом.

Лир прижал к себе Чистри и затрясся в рыданиях. Чистри обнял Лира в ответ, проговорил: «Бяки вояки. Жалко», — и тоже зарыдал.

— Какая милая пара, — восхитилась няня. — С них бы картины писать.

Позже, под покровом темноты, ведьма направилась на метле к Красной Мельнице и окончила страдания солдата.

Почему-то ведьме вспомнился испуганный львенок, которого профессор Никидик показывал на лекции. Сколько шуму она тогда подняла. Или не только она? Если это тот самый лев, выросший трусливым в неволе, тогда ему с ней нечего делить. Она ведь спасла его от жестоких опытов. Разве нет?

Странные они, эти четверо путников. Каждый — загадка. Кто такой Железный Дровосек: механизм, подобный Громмету, или выпотрошенный человек, жертва топора, заколдованного ее сестрой? Тот ли это Дев, которого она детенышем видела в Шизе? Но эти двое еще ладно, с механизмами и Зверями она справится, а Страшила-то кто? Волшебное пугало? Или костюм, в котором прячется хитрый танцор? Почему ей кажется, будто за его нарисованным на грубой мешковине лицом проступают другие, долгожданные и родные черты?

Она зажгла свечу и произнесла вертевшиися у нее на языке слова, словно заклинание. Слова всколыхнули пламя сальной свечки, но произвели ли они еще какое-нибудь действие в этом мире, ведьма так и не узнала. «Фьеро не умер, — шептала она. — Его бросили в тюрьму, но он бежал и теперь возвращается ко мне, в Киаммо-Ко, в облике пугала, потому что не знает, как его здесь примут».

Не всякий придумал бы такой хитрый план!

Ведьма взяла старую рубашку Фьеро, подозвала старого Килиджоя, дала ему ее понюхать и стала

каждый день посылать пса в долину, чтобы, когда путники появятся, Килиджой первым нашел их и проводил в замок.

А в те редкие ночи, когда ее побеждал сон, она видела Фьеро, подходившего все ближе и ближе к замку.

15

Наконец с началом осени наступил тот день, когда над военным лагерем у Красной Мельницы зареяли флаги, а до замка донесся приглушенный рев труб. Кого-то встречали с королевскими почестями, и, судя по всему, это была Дороти.

— Теперь, когда их цель так близка, они там не задержатся, — сказала ведьма. — Беги к ним, Килиджой, покажи кратчайшую дорогу сюда.

Пес побежал, захлебываясь радостным лаем и увлекая за собой остальных собак, счастливых, что могут послужить своей хозяйке.

— Няня! — крикнула ведьма. — Надень чистое платье и смени фартук: вечером к нам придут гости.

Но близился вечер, а ни собак, ни гостей не было. Ведьма поднялась к себе в башню и направила на долину раздвижную зрительную трубу, изготовленную по чертежам профессора Дилламонда. Увиденное заставило ее содрогнуться. Дороти, Лев и Страшила испуганно жались в сторонке, а Железный Дровосек удар за ударом отсекал головы подбегавшим собакам. Вскоре Килиджой и вся его полуволчья стая лежали на дороге, как солдаты на поле боя.

Вне себя от ярости ведьма притащила к себе Лира и дала зрительную трубу.

— Смотри, что они сделали, они убили твою собаку! — визжала она. — Смотри и не говори потом, что я это выдумала.

Да не расстраивайся так, — сказал Лир, но голос его задрожал, когда он навел зрительную трубу на место бойни. — Килиджой был уже старым и скучным и все равно скоро умер бы.

— Идиот! — взревела ведьма. — Неужели не понятно, что ничего хорошего от этой Дороти не будет?

— Не в очень-то ты гостеприимном настроении, — угрюмо заметил Лир.

— Они идут меня убивать, если ты забыл, — сказала ведьма, хотя сама вспомнила об этом только сейчас, когда увидела кровавую расправу над собаками. Вспомнила она и про башмачки. Почему Гудвин не отобрал их у Дороти? Что еще за новые интриги?

Ведьма засуетилась по комнате, стала остервенело листать туда-сюда страницы «Гримуатики». Нашла заклинание, произнесла его, ошиблась, повторила, потом повернулась и попробовала применить его к воронам. Три первые вороны, подаренные Слонихой, давно уже свалились замертво со своей жердочки,

но в замке теперь жили их многочисленные потомки — довольно глупые, зато послушные птицы.

— Летите! — приказала она. — Рассмотрите их хорошенько. Сорвите с пугала маску, чтобы мы узнали, кто это на самом деле. Выключите глаза у Дороти и Льва и доставьте всех ко мне. А вы трое, летите в Тысячелетние степи к княгине Настояе, передайте ей, что близится время решительных действий. «Гримуатика» поможет нам расправиться с Гудвином.

— Ничего не понимаю, — сказал Лир. — Ты не можешь их ослепить.

— Неужели? — оскалилась ведьма. — Это мы еще посмотрим. Вороны грозовой тучей поднялись в воздух и помчались мимо изрезанных утесов вниз, к путникам.

— Красивый закат, правда? — слышался сзади нянин голос. Старуха, как всегда поддерживаемая услужливым Чистри, вышла на редкую прогулку.

— Она послала ворон ослепить гостей, которые идут к нам на ужин, — пожаловался Лир. — А?

— Она хочет ослепить гостей!

— Нуда, нуда. Тогда, наверное, можно не убираться.

— Тихо, вы двое, — прикрикнула ведьма. Она дергалась, как невротик, взмахивала локтями, настраивая зрительную трубу, точно сама была вороной. Когда она навела трубу на долину, то вскрикнула в бессильной ярости.

— Что там, что? Дай посмотреть!

Лир выхватил у нее трубу.

— Видно, Страшила — мастер пугать ворон, — пояснил он няне.

— А что он сделал?

— Не скажу, но вороны сюда больше не вернутся, — ответил Лир и осторожно посмотрел на ведьму, которая от злости не могла вымолвить ни слова.

— Все равно это может быть он, — наконец, тяжело дыша, сказала она. — Так, глядишь, твое желание и сбудется.

— Какое? — не понял Лир.

Он забыл свои слова об отце, а ведьма не стала ему напоминать. Пока ничто не опровергло ее догадку о том, что Страшила — загримированный человек. А если он действительно Фьеро, если Фьеро не умер, то ей не нужно ничье прощение.

Спускались сумерки, а непрошенная компания бойко поднималась на гору. Они шли одни, без сопровождения солдат. Кто знает — может, солдаты действительно думали, что в Киамо-Ко сидит злая и могущественная ведьма?

— Ну, пчелки мои, теперь ваша очередь, — сказала ведьма. — Летите-ка сюда, мои сладкие, нужно кое-кого ужалить, кое-кого цапнуть, кое-кого укусить. Да не нас, дураки, дослушайте сначала. Девчонку, которая поднимается вон там, на дороге. Она охотится за вашей королевой-маткой. Всыпьте ей хорошенько, чтоб небо с овчинку показалось. А потом, когда закончите, я спущусь и заберу башмачки.

— О чем это она болтает? — спросила няня у Лира.

Подчиняясь ведьминому приказу, пчелы огромным черным роем вылетели из окна.

— Смотрите вы, я не могу, — сказала ведьма.

— Какая красивая луна, прямо персик, — сказала няня, поднеся зрительную трубу к своему

затяннутому катарактой глазу. — Давай посадим в саду персиковые деревья, а то все эти яблони да яблони.

— Пчелы, няня, на пчел смотри. Нет, я не могу! Лир, забери у нее трубу и скажи, что там происходит.

Лир взял трубу и повел живой репортаж.

— Вот они, летят, как рассерженный джинн: впереди большое темное тело, а сзади вьется тоненький хвостик. Путники их увидели. Они в ужасе. Но что это? Страшила вытаскивает солому из-под кафтана и штанов и накрывает ею Дороти со Львом и еще маленькую собачку. Теперь пчелы до них не доберутся. Выпотрошенный Страшила лежит на земле.

— Что?! Невозможно! — Ведьма выхватила у Лира зрительную трубу. — Все ты врешь!

Но он не обманывал. Под одеждой у Страшилы действительно не было ничего, кроме соломы да воздуха. Никакого скрытого любовника. Никакой надежды на спасение.

Не найдя на дороге никого, кроме Железного Дровосека, пчелы набросились на него, обломали жала о железное тело и черными, будто обугленными трупиками попадали к его ногам.

— В изобретательности нашим гостям не откажешь, — сказал Лир.

— Замолкни, пока я тебе язык узлом не завязала.

— Пойду я, пожалуй, приготовлю перекусить, — сказала няня. — От твоих козней наши гости наверняка проголодались. Как вы думаете, что лучше: творог с вареньем или свежие овощи с перечным соусом?

— Я за творог, — сказал Лир.

— А ты, Эльфаба?

Ведьма не ответила — она шелестела страницами «Гримуатики».

— Снова на меня все сваливаете. Уж, казалось бы, дожила до того возраста, когда можно и отдохнуть, но нет, приходится делать за вас всю работу. А я что? Мое дело десятое.

— А мое — двадцатое, — откликнулся Лир.

— Да пощадите же мои уши! Иди, няня, иди, куда собралась. Нет-нет, Чистри, ты останься, пусть идет одна. Ты мне понадобишься.

— Конечно, пускай я упаду и разобьюсь до смерти, спасибо, — проворчала няня. — Будешь за это есть творог.

— Скоро совсем стемнеет, — обратилась ведьма к Чистри, — и наши гости упадут в какую-нибудь пропасть и разобьются. Бедняжки. За дровосека и пугало можно не беспокоиться, одного снова набьют соломой, другого залатают умелые кузнецы, — пусть падают. Но доставь мне Дороти и Льва. У девчонки мои башмачки, а со Львом мы старые знакомые, нам будет, о чем поговорить. Справишься?

Чистри сощурился, кивнул, помотал головой, пожал плечами, сплюнул.

— Так попытайся, что толку гримасничать? Бери своих дружков — и вперед. Ну как, доволен? — повернулась она к Лиру. — Видишь, я просила не убивать их, а сопроводить сюда как гостей. Заберу у Дороти башмачки, и пусть она катится, куда хочет. А я возьму «Гримуатику» и уйду жить в какую-нибудь пещеру. Ты уже достаточно взрослый, чтобы сам о себе заботиться. Хватит с меня! Прощение выдумала, тоже. Что?

— Они идут тебя убить, — напомнил Лир.

— Да. А ты небось ждешь не дождешься?

— Я тебя защищу, — неуверенно сказал он. — Только не проси меня навредить Дороти.

— Иди лучше накрывать на стол и скажи няне, чтоб приготовила овощи вместо творога. Иди же, слышишь? — Ведьма замахнулась метлой. — Сказала иди — значит иди.

Оставшись одна, ведьма без сил рухнула на стул и обхватила голову руками. Толи этой четверке до сих пор сопутствовала удивительная удача, то ли зря они просили у Гудвина мозги, сердце и смелость — всего этого им и так хватало. Очевидно, она выбрала неправильную тактику: надо было принять девочку по-хорошему, спокойно объяснить ей, что происходит, и забрать башмачки. С ними, заручившись поддержкой княгини Настойи, можно было выступать против Гудвина. Ну или хотя бы спрятать башмачки вместе с «Гримуатикой» так, что Волшебник их в жизни не найдет.

Но теперь, после гибели стольких слуг, в груди у ведьмы klokотала холодная ярость. Мысли путались, и она уже не знала, что сделает, когда окажется лицом к лицу с Дороти.

16

Лир и няня с застывшими улыбками стояли возле ворот замка, когда с неба во двор спустились летучие обезьяны и, плохо рассчитав, бросили свою ношу на камни. Лев взвыл от боли и головокружения. Дороти села, прижимая к себе собачку, и спросила:

— Где мы?

— Добро пожаловать, дорогие гости, милости просим. — Няня сделала реверанс.

— Наше почтение. — Лир начал отвешивать сложный поклон, запутался и свалился в бочку с водой.

— Вы, наверное, устали за долгий путь, — продолжала няня. — Может, хотите что-нибудь выпить перед ужином? Правда, выбор у нас небогат, вы уж не обессудьте.

— Это Киамо-Ко. — Пунцовый от стыда Лир выбрался из бочки-. — Главный арджиканский замок.

— Это все еще земля мигунов? — беспокойно спросила Дороти.

— Что она говорит, ничего не слышу? — повернулась няня к Лиру.

— Наша страна называется Винкус, а ее жители — винки, — пояснил Лир. — Мигуны — это обидное прозвище.

— Ой, простите, пожалуйста, я не хотела никого обидеть.

— Какая вы красивая девочка, — умилилась няня. — И ручки-ножки-то у вас на месте, и кожа правильного цвета.

— Меня зовут Лир, — представился паренек. — Я здесь живу. Это мой замок.

— А меня — Дороти. Я очень боюсь за своих друзей, Железного Дровосека и Страшиллу. Они могут сбиться с пути в темноте. Прошу вас, помогите им.

— За ночь с ними ничего не случится, а утром я найду их и приведу сюда. Я сделаю все, что в моих силах. Обещаю.

— Благодарю вас. В этой стране все так добры. Ой, Левушка, Лева, ты как? Совсем плохо?

— Если бы бог хотел, чтобы львы летали, он посадил бы их в воздушные шары, — проворчал тот. — Когда мы летели над пропастью, в ней остался весь мой обед.

— Пожалуйста, проходите, — щебетала няня. — Уж как мы вас ждали. Я все пальцы стерла, угодить старалась. Чем богаты, как говорится. Так уж у нас в горах заведено: гость во двор — хлеб-соль на стол. Пройдемте, сначала умоетесь, а потом к столу.

— Спасибо, но мне нужно увидеть Западную ведьму. Западную ведьму, говорю! Простите, что доставила столько хлопот. У вас очень красивый замок. Если на обратном пути буду проходить мимо, то обязательно к вам загляну.

— Ведьма здесь тоже живет, вместе с нами, — сказал Лир. — Вы ее скоро увидите, не волнуйтесь.

Дороти побледнела.

— Правда?

— Правда, правда, — провозгласила ведьма, стремительно спускаясь с крыльца и волоча за собой метлу. — Молодец, Чистри, хорошо сработано. Приятно видеть, что не все мои усилия пропали даром. Так ты и есть Дороти? Дороти Гейл, чей домик имел наглость раздавить мою сестру?

— Вообще-то, строго говоря, это не мой домик, — возразила девочка. — Он даже не принадлежит моей тетушке Эмилии и дядюшке Генри, кроме трубы и пары окон. Формально им владеет Первый государственный банк фермеров и механизаторов в городе Уичито. То есть если вы хотите пожаловаться, то обращайтесь к ним. Очень хороший банк.

— Меня не интересует, кто владеет домом, — сказала ведьма с поразительным спокойствием. — Я предпочитаю факты. До твоего прибытия моя сестра была жива, а теперь — нет.

— Да, и вы даже не представляете, как мне жаль, — поспешила заверить ее Дороти. — Честное слово. Если бы я могла, то никогда бы этого не допустила. Мне тоже очень было бы обидно, если бы на тетушку Эмилию упал чей-то дом. Однажды на нее свалилась доска с крыши над крыльцом, так она весь день потом проходила вот с такой шишкой на голове и пела гимны во славу господи.

Дороти поднялась, подошла к ведьме и взяла ее за руки.

— Я вам очень сочувствую, правда, — сказала она. — Я знаю, каково это — потерять близких. Я лишилась родителей, когда была маленькой, но я помню.

— Прочь от меня, — шикнула ведьма. — Терпеть не могу лживых чувств. У меня от них мурашки по коже.

Но девочка не отходила. Она держала ведьму за руки и с мольбой заглядывала ей в глаза.

— Пусти же!

— Вы очень любили свою сестру? — спросила Дороти.

— Это не важно.

— Потому что я очень любила мамочку, и когда они с папой пропали в море, я думала, что не переживу этого.

— Что значит пропали в море? — спросила ведьма, оттолкнув от себя прилипчивую девочку.

— Они поплыли в Старый свет навестить мою больную бабушку, которая лежала при смерти, но разразилась буря, корабль переломился пополам и пошел ко дну. И все, кто был на борту, утонули. Каждая живая душа.

— Так у них были души? — осведомилась ведьма, ужаснувшись от одной мысли о корабле посреди такого количества воды.

— И все еще есть. Это единственное, что у них осталось.

— Да не липни ты так ко мне. Пошли ужинать.

— Пойдем, Лева, — сказала Дороти.

Лев нехотя поднялся на свои большие мягкие лапы и пошел следом.

«Превратили замок в ресторан какой-то, — возмущенно подумала ведьма. — Что, может, теперь сгонять летучих обезьян к Красной Мельнице за скрипачом? Какая она все-таки странная для убийцы».

Ведьма стала придумывать, как обезоружить девочку. Только какое у нее оружие, кроме прилипчивости и детской наивности?

За ужином Дороти расплакалась.

— Что, ей не понравился творог? Она хотела овощи? — забеспокоилась няня.

Девочка не ответила. Она закрыла лицо руками, и ее плечи затряслись от рыданий. Лир хотел подсесть к ней, обнять и утешить, но ведьма строгим взглядом приказала ему оставаться на месте. С досады он громко стукнул чашкой по столу и расплескал молоко.

— Здесь у вас очень хорошо, — шмыгнув носом, сказала Дороти, — но я так переживаю за дядю Генри и тетю Эмилию. Стоит мне на самую чуточку задержаться из школы, и дядя уже волнуется, а тетя, бывает, так рассердится...

— Все они такие, — вздохнул Лир.

— Ешь. Кто знает, когда ты в следующий раз сядешь за стол, — посоветовала ведьма.

Дороти послушно взялась за ложку, но не выдержала и снова заплакала. Начал всхлипывать и Лир. Песик просил еду со стола, напоминая ведьме о ее недавней потере. Килиджой... Килиджой, проживший с ней восемь лет, Килиджой, чей обезглавленный, облепленный мухами труп лежит теперь на горной дороге. Погибли и все его потомки, и вороны, и пчелы, но Килиджоя ведьме было жалче всего.

— Зажгу-ка я свечку, — предложила няня.

— Свечку, печку, гречку, — согласился Чистри.

Старуха поднесла к фитилю огонь, чтобы развеселить Дороти, пропела ей поздравительную песенку, какие поют надень рождения. Никто не подхватил.

Сидели молча. Ела одна няня. Лир то краснел, то бледнел, а Дороти отрешенно смотрела в одну точку на столе. Ведьма любовно поглаживала столовый нож.

— Что со мной теперь будет? — спросила Дороти жалобным голосом. — Зачем я только сюда пришла?

— Няня, Лир, ступайте на кухню, — сказала ведьма. — И заберите с собой Льва.

— Что эта злюка говорит? — спросила няня у Лира. — И почему девочка плачет? Еда не понравилась?

— Я Дороти не брошу, — заявил Лев.

— Ты что же, мне не доверяешь? А ведь мы с тобой знакомы. Ты был тем львенком, на котором ставили опыты в Шизе, не так ли? Я за тебя тогда заступилась. Будешь себя хорошо вести — еще чем-нибудь помогу.

— Не нужна мне твоя помощь, — презрительно скривился Лев.

— Понимаю. Зато ты можешь кое-чему меня научить. Например, дан ли Зверям разум от природы или зависит от воспитания. И если зависит, то насколько. Ты ведь рос один, сиротой? А потом я заберу «Гримуатику», эту проклятую рукопись, этот памятник древности, этот «Молот ведьм», этот «Некрономикон», и уйду отсюда, а ты будешь меня охранять.

Лев вдруг так рывкнул, что все, даже Дороти, подпрыгнули на стульях.

— Похоже, будет гроза, — озабоченно сказала няня, глянув в окно. — Пойти, что ли, снять белье.

— Я сильнее тебя, — угрожающе рычал Лев. — И Дороти одну с тобой не оставлю.

Ведьма молнией нагнулась и подхватила с пола собачку.

— На, Чистри, пойди брось его в колодец, — сказала она.

Чистри недоуменно посмотрел на хозяйку, но взял повизгивающего Тото под мышку и направился к дверям.

— Нет, нет, не надо! — вскрикнула Дороти. — Спасите его! Лев сорвался с места и бросился за обезьяной. Дороти тоже поднялась, но ведьма схватила ее за руку.

— Закрой дверь на кухню, Лир, — приказала она. — Чтобы нас не потревожили.

— Пожалуйста, не обижайте Тотошку, — плакала Дороти. — Он ведь ничего плохого вам не сделал. Пожалуйста, я сделаю все, что вы скажете, только верните мою собачку. — Она повернулась к Лиру. — Спасите его, умоляю. У Льва не получится.

— Что, уже нести десерт? — оживилась няня. — У нас есть пудинге карамельной подливкой. Пальчики оближешь.

Ведьма потянула Дороти клестнице. Неожиданно Лир подбежал и схватил девочку за другую руку.

— Отпусти ее, старая карга.

— Честное слово, Лир, — устало вздохнула ведьма. — Ты выбираешь самое неудобное время, чтобы проявлять характер. Не позорь своей показушной храбростью ни меня, ни себя.

— Обо мне не беспокойся, лучше спаси Тото, — сказала Дороти. — Ах, Лир, пожалуйста, что бы ни случилось, позаботься о Тото. Ему нужен дом и добрый хозяин.

Лир нагнулся к ней и поцеловал. Дороти отшатнулась к стене от изумления.

— Господи, — простонала ведьма. — За что мне такое наказание?

Ведьма втокнула Дороти в свою комнату и заперла за собой дверь. После долгой бессонницы голова шла кругом.

— Зачем ты сюда пришла? — спросила она у девочки. — Только честно, я требую правды. Смотри мне в глаза. Отвечай. Верны ли слухи, что ты шла меня убить? Или, может, ты принесла мне сообщение от Гудвина? Готов ли он обменять книгу на Нор? Волшебство на девочку? Говори! Или — о, я знаю! — он поручил тебе украсть у меня книгу? Так?

Дороти только пятилась от нее, искала глазами выход. Пару раз ее взгляд останавливался на открытом окне, но из него не выпрыгнешь — слишком высоко.

— Говори! — приказала ведьма.

— Я совсем одна в незнакомой стране. Пожалейте меня.

— Ты пришла убить меня и похитить «Гримуатику»?

— Я не понимаю, о чем вы.

— Во-первых, снимай башмачки, они мои. Потом будем разговаривать дальше.

— Не могу, они не снимаются. Глинда их как-то заколдовала. Я уже не рада, что их взяла. У меня так носки пропотели, вы даже не представляете.

— Хватит болтать, давай башмачки. — Ведьма хищно оскалилась. — Гудвин все равно их у тебя отнимет.

— Да не могу же, смотрите, вот, я пытаюсь! — Дороти надавила носком одного башмачка на пятку другого. — Видите, не слезает. Правда! Честно! У меня их еще император Гудвин просил, и я бы с удовольствием... но они еще тогда застряли. Не знаю почему: то ли они слишком узкие, то ли у меня нога подросла.

— У тебя нет никакого права на эти башмачки, — прошипела ведьма.

Она ходила вокруг Дороти сужающимися кругами. Та пятилась, наткнулась на стул, на стол, взмахнула руками, сбросила улей и раздавила показавшуюся пчелу-матку.

— Ты отняла все, что у меня было, все до последнего, — цедила ведьма сквозь зубы. — Моя сестра погибла, звери тоже, Лир готов предать меня ради одного твоего поцелуя. Ты сеешь смерть везде, где только появляешься, — и ты еще только девочка! Как ты мне напоминаешь Нор. Она думала, что мир волшебный, — и погляди, что с ней стало.

— А что? Что с ней стало? — ухватилась Дороти за возможность выиграть время.

— Испытала волшебство на себе. Ее похитили и бросили в тюрьму.

— Вот и вы меня похитили, а я ни в чем не виновата. Сжальтесь надо мной!

Ведьма схватила Дороти за руку.

— Никто тебя не похищал, дура несчастная! Ты сама сюда пришла, чтоб меня убить.

— Я не шла никого убивать, — прохныкала Дороти, съежившись от страха.

— А может, ты Наместница? — осенило ведьму. — Ага, вот оно! Третья Наместница! Глинда, Нессароза и ты. Угадала? Что, мадам Кашмери уговорила тебя служить тайному хозяину? А? Признавайся! Ты Наместница?

— Какая я наместница? — Дороти чуть не плакала. — Мне на место бы вернуться, в Канзас, больше я ни о чем не прошу.

— Или ты — моя душа; пришла меня разыскивать? Да, да, я чувствую, так и есть. Знай же, я этого не потерплю! Не нужна мне никакая душа, с душой дается вечная жизнь, а я и от этой уже устала.

Ведьма вытолкала Дороти обратно на лестницу, поднесла метлу веником к свече. Прутья запылали.

Снизу по лестнице поднималась няня. Ее поддерживал Чистри. В другой руке он нес на подносе несколько порций пудинга.

— Шум, крик, гам, — бормотала старуха себе под нос. — Няня не выдержала, няня слишком стара. Заперла их в кухне — пусть там посидят. Звери, дикари.

Снизу послышался собачий лай, лвиный рык и голос Лира: «Не бойся, Дороти, мы идем!» Несколько глухих ударов, потом треск, грохот — кухонная дверь сорвалась с петель. Ведьма повернулась, лягнула няню и сбросила ее с лестницы. Старуха с оханьем и причитанием покатила по ступенькам, сбила Лира и Льва. За ней спешил перепуганный Чистри.

— Наверх, наверх! — кричала ведьма. — Я расправлюсь с тобой раньше, чем ты до меня доберешься!

Дороти вырвалась, побежала от ведьмы вверх по винтовой лестнице, к единственной двери, которая вела на крышу. Ведьма мчалась следом. Нужно было успеть прежде, чем к Дороти подоспеет помощь. Отобрать башмачки, взять «Гримуатику», плюнуть на Лира и Нор и бежать. Книгу и башмачки она сожжет, а сама скроется в горных пещерах.

Когда ведьма вышла на крышу, маленькая, едва различимая в ночной темноте фигурка девочки сжалась у парапета. Ее тошнило.

— Ты так и не ответила на мой вопрос, — крикнула ведьма, поднимая обращенную в факел метлу. Между зубцами парапета ожили и заплясали тени. — Ты пришла меня убить, и я имею право знать — зачем?

Ведьма захлопнула за собой дверь. Щелкнул замок. Дороти всхлипнула.

— О тебе говорят по всей стране! Думаешь, я не знаю, что Гудвин запретил тебе возвращаться без доказательств моей смерти?

— Это правда, — ответила Дороти. — Но я не за этим сюда пришла.

— А за чем же? — Ведьма направила на нее горящую метлу. — Говори, меня не обманешь, у тебя на лице все написано. Говори, и я с тобой покончу. В наше время если не убиваешь ты, убивают тебя.

— Я не смогла бы вас убить, — сквозь слезы объясняла Дороти. — Я и сестру вашу раздавила совершенно случайно, с тех пор места себе не нахожу. Какая из меня убийца?

— Очень мило, — хмыкнула ведьма. — Красиво и трогательно. Так зачем же ты явился?

— Меня действительно послал к вам Гудвин и приказал покончить с вами, но я не собиралась его слушаться.

Ведьма поднесла горящую метлу ближе, напряженно всматриваясь в лицо девочки.

— Когда мне сказали... что я раздавила вашу сестру... и что теперь нужно идти сюда... для меня это было как приговор... я не хотела... а потом подумала, что если друзья мне помогут, то я приду... и скажу...

— Что? Что ты скажешь? — не выдержала ведьма.

— Я скажу... — Девочка выпрямилась, сжала зубы, храбро посмотрела на ведьму. — Я скажу: «Пожалуйста, простите мне этот несчастный случай, простите смерть вашей сестры, потому что сама я никогда себя не прошу!»

Ведьма взревела от ярости. Она не верила своим ушам. До чего же подло устроен мир! Ее, не прошенную Саримой, теперь просила о прощении дрянная девчонка. Просила о том же, о чем так давно мечтала ведьма, — об освобождении. Но как дать другому то, чего у тебя нет?

Она закрутилась на месте, раздираемая противоположными чувствами. Горящий прутик отломился от метлы и упал на ее платье. Огонь лизнул ноги, жадно пожирая самую сухую ткань во всем Винкусе.

— Да прекратится когда-нибудь этот кошмар! — взвизгнула Дороти, подхватила ведро с дождевой водой, внезапно освещенное вспышкой пламени, и с криком «Я вас спасу!» окатила ведьму водой.

Мгновение адской боли, потом бесчувственность. Мир раскололся пополам: снизу плясал огонь, сверху лилась вода. Если у ведьмы была душа, она получала два крещения разом. Прежде чем проститься друге другом, тело извиняется перед душой за свои ошибки, а душа перед телом за то, что сидела в нем без спросу.

В меркнувшем свете кружатся призрачные лица. Вот мама накручивает волосы на палец; вот Несса, прямая и бледная, как выцветшая доска; вот погруженный в раздумья папа; вот Панци, здоровый, но еще не обретший себя. Лица пляшут, меняются, превращаются в другие. Вот няня, какой она запомнилась с детства: ехидная и любопытная; вот мисс Ключч, и мисс Вимп, и другие опекуны расплываются теплым заботливым светом. На их месте появляется Бок — юный, честный, влюбленный, но в то же время гордый, балагуры Кроп с Тиббетом, заносчивый Эврик, жадная до почестей Глинда в своих пышных нарядах.

На смену им приходят те, чья история уже кончилась: Манек, мадам Кашмери, профессор Дилламонд и, конечно же, Фьеро, чьи вытатуированные ромбы переливаются голубой водой и синим пламенем. А также те, чья история оборвалась незавершенной: княгиня скроулян Настояя, которая не подросла на помощь, и загадочный найденыш Лир, рвущийся из Киаммо-Ко. И Сарима, несмотря на гостеприимство, отказавшаяся простить, и ее сестры, и дети, и прошлое, и будущее...

И те, кто пал от руки Гудвина, как Килиджой. И сам Гудвин, жалкий неудачник в своем мире и могущественный властитель в чужом. И старуха Якль, кем бы она ни была, и загадочные Наместницы, если они существовали, и гном, у которого и имени-то не было.

И странные спутники Дороти, неполноценные существа, чудом связанные единой целью: трусливый Лев, соломенное чучело, искалеченный дровосек. На миг приближались они из тени и выходили на свет, а затем снова спешили назад.

И наконец богиня даров дотянулась к ней сквозь воду и огонь. Она что-то говорит, утешает, только слов не разобрать...

В ночь смерти Западной ведьмы над Тысячелетними степями, поднималась луна. Арджиканцы встретились со скроулянами, чтобы заключить военный союз против скапливающихся у Кембрийского ущелья войск Гудвина. Миротлюбивые юнаматы отказались примкнуть к альянсу. Княгиня Настояя и арджиканский вождь решили отрядить делегацию к ведьме и просить совета и поддержки. Пока они поднимали кубки за ее здоровье, птицы рухх, эти ночные охотники, напали на посланных ведьмой ворон и пожрали их.

Луна ласкала переливчатым светом склоны Великих Кельских гор, селила серебристые тени в долины Малых Кельских гор. В Кислых песках вылезли на охоту скорпионы, в пустыне Турск спаривались в своих логовах скарки. В Квоновом алтаре служители секты столь тайной, что у нее не было даже названия, вышли на ночную молитву душам умерших, полагая, как это свойственно столь многим, что умершие обладали душой.

В лягушачьих болотах Квадлинии ночь прошла тихо, если не считать несчастного случая в Кхойре. Одичавший Крокодил пробрался в детскую и напал на малыша. Крокодила убили и сожгли вместе с трупиком ребенка под причитания и проклятия.

В Гилликине банки приумножали деньги, заводы приумножали товары, торговцы приумножали любовниц, студенты приумножали знания, а механические слуги встречались в доме, который когда-то был знаменитым «Приютом философа», и слушали, как освобожденный Громметик призывает к классовой революции. Леди Глинда плохо спала: все зябла и мучилась тоской по чему-то невыразимому. Наверное, думала она, это признаки подагры, надвигающейся от кулинарных излишеств. Она встала, зажгла свечку и полночи бесцельно просидела у окна. Но вот луна добралась до Гилликина, и Глинда отодвинулась, почувствовав на себе ее осуждающий взгляд.

Луна перебралась через пояс приземистых Мадленовых холмов, оглядела Зерновой край, заглянула в окна Кольвенского замка. Фрекс спал и видел во сне Черепашье Сердце и Мелену, конечно же, Мелену, которая готовит ему завтрак перед сражением против порочных Часов. Мелена, квинтэссенция красоты, огромная, как целый мир, дарящая ему смелость, отвагу и любовь. Фрекс едва шелохнулся, когда в комнату на цыпочках вошел только что вернувшийся с тайного свидания Панци. Он сел возле кровати и смотрел на отца, пытаясь разобраться, спит тот или нет.

— Но зубы? — сквозь сон проговорил Фрекс. — Зубы-то почему?

— Кто его знает? — ласково ответил Панци, не поняв сонного бормотания.

А в Изумрудному городе? Там луна осталась незамеченной: слишком ярко светили фонари, слишком взвинчены были жители — никто и не смотрел на небо. В комнатенке, на удивление маленькой и пустой для столь могущественного человека, бессонный Гудвин вытер вспотевший лоб и снова спросил себя, долго ли еще ему будет способствовать удача. Этот вопрос он задавал себе вот уже сорок лет, всякий раз надеясь, что успех достался ему заслуженно. Но сейчас он слышал, как мыши подгрызают фундамент дворца. Прибытие девочки из Канзаса было повелением ему возвращаться: достаточно одного взгляда на ее лицо, чтобы это понять. Дальше искать «Гримуатику» бессмысленно. Ангел мщения пришел за ним и зовет домой. Там, в родном мире, терпеливо поджидает самоубийство, а за эти сорок лет Гудвин узнал

достаточно, чтобы успешно его совершить.

Весть о гибели Западной ведьмы облетела всю страну. Говорили, что это политический заказ, тщательно спланированное убийство. Рассказу Дороти никто не верил: называли его в лучшем случае самообманом, в худшем — наглой ложью. Но что бы это ни было — убийство или несчастный случай, — оно помогло избавить страну от ненавистного диктатора. Вот как это произошло.

Напуганная содеянным Дороти вместе со Львом, Страшилой, Железным Дровосеком и Лиром вернулась в Изумрудный город. Там состоялась ее вторая знаменитая встреча с Гудвином. Возможно, Волшебник снова пытался снять с нее башмачки, а девочка перехитрила его, вняв предупреждениям ведьмы, — мы об этом не знаем. Но она должна была представить Гудвину доказательства, что действительно была в Киамо-Ко. Метла обгорела до неузнаваемости, тащить с собой «Гримуатику» казалось слишком неудобным, так что Дороти принесла зеленый пузырек, на этикетке которого все еще читались буквы «Волшебный эли...».

Говорят, когда Гудвин увидел его, то ахнул и схватился за сердце. Говорят... Впрочем, эту историю излагают по-разному, в зависимости от рассказчика и предпочтений слушателя. Доподлинно известно только то, что вскоре после встречи с Дороти Гудвин сбежал из дворца — сбежал так же, как и прибыл: на воздушном шаре, всего за несколько часов до того, как взбунтовавшиеся министры намеревались устроить переворот и казнить Волшебника без суда и следствия.

Много глупостей говорилось о том, как Дороти покинула страну Оз. Некоторые утверждают, что она осталась и, как прежде Озма, терпеливо ждет, когда нужно будет снова выйти на свет. Другие настаивают, что девочка вознеслась к небесам, как святая, помахивая передником и прижимая к себе дурацкую собачонку. Лир растворился в людском океане Изумрудного города разыскивать свою единокровную сестру Нор и на время пропал из виду.

Никто не знает, что стало с башмачками, но о них помнят и говорят, что они завораживали своей красотой. Их искусные подделки от известнейших башмачников так никогда и не вышли из моды. Башмачкам приписывались волшебные свойства, поэтому они, будто мощи святых, начали размножаться с удивительной быстротой, чтобы удовлетворить людской спрос.

Ну а ведьма? Увы, в ее истории нет счастливого конца, нет послесловия. О том, что выходит за пределы жизни, нам, к сожалению — а может, и слава богу, — поведать нечего. Она умерла, покинула этот мир, оставив после себя лишь молву о своем былом злодействе.

— Там злая ведьма навсегда и осталась.

— И не вылезла?

— Пока что нет...

See more books in <http://www.e-reading.ws>